

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
НАУКА 4 *2022*

POLITICAL SCIENCE (RU)

Москва
2022

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт научной информации по общественным наукам РАН

Редакционная коллегия

Е.Ю. Мелешкина – д-р полит. наук, *главный редактор*, заведующая отделом политической науки ИНИОН РАН; **В.С. Авдонин** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН; **Г. Вольман** – д-р юрид. наук, профессор Университета им. Гумбольдта (Германия); **Д.В. Ефременко** – д-р полит. наук, заместитель директора, руководитель Центра социальных научно-информационных исследований ИНИОН РАН; **О.И. Зазнаев** – д-р юрид. наук, заведующий кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета; **М.В. Ильин** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **О.Ю. Малинова** – д-р филос. наук, *заместитель главного редактора*, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **П.В. Панов** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник Пермского научного центра Уральского отделения РАН; **С.В. Патрушев** – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН; **Ю.С. Пивоваров** – академик РАН, научный руководитель ИНИОН РАН; **И.А. Помигуев** – канд. полит. наук, *ответственный секретарь*, научный сотрудник ИНИОН РАН; **А.И. Соловьёв** – д-р полит. наук, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. Ломоносова; **Р.Ф. Туровский** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **Ж. Фаварель-Гарриг** – PhD (Pol. Sci.), ведущий научный сотрудник Центра международных исследований (CNRS) (Франция); **Цуй Вэнь И** – PhD (International Politics), профессор Ляонинского университета (Китай); **П. Чейсти** – PhD (Pol. Sci.), профессор Оксфордского университета (Великобритания)

Редакция журнала

Главный редактор: д-р полит. наук *Е.Ю. Мелешкина*

Заместитель главного редактора: д-р филос. наук *О.Ю. Малинова*

Ответственный секретарь: канд. полит. наук *И.А. Помигуев*

Научные редакторы: канд. полит. наук *И.Ю. Окунев*, канд. геогр. наук *М.Н. Шестакова*

Литературный редактор: *Д.О. Растегаев*

Технические редакторы: канд. филос. наук *В.Л. Силаева*, *П.С. Копылова*

Издание рекомендовано **Высшей аттестационной комиссией** Министерства образования и науки Российской Федерации и включено в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» по политологии.

Журнал включен в **Russian Science Citation Index (RSCI)** на платформе **Web of Science**. Издается при участии **Российской ассоциации политической науки (РАПН)**.
ISSN 1998-1775 **DOI: 10.31249/poln/2022.04.00**

POLITICAL SCIENCE (RU)

Political science (RU) is one of the key Russian periodicals dedicated to the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers. The journal is quarterly **published by the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)** and with the assistance of the **Russian Political Science Association (RAPN)**.

The journal always pays attention to the actual situation in the political science in general and its trends, as well as to the overview and analysis of up-to-date scientific achievements. Articles and other materials dedicated to the methodology are featured in the journal. Informational and research & information sources (abstract reviews, synopses, book reviews, etc.), materials from other periodicals and results obtained by various think tanks and institutes are always published in **Political science (RU)**.

Political science (RU) is included in the list of the academic journals recommended by the **High Certification Commission (VAK)** of the Ministry of Education and Science of Russian Federation. The journal is also in the list of the **Russian Science Citation Index** database of the **Web of Science** platform.

Editorial Board

Editor-in-Chief – **Elena MELESHKINA**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Head of Political Science Department, INION RAN (Moscow, Russia); **Deputy Editor-in-Chief** – **Olga MALINOVA**, Dr. Sci. (Philos.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Executive secretary** – **Ilya POMIGUEV**, Cand.

Sci. (Pol. Sci.), research fellow, INION RAN (Moscow, Russia); **Vladimir AVDONIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, INION RAN (Moscow, Russia); **Hellmut WOLLMANN**, Dr. Sci. (Law), Prof., Humboldt-Universität zu Berlin (Berlin, Germany); **Dmitry EFREMENKO**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), deputy director, INION RAN (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV**, Dr. Sci. (Law), Prof., Head of Political Science Department, Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Mikhail ILYIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Petr PANOV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, Department of Research of political institutions and processes, Perm Scientific Center of the Ural Branch Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Sergey PATRUSHEV**, Cand. Sci. (Hist.), leading researcher, Head of Comparative Political Studies Department, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Yuriy PIVOVAROV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Supervisor, INION RAN (Moscow, Russia); **Aleksandr SOLOVYEV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Political Analysis Department, Faculty of Public Administration, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); **Rostislav TUROVSKY**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Gilles FAVAREL-GARRIGUES**, PhD in political science, Senior research fellow, CNRS, CERI (Paris, France); **Qu WENYI**, PhD in International Politics, Prof., School of International Studies, Liaoning University (Shenyang, China); **Paul CHAISTY**, PhD, Prof., University of Oxford (Oxford, United Kingdom).

**ТЕМА НОМЕРА:
НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ**

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем номер 9

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

<i>Фартышев А.Н.</i> Количественные методы в российских геополитических исследованиях	18
<i>Панкевич Н.В.</i> Государство в политическом пространстве и пространственность альтернативных политических форм	41
<i>Колосов В.А., Зотова М.В.</i> Фрагментация политического пространства и динамизм современной системы границ.....	67
<i>Окунев И.Ю.</i> Географический фаворитизм партий и избирательных систем	90

КОНТЕКСТ

<i>Кузнецов А.В.</i> Разнообразие возможных центров силы нового мироустройства.....	107
<i>Евстафьев Д.Г., Межевич Н.М.</i> Поствестфальский суверенитет в постглобальном мире	121

ИДЕИ И ПРАКТИКА

<i>Шматкова Л.П., Доманов А.О.</i> Опыт сравнительного пространственного анализа электорального поведения в регионах государств – соседей России	145
<i>Мухаматов Р.С.</i> Электоральные предпочтения избирателей: эффект «друзей и соседей» имеет значение в России?.....	165

<i>Безвербный В.А., Мирязов Т.Р.</i> Депопуляция геостратегических территорий Российской Федерации в зеркале пространственной демографии: теоретико-методологические аспекты	185
--	-----

РАКУРСЫ

<i>Тарасов И.Н., Кришталь М.И., Уразбаев Е.Е.</i> Влиятельность этнотерриториальных факторов на электоральные практики в странах Балтии.....	207
<i>Зиновьев А.С., Туров Н.Л., Чернецкий Ф.М.</i> Локализм в политической динамике современной Европы: кейс Литвы.....	240

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

<i>Барабаш Б.А.</i> Релятивистская концептуализация малых государств с помощью индекса национального потенциала и соседства: пространственный статистический анализ.....	262
<i>Верига В.Л.</i> Неправительственные организации как предмет исследования в политической науке: от границ деятельности к функциональной необходимости	282

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

<i>Тисленко М.И.</i> Постнеолиберальная меланхолия урбанистов: изобретая политическую географию городов (Рецензия).....	300
<i>Баринов С.Л.</i> Хрестоматия по российской политической географии в XXI веке (Рецензия)	311

CONTENTS

Introducing the issue	9
-----------------------------	---

STATE OF THE DISCIPLINE

<i>Fartyshhev A.N.</i> Quantitative methods in Russian geopolitical researches	18
<i>Pankevich N.V.</i> The State in the political space and the spatiality of alternative political forms	41
<i>Kolosov V.A.</i> and <i>Zotova M.V.</i> Fragmentation of political space and dynamism of the modern border system	67
<i>Okunev I. Yu.</i> Geographical favouritism of parties and electoral systems	90

CONTEXT

<i>Kuznetsov A.V.</i> Variety of possible centers of force in the new world order	107
<i>Evstafiev D.G.</i> , <i>Megevich N.M.</i> Post-westphalian sovereignty in the post-global world	121

IDEAS AND PRACTICE

<i>Shmatkova L.P.</i> , <i>Domanov A.O.</i> Comparative spatial analysis of electoral behavior in the regions of Russia's neighbor states	145
<i>Mukhametov R.S.</i> Electoral preferences of voters: does the «friends and neighbors» voting matter in Russia?	165

<i>Bezverbny V.A., Miryazov T.R.</i> Depopulation of geostrategic territories of the Russian Federation in the mirror of spatial demography	185
---	-----

PROSPECTS

<i>Tarasov I.N., Krishtal M.I., Urazbaev E.E.</i> Influence of ethno-territorial factors on electoral practices in the Baltic states	207
<i>Zinoviyev A.S., Turov N.L., Chernetskii F.M.</i> Localism in political dynamics of modern Europe: the case of Lithuania	240

FIRST DEGREE

<i>Barabash B.A.</i> Relativistic conceptualization of small states via composite indicator of national capability and neighborhood: spatial statistical analysis	262
<i>Veriga V.L.</i> Non-governmental organizations in political science: from the boundaries of activity to functional necessity	282

FROM THE BOOKSHELF

<i>Tislenko M.I.</i> Post-neoliberal urbanist melancholy: reinventing the political geography of cities (Review)	300
<i>Barinov S.L.</i> Chrestomathy for Russian political geography in 21 st century (Review)	311

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

В последние годы политическая география – наука о пространственной организации политических явлений и процессов – переживает значительное методологическое обновление в части совершенствования своего аналитического потенциала. Данный номер журнала посвящен, в первую очередь, новым направлениям и методам исследований, стоящим в авангарде такой трансформации: пространственному статистическому и полимасштабному анализу в политической и электоральной географии, пространственному контент- и дискурс-анализу, критической политической географии и политической георбанистике. Тема выпуска отсылает нас и к недавно появившемуся термину «политическая неогеография» (предложенному Майклом Шинном в развитие идеи общей неогеографии Эндрю Тернера), который отражает в том числе обращение обществоведов, не являющихся профессиональными картографами, к использованию геоинформационных систем в политических исследованиях. В выпуск вошли как обзорные теоретические статьи, так и прикладные исследования, иллюстрирующие применение инновационных подходов.

К началу 2022 г. в России сложилась базовая научная инфраструктура политической географии. Ее лидерами, пожалуй, стоит считать Лабораторию геополитических исследований Института географии РАН (под руководством В.А. Колосова) и кафедру региональной политики и политической географии Санкт-Петербургского государственного университета (объединяющую учеников С.Б. Лаврова и Н.В. Каледина). Кафедры и научные центры, в своем названии прямо обозначающие свой политико-географический или геополитический профиль, имеются также в Московском государственном университете (Лаборатория регионального анализа и политической

географии на географическом факультете и кафедра геополитики на факультете глобальных процессов), Сибирском федеральном университете в Красноярске (кафедра глобалистики и геополитики), Кубанском государственном университете в Краснодаре (кафедра экономической, социальной и политической географии) и Институте географии им. В.Б. Сочавы СО РАН в Иркутске (Лаборатория георесурсоведения и политической географии).

Политическая география в России развивается по синусоиде: относительные пики в 1900–1920-е и 1990-е годы сменялись долгими периодами затишья. В последнее время, на наш взгляд, намечается ренессанс интереса к политико-географическим исследованиям в России. Новая межфакультетская магистерская программа по политической географии открывается в СПбГУ, обновленное звучание общественной, в том числе политической, географии пытаются придать на недавно открытом при участии Института географии РАН факультете географии и геоинформационных технологий НИУ ВШЭ. Переформатирован Институт геополитических и региональных исследований БФУ, открылись перспективные Научно-учебная лаборатория по политической географии и современной геополитике в НИУ ВШЭ и Центр пространственного анализа международных отношений в МГИМО. К сожалению, приходится констатировать, что эти позитивные изменения происходят на фоне общего сокращения числа кафедр политологического и общественно-географического профиля в вузах страны (особенно региональных).

Стоит коснуться также и вопросов преподавания самой дисциплины «политическая география» в вузах России. Можно отметить тот важный факт, что сам курс в настоящее время, помимо преподавания непосредственно для географов, часто инкорпорируется в учебные планы многих факультетов и кафедр политологии, международных отношений и регионоведения. Правда, нередко она преподается под другими названиями, такими например, как «Политическая карта мира», что, разумеется, резко сужает ее проблемное поле. Как показывает педагогическая практика, «политическая география» является необходимой и одной из важных для студентов-политологов, международныхников, управленцев и учащихся по другим специальностям обществоведческой направленности в качестве одной из базовых дисциплин.

Это демонстрируют и результаты опроса¹, который в течение нескольких лет проходил среди студентов 1-го курса факультета управления и политики МГИМО. Все 157 учащихся, принявших участие в анкетировании, считают необходимым изучение политической географии, и подавляющее число опрошенных (86%) – в формате лекций и семинаров. Более 2/3 студентов выступили за продолжительность курса в течение двух семестров, при этом необходимо подчеркнуть, что именно студенты, которые слушали курс по политической географии в течение учебного года, в большинстве своем и выступают за обучение данной дисциплине в течение именно двух семестров, а не одного. Важно отметить, что студенты, изучающие политическую географию как полноценную годовую дисциплину, демонстрируют более глубокое понимание предмета, сопряженного с постижением территориально выраженных сложных исторических, культурных и политических процессов, нежели те, кто изучает политгеографию в течение одного семестра и для кого данный предмет представляется простым заучиванием политической карты мира. Судя по опросу, политгеография вызывает у студентов искренний интерес: с одной стороны, они понимают важность предмета для их образования и будущей карьеры, с другой – это действительно интересная и доступная дисциплина.

Летом 2022 г. был проведен выборочный экспертный опрос преподавателей, читающих политическую географию для студентов в разных вузах страны. Всего в опросе приняло участие 25 человек – из Москвы, Санкт-Петербурга, Барнаула, Иркутска, Петрозаводска, Ростова-на-Дону и Симферополя. Большая часть коллег сходится во мнении, что данная дисциплина должна быть базовой для студентов – политологов и международных, и читаться на первом или втором году обучения полноценным двухсеместровым курсом. Практически все респонденты крайне недовольны теми знаниями, с которыми учащиеся приходят в вузы из средней школы (кстати, нехватку знаний в школьном образовании отмечали и сами студенты). И вот как раз в повышении базов-

---

¹ Опрос студентов, обучающихся на специальностях «государственное и муниципальное управление», «международные отношения и политология» и изучающих политическую географию, был анонимным и на добровольной основе в конце семестра, в котором изучалась данная дисциплина.

вых географических (в том числе общественно-географических) знаний в довузовский период обучения многие видят ключ к дальнейшему успешному образованию. Многие наши коллеги говорили о необходимости добавления часов на дисциплину, расширения учебно-методической базы, актуализации имеющейся литературы, создания пополняемых баз данных, новых форм взаимодействия в научном и педагогическом сообществе. Среди того, чего не хватает читающим курс, также отмечены: «семинар по работе в ГИС для электоральных географов», «создание курса “Политическая карта мира” на первом курсе для политологов или обязательный пререквизит в виде созданного специально онлайн-курса с обобщением указанного ранее курса», «видеолекции от ведущих экспертов», «зарубежные учебные пособия», «современная переводная литература».

Повышающийся интерес к расширяющейся проблематике политической географии ставит перед нами требование содержательного и методологического переосмысления дисциплины. На наш взгляд, в духе обозначенной в свое время на Западе «новой политической географии» такое переосмысление должно идти по пути активного внедрения в политическую географию точных качественных и количественных методов исследования. В частности, возможно более широкое:

– внедрение ГИС-моделирования и картографирования для политико-географических исследований, требующее создания открытой базы данных шейп-файлов (и их аналогов) с данными о государственных и административных границах, электоральных округах и других политико-географических элементах;

– использование при проведении политико-географических экспедиций кодифицированного включенного наблюдения или экспертного интервьюирования с последующим картографированием по GPS-координатам результатов экспедиций с расчетом частотности пространственного распределения релевантных наблюдений;

– включение математического моделирования и пространственной эконометрики (в первую очередь в части расчета глобальных и локальных показателей пространственной автокорреляции, географически взвешенной регрессии, пространственного кластерного анализа) для оценки эффекта места и соседства в политических процессах на локальном, национальном и глобальном уровнях;

– переход от дискурс-анализа политико-географических нарративов к методам пространственного анализа территориального распределения дискурса.

Предполагается, что стоящие методологические вызовы потребуют и более тесной научной кооперации, а скорее даже продолжения институционализации политико-географического профессионального сообщества в России.

Открывает тематический номер в разделе «Состояние дисциплины» статья научного сотрудника лаборатории георесурсоведения и политической географии Института географии им. В.Б. Сочавы РАН, канд. геогр. наук А.Н. Фартышева, посвященная обзору новых количественных методов изучения геополитики. По утверждению автора, в данной субдисциплине преобладают умозрительные рассуждения вкупе с поверхностным видением географического пространства. Фартышев предлагает выделить и систематизировать исследования в новейшей методологии геополитики XXI в. по четырем основным направлениям: геополитику в географической интерпретации; геоэкономику, критическую геополитику; геополитическое математическое моделирование. Работа призвана стимулировать междисциплинарные подходы и консолидацию ученых, изучающих геополитику.

Старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, канд. полит. наук Н.В. Панкевич («Государство в политическом пространстве и пространственность альтернативных политических форм») обращается к исследованию государства с точки зрения вопросов методологии выявления пространственных политических форм с учетом центральности государства как основной классической единицы политико-географического анализа. Автор выявлена методологическая недостаточность эмпирически ориентированных подходов к решению проблемы поиска структурных альтернатив государству и предложена исследовательская стратегия, основанная на теоретическом моделировании возможностей структуризации политического пространства, исходя из анализа качества конституирующих пространственную форму политики пространственных элементов. Панкевич нетривиально рассматривает государство как пространственную форму, основанную на особой стратегии территориализации.

Следующая работа известных географов Института географии РАН, В.А. Колосова, заведующего и старшего научного со-

трудника лаборатории геополитических исследований, и М.В. Зотовой, канд. геогр. наук, – «Фрагментация политического пространства и динамизм современной системы границ» – посвящена традиционной для этих исследователей проблематике лимнологии. Феномен границ рассматривается с точки зрения актуальных подходов пограничных исследований. Ученые утверждают, что сама проблематика границ отражает растущую фрагментацию мирового политического пространства на всех уровнях, а также растущее разнообразие типов политий и различий между ними. Авторы исследуют феномен динамичности границ в самых разнообразных аспектах с учетом активно идущих многоуровневых процессов интеграции и регионализации и сопутствующих им разнообразных и противоречивых явлений.

Руководитель Центра пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО, канд. полит. наук И.Ю. Окунев посвятил статью выявлению феномена географического фаворитизма в партиях и избирательных системах. Он распределил избирательные системы с точки зрения данного явления, заключающегося в степени склонности последних к территориальной дифференциации, что безусловно является весьма оригинальным авторским подходом. Окуневым предложено два варианта расчета индекса географического фаворитизма, необходимого для сравнительного электорально-географического анализа, поскольку, как утверждает автор, это позволяет сравнивать результаты выборов без поправки на искажения ими регионального распределения голосов, что открывает новые горизонты в электоральных политико-географических исследованиях.

Раздел «Контекст» начинается исследованием чл.-корр. РАН, д-ра экон. наук, директора ИНИОН РАН А.В. Кузнецова, посвященным изучению разнообразия возможных центров силы нового мироустройства. Автор использует классический метод, применяемый в социально-экономических и политико-географических исследованиях – типологию государств с позиции центров силы нового мироустройства. Используя несколько важных характеристик государств, среди которых есть вполне традиционные, а также новаторские, А.В. Кузнецов агрегирует ключевые потенциальные центры в четыре типа. Исследование, основанное на традиционном политико-географическом подходе, дано в новом ракурсе и

приглашает к актуальной дискуссии в вопросе методологии типологизации государств.

Сюда же нам показалось интересным поместить статью двух известных профессоров: канд. полит. наук Д.Г. Евстафьева из РУДН и д-ра экон. наук Н.М. Межевича из Института Европы РАН, «Поствестфальский суверенитет в постглобальном мире». По утверждению авторов, несмотря на глобальные процессы, ведущие к десеверенизации, мир возвращается к пространственности и праву субъекта на суверенитет, который, однако, уже не трактуется в рамках вестфальской системы, а национальные государства перестают обладать исключительной монополией на суверенитет, при этом оставаясь его главными носителями. Исследователи показывают, что вернуться к классической пространственной географии, на которой строилась вестфальская система, уже невозможно. Евстафьев и Межевич ставят ряд актуальных и важных вопросов для дальнейшего исследования феномена «суверенитет».

В рубрике «Идеи и практики» три работы. Первая – двух авторов: Л.С. Шматковой, эксперта Центра пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО, и А.О. Доманова, научного сотрудника Центра междисциплинарной аналитической информации Института Европы РАН, – «Опыт сравнительного пространственного анализа электорального поведения в регионах государств – соседей России». В статье подводится промежуточный итог многолетнего исследования научного коллектива, посвященного электоральным процессам в соседних с Россией странах. Используя сравнительный пространственный анализ, специалисты ведут поиск закономерностей электорального поведения в государствах в течение последних четырех парламентских циклов, с 2007 по 2020 г. На основе созданной авторами двухмерной матрицы позиций политических партий и картограмм распределения голосов удалось выявить тенденции и закономерности электорального поведения и его территориальную дифференциацию в сопредельных государствах.

Вторая статья – доцента кафедры политических наук УрФУ, канд. полит. наук Р.С. Мухаметова – также посвящена изучению электоральных предпочтений избирателей. В качестве концептуальной основы был выбран один из известных географических факторов – «эффект друзей и соседей» – и степень его влияния на результаты голосования. Автор отмечает, что в России мало по-

добного рода исследований, в отличие, например, от США и Европы. По утверждению Мухаметова, склонность голосовать за «местных» кандидатов в депутаты зависит от уровня организации выборов: поддержка «местных» кандидатов более ярко проявляется на муниципальных выборах.

Завершает раздел работа «Депопуляция геостратегических территорий Российской Федерации в зеркале пространственной демографии: теоретико-методологические аспекты», написанная в соавторстве специалистами Отдела геоурбанистики и пространственной демографии ИДИ ФНИСЦ РАН руководителем отдела В.А. Безвербным и младшим научным сотрудником Т.Р. Мирязовым. В своей статье авторы уделяют внимание исследованию пространственной демографии, не получившей пока достаточного развития в России. Вместе с тем для нашей страны такое направление весьма актуально с учетом неравномерности развития пространства, а также тех вызовов, которые стоят перед государством. Сформулировано собственное определение пространственной демографии, ее предмет и исследовательские подходы, а также предлагается авторский альтернативный подход к исследованию проблем демографического развития территории с использованием методов пространственного анализа. Особый упор исследователи сделали на изучении демографических тенденций муниципальных образований Сибири и Дальнего Востока как геостратегических территорий страны.

В разделе «Ракурсы» представлен свежий взгляд исследователей из БФУ, д-ра полит. наук И.Н. Тарасова и доцентов, канд. геогр. наук М.И. Кришталя и канд. полит. наук Е.Е. Уразбаева, на проблемы влияния этнотерриториального фактора на электоральное поведение в прибалтийских государствах. Авторы в своем анализе используют большую статистическую базу по этнической структуре отдельных административных единиц стран Балтии, о результатах выборов и динамике этнополитических процессов в этих политиях. Предложена авторская рабочая гипотеза этнитетов с разделением их на совершенные, несовершенные и районы относительного этнического паритета, уточняемая впоследствии путем ранжирования по степени влиятельности этнотерриториальных факторов на электоральные процессы.

Коллектив авторов из Санкт-Петербурга (А.С. Зиновьев – СПбГУ) и Москвы (Н.Л. Туров – Институт географии РАН и Ф.М. Чернецкий – МГУ) предприняли попытку изучения такого

явления, как локализм в качестве одного из ключевых проявлений процесса фрагментации политического пространства на примере Литвы. Исследователи обращают внимание на одну из форм проявления локализма – общественные избирательные комитеты (ОИК) и их ключевые позиции, декларируемые в предвыборных кампаниях. Всего были проанализированы программы 113 ОИК в двух электоральных циклах – 2015 и 2019 гг. – и выявлены ключевые факторы, влияющие на их успешность.

В рубрике журнала «Первая степень» традиционно размещены работы двух аспирантов, исследователей, только начинающих делать свои первые шаги: «Релятивистская концептуализация малых государств с помощью индекса национального потенциала и соседства: пространственный статистический анализ» Б.А. Барабаша и «Неправительственные организации как предмет исследования в политической науке: от границ деятельности к функциональной необходимости» В.Л. Вериги.

«На книжной полке» номера нашли свое место две рецензии научных сотрудников Центра пространственного анализа международных отношений ИМИ МГИМО М.И. Тисленко на книгу Уго Росси и Альберто Ваноло по политической геоурбанистике, выпущенную издательством SAGE в 2011 г., и канд. геогр. наук С.Л. Баринова на хрестоматию «Политическая география: современная российская школа», изданную издательством Аспект Пресс в 2022 г.

Искренне надеемся, что данный тематический выпуск журнала «Политическая наука» станет отправной точкой нового витка дискуссии о переосмыслении предмета и методов политической географии, а также места данной дисциплины среди общественных наук.

*И.Ю. Окунев,
М.Н. Шестакова**

---

* **Окунев Игорь Юрьевич**, кандидат политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, директор Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований, МГИМО МИД России (Москва, Россия), e-mail: iokunev@mgimo.ru; **Шестакова Марианна Николаевна**, кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России (Москва, Россия), e-mail: marianna@garп.ru

---

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

А.Н. ФАРТЫШЕВ *

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В РОССИЙСКИХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация. Цель статьи – познакомить исследователей с новыми методами изучения геополитики на строгом количественном научно обоснованном базисе. Актуальность данной темы подтверждается общим ростом интереса к геополитике в научных публикациях, но в большинстве своем эти публикации характеризуются умозрительной аргументацией и поверхностным видением географического пространства. Обзорная статья предполагает систематизировать современные теоретические знания о геополитике, представить отечественные методические наработки в данной области. В 1990-е годы происходил поиск концептуальных схем для количественного или качественного анализа геополитических отношений и знакомство с зарубежными течениями в геополитике и методами аргументации. Начиная с 2000-х годов в новейшей методологии российской геополитики выделяются четыре генерализированных направления: 1) геополитика в географической интерпретации, которая рассматривает геополитические процессы сквозь призму объективных пространственных данностей и использует в аргументации географическую научную базу и теории отечественной экономической и теоретической географии; 2) геоэкономическая ветвь, в основе которой лежат достижения экономической науки в математизации научного знания; 3) критическая геополитика, подразумевающая количественный и качественный анализ политического дискурса, геополитических образов и представлений о мес-

---

* **Фартышев Арсений Николаевич**, кандидат географических наук, научный сотрудник лаборатории ресурсосоведения и политической географии, Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН; доцент кафедры политологии, истории и регионоведения, Иркутский государственный университет (Иркутск, Россия), e-mail: fartyshev.an@gmail.com

© Фартышев А.Н., 2022

DOI: 10.31249/poln/2022.04.01

те страны (региона) в мире; 4) геополитическое математическое моделирование. В целом выделенные направления не противопоставляются друг другу, но имеют ярко выраженные акценты и свой пул исследований, признанных «классическими» и фундаментальными для последующих научных построений. При этом происходит взаимопроникновение и объединение методов количественного анализа геополитических исследований. Статья адресована исследователям в целях консолидации знания о геополитике, для взаимопроникновения разработанных методов в данной области и стимулирования междисциплинарных подходов.

Ключевые слова: геополитика; количественные методы; критическая геополитика; математическое моделирование; геоэкономика; политическая география.

Для цитирования: Фартышев А.Н. Количественные методы в российских геополитических исследованиях // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 18–40. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.01>

Введение

Истоки российской школы геополитики берут начало еще в дореволюционное время, когда появились первые последователи немецких классиков. Эти труды являли собой философские рассуждения о месте российской цивилизации в мире, в них проводился качественный анализ расстановки сил в условиях глобального противостояния, обосновывались причины «особости» России в культурологическом смысле и др. Как таковые количественные методы в этих исследованиях не использовались, и лишь В.П. Семёновым-Тян-Шанским были проведены расчеты, позволяющие как-то измерить критерии категорий, которые входят ныне в объект изучения современной геополитики. В силу того, что геополитика изначально не выработала свой научно-методологический инструментарий, существует мнение, что она является не отдельным научным направлением, а лишь способом понимания глобальных процессов. Однако после возрождения геополитики в постсоветскую эпоху можно наблюдать не просто рост научных работ в этой проблематике, но и их постепенную эволюцию в сторону «сайнтификации» («онаучивания») знания, со стремлением к эмпирическим данным, интегральным оценкам, созданию баз данных, инвентаризации множественных объектов и т.д. Таким образом, на данный момент геополитика существует в двух измерениях: как философское течение, учитывающее глобальную пространственность в системе международных отношений и межкультурных связей, и как отрасль научного знания, основанная на аргу-

ментации географического, эконометрического, социологического и иного количественного характера. Поэтому неудивительно, что в России диссертационные работы по геополитике защищаются по совершенно разным – философским, историческим, географическим, политическим, экономическим, культурологическим – наукам.

Впрочем, такое деление на «качественников» и «количественников», которое весьма условно, не является поводом для противоборства данных течений. В зарубежной науке еще говорят о так называемой количественной революции в географии в 1950–1960-х годах, которая была связана с созданием первых ЭВМ, эволюцией статистики и общим изменением картины мира в связи с освоением космоса, отчего исходит и императив технократического мышления, и которая затронула и советскую науку [напр.: Количественные методы ... , 1964]. В политологии можно было наблюдать аналогичные процессы, которые также были связаны с артикуляцией геополитики (например, появление модели гонки вооружений Ричардсона и др.). В 1980–1990-х годах произошел постпозитивистский сдвиг, который затронул, хоть и позже других дисциплин, и геополитику [Окунев, 2015]. Вместе с тем понимание необходимости «приземления» геополитических исследований на научную основу, равно как и состоятельности российской школы геополитики в мировой науке, приходят уже в 2010-х годах, и кризисные явления в международной сфере XXI в. в которых Российская Федерация все более обособляется (которое особенно актуализируется после начала спецоперации в Украине в 2022 г.), все в большей мере подталкивают к этой рефлексии. Российскими учеными уже были проведены обзорные работы по истории геополитических учений [Рябцев, 2018], произведен содержательный анализ теоретико-методологических подходов [Лачининский, 2011], были сделаны попытки количественного библиографического анализа исследований по ключевому слову «геополитика» [Потоцкая, Сильничая, 2019] и были освещены отдельные региональные школы геополитических исследований, например Санкт-Петербургская [Развитие политической географии ... , 2019] и др. Возникает необходимость обобщения всего наследия российских ученых (географов, экономистов, обществоведов, политологов и др.), занимающихся геополитической проблематикой, стремящихся найти в ней устойчивые парадигмальные основания на количественной основе.

Прежде чем перейти непосредственно к обзору, важно провести разделительную линию между двумя смежными науками: политической географией и геополитикой, между которыми так часто ставится знак «равно», что, на наш взгляд, в корне неверно. Не вдаваясь подробно в дискуссию, отметим здесь, что политическая география изучает политическое пространство и его субъекты (будь то государства, регионы или наднациональные объединения) «как есть», т.е. их свойства, функции, параметры и другие данности, в то время как геополитика изучает отношения между различными субъектами политического пространства и те же данности через призму межсубъектных отношений. Проще всего это проиллюстрировать на примере категории «дружественности – враждебности» субъектов пространства: когда мы изучаем конфессиональную обстановку в двух смежных государствах, мы остаемся в поле политической географии; когда мы рассматриваем ту же характеристику, но с учетом неприятия этих конфессиональных учений либо дружественности или враждебности самих государств, мы переходим в плоскость геополитики.

Возрождение геополитики в 1990-х годах

В советский период сам термин «геополитика» был табуирован ввиду сильной связи основоположников германской школы геополитики с нацистским правительством А. Гитлера. Причем избегание геополитических тематик характерно не только для советской науки, но и для всего мира, в частности ФРГ, США и др. [Лавров, Никитина, 2000]. Только со временем стали появляться и возрождаться французская и американская школы. Впрочем, такой запрет самого термина «геополитика» вовсе не означает того, что темы, которые ныне включают в себя эту область, не рассматривались – это происходило в рамках других смежных дисциплин: в первую очередь экономической и политической географии (например, [Майергойз, 1986]), военно-морской географии [Алхименко, 1979] или кибернетики и математики [Саати, 1977].

Первые постсоветские геополитические конструкции не отличались строгостью количественных оценок. Вместе с тем эти работы исключительно важны с точки зрения популяризации геополитики, возрождения интереса к ней, а также осмысления изме-

нившей пространственной роли новой России. Наиболее важные работы в этом отношении были изданы С.Б. Лавровым, В.Л. Цымбурским, В.А. Колосовым, А.И. Тревишем, Н.С. Розовым, Н.В. Калединым и др. Проводятся работы по геополитическим исследованиям не только в государственном масштабе, но и на мезо- и микроуровне. В работе М.К. Бандмана оценка геополитического положения Сибири проводилась с позиции транспортного положения и описательного метода изменений геополитической обстановки, в которой оказалась Сибирь; при этом каких-либо расчетов произведено не было [Бандман, 1994]. Географический анализ геополитического положения с выделением зон на примере Приамурья проведен в работе В.Г. Шведова [Шведов, 1999]. Более точные попытки оценить геополитическое положение регионов России на примере Западного региона, включающего Смоленскую и Брянскую область, были предприняты в диссертации Т.И. Потоцкой, в рамках которой была предложена концептуальная схема оценки геополитического положения, [Потоцкая, 1997].

Касательно интегральных показателей вопросы расчета комплексной мощи государств и макрорегионов отражены в работе В.Д. Сухорукова, где была предложена следующая формула для количественной оценки уровня территориального развития:

$$L = 0,1\sqrt{G/AP} ,$$

где L – уровень территориального развития, G – ВВП в пределах рассматриваемой территории, A – площадь территории, P – численность населения.

Автор выделяет также четыре глобальных социально-экономических пространства, которые конкурируют между собой – Атлантическое, Тихоокеанское, Евразийское и Южное, – и выводит, что показатели уровня территориального развития Атлантического и Тихоокеанского ГСЭП гораздо выше двух других, причем оказываются совершенно схожи между собой [Сухоруков, 1998].

1. В целом в 1990-х годах идет поиск концептуальных схем для количественного или качественного анализа геополитических отношений параллельно со знакомством с зарубежными течениями в геополитике и методами аргументации. Начиная с 2000-х годов в новейшей методологии геополитики выделяются четыре

генерализированных направления: геополитика в географической интерпретации, которая рассматривает геополитические процессы сквозь призму объективных пространственных данностей и использует в аргументации географическую научную базу и теории отечественной экономической и теоретической географии: принцип поляризованного развития и давления места Б. Родомана, теории геосистем В.Б. Сочавы, теория экономико-географического положения Н. Колосовского и Н. Баранского, например. В этом направлении отмечаются работы В.А. Колосова, Р.Ф. Туровского, П.Я. Бакланова, М.Т. Романова, Л.А. Безрукова, Ю.Н. Гладкого, А.Б. Елацкова, Б.М. Ишмуратова и др.

2. Геоэкономическая ветвь, в основе которой лежат достижения экономической науки в математизации научного знания, такие как балансовые модели, анализ товаропотоков и удаленности от них, экспортно-импортные расчеты и др. (М.К. Бандман, В.Ю. Малов, Д.Н. Замятин, М.Г. Никитина, Н.В. Алисов, А.Ф. Никольский, С.С. Лачининский, В.А. Садовничий).

3. Критическая геополитика, подразумевающая количественный и качественный анализ политического дискурса, геополитических образов и представлений о месте страны (региона) в мире. Активной разработкой в этом направлении занимаются лаборатория геополитических исследований Института географии РАН (В.А. Колосов, М.В. Зотова, А.Б. Себенцов и др.), а также МГИМО (И.Ю. Окунев) и др.

4. Геополитическое математическое моделирование, опирающееся на конструирование абстрактного поля, отражающего макроэкономические и глобализационные процессы, рассматриваемое в отрыве от географического пространства. Это направление использует достижения математической науки, теории управления и динамики систем, в нем применяются методы графов, Монте-Карло и др. (И.Ф. Кефели, О.А. Малафеев, А.С. Малков, К.Э. Плохотников, Г.В. Горелова, В.Н. Рябцев и др.). Далее мы детально остановимся на каждом из них.

Геополитика в географической интерпретации

Предмет геополитики ближе всего находится к полю зрения общественной географии, поэтому не случайно в дальнейшем мысль по обобщению и концептуализации этой науки развивалась именно в русле географии. Сопоставление различных показателей стран и наднациональных образований давало повод для дальнейшего совершенствования математического аппарата. Вопрос о необходимости количественного измерения геополитических явлений поставлен в монографии «Геополитическое положение России: представления и реальность» под редакцией В.А. Колосова [Геополитическое положение России ... , 2000]. В ней использованы различные методики, в первую очередь – объем и направление внешнеторговых связей и движение капиталов в пространственном разрезе, объем и источники инвестиционных потоков, транспортные и миграционные потоки (отражающие в целом интенсивность международных контактов), национальные и религиозные особенности стран и территорий, образовавшихся при распаде СССР и др. Вопрос измерения отношений между странами выражен количественным распределением визитов политических лидеров по регионам мира и подкреплен анализом (по материалам СМИ и соцопросов) образов стран как «врага» или «друга», который позже будет выделен в отдельную субдисциплину – критическую геополитику. В результате теоретическая абстрактность геополитических рассуждений нашла конкретный научно-практический базис, который далее стал развиваться в рамках общественной географии. При этом в данной работе не выведено никаких интегральных выражений.

Помимо определения положения как такового разрабатывались и математические способы выражения классических геополитических законов, например, дуалистичная система «Суша – Море». Л.А. Безурковым был выработан показатель транспортно-географической континентальности (КТГ, в основу которого вошло распределение населения по зонам удаленности территорий от круглогодичных морских и океанических путей в следующем виде:

$$\text{КТГ} = 0,01H_{(0-50)} + 0,05H_{(50-200)} + 0,14H_{(200-500)} + 0,3H_{(500-1000)} + 0,6H_{(50-200)} + H_{(>2000)},$$

где КТГ – показатель степени континентальности региона; H – доля соответствующей зоны удаленности от моря в общей числен-

ности населения страны (%), а в скобках указаны зоны удаленности от моря в км.

Значения КТГ варьируются от 1 до 100 включительно, где КТГ=1 означает, что все население страны живет в полосе не далее 50 км от моря, а КТГ=100 – напротив, в наиболее удаленной зоне – более 2000 км [Безруков, 2008]. Это концептуальное предложение дало возможность градуированно распределить страны на талассократические и теллурократические и обосновать многие другие законы геополитики и геоэкономики.

Наиболее полно общая теория геополитики в географической интерпретации отражена в монографии А.Б. Елацкова, где также осуществлена попытка представить совокупность исчисляемых параметров, входящих в геополитическое положение [Елацков, 2017]. Соотношение весов различных параметров также является предметом обсуждения. Так, например, при рассмотрении валовых показателей важен учет закона убывающей полезности, подразумевающий, что по мере приращения суммарного полезного эффекта от какого-либо показателя неуклонно убывает предельная полезность каждой дополнительной единицы этого приращения. Например, значение второй и каждой последующей военной базы иностранного государства в регионе убывает, в то время как первая имеет наивысшую значимость – следовательно, валовое количество военных баз не может быть объективным параметром для геополитических сравнений.

Одной из ключевых проблем использования количественных методов в геополитике является моделирование отношений между странами. Геополитическое пространство отличается от географического пространства, и оно может быть представлено сетевой структурой, где акторы отражаются вершинами, а отношения между ними – ребрами. На языке теории игр геополитическое пространство представляет собой большую игру с множеством участников, где каждый игрок может поменять свою стратегию в зависимости от изменения стратегии других игроков, где выбор стратегии зависит от географических факторов, влияющих на каждого игрока [Фартышев, 2017]. По А.Б. Елацкову, ключевой формой отношений между акторами является треугольник; из их множества состоят все мировые геополитические связи. На основании анализа отношений внутри треугольника и выводится модель геополитического давления:

$$F_{SB} = (aR_{SA} * bR_{AB}) * L,$$

где a и b – коэффициенты ранга и знака ($-1 \dots +1$), R – теснота геополитического отношения, L – тип логики, определяющий коалиционную или конкурентную форму конкретной ситуации [Елацов, 2017, с. 202–208].

В работах А.Н. Фартышева была представлена схожая модель, также основанная на методе графов, где геополитическое положение субъекта a определялось отношением совокупной геополитической силы субъекта к сумме влияющих на него геополитических сил окружающих субъектов i , где коэффициентом каждого субъекта служит степень географического влияния каждого из них на данный субъект и политическое отношение к рассматриваемому субъекту.

$$ГПП_a = ГC_a / \sum ГC_i \times ВЛ_{ia} \times ПО_{ia},$$

где $ГC_{i/a}$ – геополитическая сила субъектов i или a , $ВЛ_{ia}$ – географическое влияние i -того субъекта на a , $ПО_{ia}$ – политическое отношение субъекта i к субъекту a , выражаемое по шкале «дружелюбность – враждебность» [Фартышев, 2017].

В рамках этой парадигмы стоит отметить и исследования в области границ и их количественного измерения, что выделяется в отдельную ветвь – лимологию. В математическом плане границы были оценены с точки зрения их барьерности-контактности с выделением соответствующих коэффициентов по степени естественности границ и их прозрачности, понимаемой как трудность для пересечения границы [Фартышев, 2016], по степени развития трансграничных связей [Осмоловская, 2016], по степени экономической связанности соседних регионов [Приграничное сотрудничество ... , 2013] и др. Ряд сборников по лимологии выпущен под редакцией В.А. Колосова [Российское пограничье ... , 2018, 2019].

Отдельной проблемой в рамках этой ветви стоит картографирование – один из основных методов географической науки для получения нового знания или визуализации информации. Картографирование военных конфликтов, этнополитической ситуации, геополитических рисков, геополитических образов и т.д. является

отражением частных геополитических моментов. Проблема же интегрального геополитического картографирования до сих пор остается открытой [Колосов, Тикунов, 2005]. Одна из немногочисленных попыток совершена в фундаментальной монографии П.Я. Бакланова и М.Т. Романова на примере Тихоокеанской России [Бакланов, Романов, 2009]. На ней отражены такие параметры, как политическое устройство сопредельных стран, участие в союзах, приток иностранных инвестиций, размер территории, демографический потенциал, ВВП по паритетам покупательской способности, преобладающие религии, важные морские пути, границы исключительных экономических зон, граница плавучих льдов, военно-морские базы и пункты базирования, стратегические преимущества и месторождения стратегического топлива. Были предприняты попытки когнитивного моделирования и картографирования геополитических процессов [Тынянова, 2011], картографирования кодифицированной информации о геополитических субъектах [Писаренко, 2014]. Современные методы обработки информации, автоматизации и работы с «большими данными» позволяют создавать атласные геоинформационные системы (АИС). Так, коллективом авторов из МГУ ведется работа над АИС «Геополитическая ситуация в Большом Средиземноморье», которая объединяет различные этнодемографические, миграционные, общественно-политические, военно-исторические, экономические, инвестиционные и политические аспекты развития региона [Атласная информационная система ... , 2019]. В области АИС предвидятся большие эвристические возможности и разработка комплексных геополитических оценок.

Геоэкономическая ветвь геополитики

Геоэкономическая ветвь выходит из смешения социально-экономической географии и отечественной экономической науки. Зарубежные авторы-основоположники перенесли риторику геополитики в экономическую сферу, где противостояние стран выражалось не столько в военной мощи и силовом давлении, сколько в экономическом взаимовлиянии стран. Отсюда и фокус этого направления, обращенный на интегральные экономические показатели, такие как ВВП, внешнеторговый оборот, уровень и происхо-

ждение инвестиций, размер финансовых рынков, контроль за торговыми путями и др. Отношения между геополитическими субъектами исходят из межстрановой конкуренции, которая может выражаться как в географическом измерении (Север – Юг, Море – Суша, Запад – Восток), так и в политическом (Блок «Плана Маршалла» – страны СЭВ, ЕЭС – ЕАЭС, Китайская зона экономического влияния – АСЕАН и др.). Популяризации и концептуальному оформлению геоэкономики как научной дисциплины в России способствовали работы Э.Г. Кочетова, Г.Н. Нурышева, Ю.Н. Гладкого, М.Г. Никитиной и др. Существуют и обзорные статьи по геоэкономическим исследованиям [Лачининский, 2011].

В работах С.В. Кузнецова и С.С. Лачининского геоэкономическое положение понимается как место объекта в сетевой многомерной системе глобального геоэкономического пространства и его отношение к мировым городам, центрам управления ТНК, глобальным и региональным инновационным центрам и интеграционным группам регионов и стран с учетом геоэкономических рисков [Кузнецов, Лачининский, 2014]. Экономическое пространство в геоэкономическом понимании может быть отражено также и в виде графов. Так, например, в работах коллектива авторов под руководством В.А. Садовниченко геоэкономическая модель представлена в виде схемы, отражающей современную структуру взаимодействия основных партнеров мировой торговли (каждая страна отображается кругом, площадь которого пропорциональна объему ее внешней торговли; толщина линий соответствует интенсивности торговых потоков между соответствующими странами), а также проводится ее прогноз на период до 2030 г. с использованием модифицированной гравитационной модели Я. Тинбергена:

$$\log(T_{ij}) = a_0 + a_1 \log(\text{GDP}_i \cdot \text{GDP}_j) + a_2 \log(N_i \cdot N_j) + a_3 \log(D_{ij}) + \dots + e_{ij},$$

где T_{ij} – торговый оборот стран i и j ; GDP_{ij} – реальный ВВП страны i или j ; N_{ij} – население страны i или j ; D_{ij} – расстояние между странами i и j ; e_{ij} – невязка (погрешность) модели [Социально-экономическая эффективность ... , 2018].

Аналогичным образом могут быть представлены и комплексные геоэкономические связи при совершенствовании методики и более точном учете географических факторов и политических отношений.

Более конкретно системы комплексной оценки геоэкономического потенциала были предложены на региональном уровне. Методика геоэкономического потенциала региона по О.В. Чувиловой и И.В. Романюте определяется в виде соотношения двух индексов: оценки реализации данного потенциала и оценки его величины [Чувилова, Романюта, 2014]. Геоэкономический потенциал региона по А.Б. Андрееву представляет собой комплексный показатель, включающий ресурсный потенциал территории (природно-ресурсный, экономический, демографический), уменьшенный на величину сдерживающих элементов и скорректированный на коэффициенты факторов приграничного положения, трансграничного воздействия, а также транспортной доступности, выражаемый в формуле:

$$ГП = (\text{Прп} + \text{ЭП} + \text{ДП} - \text{СЭ}) \times \text{КТФ} \times \text{КТГФ},$$

где ГП – геополитический потенциал; ПрП – природно-ресурсный потенциал; ЭП – экономический потенциал; ДП – демографический потенциал; СЭ – сдерживающие элементы развития, КТФ – коэффициент транспортной доступности; КТГФ – коэффициент трансграничного фактора. Показатели потенциалов также нормированы; показатель потенциала региона с максимальным значением принимается за 1, а минимальное значение – за 0. Существенной новацией является не просто суммирование потенциалов, но и количественный учет сдерживающих элементов, который для каждого вида потенциала сугубо индивидуален [Андреев, Андреева, 2016].

Российская ветвь критической геополитики

Критическая геополитика зародилась за рубежом в 1990-х годах, когда пришло понимание, что пространство, в том числе и геополитическое, является не столько объективной данностью, сколько предметом воображения. Следовательно, вся геополитическая картина мира представляет собой совокупность образов и субъективных представлений акторов. Это понимание позволяет не просто оценивать геополитические категории с точки зрения валовых экономических, демографических или политических показателей, а применять количественные методы, используемые в гуманитарных науках: социологические (опросы, интервью, фокус-

группы и т.д.), политологические (контент-анализ, дискурс-анализ, ивент-анализ и т.д.). Также вырабатываются новые исследовательские методы, такие как ментальное (когнитивное) картографирование. Такая постановка проблемы привела в геополитику и исследователей соответствующих специальностей. Наиболее полно аспекты критической геополитики отражены в статьях В.А. Колосова, Д.Н. Замятина, И.Ю. Окунева [напр.: Колосов, 2011].

Примером таких эмпирических количественных исследований являются работы лаборатории геополитических исследований Института географии РАН. Контент-анализ СМИ выражается в следующем: 1) сравнение доли макрорегионов и стран мира в населении или ВВП с количеством публикаций в наиболее уважаемых газетах; 2) анализ тона публикаций газет о зарубежных странах в их процентном соотношении [Геополитическая картина мира ... , 2003]; 3) количество публикаций при различных вариантах комбинаций спорных географических границ и составности государств [Galkina, Popov, 2016] и др. В социологических исследованиях помимо стандартных процентных и балльных оценок применяются такие количественные методы, как индексы: «индекс известности» (общее число упоминаний страны) [Колосов, Зотова, 2012], «индекс асимметрии», представляющий собой разницу между числом упоминаний страны как привлекательной и непривлекательной для жизни, деленным на общее число ее упоминаний, варьирующийся от -1 до 1 [Колосов, Вендина, 2014], индекс количества упоминаний характеристик, приписываемых тому или иному геополитическому субъекту / региону [Вендина, Гриценко, 2020] и др. Оригинальные методы визуализации подобных данных представляют собой «облако тегов» и картографирование географических объектов по числу упоминаний [Колосов, Зотова, 2012]. Отдельно стоит упомянуть исследования приграничных регионов и восприятия ими государственной границы и сопредельных государств, которую можно выделить в отдельную ветвь – «критическую геополитику пограничья» [Российское пограничье ... , 2018, 2019].

Широкие возможности для количественного анализа больших данных в рамках выделенных направлений критической геополитики представляет научная ветвь *digital humanities*, занимающаяся вопросами цифровой обработки текстов. Так, например, с помощью программы AntConc выполняется автоматизация таких

процессов, как извлечение биграмм для ключевого слова, реконструкция семантических полей для стран. Для определения статистически значимых показателей используется коэффициент *ipm* (instances per million words), показывающий, насколько частотным является то или иное словоупотребление на миллион слов [Радина, 2021]. SentiStrength осуществляет поиск эмотивной лексики в тексте по заранее составленным тональным словарям и правилам. По ее совокупности текст оценивается по шкале, отражающей количество лексических единиц, имеющих негативную и позитивную коннотацию. Более сложные методы, которые пока слабо развиты в России, – это обработка данных API социальных сетей (количество «лайков» и «дизлайков» на публикации в соцсетях о странах, количество и состав подписчиков сообществ и пабликов и т.д.) и файлов cookies – также могут быть использованы для количественной оценки геополитических исследований.

Определенным эвристическим потенциалом в рамках количественной критической геополитики обладает содержательный анализ журнальных обложек ведущих мировых изданий [Терновская, 2017], украшений цветочных клумб у правительственных зданий стран мира [Терновская, 2015], анализ эмоций в киноискусстве стран мира [Рагулина, 2017] и прочее.

Геополитическое математическое моделирование

Вопросы количественной оценки геополитических явлений становятся предметом рассмотрения не только представителей общественно-научных направлений науки. Довольно важным пластом наработанных методик обладают исследователи, профессионально занимающиеся совершенствованием теоретико-математического аппарата. Рассмотренные выше вопросы функционирования глобального геоэкономического пространства изучаются посредством гравитационных моделей международной торговли [Новиков, Лихарёва, 2020].

В работе К.Э. Плохотникова построена математическая модель геополитики. Не будем приводить здесь обширный математический аппарат, но заметим, что в основу модели положено понятие «емкость среды обитания». Производится классификация стран и территорий в терминах «высоко – невысоко» и «благопри-

ятно – неблагоприятно», учитывающих рельеф и плотность емкости среды обитания, вводится и подсчитывается индекс разнообразия отдельных территорий и государств, формулируется математическая модель транспортных потоков между отдельными точками, выступающими в виде логистических узлов. В итоге осуществлено разделение известной геополитической категории «хартленд» на «хартленд 1» и «хартленд 2» и высчитаны точные его границы. Оказалось, что емкости сред обитания территорий, позиционированных в Море и в Континенте, приблизительно одинаковы [Плехотников, 2017].

Наиболее полной работой по применению математического моделирования в геополитике является монография И.Ф. Кефели и О.А. Малафеева [Кефели, Малафеев, 2013]. В ней освещены возможности применения дифференциальных уравнений. Так, например, вопрос расчета геополитического статуса выражен в следующем виде:

$$S(t) = FS(t) \cdot G(t),$$

где $S(t)$ – статус в определенный период времени t ; FA – «функция влияния» факторов, не связанных непосредственно с геополитическим потенциалом; $G(t)$ – геополитический потенциал, значение которого определяется по следующей формуле:

$$G(t) = 0,5(1 + X_M^{0,43})X_T^{0,11}X_D^{0,19}X_E^{0,27},$$

где X_i ($i = T, D, E, M$) – доли государства в общемировых показателях соответственно в территориальной, демографической экономической и военной сферах [Кефели, Малафеев, 2013, с. 145–146].

Как отмечалось выше, геополитические отношения могут быть представлены с помощью теории игр, причем в данном случае моделирование происходит при многоагентном взаимодействии. В работе И.Ф. Кефели и О.А. Малафеева геополитические процессы изучаются через анализ игр с нулевой и ненулевой суммой с помощью теории равновесия (по Нэшу, по Нейману, по Штакельбергу), а поиск стратегий геополитических акторов – по вектору распределения полезности Шепли и др. [Кефели, Малафеев, 2013]. В геополитике также применим метод главных компонент [Пичу-

гин, Малафеев, Рединских, 2020], кластерный анализ стран по методу k-средних [Смирнов, 2020] и другие специфические методы [Математическое моделирование геополитических ... , 2002].

Заключение

Представленные в данной статье примеры количественных измерений в геополитических исследованиях, разумеется, не являются исчерпывающими, и таким масштабным исследованиям следовало бы посвятить монографию. В целом выделенные направления не противопоставляются друг другу, но имеют ярко выраженные акценты и свой пул «классических» фундаментальных исследований. Также происходит взаимопроникновение и объединение методов количественного анализа геополитических исследований. Так, например, в работах центра пространственного анализа МГИМО сочетаются геоинформационный метод и математическое моделирование на политико-географическом базисе. Используются такие количественные коэффициенты, как индекс пространственной автокорреляции, коэффициент детерминации, индекс пространственной зависимости, индекс Морана, анализ диаграмм размаха и др. Полное описание методов пространственного анализа представлено в монографии И.Ю. Окунева [Окунев, 2020], в другой работе осуществлено практическое применение на межгосударственном уровне [Атлас международных отношений ... , 2020]. Повышение точности геополитического анализа позволяет проводить географическую экспертизу проектов, что является непосредственным практическим применением геополитики как науки.

A.N. Fartyshv *

Quantitative methods in Russian geopolitical researches

Abstract. The issue of the article is to acquaint researchers with new methods of studying geopolitics on a strict quantitative scientifically grounded basis. The relevance

---

*Fartyshv Arseniy Nikolaevich, V.B. Sochava Institute of Geography (SB RAS); Irkutsk State University (Irkutsk, Russia), e-mail: fartyshv.an@gmail.com

of this topic is confirmed by the general growth of interest in geopolitical topics in scientific publications, but for the most part these publications are characterized by speculative argumentation and a superficial vision of geographic space. The review article intends to systematize modern theoretical knowledge about geopolitics, to present domestic methodological developments in this area. In the 1990 s, there was a search for conceptual schemes for a quantitative or qualitative analysis of geopolitical relations and acquaintance with foreign trends in geopolitics and methods of argumentation. Since the 2000 s in the latest methodology of geopolitics, 4 generalized directions are distinguished: geopolitics in geographical interpretation, which considers geopolitical processes through the prism of objective spatial data, and uses the geographic scientific base and theories of domestic economic and theoretical geography in the argument, the second is the geo-economic branch, which is based on the achievements of economic science in the mathematization of scientific knowledge, the third is critical geopolitics, which implies a quantitative and qualitative analysis of political discourse, geopolitical images and ideas about the place of a country (region) in the world, the fourth is geopolitical mathematical modeling. In general, the identified areas are not opposed to each other, but have pronounced accents and their own pool of studies, recognized as «classical», included in the foundation of scientific constructions, and there is also an interpenetration and unification of methods for quantitative analysis of geopolitical studies. The article is addressed in order to consolidate knowledge about geopolitics, to interpenetrate the developed methods in this area and stimulate interdisciplinary approaches.

Keywords: geopolitics; critical geopolitics; mathematic modeling; geoeconomy; political geography.

For citation: Fartyshv A.N. Quantitative methods in Russian geopolitical researches. *Political science (RU)*. 2022, N 4, P. 18–40. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.01>

References

- Alkhimenko A.P. *Naval Geography*. Leningrad: Naval academy, 1979, 323 p. (In Russ.)
- Andreev A.B., Andreeva T.V. *Strategic development of cross-border regions: Buryatia – Mongolia – Inner Mongolia Autonomous Region*. Ulan-Ude: Buryat State University, 2016, 154 p. (In Russ.)
- Anisimov A., et al. Trans-border Cooperation in the Regions of Russia, Belarus and Ukraine: Its Status and Future Outlook. *Eurasian economic Integration*. 2013, N 4 (21), P. 77–96. (In Russ.)
- Baklanov P. Ya., Romanov M.T. Economic-geographical and geopolitical position of Pacific Russia. Vladivostok : Dal'nauka, 2009, 167 p. (In Russ.)
- Bandman M.K. Geopolitical position of Siberia after the collapse of USSR. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*. 1994, N 3, P. 85–95. (In Russ.)
- Bezrukov L.A. *The continental-oceanic dichotomy in international and regional development*. Novosibirsk: Geo Publ., 2008, 369 p. (In Russ.)

- Chernavskiy D.S., Chernavskaya N.M., Malkov S. Yu, Malkov A. Yu. Mathematic modeling of geopolitical processes. *Strategic stability*. 2002, N 1, P. 60–66. (In Russ.)
- Chuvilova O.N., Romanyuta I.V. *Methodology and assessment of geo-economic security of regions*. Moscow: Nauchnaya Biblioteka, 2014, 162 p. (In Russ.)
- Elatskov. A.B. *General geopolitics: issues of theory and methodology in geographical interpretation*. Moscow: Infra-M Publ., 2017, 250 p. (In Russ.)
- Fartyshv A.N. Geopolitical and geoeconomical position of Siberia: Modelling and estimation. *Vestnik of Saintt Petersburg University. Earth Sciences*. 2017, Vol. 62, N 3, P. 300–310. DOI: <http://www.doi.org/10.21638/11701/spbu07.2017.306> (In Russ.)
- Fartyshv A.N. Mathematical method of calculatating political borders transparency as a geopolitical category. *Geographical bulletin*. 2016, N 2 (37), P. 29–39. DOI: <http://www.doi.org/10.17072/2079-7877-2016-2-29-39> (In Russ.)
- Galkina T.A., Popov F.A. Russia's borders with Abkhazia and South Ossetia on four scales: Analysis of the political discourse. *Regional Research of Russia*. 2016. N 6 (3), P. 258–266. DOI: <http://www.doi.org/10.1134/S207997051603002>
- Kaledin N.V. Chistobaev N.V. Kaledin V.N., Elatskov A.B. The development of political geography and geopolitics as an academic and research discipline in the Baltic re-gion: the historical contribution of Saint Petersburg University. *The Baltic region*. 2019, Vol. 11, N 2, P. 136–152. DOI: <http://www.doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-8> (In Russ.)
- Kefeli I.F., Malafeev O.A. *Mathematical principles of global geopolitics*. Saint-Peterburg: Saint-Peterburg state polytechnic university, 2013, 204 p. (In Russ.)
- KolosoV V.A. (ed.). *Russian borderlands: neighborhood challenges*. Moscow: Matushkina Publ., 2018, 562 p. (In Russ.)
- KolosoV V.A. (ed.). *Geopolitical position of Russia: imagines and reality*. Moscow: Art-Courier, 2000, 352 p. (In Russ.)
- KolosoV V.A., Borodulina N.A., Vendina O.I., Galkina T.A., Zayatz D.V., Yur Ye.S. Geopolitical vision of the world in mass-media. *Polis. Political Studies*. 2003, N 3, P. 33–49. (In Russ.)
- KolosoV V.A., Vendina O.I., The youth in Kaliningrad, Gdansk and Klaipeda: geopolitical vision of the world, identity and images of the other. *The Baltic region*. 2014, N 4 (22), P. 7–29. DOI: <http://www.doi.org/10.5922/2074-9848-2014-4-1> (In Russ.)
- KolosoV V.A., Zotova M.V. Russian citizens' geopolitical worldview: why Russia is not Europe? *Polis. Political Studies*. 2012, N 5, P. 170–186. (In Russ.)
- KolosoV V.A., Critical geopolitics: fundamentals of the concept and experience of its application in Russia. *Political Science (RU)*. 2011, N 4, P. 31–52. (In Russ.)
- KolosoV V.A., Tikunov V.S. Political geographic mapping and geoinformatics: achievements and new challenges. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*. 2005, N 1, P. 17–23. (In Russ.)
- KolosoV V.A., Volodin A.B. (eds). *Russian borderlands: problems of development in the new geopolitical conditions*. Moscow: RAS, 2019, 180 p. DOI: <http://www.doi.org/10.15356/Rusborder2019> (In Russ.)

- Kuznetsov S.V., Lachininskiy S.S. Modern understanding of 'geoeconomic position' and the Saint Petersburg agglomeration. *The Baltic Region*. 2014, N 1(19), P. 103–121. DOI: <http://www.doi.org/10.5922/2074-9848-2014-1-7>. (In Russ.)
- Lavrov S.B., Nikitina M.G. Taboo geopolitics: from dusk to rise. *Izvestiya russkogo geograficheskogo obshchestva*. 2000, Vol. 132, N 2, P. 1–6. (In Russ.)
- Lachininskiy S.S. Modern trends of the economical geographical studies in Russia. *Izvestiya russkogo geograficheskogo obshchestva*. 2011, Vol. 143, N 1, P. 18–27. (In Russ.)
- Maiergoiz I.M. *Territorial structure of the economy*. Novosibirsk: Nauka, 1986, 303 p. (In Russ.)
- Maiergoiz I.M. (ed). *Quantitative research methods in economic geography*. Moscow: VINITI, 1964, 176 p. (In Russ.)
- Novikov I.A., Lichareva N.D. Geographical orientation of export: looking beyond: the gravity model (the example of four "Asian tigers"). *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 2020, N 3, P. 33–50. DOI: <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/33-50>. (In Russ.)
- Okunev I.Y. Methodological synthesis in contemporary geopolitics: towards neoclassical (post-critical) geopolitics. *Political Science (RU)*. 2015, N 2, P. 26–38.
- Okunev I. Yu. *Fundamentals of Spatial Analysis*. Moscow: Aspect-Press, 2020, 255 p. (In Russ.)
- Okunev I. Yu., Barinov S.L., Belikov A.A. (ed.). *Atlas of International Relations: Spatial Analysis of World Development Indicators*. Moscow : Aspect-Press, 2020, 447 p. (In Russ.)
- Osmolovskaya L.G. Typology of russian border regions according to the degree of development of cross-border relations. *Regional researches*. 2016, N 1 (51), P. 126–135. (In Russ.)
- Pisarenko S.V. Siberia in Western geopolitical constructions of the 20 th century. Abstracts of Theses Saint-Petersburg, 2014, 23 p. (In Russ.)
- Pichugin Yu.A., Malafeev O.A., Redinskikh N.D. Mathematical model of identification of leading geopolitical actors on the basis of main components. In: *Proceedings of the third Eurasian scientific and technological conference «Coupling of the Greater Eurasian partnership and the One Belt – One Road initiative: Arctic strategies, programs, projects»*, Saint-Petersburg, 03–05 of April 2019. Saint-Petersburg: VVM Publ., 2020, P. 44–56. (In Russ.)
- Plokhotnikov K.E. Mathematic model of geopolitics. *World politics*. 2017, N 3, P. 23–74. DOI: <http://www.doi.org/10.25136/2409-8671.2017.3.23674> (In Russ.)
- Pototskaya T.I. *Geopolitical position of the western region of Russia: Bryansk and Smolensk regions*. Abstracts of Theses. Moscow, 1997, 16 p. (In Russ.)
- Pototskaya T.I., Silnichaya A.V. Modern geopolitical research in Russia. *The Baltic region*. 2019, Vol. 11, N 2, P. 112–135. DOI: <http://www.doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-7> (In Russ.)
- Radina N.K. "Imagined Geopolitics" in the Russian Media Discourse on Coronavirus. *Polis. Political Studies*. 2021, N 1, P. 110–124. DOI: <http://www.doi.org/10.17976/jpps/2021.01.08> (In Russ.)

- Ragulina M.V. Geopolitics and geography of emotions: the subjectivity issue. *Society: Politics, Economics, Law*. 2017, N 11, P. 28–31. DOI: <http://www.doi.org/10.24158/pep.2017.11.6> (In Russ.)
- Ryabtsev V.N. *From the history of geopolitical thought in Russia. XX century: little-known pages: the essays*. Moscow: AIRO-XXI, 2018, 665 p. (In Russ.)
- Saati T.L. *Mathematical models of conflict situations*. Moscow: Soviet radio, 1977, 300 p. (In Russ.)
- Sadovnichii V.A., Osipov G.V., Akaev A.A., Malkov A.S., Shulgin S.G. Socio-Economic effectiveness of the development of the railway network in Siberia and the Far East: mathematical simulation and forecast. *Economy of Region*. 2018, Vol. 14, N 3, P. 758–777. (In Russ.)
- Smirnov I.A., Malafeev O.A. The task of clustering the countries of the world according to geopolitical features. *Bulletin de l'Académie Internationale Concorde*. 2020, N 3, P. 3–39. (In Russ.)
- Sukhorukov V.D. Global socio-economic space. *Izvestiya russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1998, Vol. 130, N 4, P. 30–35. (In Russ.)
- Shvedov V.G. Geopolitical aspects of the geographical location of Priamur'e. *Izvestiya russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1999, Vol. 131, N 2, P. 49–54. (In Russ.)
- Ternovaya L.O. Geopolitical meanings of magazine covers. *Etnosocium (multinational society)*. 2017, N 5 (107), P. 141–149. (In Russ.)
- Ternovaya L.O. Flower beds as a means of national and geopolitical self-expression. *Etnosocium (multinational society)*. 2015, N 7 (85), P. 173–179. (In Russ.)
- Tikunov V.S., Chikharev I.A., Panin A.N., Rylskiy I.A. Atlas Information System “Geopolitical Situation in the Greater Mediterranean: Principles of Creation and Technology of Spatial Analysis”. *Science. Innovations, Technologies*. 2019, N 3, P. 107–114. (In Russ.)
- Tunyanova O.N. Cognitive modeling of geopolitical processes. *Tempus et memoria*. 2011, N 3 (94), P. 70–93. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Алхименко А.П. Военно-морская география. – Л.: Военно-морская академия, 1979. – 323 с.
- Андреев А.Б. Андреева Т.В. Стратегическое развитие трансграничных регионов: Республика Бурятия – Монголия – Автономный район Внутренняя Монголия. – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2016. – 154 с.
- Атлас международных отношений: пространственный анализ индикаторов мирового развития / И.Ю. Окунев, С.Л. Баринов, А.А. Беликов [и др.] ; Институт международных исследований, Центр пространственного анализа международных отношений. – М.: Аспект Пресс, 2020. – 447 с.
- Атласная информационная система «геополитическая ситуация в Большом Средиземноморье: принципы создания и технология пространственного анали-

- за» / В.С. Тикунов, И.А. Чихарев, А.Н. Панин, И.А. Рьльский // Наука. Инновации. Технологии. – 2019. – № 3. – С. 107–114.
- Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России / Российская академия наук, Дальневосточное отделение, Тихоокеанский институт географии. – Владивосток: Дальнаука, 2009. – 167 с.
- Бандман М.К. Геополитическое положение Сибири после распада СССР // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 1994. – № 3. – С. 85–95.
- Безруков Л.А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии / отв. ред. Б.М. Ишмуратов; Рос. Акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т Географии. – Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2008. – 369 с.
- Геополитическая картина мира в средствах массовой информации / В.А. Колосов, Н.А. Бородулина, О.И. Вендина, Т.А. Галкина, Д.В. Заяц, Е.С. Юр // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 3. – С. 33–49.
- Геополитическое положение России: представления и реальность / под ред. В.А. Колосова. – М.: Арт-Курьер, 2000. – 352 с.
- Елацков А.Б. Общая геополитика: вопросы теории и методологии в географической интерпретации – М.: ИНФРА-М, 2017. – 250 с.
- Кефели И.Ф., Малафеев О.А. Математические начала глобальной геополитики. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2013. – 204 с.
- Количественные методы исследования в экономической географии / под ред. И.М. Майергойза. – М.: ВИНТИ, Моск. филиал Всес. геогр. о-ва, 1964. – 176 с.
- Колосов В.А., Вендина О.И. Геополитическое видение мира, идентичность и образы друг друга в представлениях молодых жителей Калининграда, Гданьска и Клайпеды // Балтийский регион. – 2014. – № 4 (22). – С. 7–29. – DOI: <http://www.doi.org/10.5922/2074-9848-2014-4-1>
- Колосов В.А., Зотова М.В. Геополитическое видение мира российскими гражданами: почему Россия не Европа? // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 5. – С. 170–186.
- Колосов В.А. Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России // Политическая наука. – 2011. – № 4. – С. 31–52.
- Колосов В.А., Тикунов В.С. Политико-географическое картографирование и геоинформатика: достижения и новые задачи // Известия РАН. Серия географическая. – 2005. – № 1. – С. 17–23.
- Кузнецов С.В., Лачининский С.С. Современная трактовка категории «геоэкономическое положение» и ее верификация на примере Санкт-Петербургской агломерации // Балтийский регион. – 2014. – № 1(19). – С. 103–121. – DOI: <http://www.doi.org/10.5922/2074-9848-2014-1-7>
- Лавров С.Б., Никитина М.Г. Табуированная геополитика: от заката к взлету // Известия Русского географического общества. – 2000. – Т. 132, № 2. – С. 1–6.
- Лачининский С.С. Современные направления геоэкономических исследований в России // Известия Русского географического общества. – 2011. – Т. 143, № 1. – С. 18–27.

- Майергойз И.М.* Территориальная структура хозяйства. – Новосибирск: Наука, 1986. – 303 с.
- Математическое моделирование геополитических процессов / *Д.С. Чернавский, Н.М. Чернавская, С.Ю. Малков, А.Ю. Малков* // Стратегическая стабильность. – 2002. – № 1. – С. 60–66.
- Новиков И.А., Лихарева Н.Д.* Географическая направленность экспорта: взгляд за пределы гравитационной модели (на примере четырех «азиатских тигров») // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2020. – № 3. – С. 33–50. – DOI: <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/33-50>
- Окунев И.Ю.* Методологический синтез в современной геополитике: навстречу неоклассической (посткритической) геополитике // Политическая наука. – 2015. – № 2. – С. 26–38.
- Окунев И.Ю.* Основы пространственного анализа. – М.: Аспект Пресс, 2020. – 255 с.
- Осмоловская Л.Г.* Типология российских приграничных регионов по степени развития трансграничных связей // Региональные исследования. – 2016. – № 1 (51). – С. 126–135.
- Писаренко С.В.* Сибирь в западных геополитических конструкциях XX в.: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Спец.: 25.00.24. РГПУ им. А.И. Герцена. СПб.: 2014. – 23 с.
- Пичугин Ю.А., Малафеев О.А., Рединских Н.Д.* Математическая модель выявления ведущих по значимости геополитических акторов на основе метода главных компонент // Сборник научных трудов секции Третьей Евразийской научно-технологической конференции «Сопряжение Большого евразийского партнерства и инициативы «Один пояс – один путь»: Арктические стратегии, программы, проекты», Санкт-Петербург, 03–05 апреля 2019 года. – Санкт-Петербург: ООО «Издательство ВВМ», 2020. – С. 44–56.
- Плохотников К.Э.* Математическая модель геополитики // Мировая политика. – 2017. – № 3. – С. 23–74. – DOI: <http://www.doi.org/10.25136/2409-8671.2017.3.23674>
- Потоцкая Т.И.* Геополитическое положение западного района России: Брянская и Смоленская области: автореферат дис. ... канд. географических наук: 11.00.02 / Моск. пед. гос. ун-т. – М.: 1997. – 16 с.
- Потоцкая Т.И., Сильнича А.В.* Состояние географических геополитических исследований в современной России // Балтийский регион. – 2019. – Т. 11, № 2. – С. 112–135. – DOI: <http://www.doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-7>
- Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины: состояние и перспективы / *А.М. Анисимов, С.Л. Баринов, Л.Б. Вардомский [и др.]* // Евразийская экономическая интеграция. – 2013. – № 4 (21). – С. 77–96.
- Рагулина М.В.* Геополитика и география эмоций: проблема субъективности // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 11. – С. 28–31. – DOI: <http://www.doi.org/10.24158/pep.2017.11.6>
- Радина Н.К.* «Воображаемая геополитика» в российском медийном дискурсе о коронавирусе // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 1. – С. 110–124. – DOI: <http://www.doi.org/10.17976/jpps/2021.01.08>

- Развитие политической географии и геополитики в Балтийском регионе как научно-образовательных направлений: исторический вклад Санкт-Петербургского университета / *Н.В. Каледин, А.И. Чистобаев, В.Н. Каледин, А.Б. Елацков* // Балтийский регион. – 2019. – Т. 11, № 2. – С. 136–152. – DOI: <http://www.doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-8>
- Российское пограничье: вызовы соседства / под ред. В.А. Колосова. – М.: ИП Матушкина И.И., 2018. – 562 с.
- Российское пограничье: проблемы развития в новых геополитических условиях / под ред. В.А. Колосова и А.Б. Володина. – М.: Институт географии РАН, 2019. – 180 с. – DOI: <http://www.doi.org/10.15356/Rusborder2019>
- Рябцев В.Н.* Из истории геополитической мысли в России. XX век: малоизвестные страницы: Очерки / предисл. А.А. Вартумяна. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 665 с.
- Саати Т.Л.* Математические модели конфликтных ситуаций. – М.: Советское радио, 1977. – 300 с.
- Смирнов И.А. Малафеев О.А.* Задача кластеризации стран мира по геополитическим признакам // *Bulletin de l'Académie Internationale Concorde*. – 2020. – № 3. – С. 3–39.
- Социально-экономическая эффективность развития железнодорожной сети Сибири и Дальнего Востока. Математическое моделирование и прогноз / *В.А. Садовничий, Г.В. Осипов, А.А. Акаев, А.С. Малков, С.Г. Шульгин* // Экономика региона. – 2018. – Т. 14, № 3. – С. 758–777.
- Сухорук В.Д.* Глобальное социально-экономическое пространство // *Известия Русского географического общества*. – 1998. – Т. 130, № 4. – С. 30–35.
- Терновая Л.О.* Геополитические смыслы журнальных обложек // *Этносоциум и межнациональная культура*. – 2017. – № 5(107). – С. 141–149.
- Терновая Л.О.* Клубы как средство национального и геополитического самовыражения // *Этносоциум и межнациональная культура*. – 2015. – № 7(85). – С. 173–179.
- Тынянова О.Н.* Когнитивное моделирование геополитических процессов // *Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки*. – 2011. – № 3 (94). – С. 70–93.
- Фартышев А.Н.* Геополитическое и геоэкономическое положение Сибири: моделирование и оценка // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*. – 2017. – Т. 62, № 3. – С. 300–310. – DOI: <http://www.doi.org/10.21638/11701/spbu07.2017.306>
- Фартышев А.Н.* Метод расчета степени прозрачности политических границ как геополитической категории // *Географический вестник*. – 2016. – № 2 (37). – С. 29–39. – DOI: <http://www.doi.org/10.17072/2079-7877-2016-2-29-39>
- Чувилова О.Н. Романюта И.В.* Методика и оценка геоэкономической безопасности регионов. – Москва: Научная библиотека, 2014. – 162 с.
- Шведов В.Г.* Геополитические аспекты географического положения пограничного Приамурья // *Известия Русского географического общества*. – 1999. – Т. 131, № 2. – С. 49–54.

Н.В. ПАНКЕВИЧ*

ГОСУДАРСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ

Аннотация. Статья обращена к вопросам методологии выявления пространственных политических форм с учетом центральности государства как актуальной структурной доминанты мирового политического пространства и как основной категории политического анализа. Дефицитность политической теории в этом направлении имеет затяжной характер, что предопределяет необходимость поиска инструментов для выявления элементного состава политического пространства и принципиальных возможностей его структуризации.

Выявляется методологическая недостаточность эмпирически ориентированных подходов к решению проблемы поиска структурных альтернатив государству, связанная с опорой на аналитическое масштабирование. Показано, что выводы о магистральных направлениях трансформации политического пространства в данной оптике приобретают конкурирующий характер, являясь не противоречивыми сами по себе, а лишь отражающими разные стороны реальности. Концептуальным препятствием для данной стратегии является стандартное для современной политической теории представление о вертикально упорядоченной уровневой структуре политического пространства.

Предложена исследовательская стратегия, основанная на теоретическом моделировании возможностей структуризации политического пространства, исходя из анализа качества конституирующей пространственную форму политики пространственных элементов. При этом показано, что хотя возможность данной стратегии глубоко укоренена в традициях теории государства и права, она не получила должного развития.

---

* **Панкевич Наталья Владимировна**, кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), e-mail: n.pankevich@yandex.ru

В рамках предложенного подхода государство рассмотрено как пространственная форма, основанная на особой стратегии территориализации. Исследовано влияние парцельного определения территориальности на социальное и властное пространственные измерения государства, показана пространственная уникальность данной формы, а также, исходя из возможностей приобретения конституирующими элементами иных системных качеств и качества их сборки в функциональное единство, предложены некоторые альтернативные формы.

Ключевые слова: пространственный анализ; политическая форма; государство; парцельная территориальность; пространственность; альтернативы государству; форманты; методология политического анализа.

Для цитирования: Панкевич Н.В. Государство в политическом пространстве и пространственность альтернативных политических форм // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 41–66. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.02>

Необходимость обсуждения макрополитических процессов с позиций пространственного анализа осознана обществоведением достаточно давно. Еще в 1979 г. Э. Гидденс выразил свое сомнение в концептуальной достаточности Словаря общественных наук, указав, что большинство форм современной ему социальной теории *не смогло адекватно объяснить не только временные детерминации [социальных изменений], но и их пространственную специфику* [Giddens, 1979, p. 202]. Этот дефицит характеризует состояние политической теории и сегодня.

Полвека спустя сохраняющуюся остроту проблемы подтверждают как отдельные авторы, так и целые научные школы [Appadurai, 2003; Blomley, 1994, p. 25; Lacher, 2006], подчеркивая, что *выявление детерминант взаимодействия между пространством и политикой для наук об обществе остается маргинальной областью и рассматривается как узкая специализация в рамках географии* [Benda-Beckmann, Benda-Beckmann, Griffiths, 2009, p. 1].

Между тем дискуссия об элементном составе политического пространства и возможностях его структуризации сегодня становится все острее. Процессы, связанные с изменением традиционных форматов властной дисперсии, которые мы наблюдаем в настоящее время, свидетельствуют о трансформации, которая связана с практическим пересмотром организационных принципов макрополитического порядка и с научной рефлексией о них.

Центральность государства в политической теории

Основной удар критики в этой проблемной ситуации принимает, на наш взгляд, центральная установка современных политических наук о государстве как об основном локусе и базовой форме, в которой реализуется политическое взаимодействие, происходит аккумуляция и распределение властных ресурсов и компетенций, а также устанавливается иерархия социальных целей, ценностей и статусов. В первом, самом очевидном срезе реальности это выражается в осознанной передаче или невольной утрате государством ряда компетенций в контроле над ресурсными потоками, символическим капиталом и легитимностью, которым сопутствует захват критически значимых полномочий (по определению М. Кревельда) *различными организациями, которые, какова бы ни была их природа, определенно не являются государствами* [Кревельд, 2006, с. 9].

Между тем для современной политической теории характерно понимание системы государств именно как *координатной сетки* [Мельвиль, 2007, с. 13] и государства как *единственного базового уровня* [Окунев, 2019, с. 5] мирового политического пространства, по отношению к которому возможно позиционировать все другие политические единства, характеризуя их как комплементарные – производные от деятельности суверенных государств надгосударственные и зависимые субгосударственные. Это представление формирует основную догматику в современных теориях международных отношений, которые де-факто рассматривают их как эмпирически тождественные отношениям межгосударственным, и только в последнее время частично отступают от этого представления [Меньшенина, 2016, с. 12; Алексеева, Лебедева, 2016, с. 34].

Тезис о центральности имеет безусловное право на существование и преимущественно верно отражает статус-кво макроуровня политической системы в состоянии стабильности и в условиях, когда институт государства переживает устойчивую восходящую динамику, превращаясь в естественную доминанту, определяющую беспрецедентный изоморфизм макроуровня политического пространства. Тем не менее мы можем уверенно ожидать роста интереса к поиску альтернативных подходов, когда под вопрос ставится упорядоченный образ мира, где сообщество государств, состоящее из независимых, равнозначных, равностатусных, структурно подобных и взаимно признанных единиц, мыс-

лится основой универсального нормативного порядка и исключает влияние разнообразных *других*: [институтов-] *варваров, язычников, неверных, разнообразных отверженных* [Jackson, 2000, p. 13]. Особенностью современной аналитической ситуации является интерес именно к альтернативам, возникающим внутри политического универсума, элементный уровень которого представлен государственными образованиями, и во многом в противовес базовой организационной логике этого универсума, а также к поиску возможных методологий выявления этих альтернатив.

Пространственные формы: пробелы техники масштабирования

Одной из представительных исследовательских стратегий в поиске пространственных альтернатив государству становится экспериментирование с аналитическим масштабированием. Неоднозначность процессов, определяющих сегодня динамику мировой политической системы, позволяет формулировать множественные (и часто взаимоисключающие) гипотезы относительно магистральных направлений структурных изменений, которые она переживает на современном этапе и которые определяющим образом воздействуют на перспективы ее эволюции в будущем. Поэтому номенклатура фиксируемых эмпирически единиц негосударственного формата и генезиса может включать многочисленные масштабно отличные друг от друга единства.

Предложения формулируются в спектре гипотез о возможной политической архитектуре мира на основе укрупненных форм, структурирующих большие пространства над уровнем государств. На этом направлении значимые попытки оспорить доминантное положение государств в координации процессов макроуровня мировой политической системы представлены концепциями, идущими в русле развития идеи агрегации и столкновения цивилизаций, вдоль культурных линий конфликта и кооперации [Хантингтон, 2003, с. 13]; становления «плоского мира», в котором регионы, организации, общности и индивиды получают равный, фактически эгалитарный доступ к ресурсам, циркулирующим в глобальном масштабе без политических границ [Friedman, 2005]; глобальной политики или глобального гражданского общества [Ougaard,

Higgott, 2002]; открытой вовне универсализирующей политическое пространство империи [Hardt, Negri, 2000].

Параллельно предлагаются альтернативы, кристаллизация которых, осуществляясь на суб- и кросс-государственном уровне, производит новые конкурирующие с государственно оформленными пространствами и юрисдикциями территориально-политические конфигурации. Здесь, с одной стороны, формулируется идея о новом деуниверсализованном формате политического структурирования «без государства», за счет разнообразных единиц мезоуровня (внутригосударственных и трансграничных регионов, ареалов действия региональных координирующих организаций) в оппозиции государству [Matsuzato, 2005; Florida, Gulden, Mellander, 2008]. С другой стороны, еще большее укрупнение масштаба и переход на более низкий иерархический уровень открывают возможность обоснования гипотез о становлении мозаичного и слабо интегрированного ландшафта, представленного структурой, элементами которой являются связанные между собой поверх физического пространства узлы [Feng, Growe, Shen, 2020]. Взрыв политической значимости иерархий урбанистических центров представляет собой один из наиболее значимых фокальных объектов подобного анализа.

Следует отметить, что среди возможных вариантов эмпирически прогнозируемого будущего можно по-прежнему часто встретить гипотезы, имеющие целью подтвердить сохранение нормативного статус-кво – исключительной позиции государства и связанных с ним институтов [Scheuerman, 2009, p. 207], со свойственным этой позиции скепсисом относительно возможности прогноза *будет ли наследовать государству какая-либо работающая нормативная или эмпирическая модель* [Zürn, Leibfried, 2005, p. 25–26]. При этом кризисная динамика пандемийного периода, связанная с резким повышением значимости собственно государственного регулирования, и последующий период эскалации международной напряженности, ставший моментом истины для целого ряда международных режимов, претендовавших на субординацию государств, существенным образом добавляют валидности подобным гипотезам. Об этом свидетельствуют такие институциональные реакции на кризис, как обратный трансфер чрезвычайных и распределительных полномочий из наднациональных структур в национальные управленческие органы, территориализация эконо-

мических и финансовых ресурсов в рамках государственных границ, свидетельства успешного укрепления национальных валют в ущерб резервным, попытки хирургически точного разъединения межгосударственных энергосистем, выход стран из крупных конвенций и договоров и, наконец, резкая актуализация национальных идентичностей [Панкевич, Руденко, 2021].

Однако динамичный характер флуктуации политического поля, выдвигающий на первый план то одну, то другую пространственную единицу, не снимает более фундаментального вопроса о принципиальных, предельных возможностях структуризации политического пространства. Наблюдаемый кризис эмпирического анализа заключается в том, что должное подтверждение – равно как и обоснованное опровержение – возможности становления в качестве перспективного конституирующего элемента пространственной организации мира получает любая из представленных альтернатив. Причем прогноз возможности ее успеха существенно различается даже в рамках небольших временных отрезков. Подобный эффект указывает на общую методологическую недостаточность эмпирически ориентированных подходов в оценке происходящих в современном мире трансформаций.

Эта дефицитность имеет концептуальный характер и связана, на наш взгляд, со стандартным для современной политической теории представлением о вертикально упорядоченной иерархической структуре политического пространства и сопутствующим преобладанием характерной методологической установки о необходимости смены, главным образом, масштаба рассмотрения политических процессов в мировой системе. Но очевидно, что при этом выбор масштаба как основного аналитического приема, на котором останавливается исследователь, предопределяет и выбор приоритетного объекта анализа. Центральное ранее место института государства занимают, в зависимости от задач исследования, суб- или надгосударственные единства: муниципалитеты, регионы, федерированные единицы, стремящиеся к повышению своего политического статуса и приобретающие новые компетенции в процессе деволюции государственного управления – или союзы, межгосударственные объединения, транснациональные организации, в которые осуществляется трансфер важнейших государственных функций, в том числе нормотворчество и правопримене-

ние, управление силовыми ресурсами, монетарная и финансовая политика, профильное регулирование на глобальных рынках.

По сути перечисленные эмпирические исследования производят разной степени успешности попытки установить в структурно статичном и иерархически организованном пространстве политического управления слой, в котором происходит или предполагается, что будет происходить, основной объем анализируемых процессов и в котором усиливается конкуренция возникающих на разных уровнях пространственных форм за центральность (см., например: [Reboredo, Brill, 2019]). При этом сама иерархически «уровневая», или «слоевая» природа структуры политического пространства, в котором несущим центром по-прежнему остается государство, под вопрос не ставится и рассматривается как данность [Alff, Benz, 2019]. Неустранимость государства как пространственной доминанты в этой теоретической рамке является аксиоматической, поскольку возможные альтернативы неизбежно и вынужденно вызревают внутри институциональных условий, кодируемых государством, и успешны именно настолько, насколько сами государства допускают их автономизацию.

Поэтому неудивителен и сопутствующий дефицит инструментальных стратегий, дающих иное видение закономерностей распределения и стабилизации пространственных конфигураций. С. Сассен, одна из немногих авторов, обративших внимание на эту проблему, в своей интерпретации современных процессов предлагает идею об укорененности многих явлений (которые интерпретируются в качестве феноменов «глобального уровня») в национально-государственных пространствах и указывает на сложные переплетения и диалектику происходящих на разных уровнях политического управления процессов, которые таким образом не могут быть представлены в виде иерархии или быть изолированными друг от друга [Sassen, 2006, p. 9].

В результате уже на стадии первого приближения к определению объекта исследования возникают методологические предпосылки, препятствующие действительному и полномасштабному анализу процессов системной трансформации макроуровня политической системы. Это закономерно: если различные процессы протекают с различной степенью интенсивности на различных «этажах», то и выводы относительно специфики магистральных направлений в трансформации политического пространства при-

обретают конкурирующий характер, являясь не противоречащими сами по себе, а лишь отражающими разные стороны реальности.

Так, например, процесс концентрации мигрантов с их явным предпочтением городских социальных ландшафтов сельским будет провоцировать исследование проблематики урбанизации, нарастания демографической напряженности и сопутствующего повышения политического веса крупнейших городов и агломераций с неизбежным выводом о том, что именно этот уровень эволюционирует в качестве перспективного «центрального» в политическом пространстве современности [Sharp, 2019]. Тогда как внимание к экономической специализации территорий в мировом разделении труда будет прямо указывать на необходимость рассмотрения вклада образований мега- и мезоуровней, внутригосударственных и трансграничных регионов как центральных катализаторов и одновременно финишных институций в процессе вытеснения государства из центра политического пространства. В свою очередь, наблюдаемое умножение номенклатуры институтов, создающих правовые режимы в глобальных профильных сегментах, таких как торговое право, международный арбитраж, защита окружающей среды или прав человека, в свою очередь, привлекает внимание к надгосударственному уровню и процессам институционализации новых пространственных форм в этом домене [Basedow, 2013; Calliess, Renner, 2009].

Но в действительности столь разные выводы о возникающих возможностях переноса центра тяжести политической системы в соответствующие институции оказываются запрограммированными уже на уровне калибровки масштаба исследовательского поля.

Пространственная форма: к определению понятия

Последнее предполагает необходимость выявления и моделирования возможностей структуризации политического пространства прежде всего на теоретическом уровне. Чтобы приступить к обсуждению данного вопроса, мы предлагаем вернуться к необходимости системной концептуальной разработки дефиниции пространственной формы политики, для которой государство будет одной из возможностей эмпирической реализации.

Перспектива развития данного подхода видится прежде всего в декомпозиции и преодолении унитарности аналитического конструкта государства. Эта стратегия не получила должного развития, хотя глубоко укоренена в традициях теории государства и права, и отдельные ее положения развивались на длительном историческом интервале. Еще Г. Еллинек усматривал (и был в таком подходе не одинок [Kelsen, 1961]) объективное начало государства *в его составных элементах, которыми являются территория, народ и властитель* [Еллинек, 2004, с. 81]. Стабильность научного консенсуса относительно структурных элементов, со-творяющих во взаимодействии государство, и сама восходящая траектория эволюции государств, которая в историческом процессе сопровождалась системным вытеснением всех пространственных альтернатив, сыграли с теорией государства довольно злую шутку. Территория, сообщество, властный аппарат из стратегически заряженных перформативных сил, распределяющих политическое пространство, были методологически низведены в категорию признаков государства.

Сегодня определение государства через его атрибуты распространено чрезвычайно широко и используется догматически (напр.: [Меньшенина, 2016, с. 20; Матузов, Малько, 2004, с. 27–28]), что имеет значительные последствия: за горизонтом осознания остается тот факт, что для становления государства подходит отнюдь не произвольно взятая территория, не каждый тип сообщества, а властный аппарат государства обладает вполне уникальной пространственной и организационной спецификой. Эти составляющие являются самостоятельными стратегическими началами, каждое из которых в процессе реализации своей функции по распределению пространства – физического, социального, властного – способно принимать целый ряд значений.

На наш взгляд, в этой части следует согласиться с тезисом Т. Парсонса о том, что социальная система является центром интеграции ее аналитически различимых компонентов, а не только особо дифференцированным типом этих компонентов [Парсонс, 2002, с. 212]. И только приобретая совершенно определенные, уникальные квалификации указанные форманты приводят к стабилизации государства как устойчивой пространственной формы и открывают возможность для распространения этой формы на весь объем мирового политического пространства.

В свою очередь, именно способность элементов принимать в ходе реализации социальными акторами разные значения обеспечивает *избыток возможностей* [Луман, 2004, с. 107], который создает потенциал внутренней динамики пространственной системы и вырабатывает эндогенные факторы для ее трансформации. Континуум таких вариаций содержится в системной памяти как набор потенциально возможных функциональных состояний и может быть при необходимости актуализирован в соответствующей ситуации.

Именно поэтому система, существуя относительно стабильно, сохраняет возможность как к эволюции и поиску новых состояний, так и к возвращению к исходной форме. Это, в частности, означает, что исторически покинувшие горизонт актуальной политической системы конкуренты государства (см., напр.: [Spruyt, 1994]) не могут быть списаны со счетов как навсегда превзойденные. При определенных обстоятельствах они способны вернуть свою актуальность, образуя спектр трансисторических форм пространственной интеграции политических систем.

Одновременно становится очевидным, что изменение качества каждого из конституирующих пространственную форму политики элементов оказывает принудительное воздействие на состояние остальных. Фактически подобным образом измерение окружающего мира, на сигналы которого система реагирует адекватными адаптациями, привносится во внутреннее пространство системы, интериоризируется и становится постоянно готовым к активизации трансформационных процессов.

В этом случае становится понятным, что совместное действие всех трех сил создает беспрецедентное давление на форму политических образований, принуждая их к структуризации в том или ином стандартном для макросистемы качестве. Каждый из них обеспечивает, таким образом, и *ограничение пространства селекций* [Луман, 2001, с. 22], предопределяя сгущение социальных и специфически властных взаимодействий в определенных форматах и исключая неконформные или просто отличающиеся способы социальной и институциональной интеграции.

Результатом подобного действия становится кристаллизация пространственной формы как способа сопряжения обозначенных компонентов. Необходимость предельного соответствия конституирующих элементов друг другу в рамках стабильной конструк-

ции в значительной мере объясняет действительную немногочисленность макроинституциональных состояний, которые зафиксированы в человеческой истории. Это фундаментально властное действие, радикальным образом лимитирующее число возможностей и степеней свободы в развитии системы [Луман, 2006, с. 27–29], не оставляющее простора для ее произвольного волюнтаристского конструирования.

Именно это обстоятельство, в частности, определяет беспрецедентный изоморфизм современной структуры политического пространства в качестве международной системы, состоящей при значимом разнообразии индивидуальных характеристик отдельных образований (от континентальных держав до островных микрогосударств, от политий с миллиардным населением до государств с несколькими десятками тысяч граждан, при существенных диспропорциях в уровнях экономического и человеческого развития, отраслевого состава индустрий, при эмпирически очевидных различиях специфики строения управленческого аппарата, распределения властных полномочий и компетенций и т.п.) из конституционно и функционально подобных единств [Meyer et al., 1997, p. 152–153].

Государство как пространственная форма

Представляется, что в рамках предложенного подхода формируется возможность для размещения различных типов пространственных форм по качественной специфике в них каждого из обозначенных формантов и способу их сборки в функциональное единство. Государство как пространственная форма в этом случае будет одной из стратегических возможностей реализации данной сборки. И поскольку сегодня именно государство является центральной институцией в структурировании мирового политического пространства, имеет смысл произвести анализ данной категории с предложенных позиций.

Манифестацией специфического пространственного определения государства является особого рода территориальность как выражение стабильного во времени и координатах монопольного обладания политическим сообществом фиксированной частью физического пространства. Значение и политические проекции этой

пространственной инновации раннего Нового времени зачастую оказываются недоосмысленным в политической теории и представляются одной из ее априорных основ [Fain, 1972, p. 18]. Между тем именно элемент монополизированной, выграниченной из ткани мира территории делает современное государство как политическую форму структурно несводимым к другим политическим единствам, которые исторически претендовали или могут претендовать на осуществление тех же социетальных функций. В свою очередь, возможность идентифицировать и проактивно поддерживать стабильный территориальный лимит каждой политики представляет собой важнейший дифференцирующий признак всего современного нам нормативного порядка, центр которого занимает государство.

С точки зрения качества территориального компонента в основе государства лежит естественный целостный площадной объект, характеризуемый четко обозначенной и преимущественно замкнутой границей – вычлененный из ткани мира и легко определяемый пространственный парцель. Граница, создающая эту определенность, разделяет жизненный мир политики на внутренний (нормативно освоенный и принципиально важный) и внешний (нормативно недоступный для прямого действия нечрезвычайного характера и потенциально безразличный) домены и распределяет все материальные объекты и нематериальные феномены и процессы в зависимости от их локализации по ту или эту сторону.

Технологически процесс парцельного распределения пространства обеспечивается возможностью классифицировать всю совокупность объектов властвования в терминах включения в состав территории или исключения из нее. Это чрезвычайно эффективная в силу своей экономичности техника, которая позволяет произвести логически простую операцию разнесения объектов, событий, процессов, рисков по категориям значимости и безразличия не в силу их специфики, объема, реальной ценности, но лишь в силу позиции в физическом пространстве.

Территориальная техника парцеля чувствительна к фактору физической дистанции между объектами или взаимодействующими акторами. Тем не менее приоритетное значение приобретает не собственно близость / удаленность, а расположение по отношению к линиям, определяющим границу территории. Именно попадание во внутреннее или внешнее пространство становится критическим

фактором консолидации и размежевания между социальными субъектами, процессами, феноменами.

В этом качестве территория-parcela выступает активным катализатором, способствующим интенсификации социального взаимодействия: внутри производимого ареала она возвращает консолидированную социальную общность. Даже антагонистические интересы и их носители помещаются в общий материальный контекст, который предполагает сплочение на основе соприсутствия и сопричастности к территории, соучастия в ее эксплуатации, освоении и удержании. Таким образом, parcelная институционализация территории выполняет не только властную функцию распределения ресурсов, но и социальную функцию консолидации человеческого сообщества и формирования его идентичности.

Реализация в пространственной форме государства стратегии parcelизации помимо прямого и независимого контроля над участком физического пространства имеет и другие преимущества. Политически важно, что владение четко фиксированной и маркированной территорией способствует визуализации властвующего субъекта. За счет доминирования на конкретно взятой территории, с течением времени приобретающей черты естественного, узнаваемого и признаваемого объекта – итальянского сапога, французского пятиугольника, широтной и меридиональной определенности США, континентальной протяженности России или Австралии и т.п., – реализующий власть центр обретает способность к реификации. Политическая власть стабилизируется в пространстве, и эта стабилизация создает возможность ее длительного существования во времени и устойчивости даже в крупных трансформационных процессах революционного значения, производящих смены политических режимов, пересмотр социальных иерархий, способы организации экономических отношений и системы апроприации и т.д.

Эффективность властного отношения в данной технике обеспечивается тем фактом, что политизация части физического пространства (которое само по себе является нейтральным) позволяет ему функционировать в качестве активного начала в установлении и поддержании социального контроля над объектами. Такие идеологемы, как «право почвы» (т.е. легитимация социальных, политических и правовых норм за счет их укрепленности в определенном географическом ареале), позволяют замаскировать дей-

ствие социальной группы или властной институции и придать соответствующим нормам ореол незыблемости и принадлежности к естественному, природному, изначальному порядку вещей.

В рамках территориального парцеля власть, таким образом, перестает быть атрибутом лишь правителя или конкретного властного института. Она растворяется в пространстве, насыщая его и сливаясь с ним. Верно и обратное: деструктурируется и сообщество – его качественные характеристики нормализуются и усредняются, а на первый план выходит связанность социума с территорией, укорененность в ней. Парцельная территориальность государства становится той оболочкой, благодаря которой даже глубоко расщепленный экономически и социально социум, пожалуй впервые может увидеть себя в качестве непротиворечивого единства, что закладывает институциональные основы для возрастания норматива самостоятельного и автономного от внешних факторов самоопределения и дальнейшего независимого существования политического коллектива в качестве социальной тотальности – преемственности транспоколенческого органического единства, своего рода «коллективного индивида», «соборной личности» [Barron, 1990, p. 117; Тимофеев, 2020, с. 30].

Устойчивость же территориального режима обеспечивается тем, что в политическом измерении территория выступает не просто как источник власти и не только как ее ресурс для реализации. Выграниченная территория под контролем соответствующего сообщества и властного центра становится также и конечным результатом осуществления властного воздействия. Действенность власти, реализующей эту стратегию, равна контролю над своей территорией и – посредством территории – над всеми заключенными в ее состав объектами, а эффективность властного действия иссякает на границе политики [Beale, 1916, p. 40–41].

Таким образом, концепт территории-парцеля, основополагающий для пространственной формы государства, процессуально цикличен. Начинаясь с овладения участком физического пространства, властное отношение завершается на установлении и удержании контроля над ним же. Источник, средство и результат властного процесса сливаются в одном эмпирическом объекте. В этом смысле в политической форме государства устанавливается непрерывный процесс взаимообращения территории и сообщества. В окончательном виде норматив государства требует, чтобы все

три элемента, необходимые для построения политической формы, были выстроены в циклически устойчивую структуру, содержащую прямые, ничем не опосредованные корреспонденции между формантами.

Специфика парцельной территориальности формирует представительную традицию определять государство на нормативном уровне как прежде всего согласованную «территориальную корпорацию», определяемую не спецификой культуры, но принципиальной укорененностью в пространственном субстрате [Gierke, 2001, p. 142, 161–163]. Манифестация единого социального и правительственного контроля над территорией является стереотипной чертой всех единств данного типа таким образом, что становится справедливым следующее: *идеи государства и «территориального суверенитета» стали в теории и практике синонимами, а выражение «территориальное государство», соответственно, – тавтологией* [Бауман, 2002].

В свою очередь это означает, что пространственная революция государства связана именно с политическим открытием парцеля, эксклюзивность которого распространяется не только на некую доступную часть физического пространства, но, согласно тем же принципам, структурирует человеческое сообщество на основании принадлежности к территориально определенным группам, членство в которых приоритетно и является основанием наделения социальными и политическими правами. Тем же действием парцельная территориальность формирует замкнутые географии власти на основе исключительных юрисдикций.

Очевидным преимуществом рассмотренного пространственного определения является структурная бездефицитность государственной формы. При предельном совпадении социального и властного пространственных измерений с пространством физическим государство становится исключительно стабильной конструкцией, что видится одним из ее основных преимуществ, определивших ее восходящую траекторию превращения в структурную доминанту в глобальном масштабе.

Пространственность альтернативных форм

Может ли подход, который мы применили для описания пространственной формы государства, позволить произвести моделирование альтернатив государству не в качестве эпифеноменов, сопутствующих центральности уровня государства в мировой политической системе? Представляется, что в рамках предложенной стратегии появляется возможность рассмотреть и ситуацию эмпирического кризиса, с которым может столкнуться конкретное государство, и ситуацию концептуального вызова, когда на место территориальной парцеля на нормативном уровне претендует иная институционализация территориального компонента.

Ситуации первого типа чрезвычайно распространены. В реальном политическом процессе нормативность государственности как автономного и согласованного единства вынуждена постоянно подтверждать свою действительность, и значительное количество политий сталкивается с ситуацией существенного несовпадения пространственности территориального домена, идентичности политического сообщества и стратегии властного центра. Политически значимые объекты, в том числе критически значимые для идентичности государств, могут оказаться за пределами территориальных границ и вызывать целые каскады как эмоциональных, так и организационных реакций. Политическое сообщество, мыслящее себя единством, может быть разделенным между несколькими государственными юрисдикциями, что весьма характерно для стран Африканского континента и не менее значимо и для постсоветского пространства, и для Азиатского региона.

Для современного состояния научной рефлексии достаточно показательно, что в этом случае расхождение нормативной модели государственности и эмпирического объекта трактуется как дефект объекта, но не модели, которой он должен соответствовать. Наиболее очевидным проявлением подобной проблемы является нарастание сецессионных явлений, которые в целом ряде случаев приобретают злокачественное течение и приводят к катастрофическим явлениям для отдельных государств. Каждая сецессия является крайне болезненной для любого государства, поскольку территориальность парцеля реализует в рамках данной формы своего рода метафору телесности политической формы, которая неприкосновенна в высшем смысле [Waltzer, 2006].

И тем не менее подобное развитие, несмотря на свою болезненность для конкретного государства, не является вызовом государству как политико-пространственной форме. Осуществляющие сецессионные проекты регионы в своей массе претендуют не на разрушение существующего нормативного порядка, но на адаптацию конкретных единиц к изменяющимся пространственным стратегиям политических сообществ в случае идентитарных движений (связанных с проблемой разделенных народов, неразрешенными этноконфессиональными и национальными расколами внутри государства) или изменяющимся конфигурациям ресурсных потоков (в случае нарастания диспропорций экономического развития, которые региональные социумы перестают рассматривать как легитимные). Отделяющийся регион претендует на повышение статуса в мировой политико-экономической системе, непосредственное вхождение в нее, минуя охватывающее государство, отстаивает право на свою политическую субъектность.

Принципиальным моментом здесь является то, что в условиях нормативности парцельной территориализации политического пространства альтернативные государству формы конституционно исключаются из числа возможных исходов политического процесса, что оставляет претендующим на успешную сецессию акторам единственное окно возможностей для самоопределения. Им является создание собственного территориального государства или (ре)интеграция в состав уже существующего¹. Поэтому даже в случае успеха сецессии учреждение новых политий именно в форме государства становится ожидаемым и, по сути, неизбежным исходом.

Учитывая преимущественно негативный опыт существования политий в промежуточных состояниях восстающих регионов, непризнанных государств или (*failed*) государств в различной степени деградации политического проекта, испытывающих значительные сложности в плане защиты прав своих граждан, именно регулярное государство по-прежнему сохраняет свои позиции основного гаранта безопасности, источника прав и порядка. Сово-

---

¹Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Принципы, которыми государства – члены Организации должны руководствоваться при разрешении вопроса о том, обязаны ли они передавать информацию, предусмотренную статьей 73 е Устава» № 1541 от 15.12.1960, принципы VI–IX.

купность подобных трудностей составляют не только такие очевидные угрозы, как милитаризация и возрастание неструктурированного насилия, но и меньшие, но тем не менее весьма чувствительные проблемы рутинного плана, имеющие очевидное пространственное измерение. Такие, как признание документов о регистрации номеров автотранспорта, дипломов об образовании, правовых последствий актов гражданского состояния (браков, разводов, усыновлений и пр.), прямо влияющих на вопросы перехода прав собственности, наследования, алиментных обязательств и др., лимитирование права на свободу передвижения и множество других проблем, сопровождающих повседневную жизнь. В этот список следует также включить ограничения нормальной экономической активности, увязанные с такими на первый взгляд техническими вопросами, как правила, определяющие происхождение товаров и допускающие в экономический оборот лишь товары, произведенные на территории признанных государств.

В результате успешной реализации сецессионных пространственных стратегий число независимых политических единств, конституированных в форме государств, последовательно увеличивается на протяжении крупного исторического периода. Если в начале XX в. число суверенных государств определялось (в силу отсутствия отчетливой формализации [Fazal, Griffiths, 2008, p. 200]) как 50–70, то в результате серий национально-освободительных революций, антиколониального движения, региональных расколов и крупномасштабных сдвигов континентального масштаба (подобных распаду СССР) сегодня официальное число государств достигло 193 и вполне имеет шансы на дальнейшее увеличение, подтверждая и утверждая государство как главенствующую политическую форму со специфическим пространственным определением в основе.

Однако второй вызов значительно серьезней, поскольку коренное изменение стратегий территориализации политических обществ и их стратегический отказ от преимуществ парцельной географии действительно может способствовать постепенной консолидации альтернативных государству пространственных форм. Некоторые из них известны как крупные исторические состояния, которые структурно инаковы по отношению к доминирующей сегодня форме. Сегодня они вновь проявляют себя в качестве организационных возможностей политического структурирования.

Как изменится структурное качество системы, если география политики-государства, в основе которой лежит стратегия формирования пространственных изолятов, уступит место стратегиям разомкнутой территориальности?

Масштабные последствия для всех элементов политической формы производит размыкание эксклюзивной территориальности государства в открытую пространственность, которая может вести к осуществлению имперских форм, специализирующихся на овладении большими протяженностями и тяготеющих к практически бесконечному расширению, в пределе – до универсальных масштабов. Очевидно, нелимитированная пространственность накладывает существенный отпечаток на специфику политического общества и властного аппарата, которые она удерживает. Важнейшим условием для существования подобной формы становится способность к охвату максимального социального разнообразия. Имперский социум, в отличие от солидарного общества «в клетке» [Mann, 1993, p. 61] государственной территориальности, предъявляет куда меньший объем требований к гомогенности своего социально-демографического состава. Его композиция отвергает необходимость как целостности и солидарности всего социума, сплочения его в единый субъект, так и нормализацию правового, экономического, социального статуса гражданина, принципиально необходимую для государства.

Напротив, имперский социум создается на основе фракционной групповой субъектности, которая предполагает закрепление определенного статуса и социальной позиции за группой в целом и медиацию статуса конкретного человека в зависимости от его принадлежности к той или иной части общественной системы. Именно в результате подобной композиции имперские сообщества оказываются куда более открытыми для включения иноязычных, иноконфессиональных, расово и культурно отличных контингентов. И, следовательно, поэтому куда более приспособлены для территориальных экспансионистских проектов, предполагающих широкий контакт с отдаленными перифериями. Уже сгенерированное внутри таких обществ социальное различие является и правовым, и экономическим, и культурным одновременно. Поэтому присоединение даже статистически значимых новых чужеродных контингентов происходит достаточно безболезненно: они интегрируются как «еще одна» группа среди других локальных мно-

жеств, не производя возмущающего эффекта в структуре социума в целом.

В свою очередь, такая композиция предопределяет и необходимость построения особых управленческих схем. Наблюдаемые в имперских формах не прямое правление, преимущественно вертикальный характер коммуникации с центром при отсутствии горизонтальных связей между регионами также являются одной из пространственных импликаций, связанной с тем фактом, что разнородные сегменты системы вынуждены формировать профессиональную когорту функционеров, представляющих их интересы во взаимодействии с центром политики. Именно поэтому имперская форма, с одной стороны, структурно предрасположена к деполитизации массовой общественной жизни, к вытеснению политической и прежде всего демократической процедуры на периферию общественной жизни, предлагая на ее место некие субституты участия в формате культов или допуска к распределению благ, к лишению индивида политического статуса, а также к сведению политической коммуникации к коммуникации исключительно элит. С другой стороны, именно эта форма достаточно успешно решает вопрос интеграции территориально расширяющегося социума, характеризующегося множественностью локальных идентичностей, и обеспечивает его пацификацию.

Возможна и другая крупная альтернатива государственной форме, которая также связана с отказом от парцельного пространственного определения и которая предполагает освоение глобального пространства за счет политического сближения и интеграции наиболее напряженных в демографическом, экономическом, коммуникационном отношении участков физического пространства. Как исторически (опыт итальянских лиг и североευропейской Ганзы), так и сегодня подобные сегменты пространства представлены крупнейшими урбанистическими центрами и агломерациями, между которыми возникают устойчивые политико-экономические и правовые связи. В этом смысле возникающая форма структурно противоположна и государству, и империи, поскольку организует политическое пространство сетевым образом, что предполагает мозаичность, партикулярность и нестабильность ее территориальной основы, ситуативное включение и выпадение отдельных сегментов из общей коммуникации и при этом способность образовывать связи поверх любых пространств, не вступая в контакт с

ними [Khanna, 2018]. Сегодня эта способность кратно усиливается за счет создания искусственных сред коммуникации, которые гомологичны сетевой структуре урбанистических сетей.

Возможности концептуального вызова суверенной государственности со стороны ее оппозиции в лице сетевых структур многообразны: государства и урбанистические сети ориентированы на две принципиально антагонистические логики, которые по-разному интерпретируют квалификации сообщества и властного центра, что позволяет делать выводы о том, что мы действительно имеем дело с двумя несводимыми друг к другу и конфликтующими возможностями пространственного развития человеческой цивилизации. Территориальность сетевого типа имеет значимые импликации, предопределяющие существенный дефицит центральной властной институции и перетекание реальных властных полномочий в менее формальные и менее публично прозрачные организации, которые осуществляют регулирование профильных вопросов в пределах своей профессиональной специализации. При этом специфика субъектности в рамках данной формы также не предполагает включения в состав политически влиятельного класса всей совокупности жителей и солидарности между ними. Это является ключевой проблемой для сетевой формы политического пространства, испытывающей достаточно острый дефицит как политической визуализации, так и легитимации с позиций наиболее престижных политических режимов, основанных на демократических форматах участия.

Реальный социальный статус и жизненные перспективы каждого человека в рамках данной формы определяются одновременно его принадлежностью к той или иной корпорации или сектору экономики и местом в профессиональной иерархии внутри нее. Политически это позволяет отдельным узлам сети, оставаясь в пределах политического единства, реализовывать несвязанные между собой политические стратегии в отношении подконтрольного сообщества, определять объем их прав и режимы доступа к коллективно доступным благам и ресурсам, что отрицает принципы единства правового пространства и нормативного равенства между гражданами в рамках политического образования.

Заключение

В рамках небольшого текста мы не можем произвести полномасштабный сравнительный анализ возможных пространственных форм, которые потенциально могут составить альтернативу государству в развитии современной мировой системы. Однако произведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что методологии выявления альтернатив связаны скорее не с изменением масштаба и попыткой вычленения уровня политического пространства, к исследованию которого обращен анализ. Более продуктивным является подход, основанный на выявлении предельных структурных характеристик пространственной формы, обладающей уникальными характеристиками пространственной основы, типа сообщества и специфики властного аппарата. Именно возможность предложить структурную альтернативу этой сборке на основе принципиально отличных институционализаций каждого из предложенных компонентов будет свидетельствовать о конкурентном формате возникающего политического единства по отношению к государству. И, соответственно, в рамках предложенного подхода формируется теоретическое пространство для размещения иных типов форм, отличных от государства по специфике институционализации в нем каждого из обозначенных формантов, а также способу их сборки в функциональное единство.

N.V. Pankevich*

The State in the Political Space and the Spatiality of Alternative Political Forms

Abstract. The article explores the issues of methodology for identifying spatial political forms, considering the centrality of the state as an actual dominant of the world political space, and as the master-category of political analysis. The scarcity of political theory in this direction has a protracted character, which determines the need to search for tools to identify the elemental composition of the political space and the fundamental possibilities of its structuring.

Analysis discovers the methodological insufficiency of empirically oriented approaches to solve the problem of finding structural alternatives to the state, associated

---

* **Pankevich Natalia**, Institute of Philosophy and Law of RAS (UB) (Yekaterinburg, Russia), e-mail: n.pankevich@yandex.ru

with reliance on analytical scaling. Within this technic the conclusions regarding the main directions in the transformation of the political space acquire a competing character, not being contradictory in themselves, but only reflecting different sides of reality. The conceptual obstacle to this strategy is the standard idea for modern political theory idea of political space that is a vertically ordered leveled structure.

A research strategy based on theoretical modeling of the possibilities of structuring political space is proposed. An approach employs the analysis of the quality of spatial elements constituting the spatial form of politics. It is shown that the possibility of this strategy is deeply rooted in the traditions of the theory of state and law, however, has not been properly developed.

Within the framework of the proposed agenda, the state is considered as a spatial form based on a special strategy of territorialization. The influence of the insular territoriality on the social and power spatial dimensions of the state is investigated; the spatial uniqueness of state political form is shown; and, based on the possibilities of acquiring other systemic qualities by constitutive elements and the quality of their assembly into a functional unity, alternative forms are proposed.

Keywords: spatial analysis; political form; state; partial territoriality; spatiality; alternatives to the state; formants; methodology of political analysis.

For citation: Pankevich N.V. The State in the political space and the spatiality of alternative political forms. *Political science (RU)*. 2022, N 4, P. 41–66. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.02>

References

- Alekseyeva T.A., Lebedeva M.M. What is happening to the theory of international relations. *Polis. Political Studies*. 2016, N 1, P. 29–43. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.03> (In Russ.)
- Alff H., Benz A. The multi-dimensionality of space – an analytical framework for the empirical investigation of the production of place. *Erdkunde*. 2019, Vol. 73, N 2, P. 111–125. DOI: <https://doi.org/10.3112/erdkunde.2019.02.03>
- Appadurai A. Sovereignty without territoriality: notes for a post-national geography. In: Low S.M., Lawrence-Zuniga D. (eds). *The anthropology of space and place: locating culture*. Oxford, UK: Blackwell, 2003, P. 337–349.
- Barron A. Legal discourse and colonization of self in the modern state. In: Carty A. (ed.). *Post-modern law: enlightenment, revolution, and the death of man*. Edinburgh: Edinburgh university press, 1990, P. 107–125.
- Basedow J. *The law of open societies – private ordering and public regulation of international relations*. Leiden, Netherlands: Brill Nijhoff, 2015, 662 p.
- Bauman Z. *After the nation-state – what?* Otechestvennye zapiski. 2002, N 6, P. 419–435. (In Russ.)
- Beale J.H. *A treatise on the conflict of laws or private international law*. Cambridge: Harvard university press, 1916, 189 p.
- Benda-Beckmann F., Benda-Beckmann K., Griffiths A. (eds). *Spatializing Law: an anthropological geography of law in society*. Farnham: Ashgate, 2009, 225 p.

- Blomley N.K. *Law, space and the geographies of power*. New York: Guilford, 1994, 259 p.
- Creveld M. *The rise and decline of the state*. Moscow: IRISEN, 2006, 544 p. (In Russ.)
- Calliess G.-P., Renner M. Between law and social norms: the evolution of global governance. *Ratio Juris*. 2010, Vol. 22, N 2, P. 260–280. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9337.2009.00424.x>
- Fain H. The idea of the state. *Nous*. 1972, Vol. 6, N 1, P. 15–26. DOI: <https://doi.org/10.2307/2214510>
- Fazal T., Griffiths R. A State of one's own: the rise of secession since World War II. *The Brown journal of world affairs*. 2008, Vol. 15, P. 199–209.
- Feng P., Grove A., Shen Y. Decentralisation and functional specialisation in super mega-city regions. *Erdkunde*. 2020, Vol. 74, N 3, P. 161–177. DOI: <https://doi.org/10.3112/erdkunde.2020.03.01>
- Florida R., Gulden T., Mellander Ch. The rise of mega-region. *Cambridge journal of regions, economy and society*. 2008, Vol. 1, N 3, P. 459–476. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjres/rsn018>
- Friedman T. *The world is flat. A brief history of the twenty-first century*. New York: Farrar, Straus, and Giroux, 2005, 488 p.
- Gierke O. von. *Die Grundbegriffe des Staatsrechts und die neusten Staatstheorien. – Aufsätze und kleinere Monographien. Band 1*. Hildesheim; Zürich; NY: Olms-Weidmann, 2001, 604 S. (In German.)
- Giddens A. *Central problems in social theory: action, structure and contradiction in social analysis*. London: Macmillan Press, 1979, 294 p.
- Hardt M., Negri A. *Empire*. Cambridge, Mass.: Harvard university press, 2000, 478 p.
- Huntington S.P. *The clash of civilizations and the remaking of world order*. Moscow: AST, 2003, 603 p. (In Russ.)
- Jackson R. *The global covenant: human conduct in a world of states*. Oxford: Oxford university press, 2000, 464 p.
- Jellinek G. *Allgemeine Staatslehre*. Moscow: Low Centre Press, 2004, 750 p. (In Russ.)
- Kelsen H. *General theory of law and state*. New York: Russell & Russell, 1961, 516 p.
- Khanna P. Bridges to everywhere: connectivity as paradigm. *Horizons: journal of international relations and sustainable development*. 2018, N 12, P. 42–65.
- Lacher H. *Beyond globalization: capitalism, territoriality and the international relations of modernity*. London: Routledge, 2006, 208 p.
- Luhmann N. *Trust and power*. Moscow: Praxis, 2001, 256 p. (In Russ.)
- Luhmann N. *The differentiation of society*. Moscow: Logos, 2006, 320 p. (In Russ.)
- Luhmann N. *The world society as a social system*. Moscow: Logos, 2004, 232 p. (In Russ.)
- Mann M. *Sources of social power. Vol. 2: The rise of classes and nation-states, 1760–1914*. Cambridge: Cambridge university press, 1993, 844 p.
- Matsuzato K. (ed.). *Emerging meso-areas in the former socialist countries: histories revived or improvised?* Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2005, 415 p.
- Matuzov N.I., Malko A.V. *Theory of state and law*. Moscow: Jurist, 2004, 245 p. (In Russ.)

- Menshenina N.N. *International law*. Yekaterinburg: Ural State University, 2016, 100 p. (In Russ.)
- Melville A.Y. *Political Atlas of modernity: the experience of multidimensional statistical analysis of political systems of modern states*. Moscow: MGIMO University, 2007, 272 p. (In Russ.)
- Meyer J.W., Boli J., Thomas G.M., Ramirez F.O. World society and nation-state. *American journal of sociology*. 1997, Vol. 103, N 1, P. 144–181. DOI: <https://doi.org/10.1086/231174>
- Okunev I. Geography of international relations: structure and elements of the world political space. *Bulletin of Perm University. Political science*. 2019, Vol. 13, N 3, P. 5–16. DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-3-5-16>(In Russ.)
- Ougaard M., Higgott R. *Towards a global polity*. London: Routledge, 2002, 265 p.
- Pankevich N., Rudenko V. Political and legal values of the European Union and its member states: does the Covid-19 pandemic have transformative potential. *Antinomies*. 2021, Vol. 21, N 3, P. 55–80. DOI: https://doi.org/10.17506/26867206_2021_21_3_55 (In Russ.)
- Parsons T. *The social system*. Moscow: Academic Project, 2002, 832 p. (In Russ.)
- Reboredo R., Brill F. Between global and local. *China perspectives*. 2019, N 4, P. 9–16. DOI: <https://doi.org/10.4000/chinaperspectives.9607>
- Sassen S. *Territory. Authority. Rights*. Princeton, NJ: Princeton university press, 2006, 502 p.
- Sharp D. The urbanization of power and the struggle for the city. *Middle East Report*. 2018, N 287, P. 2–5.
- Scheuerman W.E. The center cannot hold. *Nomos*. 2009, Vol. 49, P. 205–218.
- Spruyt H. *The sovereign state and its competitors*. Princeton, N.J.: Princeton university press, 1994, 288 p.
- Timofeev N.S. On the revival of sovereignty and the rule of the people (the hierarchical character of the regulated rule of the people). *Constitutional and municipal law*. 2020, N 7, P. 28–33. DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-7-28-33> (In Russ.)
- Waltzer M. *Just and unjust wars. A moral argument with historical illustrations*: 4 th ed. New York: Basic Books, 2006, 416 p.
- Zürn M., Leibfried S. *Transformations of the state?* Cambridge: Cambridge university press, 2005, 224 p.

Литература на русском языке

- Алексеева Т.А., Лебедева М.М. Что происходит с теорией международных отношений // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 1. – С. 29–43. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.03>
- Бауман З. Национальное государство, что дальше // Отечественные записки. – 2002. – № 6. – С. 419–435.
- Еллинек Г. Общее учение о государстве. – М.: Юридический центр Пресс, 2004. – 750 с.

- Кревельд М.* Расцвет и упадок государства. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 544 с.
- Луман Н.* Власть. – М.: Праксис, 2001. – 256 с.
- Луман Н.* Дифференциация. – М.: Логос, 2006. – 320 с.
- Луман Н.* Общество как социальная система. – М.: Логос, 2004. – 232 с.
- Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права. – М.: Юрист, 2004. – 245 с.
- Меньшенина Н.Н.* Международное право. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. – 100 с.
- Мельвиль А.Ю.* Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – 272 с.
- Окунев И.* География международных отношений: структура и элементы мирового политического пространства // Вестник Пермского университета. Политология. – 2019. – Т. 13, № 3. – С. 5–16. – DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-3-5-16>
- Панкевич Н.В., Руденко В.В.* Политические и правовые ценности на уровне Европейского Союза и его стран-участниц: имеет ли пандемия COVID-19 трансформирующий потенциал? // Антиномии. – 2021. – № 3. – С. 55–80. – DOI: https://doi.org/10.17506/26867206_2021_21_3_55
- Парсонс Т.* О социальных системах. – М.: Академический проект, 2002. – 832 с.
- Тимофеев Н.С.* К возрождению суверенитета и народовластия // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 7. – С. 28–33. – DOI: <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-7-28-33>
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.

В.А.КОЛОСОВ, М.В.ЗОТОВА*

ФРАГМЕНТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ДИНАМИЗМ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ГРАНИЦ¹

Аннотация. В свете современных подходов в пограничных исследованиях рассматриваются формы, политические и иные факторы динамизма пространственных границ. Один из парадоксов границ заключается в их инерционности и одновременно высокой и усиливающейся динамичности. Ее отражением стала концепция непрерывности процесса разграничения (*bordering*), т.е. постоянного изменения функций и режима границ, их значения для общественного мнения под влиянием политических институтов, практики трансграничных взаимодействий и международной политической и экономической обстановки. Динамичность системы границ определяется постоянным увеличением их числа и протяженности, что отражает фрагментацию мирового политического пространства на всех уровнях, а также растущее разнообразие типов современных политий и различий между ними. В частности, умножается число малых государств и, соответственно, число диал (пар) государственных границ. Узость ниши, которую малые страны вынуждены занимать в международном разделении труда, как правило, требует высокой открытости границ и делегирования части суверенитета другим политическим акторам. Большие различия между политиями, разное соотношение видов

---

* **Колосов Владимир Александрович**, доктор географических наук, профессор, заместитель директора, заведующий лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Москва, Россия), e-mail: kolosov@igras.ru; **Зотова Мария Владимировна**, кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории геополитических исследований, Институт географии РАН (Москва, Россия), e-mail: zotova@igras.ru

¹ Статья подготовлена при поддержке проекта РНФ «Эффекты и функции границ в пространственной организации российского общества: страна, регион, муниципалитет» (№ 22-17-00263). Анализ роли границ как инструмента выполнен в рамках ГЗ ИГ РАН №АААА-А19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008).

© Колосов В.А., Зотова М.В., 2022

DOI: 10.31249/poln/2022.04.03

и уровня суверенитета предопределяет разнообразие и изменчивость функциональных типов границ. Многоуровневые процессы интеграции и регионализации ведут к активному перераспределению функций между государственными и иными границами. Проблемы границ неотделимы от все более динамичной эволюции территориальных идентичностей, в том числе под воздействием международной миграции. Наконец, динамичность границ связана с использованием их в качестве инструмента управления социальными и политическими процессами. Конфигурация, функции и режим границ, асимметрия трансграничных потоков – одновременно и зеркало, и фактор мощи сопредельных государств и регионов.

Ключевые слова: границы; динамизм; фрагментация; функции границ; пространство.

Для цитирования: Колосов В.А., Зотова М.В. Фрагментация политического пространства и динамизм современной системы границ // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 67–89. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.03>

Введение

Границы – традиционный объект географии, однако в последние десятилетия их изучение стало широкой междисциплинарной областью исследований, в которую помимо географов вовлечены политологи, специалисты по международным отношениям, экономисты, социологи, этнографы, филологи и искусствоведы. Пограничные исследования (*border studies*) быстро развиваются, поскольку возрастает их политическая и общественная значимость. Множество литературных произведений, фильмов, спектаклей посвящено приграничным сообществам или роли границ в жизни человека. Например, как особое направление сложилась архитектура пограничных сооружений, обладающая сильной символикой [Scott, 2020 a].

Разного рода границы – неотъемлемый элемент человеческого бытия и сознания: классификационные границы необходимы в познании при формулировании любых понятий и для различения сходных процессов и явлений, временные – для различения периодов и событий. Пространственные (географические) границы имеют множество функций, без которых невозможна жизнь современного общества. Существует множество их классификаций по разным основаниям. Морфологически границы могут быть локализованы как линии или переходные полосы, в чем выражается их двоякая размерность. Причиной этого является, во-первых, понимание граничной полосы как ареала с собственными границами,

во-вторых, теоретическая возможность существования зон, в которых переходные участки не уступают по ширине «чистым» [Balibar, 2002], в-третьих, возможность существования «зон-спектров», где каждая зона – переходная между соседними [Родоман, 1982]. Один из многочисленных парадоксов границ – сочетание их дискретности и континуальности: дискретность предполагает границы существующими и по своей сути служит разделению явлений, а континуальность отрицает объективное существование границ и представляет собой источник самой проблемы их определения. Современными исследованиями показано, что основные функции географических границ сходны (изоморфны), и что административно-политические и государственные границы составляют единую систему [Елацков, 2016].

Изучение границ – это не только исследовательское поле, но и подход к анализу многих проблем: «границы – это все!». Действительно, граница – это и правовой институт, и материальный феномен, и категория общественного сознания (элемент идентичности). Изучая границу, исследователь не должен упустить из виду ни ее правовой статус, ни общественный дискурс о внешней политике, в том числе об отношениях с соседней страной, ни интересы негосударственных игроков, ни трансграничные потоки (а следовательно, конфигурацию и качество коммуникаций), ни влияние границы на прилегающее пространство, ни отношение жителей приграничья к соседям, ни многие другие факторы. Равным образом фактор границы может быть призмой изучения других проблем.

Географические границы – важный инструмент регулирования жизни общества на разных пространственных уровнях: от сугубо локального (пример – границы закрытых сообществ) до межгосударственного, – и этот инструмент постоянно совершенствуется в соответствии с вызовами общественной практики. Одно из главных свойств всех видов современных границ – высокий динамизм, отражающий ускорение трансформации общества и проявляющийся в смене начертания, возникновении новых типов и «промежуточных» уровней и особенно частом, иногда практически ежедневном, изменении функций и режима. Цель настоящей статьи – проанализировать формы, политические и иные факторы динамизма пространственных границ.

Функции и растущий динамизм системы границ

Общие функции любых географических границ – *контактная* и *барьерная*. Барьерность границы означает расход времени, средств, энергии для ее пересечения гражданами или потоками товаров, вызванный градиентом в свойствах экономического, социального, культурного и правового пространства по обе стороны. Редкие случаи почти абсолютной барьерности границы и отсутствия трансграничных взаимодействий – рубежи, сложившиеся как линии прекращения огня в вооруженных конфликтах. Закрытые границы трансформируются в буферные зоны, вдоль которых строятся цепочки укреплений (линии Мажино и Маннергейма, границы между Республикой Корея и КНДР, Нагорным Карабахом и Азербайджаном до войны осени 2020 г. и др.). К идее «огораживания» государственной территории человечество вернулось в начале XXI в. на новом витке истории. Одна из главных тенденций изменения границ – возведение вдоль государственных границ физических барьеров: бетонных стен, эшелонированных заграждений из колючей проволоки, рвов, минных полей. К настоящему времени стены построены уже более чем на 50 диадах границ, строительство многих запланировано [Bissonnette, Vallet, 2021].

Вместе с тем практически любая граница связывает территорию с соседями и окружающим миром. Ни одна территория не может быть полностью изолирована и, следовательно, у любых границ есть контактные функции.

В общественной сфере к двум главным функциям добавляются их разные проявления: 1) *отражение* – воспроизводство в особенностях границ политического строя, государственного устройства, экономического, социального и культурного уровня территории; 2) *отделение* – поддержание и закрепление территориальных различий и разнообразия; 3) *сопоставление* – поддержание элементов конкуренции между территориями (например, различий в издержках и преимуществах производства тех или иных товаров).

Иной подход к определению функций границ подразумевает выделение двух других главных функций: формирующей и регулирующей. Формирующая функция – элемент образования любой политики или территории, вызванного двумя главными взаимосвязанными причинами: необходимостью обеспечения безопасности

ее жителей от внешних угроз и сохранения или укрепления их идентичности.

Один из видов формирующей функции – когнитивная, проявляющаяся в институте гражданства, решении задачи отделения «нас» от «чужих» путем социализации граждан, создания культурного и символического ландшафта, исторических мифов и нарративов, воспитания их отношения к окружающему миру, в том числе соседям, их представления о миссии своего государства, его внутренних и внешних задачах, доверия правящему режиму, осознания необходимости перераспределения им части доходов и уплаты налогов и т.п. Когнитивная функция границ представляет собой также органический элемент познания и ориентации во внешнем мире.

Регулирующая функция заключается в обеспечении необходимого в данный момент для нужд безопасности политики баланса между контактной и барьерной функциями границы, взаимодействия с окружающими территориями, а также предотвращения «энтропии» ее ресурсов. Нынешние проблемы государственных границ заключаются не в конкретном их начертании (делимитации), а именно в регулировании потоков [Amilhat-Szari, Girault, 2015].

Парадокс границ – в их инерционности и одновременно высокой и усиливающейся динамичности. С одной стороны, политико-административные границы почти никогда «никуда не исчезают». Старые (*реликтовые*) границы обнаруживаются в современном культурном ландшафте, идентичности и электоральном поведении граждан. Один из видов реликтовых границ – фантомные, т.е. бывшие государственные границы, остающиеся политическими и культурными барьерами, проявляющиеся в современной экономической, социальной и политической деятельности и используемые для политической мобилизации граждан [Колосов, 2017]. Часто бывшие государственные границы служат административными и, наоборот, административные границы преобразуются в государственные. Основная причина устойчивости разграничительных линий в том, что рубежи между территориальными идентичностями служат основой делимитации государственных границ, в чем состоит принцип национального государства (nation-state): национализм – самая мощная территориальная идеология [Paasi, 2012]. В то же время даже сравнительно кратковременное существование государственных границ служит сильным фактором формирования

идентичности. Иными словами, вопрос о том, что первично – идентичность или границы, не имеет однозначного ответа.

С другой стороны, в современном взаимозависимом мире фильтрующая функция границ, т.е. их «прозрачность» для разных категорий граждан, товаров и информации, включая, к примеру, необходимость и сложность получения визы, размер таможенных пошлин, квот, технические требования к товарам, различия в ценах и т.п., каждодневно меняется в зависимости от курсов валют и многообразных политических факторов. Отражением высокой динамичности границ стала концепция непрерывности процесса разграничения (*bordering*), т.е. постоянного изменения функций режима границ и их значения для общественного мнения под влиянием деятельности политических институтов, практики трансграничных взаимодействий и международной политической и экономической обстановки [Agnew, 2009; Newman, 2011; Kolosov, Scott, 2013; Scott, 2020 b; 2020 c].

Фрагментация мирового политического пространства: границ все больше

Динамичность мировой системы границ объясняется не только остротой территориальных конфликтов, сохранением территориальных споров и претензий, но и ростом протяженности всякого рода территориальных рубежей, в том числе и государственных. Во-первых, умножается число политий. Фрагментация мирового политического пространства за счет формирования новых государств – одна из главных и неуклонных тенденций изменения политической карты мира, преобладающая над интеграционными трендами, но одновременно и сочетающаяся с ними. Число суверенных государств увеличилось с 73 в 1945 г. почти до 200 в 2010-х годах, государств – членов ООН, соответственно, с 46 до 193. Дробление политической карты мира происходило как в ходе процесса деколонизации, так и в результате образования новых независимых государств и распада существовавших ранее. По состоянию на середину 2010-х годов общая протяженность границ 197 государств и 70 зависимых территорий составляла примерно 250 тыс. км.

Во-вторых, ряд государств претендуют на раздел «общего достояния человечества» – приполярных областей, включая Антарктиду, и глубоководных акваторий Мирового океана.

В-третьих, остаются неурегулированными претензии некоторых стран на передел территориальных вод и экономических зон, для чего искусственно создаются намывные острова, меняется береговая линия и т.п. Из 725 диад (пар) границ около 400 – морские, а из них только около половины официально делимитированы [Российское пограничье ... , 2018].

Усложняется вся мировая система границ. Динамика политической карты мира обычно определяется по числу государств – членов ООН. Однако вступление страны в ООН не равнозначно всеобщему ее признанию, поэтому число государств оценивается в разных странах по-разному, в зависимости от отношения к конфликтам и других политических факторов. При этом разнообразие политической карты мира далеко не исчерпывается государствами – членами ООН. До настоящего времени сохранилось около 50 колониальных и зависимых стран, находящихся под управлением Франции, Великобритании, Нидерландов, США, Новой Зеландии и некоторых других государств. Крупнейшая из несамостоятельных стран по площади – принадлежащая Дании Гренландия (2,17 млн км²), а по населению – владение США Пуэрто-Рико (3,4 млн человек). Самая маленькая колониальная страна – британский Питкэрн с населением всего около 50 человек [Колосов, Заяц, 2020]. Статус государственного образования, естественно, прямо сказывается на функциях его границ.

Более того, совершенно очевидны чрезвычайно значимые, исчисляемые порядками различия между государствами по географическому положению (наличию доступа к морю, числу соседей и другим параметрам), территории, численности населения, экономической и военной мощи, политическому и культурному влиянию, государственному устройству и т.д. Их равноправие, связанное с признанием суверенитета над своей территорией и возможностью взаимодействовать с другими государствами, носит сугубо формальный характер [Ильин, 2008; Трейвиш, 2009; Мамедов, 2011]. Поэтому, разумеется, функции, режим, а нередко и само начертание границы определяются соотношением совокупной мощи и характером соседства. Хрестоматийный пример – Мексика, которую США лишили более трети былой территории, и американо-мексиканская

граница. Другой пример – Лесото, полностью окруженное территорией гораздо более крупной и экономически мощной ЮАР, в которой к тому же долгое время господствовал режим апартеида [Российское пограничье ... , 2018]. В подобных случаях впечатляющие различия в потенциале соседних стран определяют крайнюю асимметрию взаимодействий.

Фрагментация политической карты мира приводит к умножению числа малых государств и умножению числа диад (пар) государственных границ. Ограниченность демографического и экономического потенциала малых стран влияет на их место в международном разделении труда и системе международных отношений, на отношения с соседями и, соответственно, функции границ и другие особенности. Категорию малых стран, как правило, выделяют по абсолютным показателям. К таким странам известный американский экономист С. Кузнец предложил относить политики с численностью населения менее 10 млн человек, другие ученые – менее 5 млн или даже менее 1 млн [Ильин, 2008], что нам кажется более правильным. Малые государства многочисленны и чрезвычайно разнообразны. Среди них и островные страны (их около 50), и развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки, и высокоразвитые европейские страны, опыт которых свидетельствует о том, что небольшое население – отнюдь не препятствие для жизнеспособности государства и успешного развития экономики. Общие свойства малых стран: невозможность обеспечить себя сколько-нибудь полным спектром потребительских товаров и высокая вовлеченность во внешние экономические связи, поиск и использование особой «ниши» в международном разделении труда – узкой специализации на производстве какого-либо товара, находящего устойчивый спрос на мировом рынке, или оказании уникальных услуг [Фетисов, Тикунов, 1996; Окунев, 2011].

Следовательно, малые страны жизненно заинтересованы в открытых границах, политической стабильности, вследствие чего многие из таких стран пользуются высоким доверием международного сообщества, что в свою очередь становится привлекательным фактором для размещения определенных сфер деятельности. Узость внутреннего рынка и необходимость обеспечения безопасности побуждают малые страны к тесной (а в случае микродо- государств, как, например, Монако или Сан-Марино – тесной безальтернативной) интеграции с более крупными партнерами, в других

случаях – формируют способность к политическому маневрированию: сближению или дистанцированию от влиятельных политических игроков. Поэтому для границ малых стран характерны процессы дебордеринга и ребордеринга – передачи определенных функций границам других стран и интеграционных группировок, ситуативное наложение границ разнородных политических образований, созданных для достижения разных целей.

Государственный суверенитет, динамизм и разнообразие границ

Вариативность и динамизм географических ситуаций, связанных с характером соседства, усиливается еще большим разнообразием степени и видов государственного суверенитета. Согласно современным взглядам, суверенитет делим и измерим. Вслед за американским политологом С. Краснером [Krasner, 2009] обычно выделяют внутренний суверенитет, выражающийся в легитимности властей в представлении граждан, праве и способности государственных структур эффективно контролировать территорию, влиять на социально-экономическую обстановку в стране и внутриполитическую стабильность, и суверенитет внешний, т.е. готовность других государств это право признавать. С. Краснер различал также суверенитет взаимозависимости, под которым он понимал способность государств контролировать свои границы, и суверенитет «вестфальский», т.е. монополию государства как источника власти в пределах своих границ.

Разное соотношение видов и уровня суверенитета предопределяет огромное разнообразие и изменения функциональных типов границ. При этом целостность сложно структурированной мировой системы границ предполагает, что особенно существенны не столько свойства и функции ее отдельных элементов, сколько их сочетания и возникающие между ними отношения. Подобные взаимодействия способны детерминировать функционирование всей системы, вызывая непредвиденные последствия и нежелательные эффекты. Любая граница усиливает различия между соседними территориями и неизбежно порождает асимметричность взаимодействий. «Разность потенциалов» между соседними территориями отражается в количественной и качественной неравно-

ценности противоположных трансграничных потоков, режиме границы и выгодах, главным бенефициаром которых предстает более сильная сторона.

Соотношение между видами суверенитета образует «континуум государственности». Большинство непризнанных государств располагает прочным внутренним суверенитетом, который им не удается конвертировать во внешний суверенитет, достаточный для признания значимым числом других государств. Д.В. Заяц насчитал в мире 13 непризнанных государств [Заяц, 2020]. А. Флоря полагал, что в 2014 г. их насчитывалось 18 [Florea, 2014], Н. Касперсен и Г. Стенсфилд – 21 [Dembinska, Campana, 2017]. В других случаях, наоборот, государства, обладающие высоким внешним суверенитетом, в том числе и широким международным признанием, не способны в течение многих лет или даже десятилетий полностью контролировать свою территорию, не пользуются доверием и легитимностью значительной части граждан, не могут обеспечить их минимальным набором общественных услуг, создать условия для экономического развития и роста доходов населения. Они появляются преимущественно в странах, относящихся к категории «несостоявшихся» (*failed*) или «рухнувших» государств (*collapsed states*). Часть территории «несостоявшихся» государств фактически перешла под спорадический или постоянный контроль племенных вождей, наркобаронов, лидеров повстанческих группировок. Границы таких территорий образуют особый тип: они чрезвычайно размыты и перемещаются в зависимости от успехов вооруженных действий сторон, их социальной опоры и форм контроля (временного, постоянного, сезонного). Нередки ситуации сетевого контроля, когда города контролируются центральными властями, а сельская местность – повстанцами.

Контроль над приграничной периферией ослаблен во многих африканских странах, в которых формально нет значимых повстанческих группировок. В этом сказывается наследие колониальной эпохи со свойственными ей резкими контрастами между форпостами метрополий, обычно расположенных на побережье, и остальной частью владений. Приграничные территории предоставлены сами себе, государство на них не оказывает почти никаких общественных услуг. Этническая идентичность там может быть ситуативно прочнее государственной. Чувство обделенности вызывает недоверие государственным пограничным службам, и

приграничные взаимодействия осуществляются фактически без их участия, что создает условия для массовых перемещений наиболее мобильной части местного населения, трудовых мигрантов, боевиков, беженцев, контрабандистов и наркоторговцев и, в свою очередь, может порождать этнически окрашенные конфликты и насилие. За контроль над трансграничными взаимодействиями и пограничную ренту конкурируют разные акторы – от местных властей до криминальных организаций, различия между которыми иногда трудноразличимы. За пределами своей страны находят убежище представители оппозиционных организаций [Силаева, Большаков, 2012]. Динамично развиваются трансграничные сети и сообщества, тем более что по обе стороны часто проживают те же этнические группы или же близкие им по родству.

Усложнение и умножение числа границ определяется также сочетанием многоуровневых процессов интеграции и регионализации. Диалектическое соотношение между интеграцией и регионализацией глубоко анализируется Дж. Розенау [Rosenau, 2002], автором концепции «фрагмерации» (*fragmeration*). Соотношение между интеграцией и регионализацией призвана объяснить концепция де- и ретерриториализации, принадлежащая таким известным ученым, как А. Аппадурои, Э. Гидденс, и их последователям [Elden, 2007 и др.] и означающая перераспределение властных полномочий между политиями и территориями под влиянием культурных и политических изменений. Соответственно, происходит перераспределение функций границ между государственными и иными. Для определения рубежей «неформальных», т.е. не закреплённых политическими и юридическими актами регионов, используются функциональный (анализ потоков) и институциональный (изучение «связности» политических и экономических акторов) подходы. Возможен также и геополитический подход, нацеленный на изучение состава регионов и конфигурации их динамичных рубежей, зависящих от интересов партнеров и соотношения их политических и экономических потенциалов. Процессы регионализации могут носить «объективный» характер, т.е. складываться из взаимодействий многих акторов, или могут быть инициированы и политическими решениями, для которых подыскиваются в том числе и географические основания – в виде, например, культурной и исторической близости соседних стран.

Волатильность территориальных идентичностей и границ

Известный французский географ Мишель Фуше назвал границу «фабрикой идентичностей». В современных условиях проблемы границ неотделимы от обеспечения национальной безопасности и регулирования международной миграции и, стало быть, находятся в центре внимания большинства государств. В мире насчитывается около 300 млн людей, живущих за пределами страны, в которой они родились. Несмотря на сложную геополитическую обстановку, число международных мигрантов, по оценке экспертов МВФ, будет несомненно возрастать в силу сохранения масштабных различий в доходах на душу населения между странами и регионами¹. Несмотря на выгоды, получаемые принимающими странами от международной миграции, приток мигрантов из-за рубежа, как правило, воспринимается общественным мнением как жизненно важная угроза национальной идентичности и тем самым – национальной безопасности.

Функции границ в регулировании миграции сильно изменились. Во-первых, развитые принимающие государства стремятся вынести контроль над миграционным потоком далеко за пределы своей территории (в основном в государства исхода) или делегировать их специальным международным институтам и частным компаниям.

Во-вторых, получила большое развитие и практическое применение концепция мобильных границ [Amilhat Szary, Namez, 2020]. Прогресс информационных технологий позволил идентифицировать личность на основе физического облика (радужной оболочки, формы лица и т.д.), без традиционных документов доцифровой эры. В результате камеры слежения могут опознавать человека на всей территории страны, в результате чего вся она становится своего рода пограничной зоной. Эта система позволяет дифференцировать и жестко дозировать права индивида, в том числе на перемещение.

---

¹ Макдональд М., Пьяцца Р., Шер Г., Энглер Ф. Миграция в страны с развитой экономикой может повысить темпы экономического роста 2020 // Международный валютный фонд. – 19 июня. – Режим доступа: <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/06/19/blog-weo-chapter4-migration-to-advanced-economies-can-raise-growth> (дата посещения: 29.05.2022).

Тем не менее линия границы не утратила роли важнейшего инструмента контроля миграции. Три четверти физических барьеров вдоль государственных границ были сооружены именно во имя предотвращения незаконной миграции [Amilhat Szary, 2020]. Государственные рубежи и сама конфигурация государственной территории как часть ее образа приобрели критическое, сакральное значение в разграничении «нас» и «чужих», воспроизводстве, укреплении и трансформации представлений граждан об окружающем их мире, их эмоциональной самоидентификации с различными социальными пространствами в таких категориях, как «восток – запад» или «цивилизация – хаос».

Миграция ускорила характерные для современного общества процессы усложнения структуры, ситуативности и изменчивости самоидентификации, усиления региональных идентичностей и распада социума на малые группы, ведущие к фрагментации социального и политического пространства на субгосударственном уровне. Эти процессы проявляются, в частности, в самоогораживании закрытых сообществ, возникновении гетто и формировании новых неформальных рубежей. В Европе, пожалуй, наиболее яркое проявление фрагментации пространства – умножение и рост влияния региональных партий, представленных в национальном парламенте и собирающих более 5% голосов в районах, охватывающих около 40% площади 43 европейских стран. Эти общественные объединения представляют интересы этнорегиональных общностей в местном самоуправлении и опираются на определенную идентичность. Цель региональных партий – достижение большей автономии или децентрализации государственных функций, а иногда и вовсе полной независимости [Туров, 2021], следовательно, – изменение функций внутренних административных границ.

В когнитивную функцию границ существенный вклад вносит символический ландшафт пограничья. На постсоветском пространстве ему свойственна особая динамичность. Характерен пример российско-украинского пограничья. Еще до конфликта 2014 г. на украинской стороне были снесены многочисленные памятники Ленину, и в то же время были возведены монументы, воплощающие резкие расхождения между украинской и традиционной советской и российской интерпретациями общей истории: памятники Мазепе и жертвам Голодомора. На российской стороне памятники

Ленину были сохранены, символический ландшафт был обогащен новыми монументами, увековечивающими память о событиях и героях Великой Отечественной войны [Российское пограничье ... , 2018]. После кризиса 2014 г. различия усилились, в том числе вследствие «декоммунизации» и «национализации» топонимии, запечатлевшей в географических названиях нынешнюю интерпретацию истории. Сходный процесс происходил и на казахстанской стороне пограничья между Россией и Казахстаном, где были в соответствии с законом (статья 25.5 Закона «О языках в Республике Казахстан») изменены «идеологически устаревшие» наименования, отражающие дореволюционное «колониальное» российское и советское прошлое [Справочник ... , 2009]. Многие названия были транслитерированы в соответствии с нормами казахского языка [Карпенко, Колосов, Себенцов, 2021].

Граница как инструмент

Динамичность современной системы границ связана также с их широким использованием государством и действующими через государственные механизмы политическими силами для достижения их интересов. Делимитация и манипулирование режимом и функциями границ – мощный инструмент управления социальными и политическими процессами, регулирования противоречий и конфликтов, маркирования и сохранения различий, исторической преемственности. Эти факторы определяют множасьее разнообразие границ, в том числе рубежей так называемых специальных округов, к которым относятся территории, создаваемые государственными или местными властями для управления и регулирования определенных видов деятельности, например военные, школьные, железнодорожные и т.д.

Особенно ярко проявилась инструментальная роль и подвижность границ в период пандемии COVID-19, фактически реформативовавшей сложившиеся трансграничные практики. Официальной целью было разделение территорий с разным уровнем заболеваемости, но в реальности были «огорожены» территории с различным уровнем урбанизации, разной возрастной структурой, доходами, подвижностью, культурными особенностями и образом жизни населения. Многие города и целые области были почти на-

глухо изолированы от окружающего мира. Беспрецедентные карантинные меры, связанные с ограничением мобильности граждан с помощью современных технологий, вызвали опасения их применения и в дальнейшем для слежки за политическими противниками и контроля за поведением людей. Известный итальянский философ, автор концепции «биополитики» Джорджо Агамбен писал, что поскольку враг (вирус) внутри нас, борьба с ним неизбежно стимулирует рост авторитарных тенденций в политической жизни¹. Одним из признаков усиления этих тенденций можно считать принятие в разных странах жестких мер без формального введения чрезвычайного положения, требующего одобрения парламента. Характерно, что жители одновременно и демократических, и авторитарных государств были готовы принять меры социального контроля и ограничение личных свобод ради безопасности [Ливен, 2020].

Избирательное изменение режима государственных границ часто применяется властями для стимулирования развития периферийных приграничных регионов и / или вовлечения их в орбиту своего влияния. Так, в 2000–2010-х годах, в период действия программ приграничного сотрудничества и активизации трансграничных связей, на российско-польской границе был введен режим местного приграничного передвижения (МПП), который позволял гражданам соседних регионов двух стран пересекать границу без оформления виз по карточкам МПП. За время действия соглашения заметно вырос уровень развития Варминьско-Мазурского воеводства – самого депрессивного региона Польши. Благодаря притоку калининградских туристов выросло потребление в регионе, уровень безработицы снизился с 21,3% в 2012 г. до 14,2% в 2016 г., в 1,4 раза увеличились инвестиции [Гуменюк, Кузнецова, Осмоловская, 2016].

Для венгерских властей такой режим стал важным механизмом влияния на соотечественников в Закарпатской области Украины, их использования как электорального ресурса и получения дополнительных доходов за счет приезжающих за покупками украинцев [Зотова, Себенцов, 2015]. Неформальные, родственные и

---

¹ Agamben G. La medicina come religione / Quodlibet.it. – 2020. – 2 мая. – Режим доступа: <https://www.quodlibet.it/giorgio-agamben-la-medicina-come-religione> (дата посещения: 28.05.2022).

коммерческие связи активно поощрялись венгерской стороной и находили выражение в государственных образовательных и культурных программах поддержки соотечественников, проживающих за рубежом. Венгрия и Польша практиковали выдачу карт венгра и поляка, подтверждающих принадлежность к соответствующему народу и предоставляющих владельцам ряд привилегий и прав, в том числе на работу.

Но и эти режимы оказываются крайне динамичными и волатильными, так как зависят от характера отношений между странами и геополитической обстановки в целом. В 2016 г. по инициативе польской стороны действие режима МПП между северо-восточными воеводствами Польши и Калининградской областью было прекращено. Хотя в течение нескольких лет многие польские политики, в том числе представители партии «Гражданская платформа», лоббировали в Сейме его возобновление, ссылаясь в том числе на привлечение дополнительно в регион 286 млн злотых¹, он так и не был восстановлен. В 2017 г. режимы МПП на границе между Украиной и странами ЕС утратили актуальность в связи с либерализацией визового режима.

Большую социальную значимость нередко имеют преференциальные границы, устанавливающие экономические и иные привилегии для жителей и субъектов хозяйственной деятельности на определенной территории. Еще в советское время были установлены границы Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. Помимо географического положения, в ее основе были использованы критерии географического положения: плотность населения, климатические показатели, уровень развития производственной и социальной инфраструктуры, затраты труда на единицу продукции [Славин, 1980]. С 1990-х годов границы этой зоны неоднократно пересматривались в целях привлечения населения в условиях сильной депопуляции и под давлением региональных властей.

Для решения сходных задач устанавливаются границы других преференциальных территорий, например, федеральных и региональных особых экономических зон (ОЭЗ), территорий опере-

---

¹ Soroka W. Platforma domaga sie przywrocenia malego ruchu granicznego z obw-kaliningradzkim // Kresy.pl. – 2016. – 08.08. – Mode of access: <https://kresy.pl/wydarzenia/platforma-domaga-sie-przywrocenia-malego-ruchu-granicznego-z-obw-kaliningradzkim/> (accessed: 28.05.2022).

жающего социально-экономического развития (ТОСЭР, или ТОР). Как правило, они используются для привлечения инвестиций благодаря налоговым и (в некоторых случаях) таможенным льготам, созданию инженерной инфраструктуры и бесконкурсной процедуре получения земельного участка в аренду или собственность. Эти границы также отличаются большой динамичностью. С 2005 по 2020 г. число преференциальных территорий выросло с 6 до 125, но при этом некоторые территории были переведены из одной категории в другую, а другие ликвидированы.

Одним из видов служебных округов можно считать избирательные округа, границы которых регулярно меняются вслед за изменением численности избирателей или населения, а иногда и изменением избирательной системы, что дает возможность правящим силам обеспечивать свои политические интересы. Классический способ манипуляций – джерримендеринг, т.е. выделение с помощью извилистых, вычурных границ округов, в которых обычно правящая или – гораздо реже – оппозиционная партия или ее кандидат располагают заведомым большинством. В российской политической практике на федеральном уровне части крупных городов объединяются с прилегающими сельскими районами, что дает преимущество правящей партии. Частое изменение границ избирательных округов затрудняет выстраивание партиями и независимыми кандидатами долгосрочных избирательных стратегий. После объединения городов и районов в городские округа во многих регионах, как правило, крупногородских (например, Пермском крае, Свердловской области, Иркутской области, Красноярском крае, Москве и др.)¹, были внедрены новые схемы нарезки избирательных участков с целью борьбы с сильными оппозиционными игроками и зачисткой конкурентного политического поля [Черенев, 2017]. В то же время в Балтийском муниципальном районе Калининградской области в 2015 г. на выборах Законодательного собрания была введена сеть одномандатных округов в виде длинных полос, отвечающая интересам местной группы бизнесменов, которые противостояли региональной власти и смогли одержать победу на местных выборах².

---

¹ Молодой пермский губернатор занялся джерримендерингом // Клуб регионов. – 2018. – 17 апреля. – Режим доступа: <http://club-rf.ru/59/detail/2433> (дата посещения: 29.05.2022).

² Отчет проекта «Гражданин Наблюдатель» о наблюдении на выборах в Балтийском районе Калининградской области в мае 2015 г. – Б. г. – Режим досту-

Заключение

Границы разного уровня и типов – неотъемлемый элемент жизни общества. Их протяженность, плотность, разнообразие типов, функций и режимов постоянно увеличиваются, во-первых вследствие фрагментации мирового политического пространства, роста числа и дробления политий, во-вторых – дальнейшего передела акватории Мирового океана, в том числе в результате формирования искусственных островов. Возрастает в последние десятилетия и социальная значимость разного рода границ, вызванная усложнением политической карты мира, процессами интеграции и регионализации на меж- и внутригосударственном уровне. Конфигурация, функции и режим границ, асимметрия трансграничных потоков – одновременно и зеркало, и фактор мощи сопредельных государств и регионов.

Ускорение трансформации общества в конце XX – начале XXI в. вызывает необходимость постоянной адаптации территориально-политической организации, в том числе и системы границ, к воздействиям разного масштаба. Крупнейшим вызовом безопасности и национальной идентичности для многих стран является неконтролируемая международная миграция, важным средством борьбы с которой стали «мобильные границы» и возведение вдоль линии границ физических барьеров. Их статус, режим и функции на всех территориальных уровнях все более изменчивы. В результате фрагментации мирового политического пространства меняется и конфигурация границ. Контурные некоторых де-факто существующих и весьма политически значимых рубежей между легитимными с точки зрения международного сообщества политиями и отколовшимися от них непризнанными государствами и неконтролируемыми территориями становятся менее четкими. Они часто изменяются в зависимости от соотношения между различными политическими силами, хода трансформации территориальных идентичностей. В подобных случаях нередко образуются широкие периферийные, маргинальные зоны. Для их жителей характерны гибридные и волатильные идентичности. Все большую роль приобретают сетевые трансграничные структуры.

Повсюду в мире возникают новые виды границ, в том числе служебных округов и преференциальных зон, используемые как инструмент регулирования социальных и политических процессов, разрешения противоречий и конфликтов, обозначения и сохранения различий между территориями. Исторический опыт показывает, что даже сравнительно кратковременное существование политических границ оставляет существенный след в коллективном политическом сознании и идентичности населения и порождает в них различия по разные стороны границы.

V.A. Kolosov, M.V. Zotova *
Fragmentation of political space
and dynamism of the modern border system¹

Abstract. The forms, political and other factors of the dynamism of spatial boundaries are considered in the light of modern approaches in border studies. One of borders' paradoxes lies in their inertia and at the same time high and increasing dynamism. It led to the creation of the concept of *bordering*, that is, the constant change in the functions and regime of borders, their significance for public opinion under the influence of political institutions, the practice of cross-border interactions and the international political and economic situation. The dynamism of the system of borders is determined by the increase in their number and length, reflecting the fragmentation of the world political space at all levels, the growing diversity of types of modern polities and the differences between them. In particular, the number of small states and, accordingly, the number of pairs of state borders are multiplied. The limited niche that small countries are forced to occupy in the international division of labor, as a rule, requires a specific regime (high openness) of borders and the delegation of part of sovereignty to other political actors. Large differences between polities, different ratios of kinds and the level of sovereignty results in the diversity and variability of the functional types of borders. Multilevel processes of integration and regionalization provoke an active redistribution of functions between state and other borders. Border issues are inseparable from the increasingly dynamic evolution of territorial identities, in particular, under the

---

* **Kolosov Vladimir**, Institute of Geography of Russian Academy of Science (Moscow, Russia), e-mail: kolosov@igras.ru; **Zotova Maria**, Institute of Geography of Russian Academy of Science (Moscow, Russia), e-mail: zotova@igras.ru

¹ This study was carried out at the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences as part of the work on the project "Effects and Functions of Borders in the Spatial Organization of Russian Society: Country, Region, Municipality", supported by the Russian Science Foundation (N 22-17-00263). Analysis of the role of boundaries as an instrument was prepared with partial support of the State Assignment IGRAS №AAAA-A19-119022190170-1 (FMGE-2019-0008).

influence of international migration. Finally, the dynamism of borders is associated with their use as a tool for managing social and political processes. The configuration, functions and regime of borders, the asymmetry of cross-border flows are both a mirror and a factor of power of neighboring states and regions.

Keywords: policy; political science; theory; methodology; state; society.

For citation: Kolosov V.A. and Zotova M.V. Fragmentation of political space and dynamism of the modern border system. *Political science (RU)*. 2022, N 4, P. 67–89. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.03>

References

- Agnew J. *Globalization and sovereignty. Beyond the Territorial Trap*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2009, 290 p.
- Amilhat Szary A.-L. *Géopolitique des frontières. Découper la terre, imposer une vision du monde*. Paris: Le Cavalier Bleu, 2020, 206 p.
- Amilhat Szary A.-L., Hamez G. *Frontières*. Paris: Armand Colin, 2020, 324 p.
- Amilhat-Szari A.-L., Girault F. *Borderities and the politics of contemporary mobile borders*. London: Palgrave Macmillan, 2015, 236 p.
- Balibar E. *Politics and the other scene*. Paris: Verso, 2002, 176 p.
- Bissonnette A., Vallet E. (eds). *Borders and border walls. In-security, symbolism, vulnerabilities*. London: Routledge, 2021, 228 p.
- Dembinska M., Campana A. Frozen conflicts and internal dynamics of de facto states: perspectives and directions for research. *International studies review*. 2017, Vol. 19, N 2, P. 254–278. DOI: <https://doi.org/10.1093/isr/vix010>
- Elatzkov A.B. Geographical isomorphisms in geopolitical models. *Regional studies*. 2016, N 2 (52), P. 12–20. (In Russ.)
- Elden S. Rethinking governmentality. *Political geography*. 2007, Vol. 26, N 1, P. 29–33. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2006.08.001>
- Fetisov A.S. Tikunov V.S. Typology of the countries of the world as a fuzzy set. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*. 1996, N 2, P. 46–52.
- Florea A. De facto states in international politics (1945–2011): A new data set. *International interactions*. 2014, Vol. 40, N 5, P. 788–811. DOI: <https://doi.org/10.1080/03050629.2014.915543>
- Gumenyuk I.S., Kuznetsova T. Yu., Osmolovskaya L.G. Local border traffic as an efficient tool for developing cross-border cooperation. *Baltiyskiy region*. 2016, Vol. 8, N 1, P. 97–117. DOI: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-1-6> (In Russ.)
- Ilyin M.V. The formula of statehood. *Politiya*. 2008, N 3 (50), P. 67–78. (In Russ.)
- Karpenko M.S., Kolosov V.A., Sebentsov A.B. Transformation of Russia-Kazakhstan border-zone cooperation in the post-soviet period: institutional and economic dimensions. *Problemy natsional'noi strategii*. 2021, N 5, P. 25–40. DOI: https://doi.org/10.52311/2079-3359_2021_5_25 (In Russ.)
- Kolosov V., Scott J. Selected conceptual issues in border studies. *Belgeo*. 2013, N 4, P. 9–21.

- Kolosov V.A. Phantom borders as a phenomenon in political geography. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*. 2017, N 5, P. 3–11. (In Russ.)
- Kolosov V.A. (ed.). *Russian borderlands: neighborhood challenges*. Moscow: IP Matushkina. 2018, 562 p. (In Russ.)
- Kolosov V.A., Zayats D.V. Modern political map of the world. In: *New geographical picture of the world*. Moscow: Russian textbook, 2020, Vol. 1, P. 10–14. (In Russ.)
- Krasner S.D. *Power, the state, and sovereignty: Essays on international relations*. London: Routledge, 2009, 387 p.
- Lieven A. Coronavirus as a mirror: what we see. *Russia in global affairs*. 2020, N 3(103), P. 78–81. (In Russ.)
- Mamedov R.V. State sovereignty: political and legal interpretations. *Bulletin of RUDN Journal of Law*. 2011, N 3, P. 5–11. (In Russ.)
- Newman D. Contemporary research agendas in border studies: an overview. In: Wastl-Water D. (ed.). *Ashgate research companion to border studies*. Oxford: Ashgate publishers, 2011, P. 33–47.
- Okunev I. Yu. Political and geographical aspects of statehood (analysis of the experience of microstates). *Political Science (RU)*. 2011, N 4, P. 162–174. (In Russ.)
- Paasi A. Border studies reanimated: going beyond the territorial / relational divide. *Environment and Planning*. 2012, Vol. 44, N 10, P. 2303–2309.
- Reference book of names of lands and water resources*. Almaty: Arys, 2009, 568 p.
- Rodoman B.B. *Geographical Borders*. Moscow: Moscow university press, 1982, 369 p. (In Russ.)
- Rosenau J. *The Governance of fragmentation: neither a world republic nor a global interstate system*. 2002. Mode of access: http://aura.u-pec.fr/regimen/_fich/_pdf/pub_002.pdf (accessed: 25.09.2020)
- Scott J.W. (ed.). *A research agenda for border studies*. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar, 2020 a, 224 p.
- Scott J.W. Cognitive geographies of bordering: The case of urban neighbourhoods in transition. *Theory & psychology*. 2020 b, P. 1–18.
- Scott J.W. Introduction: bordering, ordering, othering (almost) twenty years on. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2020 c, Vol. 112, P. 2–8.
- Silaeva Z.V., Bolshakov A.G. The phenomenon of «disputed states» in modern world politics: a subject of influence or an instrument of the global game. *Politex*. 2012, Vol. 8, N 3, P. 221–242. (In Russ.)
- Slavin S.V. *Soviet North*. Moscow: Enlightenment, 1972, 174 p. (In Russ.)
- Tcherenev A.A. Political and geographical methods and factors in the formation of electoral districts. *Izvestia of the Irkutsk State University. Series «Political Science. Religious Studies»*. 2017, Vol. 21, P. 126–133. (In Russ.)
- Treivish A.I. *City, country, region*. Moscow: New Chronograph, 2009, 376 p. (In Russ.)
- Turov N.L. «Give Us Liberty, or Give Us Money»: Growth of Regional Parties' Influence in Contemporary Europe. *World economy and international relations*. 2021, Vol. 65, N 6, P. 33–41. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-6-33-41> (In Russ.)

- Zayats D.V. The phenomenon of unrecognized states in the modern world. *Geographical environment and living systems*. 2020, N 1, P. 53–69. (In Russ.)
- Zotova M.V., Sebentsov A.B. Transcarpathian region: cross-border cooperation at the Eastern Margins of the European Union. *Labyrinth. Journal of social and humanitarian research*. 2015, N 5/6, P. 42–55. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Гуменюк И.С., Кузнецова Т.Ю., Осмоловская Л.Г. Местное приграничное передвижение как эффективный инструмент развития приграничного сотрудничества // Балтийский регион. – 2016. – Т. 8, № 1. – С. 97–117. – DOI: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-1-6>
- Елацков А.Б. Географические изоморфизмы в геополитических моделях // Региональные исследования. – 2016. – № 2 (52). – С. 12–20.
- Заяц Д.В. Феномен непризнанных государств в современном мире // Географическая среда и живые системы. – 2020. – № 1. – С. 53–69.
- Зотова М.В., Себенцов А.Б. Закарпатская область: практика приграничного сотрудничества на восточном пограничье ЕС // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2015. – № 5/6. – С. 42–55.
- Ильин М.В. Формула государственности // Полития. – 2008. – № 3 (50). – С. 67–78.
- Карпенко М.С., Колосов В.А., Себенцов А.Б. Трансформации российско-казахстанского пограничья в постсоветский период: институциональное и экономическое измерения // Проблемы национальной стратегии. – 2021. – № 5 (68). – С. 25–40. – DOI: https://doi.org/10.52311/2079-3359_2021_5_25
- Колосов В.А. Фантомные границы как феномен в политической географии // Вестник Московского университета. Серия 5. География. – 2017. – № 5. – С. 3–11.
- Колосов В.А., Заяц Д.В. Современная политическая карта мира // Новая географическая картина мира / под ред. В.А. Колосова, Д.В. Зайца. – М.: Российский учебник, 2020. – Т. 1. – С. 10–14.
- Ливен А. Коронавирус как зеркало: что мы видим? // Россия в глобальной политике. – 2020. – № 3 (103). – С. 78–81.
- Мамедов Р.В. Государственный суверенитет: политико-правовые интерпретации // Вестник РУДН, серия Юридические науки. – 2011. – № 3. – С. 5–11.
- Окунев И.Ю. Политико-географические аспекты государственности (анализ опыта микрогосударств) // Политическая наука. – 2011. – № 4. – С. 162–174.
- Родман Б.Б. Географические границы / под ред. Б.М. Эккеля. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 369 с.
- Российское пограничье: вызовы соседства / под ред. В.А. Колосова. – М.: ИП Матушкина. – 2018. – 562 с.
- Силаева З.В., Большаков А.Г. Феномен «спорных государств» в современной мировой политике: субъект влияния или инструмент глобальной игры // Политэкс. – 2012. – Т. 8, № 3. – С. 221–242.
- Славин С.В. Советский север. – М.: Просвещение. 1972. – 174 с.
- Справочник названий земель и водных ресурсов. – Алматы: Арыс, 2009. – 568 с.

Трейвиш А.И. Город, страна, регион. – М.: Новый хронограф, 2009. – 376 с.

Туров Н.Л. «Дайте нам независимость, или дайте нам денег»: усиление влияния региональных партий в современной Европе // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2021. – Т. 65, № 6. – С. 33–41. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-6-33-41>

Фетисов А.С. Тикунов В.С. Типология стран мира как нечеткого множества // *Вестник Московского университета. Серия 5: География.* – 1996. – № 2. – С. 46–52.

Чернев А.А. Политико-географические методы и факторы в формировании избирательных округов // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение».* – 2017. – Т. 21. – С. 126–133.

И.Ю. ОКУНЕВ*

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАВОРИТИЗМ ПАРТИЙ И ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ¹

Аннотация. Задача данной работы – выявить явление географического фаворитизма в партиях и избирательных системах, заключающееся в степени склонности последних к территориальной дифференциации. На наш взгляд, это обязательный шаг на пути поиска способов учета степени пространственного искажения избирательной и партийной системами общественного выбора, что в перспективе должно дать возможность множественных сравнительных электорально-географических исследований. На основе анализа всех существующих избирательных систем делается вывод, что пропорциональные элементы сокращают потенциал географического фаворитизма избирательных систем, в то время как мажоритарные, наоборот, его усиливают. В статье избирательные системы распределены по уровню потенциального географического фаворитизма: самым высоким он оказывается в мажоритарных системах, а самым низким – в пропорциональных и с промежуточным средним уровнем, соответственно, – в полупропорциональных и преференциальных. Эффект географического фаворитизма в смешанных связанных (компенсаторных) системах близок к результату в пропорциональных системах с несколькими округами. В некомпенсаторных системах он определяется действием мажоритарного компонента. В работе элементы или свойства избирательных систем разделены на две категории: усиливающие или ослабляющие географический фаворитизм. Оценив количество присутствующих в конкретном избирательном законодательстве тех или иных элементов или свойств, можно сделать вывод о степени географического фаворитизма используемой в стране электоральной процедуры. Предложено два варианта расчета индекса географического

---

* **Окунев Игорь Юрьевич**, кандидат политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, директор Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований, МГИМО МИД России (Москва, Россия), e-mail: iokunev@mgimo.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10004, <https://rscf.ru/project/19-78-10004/>

© Окунев И.Ю., 2022

DOI: 10.31249/poln/2022.04.04

фаворитизма, который необходим для сравнительного электорально-географического исследования, поскольку позволяет сравнивать результаты выборов без поправки на искажения ими регионального распределения голосов. Первый индекс скорее подойдет для анализа более сходных избирательных процессов – скажем, нескольких циклов в одном и том же государстве, а второй – для сравнения принципиально различающихся электоральных систем.

Ключевые слова: политическая география; электоральная география; партия; партийная система; избирательная система; географический фаворитизм.

Для цитирования: Окунев И.Ю. Географический фаворитизм партий и избирательных систем // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 90–106. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.04>

Местности могут различаться как по рельефу или типу растительности, т.е. быть пространственно неоднородными, так и по специфике голосования проживающих на них людей. Дифференциация пространства по признаку электоральных предпочтений жителей формирует электоральное пространство (или электоральный ландшафт) государства [Эволюция электорального ландшафта, 2005]. Многолетние исследования в данной сфере убедительно доказали, что существует корреляция между тем, где человек находится, и тем, как он голосует [Ахременко, 2007]. Повторение от цикла к циклу электоральных ориентаций жителей говорит о существовании электорально-географической устойчивости территории, что может использоваться при планировании будущих электоральных кампаний [Taylor, Johnston, 1979]. Например, электорально-географическое районирование позволяет выделить регионы сомневающихся избирателей, когда требуется направить больше усилий в ходе очередной избирательной кампании [Окунев, 2019].

При огромном числе электорально-географических описаний конкретных избирательных кампаний (сегодня даже тележурналисты не могут рассказать об исходе голосования без обращения к карте), в данной отрасли политической географии до сих пор чувствуется недостаток сравнительных, особенно межстрановых, исследований, а значит, и теоретико-методологических обобщений [Туровский, 1999].

На наш взгляд, у этого есть системное объяснение. Благодаря теореме Эрроу мы знаем, что ни одна избирательная система в мире по определению не может быть оптимальной, т.е. справедливо отражающей чаяния общества [Алескеров, Ортешук, 1995; Клима,

Ходж, 2007]. Другими словами, подбор и настройка избирательной системы для конкретного общества – это аналитическая задача, которая позволяет сделать это таким образом, чтобы недостатки электоральных процедур не стали губительными для общества. Территориальная организация избирательной системы является ее ключевым параметром, и, следовательно, от калибровки этого параметра зависит качество функционирования всей системы [Rae, 1971]. Другими словами, мы имеем дело с множеством избирательных и партийных систем, каждая из которых по-своему искажает общественный выбор. Очевидно, что задача сравнения таких уникальных избирательных и партийных систем, используемых зачастую только в одной стране, а то и только в конкретном электоральном цикле, становится трудно реализуемой.

Задача данной работы – определить явление географического фаворитизма в партиях и избирательных системах, заключающееся в степени склонности последних к территориальной дифференциации. На наш взгляд, это обязательный шаг на пути поиска способов учета степени пространственного искажения избирательной и партийной системами общественного выбора, что в перспективе должно дать возможность множественных сравнительных электорально-географических исследований.

Территориальная организация электорального ландшафта

Если основными объектами изучения политической географии являются такие элементы территориальной организации общества, как государства и их административно-территориальные единицы, то электоральная география имеет дело с особыми типами территориальных единиц: избирательными округами (electoral district) и избирательными участками (voting district) [Reynolds, Reilly, Ellis, 2008]. Это – качественно разные объекты: избирательный округ является единицей территориальной организации избирательной системы, а избирательный участок – единицей территориальной организации собственно государства (или региона).

Необходимость деления электоральной системы на избирательные округа возникает при потребности избрания нескольких представителей от общества (например, в парламент). В таком случае страну делят на территориальные единицы – избиратель-

ные округа, – каждый из которых избирает по одному либо по несколько представителей. Потребность же деления страны на избирательные участки не связана с особенностями избирательного процесса, а вытекает из физической невозможности организовать процесс волеизъявления в одном месте. Тогда страну делят на избирательные участки, к которым приписывают избирателей по месту жительства. При этом для организации избирательного процесса может создаваться иерархия электорального территориального деления страны: наряду с центральной избирательной комиссией существуют региональные, территориальные, местные и другие уровни, которые поступательно управляют избирательным процессом, проходящим на самом нижнем этаже этой иерархии – в избирательных участках. К электоральным участкам могут приписываться голоса и в экстерриториальных единицах (в зарубежных посольствах, военных базах, полярных станциях и т.д.).

Величина избирательного округа, таким образом, измеряется количеством избираемых, а участка – избирателей. Избирательный округ может быть одномандатным, если в нем жители избирают одного представителя, или многомандатным, если избирают сразу нескольких представителей. На практике чаще всего ограничиваются пятью-шестью мандатами в округе. Особый вид избирательного округа – единый (или национальный). Единый округ может быть одномандатным, который применяется, например, при выборах главы государства, когда вся страна выбирает одного представителя, или многомандатным, когда вся страна избирает парламент и общее число мандатов распределяется между партиями пропорционально числу голосов, полученных по стране в целом. Избиратель всегда приписан к одному, чаще всего ближайшему избирательному участку, при этом, придя туда в день голосования, он может обнаружить, что одновременно состоит в разных избирательных округах: например, за президента голосует по единому одномандатному округу со всей страной, а за депутатов парламента – по многомандатному округу, совпадающему с границами его региона.

В пропорциональных системах дихотомия выбора размера избирательного округа особенно рельефна. Чем больше округ, тем слабее искажается пропорциональность результатов распределения мандатов; но в то же время чем меньше округ, тем сильнее связь кандидата с избирателем. Отчасти эту проблему решают многоуровневые системы электоральных округов, используемые, в частности, в

Австрии, Болгарии, Дании и Швеции. Там на первом этапе большая часть мандатов распределяется в обычных многомандатных округах, а потом остатки добираются уже в едином многомандатном округе.

Закономерности территориальной неоднородности электорального пространства, таким образом, также можно изучать в двух плоскостях: через дифференциацию результатов голосования по избирательным округам или по избирательным участкам. При существовании дополнительных уровней иерархии электорального территориального деления страны (между центром и избирательными участками – регионального, территориального и т.д.), агрегирующих промежуточные данные, возможен также сравнительный анализ пространственного распределения электоральных предпочтений на этих уровнях [Окунев, 2020]. При этом следует учитывать следующие ограничения. Во-первых, сравнение данных между избирательными округами возможно только по партийной (или идеологической) принадлежности кандидата, потому что в разных избирательных округах будут разные кандидаты. И во-вторых, при существовании единого округа изучение территориальной неоднородности, соответственно, возможно только на уровнях электорального территориального деления.

Электоральные округа не всегда имеют территориальную привязку. Так, известны случаи выделения электоральных округов для соотечественников, проживающих за рубежом, этнических меньшинств и даже представителей юридических лиц (например, функциональные округа для представителей бизнеса в Гонконге или университетские округа для выпускников двух ведущих вузов в Ирландии).

Склонность к территориальной дифференциации политических партий

Ключевым организующим элементом электорального ландшафта являются политические партии, за которых избиратели голосуют на выборах и которые являются проводниками их воли в политическом процессе. Существует множество классификаций партий, основанных на их структуре, идеологической платформе и электоральной тактике [Исаев, 2016]. Для нас важнее будет развести их по наличию или отсутствию склонности к территориальной

дифференциации, т.е. неравномерному пространственному распределению электората, а значит и партийной структуры, и ее активности в предвыборный период (табл. 1).

Самый старый тип в генезисе формальных общественных объединений, борющихся за власть, – элитные (или кадровые) партии. В них, по сути, отсутствует организационная и территориальная структура и институт членов или сторонников партии. Такие партии выросли из политических клубов, когда закрытая группа единомышленников из числа нотаблей (аристократии или, реже, промышленников, финансистов, землевладельцев, военных, духовенства и т.д.) оформляла политическую структуру, которая и так обладала властью в стране, но теперь в ходе демократических процедур легитимизировалась в качестве псевдопредставительской от лица народа. Фактически на заре своего существования такая элитарная демократия была лишь симуляцией народовластия, когда власть так и продолжала оставаться в руках все той же элиты, однако теперь представлялась в качестве делегированной этой элите от общества [Rokkan, 1970].

Таблица 1

Территориальная дифференциация типов политических партий

Тип партий	Склонные к территориальной дифференциации	Не склонные к территориальной дифференциации
Элитные (кадровые)	Клиентелистские партии	Партии-комитеты (клубы)
Массовые	Плюралистические партии-секции	Протогегемонистские партии-ячейки и партии-милиции
Идентичностные	Региональные и этнические партии	Партии нелокализованных меньшинств
Электоралистские	Программные партии	Всеохватные партии
Постмодернистские	Партии-движения	Персоналистские партии

Элитные партии можно разделить на две категории по уровню их склонности к пространственной дифференциации. Классические кадровые партии с организационной структурой комитетов (клубов), выступающих управляющим ядром только на время избирательной кампании и легитимизирующих народную представительство уже наделенных властью нотаблей, конечно, не склонны к территориальной дифференциации, поскольку вообще не опосре-

дованы общественными настроениями. Примерами таких партий можно считать партии шляп и колпаков в Швеции в XVIII в. или вигов и тори в Великобритании в XIX в. Сегодня к ним с некоторой натяжкой, вероятно, можно отнести правящую партию «Народное действие» в Сингапуре. Другое дело – выросшие из такого рода клубов современные элитные клиентелистские партии. Они уже основаны на квазифеодальных патрон-клиентских отношениях между элитой и ее электоратом. Если огрубить: например, рабочие завода будут склонны проголосовать за владельца своего предприятия, а крестьяне – за своего землевладельца не в силу идеологического единодушия, а из-за чувства зависимости своей судьбы от успеха своего патрона. Такие партии будут, напротив, крайне подвержены территориальному фактору, потому что ареал их поддержки будет непосредственно привязан к географии хозяйственной деятельности патронов, а значит, и области проживания зависимой от этой элитной группы клиентелы. Классический пример клиентелистских движений – политические машины в XIX – первой половине XX в. в США, формировавшие систему зависимости выживаемости малоимущих слоев населения от нахождения у власти их эксплуататоров.

Вызов кадровым политическим клубам в конце XX в. бросили массовые партии – их полные противоположности [Дюверже, 2007]. Они стали результатом мобилизации в активный политический процесс новых классов, в первую очередь рабочих и крестьян. Функционирование таких партий не ограничивается предвыборным периодом, задачи агрегирования сторонников и артикуляции их интересов толкают такие структуры к регулярной деятельности даже в период между выборами и, как следствие, требуют институционализации массового членства и разветвленной организационно-территориальной структуры. У массовых партий появляется иерархия партийных управлений и низовых ячеек, профсоюзов, религиозных организаций, молодежных движений и других единиц.

По степени склонности к территориальной дифференциации массовые партии также дробятся на две подгруппы. Склонными можно считать массовые плюралистические партии, имеющие большую иерархическую структуру низовых секций, образованных по территориальному принципу. Именно такими были изначальные массовые партии, которые благодаря своей масштабности и многосоставности старались заполнить собой максимально широкое поле политической дискуссии в обществе, перенеся ее вовнутрь партии, в

полемику между ее секциями и организационными звеньями. В этом смысле массовые плюралистические партии оказываются крайне подвержены влиянию территориальной разнородности политических взглядов в обществе, потому что такая дифференциация отражается на их внутривнутрипартийных дебатах и в конечном счете влияет на избирательную платформу движения. Хрестоматийным примером здесь следует назвать партии христианских демократов в Западной Европе. Напротив, не склонными к территориальной дифференциации будут массовые протогогемонистские партии, в которых исповедуется доктринальность избранной идеологии, а массовость и разветвленность сети служит не для репрезентации интересов общества и внутренней ротации кадров и идей, а для мобилизации широкого слоя сторонников и выстраивания жесткой иерархии контроля за претворением в жизнь идеалов партии. В таких партиях на смену образованным по территориальному принципу секциям приходят ячейки, формируемые на предприятиях и в учреждениях и более жестко контролируемые различными аспектами поведения электората. В крайнем случае такая партия обрастает сетью милиций – полувоеннообразованных образований на низовом уровне с широкими насильственными функциями. Такими партиями были фашистские и нацистские движения в Италии и Германии, и, само собой, отсутствие в них плюрализма мнений не открывало возможностей для значимой территориальной дифференциации в уровне поддержки.

Особняком в типологии партий стоят объединения, основанные не на идеологическом принципе, а на идентичности своего электората – идентичностные партии. В первую очередь такие партии оказываются востребованы различного рода меньшинствами, для которых внутренние идеологические разногласия уступают необходимости консолидации для защиты прав ограниченной группы [Осколков, 2021]. Очевидно, что экстремально склонными к территориальной дифференциации окажутся региональные партии, представляющие интересы локализованных меньшинств (этнических, расовых, конфессиональных, культурных) или простого какого-то обособленного региона (Лига Севера в Италии). Идентичностные партии не всегда будут представлять только меньшинства: так, партии-конгрессы, основанные также на этноконфессиональном принципе, будут образованы вокруг доминирующего в стране большинства (Индийский национальный конгресс, Африканский национальный союз Кении, Национальный фронт Малай-

зии). Наоборот, менее подверженными влиянию территориального фактора станут партии нелокализованных меньшинств (евангелистов в Коста-Рике, эмигрантов-мухаджиров в Пакистане).

В современном мире на смену описанным ранее типам все чаще приходят новые виды политических объединений: электоралистские и постмодернистские партии [Партии и партийные ... , 2015]. Электоралистские партии не столько убеждают электорат в верности своей позиции, сколько пытаются предугадать в своей программе чаяния большинства избирателей. Они в большей степени ориентированы на избирательный успех, чем на ценностную стройность, и пытаются выражать идеологический компромисс, который разделяет большинство в обществе. Последнее приводит к тому, что электоралистские партии постоянно размывают свое идейное ядро (левые – правеют, а правые – левеют), становясь безыдейно центристскими. Такие партии условно делят на программные, которые в своей политической платформе пытаются отразить широкий компромисс (как, скажем, Республиканская партия в США), и всеохватные (catch-all), которые выстраивают свою кампанию от обратного, на антитезе взглядам программной партии, скажем, в лозунгах «мы не левые» или «мы не правые» (например, Демократическая партия в США). Несколько более склонными к территориальной дифференциации выступают электоралистские программные партии, поскольку они более четко отражают социальные размежевания в обществе.

Наконец, последней новацией стало появление постмодернистских партий, в первую очередь партий-движений: экологических (зеленых), антимигрантских, либертарианских, право- или левопопулистских и т.д. Такие организации не конкурируют с классическими партиями на идеологическом поле – они организывают свою политическую активность вокруг ключевых проблем общества, собирая поддержку за счет широкого резонанса в обществе, вызываемого теми или иными проблемами. Они оказываются в значительной степени подверженными территориальной дифференциации, поскольку степень вовлеченности электората в их проблематику сильно разнится от региона к региону. Менее подверженными территориальной дифференциации будут персоналистские партии, которые, как видно из названия, уходят от идейного самоопределения, сублимируя поддержку на фигуре своего лидера (скажем, ЛДПР в России – на В.В. Жириновском).

Географический фаворитизм избирательных систем

Избирательные системы распространены по миру крайне неравномерно [Любарев, 2016]. Наиболее точным будет сравнение их доли по выборам в обе палаты национальных парламентов. На мажоритарные системы приходится 42,5% случаев (в том числе 8% – на полупропорциональные, которые по факту тоже используют принцип большинства), на пропорциональные – 41%, а на смешанные и гибридные – 16,5%. При этом среди собственно видов избирательных систем лидируют пропорционально-списочные, которые присутствуют в 55,5% выборов (в 39,5% случаев в чистом виде и еще в 16% случаев в смешанном виде при соединении с одной из мажоритарных систем). Среди мажоритарных систем продолжает доминировать плюральная формула относительного большинства, используемая почти в каждом четвертом голосовании, еще в 7% случаев для определения победителя используют два тура и абсолютное большинство. Остальные системы являются скорее экзотическими исключениями.

Мажоритарную систему часто обвиняют в нерепрезентативности [Colomer, 2004], когда распределение мандатов не отражает реальной поддержки в обществе различных политических сил. Другими словами, плюральная система порождает существенную долю напрасных голосов, которые делятся на потерянные и избыточные. Так, на выборах в Лесото в 1998 г. партия Демократический конгресс при поддержке по стране в 61% получила 89% мест в парламенте, а Национальная партия Басото при поддержке в 24% населения получила только 1% мандатов. Как видно, партии, имеющие значительную поддержку в обществе, могут не получить в системе относительного большинства соответствующую долю мест в парламенте, отданные за них голоса в таком случае называют потерянными. Такая особенность зачастую приводит к эффекту сфабрикованного большинства, т.е. ситуации, когда партия, за которую проголосовало меньше половины избирателей, получает больше половины мандатов в парламенте. Так, на выборах в Государственную думу в 2003 г. Единая Россия набрала 37,6% голосов и получила 53,3% мандатов. Встречались даже ситуации электоральной инверсии, когда партия, получившая общее большинство голосов, в итоге проигрывала выборы. Так, в Белизе в 1993 г. Народная объединенная партия, получив 51,2% голосов,

заняла 13 из 29 мест в парламенте, в то время как Объединенная демократическая партия при результате в 48,7% выиграла 16 мандатов. Это произошло из-за того, что демократические голоса были более равномерно распределены по территории страны, в то время как народная партия получила поддержку со значительным отрывом в ограниченном числе округов. В этом смысле ее сверхподдержка тоже считается подкрепленной напрасными голосами, в данном случае называемыми избыточными.

Получается, что система относительного большинства страдает географическим фаворитизмом, что делает ее менее чувствительной к изменениям в общественном мнении и более зависимой от структуры географической нарезки страны на избирательные округа. Географический фаворитизм снижает транспарентность политической борьбы, поскольку приводит к стремлению партий разбить страну на безопасные округа, в которых их победа будет предопределена географией. Она потворствует двум типам политических партий, не получающим на выборах напрасные голоса, соответственно потерянные в одном типе и избыточные в другом. С одной стороны, это общенациональные партии с равномерным географическим распределением своих сторонников (без избыточных голосов) – в противовес партиям с широкой поддержкой, но сконцентрированной в отдельных районах. С другой стороны, это территориально сконцентрированные малые региональные или этнические партии, которые делают ставку на победу в своих региональных вотчинах и не допускают появления потерянных голосов в других регионах. Плюральная система, таким образом, ограничивает представительство именно территориально рассеянных меньшинств; более того, необходимость выбора партией в качестве кандидата в округе наиболее вероятного победителя сокращает возможность попадания в бюллетень представителей меньшинств.

Полупропорциональные системы также часто приводят к значительной непропорциональности, только усиливая географический фаворитизм плюрального принципа. Стремясь поддержать меньшинства, которые не могут преодолеть сито блокового вота, избирательное законодательство Маврикия (получившее название «системы лучших из проигравших»), например, предполагало выделение нескольких мандатов для кандидатов от меньшинств, которые получили наивысший процент среди непрошедших в многомандатном округе. В преференциальных системах, наоборот, как

бы нет потерянных голосов. Вместе с тем географический фаворитизм этой модели дает преимущества менее идеологизированным центристским силам в регионах с упорной борьбой крайних идеологических оппонентов.

Пропорциональный принцип, как правило, нивелирует географический фаворитизм мажоритарности: он не благоприятствует, как в системах большинства, крупным партиям только с равномерным территориальным распределением электората и малым партиям с устойчивыми региональными вотчинами. Более того, если мажоритарные системы выгодны только территориально обособленным меньшинствам, то в пропорциональных и небольшие партии с высокой территориальной дисперсией поддержки получают шанс пройти в парламент. В то же время пропорциональная формула хуже отражает территориально окрашенные запросы общества, скажем, сельских жителей в противовес городским, и соответственно хуже агрегирует региональные расколы в обществе.

Таблица 2

Уровень географического фаворитизма избирательных систем

Уровень географического фаворитизма	Тип избирательной системы	Примеры избирательных систем
Очень высокий	Мажоритарные однотуровые	– Относительного большинства – Партийно-блоковая
Высокий	Мажоритарные многотуровые	– Абсолютного большинства
Выше среднего	Полупропорциональные	– Блоковая – Единого передаваемого голоса – Фиксированной пропорции
Средний	Мажоритарно-преференциальные	– Мажоритарно-преференциальная
Ниже среднего	Пропорционально-преференциальные	– Единого передаваемого голоса
Низкий	Пропорциональные с несколькими округами	– Партийно-списочная с открытыми или свободными списками – Смешанная связанная (компенсаторная)
Очень низкий	Пропорциональные только с единым округом	– Партийно-списочная с закрытыми списками

Можно сделать вывод, что пропорциональные элементы сокращают потенциал географического фаворитизма избирательных систем, в то время как мажоритарные, наоборот, его усиливают.

В табл. 2 избирательные системы распределены нами по уровню потенциального географического фаворитизма: самым высоким он оказывается в мажоритарных системах, а самым низким – в пропорциональных и с промежуточным средним уровнем, соответственно в полупропорциональных и преференциальных. Эффект географического фаворитизма в смешанных связанных (компенсаторных) системах близок к результату в пропорциональных системах с несколькими округами. В некомпенсаторных системах он определяется действием мажоритарного компонента.

Таблица 3

Влияние элементов и свойств избирательных систем на географический фаворитизм

Усиливает географический фаворитизм	Ослабляет географический фаворитизм
Наличие региональных, этнических, религиозных партий	Запрет региональных, этнических, религиозных партий
Относительное или смешанное большинство	Абсолютное или квалифицированное большинство
Однотуровость	Перебаллотировки
Ограниченность вотума	Неограниченность вотума
Категорическое, одобрительное и неодобрительное голосование	Кумулятивное и преференциальное голосование
Уноминальность	Полиноминальность
Небольшие многомандатные округа	Единые и крупные многомандатные округа
Открытые, свободные и региональные списки	Закрытые списки
Фиксированная пропорция в мажоритарных системах	Фиксированный электоральный барьер в пропорциональных системах
Низкий электоральный барьер	Средний и высокий электоральный барьер
Одногосие	Многогосие
Непараллельность смешанных систем	Параллельность смешанных систем
Связанность смешанных систем (распределением мандатов или подсчетом голосов)	Несвязанность смешанных систем
Компенсаторность смешанных мажоритарных систем	Компенсаторность смешанных пропорциональных систем
Гибридность мажоритарных систем	Гибридность пропорциональных систем

В табл. 3 элементы или свойства избирательных систем разделены нами на две категории: усиливающие или ослабляющие географический фаворитизм. Оценив количество присутствующих в конкретном избирательном законодательстве тех или иных элементов или свойств, можно сделать вывод о степени географического фаворитизма используемой в стране электоральной процедуры.

Существуют различные способы оценки степени искажения избирательными системами общественных предпочтений – индексы диспропорциональности. Они основаны на разнице между процентом поддержки v_i партии i (из общего числа прошедших в парламент партий n) и долей полученных ею мандатов s_i .

Самые простые из них – индексы Лейпхарта и д’Ондта – просто отражают максимальную подобную разницу и минимальное отношение. Несколько более сложные варианты основаны на среднем отношении этих параметров. Недостатком индекса Рэ является его зависимость от числа партий, прошедших в парламент, когда малые партии могут исказить общую оценку. Поэтому в индексе Грофмана в качестве делителя используется эффективное число партий. Остальные индексы не зависят от общего числа партий. Наиболее точным среди них следует признать индекс Галлахера, основанный на среднеквадратическом отклонении [Голосов, 2018].

Важно отметить, что индексы диспропорциональности могут использоваться не только для анализа пропорциональных систем. В смешанных их можно применять на основе результатов по пропорциональной компоненте системы, а в мажоритарных через сумму голосов, поданных за кандидатов от одной партии.

Индексы диспропорциональности позволяют вычислять и средний уровень географического фаворитизма. Для этого необходимо поделить сумму индексов диспропорциональности на число анализируемых регионов страны (или многомандатных округов). Ниже представлены две возможные формулы индекса географического фаворитизма, основанные на индексах диспропорциональности Лейпхарта [Lijphart, 1994] и Галлахера [Gallacher, Mitchell, 2008], хотя для специфических задач исследования можно использовать и другие индексы.

$$\text{ИГ}\Phi 1 = \frac{1}{m} \sum_{n=1}^m \max_{i=1, n} |v_i - s_i|$$

$$\text{ИГ}\Phi 2 = \frac{1}{m} \sum_{n=1}^m \sqrt{\left(\frac{1}{2} \sum_{i=1}^n |v_i - s_i|^2 \right)},$$

где m – число анализируемых регионов страны (или многомандатных округов), n – число партий, получивших мандаты в отдельном регионе (многомандатном округе), v_i – процент поддержки партии i в отдельном регионе (многомандатном округе), s_i – доля полученных партией i мандатов в отдельном регионе (многомандатном округе).

Индекс географического фаворитизма необходим для сравнительного электорально-географического исследования, поскольку позволяет сравнивать результаты выборов без поправки на искажения ими регионального распределения голосов. Первый индекс скорее подойдет для анализа более сходных избирательных процессов, скажем, нескольких циклов в одном и том же государстве, а второй – для сравнения принципиально различающихся электоральных систем.

Любое сравнительное электорально-географическое исследование должно начинаться с оценки уровня географического фаворитизма избирательной и партийной системы, искажающего пространственное распределение общественного выбора. Подобная оценка может помочь нивелировать такое влияние при оценке электорального ландшафта, а значит, сделает сравнение валидным.

I. YU. Okunev*

Geographical favouritism of parties and electoral systems

Abstract. The task of this work is to identify the phenomenon of geographical favouritism in parties and electoral systems, which consists in the degree of the tendency of the latter to territorial differentiation. In our opinion, this is a mandatory step towards finding ways to take into account the degree of spatial distortion of the electoral and party systems of public choice, which in the future should enable multiple comparative electoral and geographical studies. Based on the analysis of all existing electoral systems, it is concluded that proportional elements reduce the potential of geographical favoritism of electoral systems, while majoritarian ones, on the contrary, strengthen it. In the article, electoral systems are distributed according to the level of potential geographical favoritism: it turns out to be the highest in majority systems, and the lowest in proportional and intermediate-average systems, respectively, in semi-proportional and preferential ones. The effect of geographical favouritism in mixed (compensatory) systems is close to the result in proportional systems with several dis-

---

* Okunev Igor, MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: iokunev@mgimo.ru

tricts. In non-compensatory systems, it depends on the effect of the majoritarian component. In the work, the elements or properties of electoral systems are divided into two categories: those that strengthen or weaken geographical favouritism. Having estimated the number of certain elements or properties present in a particular electoral legislation, we can conclude about the degree of geographical favouritism of the electoral procedure used in the country. Two variants of calculating the index of geographical favouritism are proposed, which is necessary for comparative electoral-geographical research, since it allows comparing election results without correction for distortions of the regional distribution of votes. The first index is more suitable for analyzing more similar electoral processes, say, several cycles in the same state, and the second is for comparing fundamentally different electoral systems.

Keywords: political geography; electoral geography; party; party system; electoral system; geographical favouritism.

For citation: Okunev I. Yu. Geographical favouritism of parties and electoral systems. *Political science (RU)*. 2022, N 4, P. 90–106. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.04>

References

- Akhremenko A.S. *Structures of electoral space*. Moscow: Sotsial'no-politicheskaya mysl', 2007, 320 p. (In Russ.)
- Aleskerov F.T., Orteshuk P. *Elections. Voting. Parties*. Moscow: Akademia, 1995, 208 p. (In Russ.)
- Colomer, J. *Handbook of electoral system choice*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004, 555 p.
- Duverger M. *Political parties*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2007, 544 p. (In Russ.)
- Gallacher M., Mitchell P. *The politics of electoral systems*. Oxford: Oxford university press, 2008, 237 p.
- Golosov G.V. *Comparative politics*. Saint Petersburg: EUSPb, 2018, 462 p. (In Russ.)
- Isaev B.A. *The theory of parties and party systems*. Moscow: Yurait, 2016, 370 p. (In Russ.)
- Klima R.E., Hodge J.K. *The mathematics of voting and elections*. Moscow: MTSMNO, 2007, 224 p. (In Russ.)
- Lijphart A. *Electoral systems and party systems: A study of twenty-seven democracies, 1945–1990*. Oxford: Oxford university press, 1994, 209 p.
- Lyubarev A.E. *Electoral systems: Russian and world experience*. Moscow: NLO, 2016, 632 p. (In Russ.)
- Makarenko B.I. (ed.). *Parties and party systems: current development trends*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2015, 303 p. (In Russ.)
- Okunev I. Yu. *Basics of spatial analysis*. Moscow: Aspekt press, 2020, 255 p. (In Russ.)
- Okunev I. Yu. *Political geography*. Moscow: Aspekt press, 2019, 512 p. (In Russ.)
- Oskolkov P.V. *Essays on ethnic studies*. Moscow: Aspekt press, 2021, 176 p. (In Russ.)

- Rae D.W. *The political consequences of electoral laws*. New Haven: Yale university press, 1971, 209 p.
- Reynolds A., Reilly B., Ellis A. (eds). *Electoral system design: The new international IDEA handbook*. Stockholm: IDEA, 2008, 237 p.
- Rokkan, S. *Citizens, elections, parties: Approaches to the comparative study of the processes of development*. Oslo: Universitetsforlaget, 1970, 470 p.
- Sidorenko A.A. (ed). *The evolution of electoral landscape*. Moscow: KomKniga, 2005, 68 p. (In Russ.)
- Taylor P.J., Johnston R.J. *Geography of elections*. London: Penguin books, 1979, 528 p.
- Turovskiy R.F. *Political geography*. Smolensk: SGU, 1999, 381 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Алескерев Ф.Т., Ортешук П. Выборы. Голосование. Партии. – М.: Академия, 1995. – 208 с.
- Ахременко А.С. Структуры электорального пространства. – М.: Социально-политическая мысль, 2007. – 320 с.
- Голосов Г.В. Сравнительная политология. – СПб.: ЕУСПб, 2018. – 462 с.
- Дюверже М. Политические партии. – М.: Академический Проект, 2007. – 544 с.
- Исаев Б.А. Теория партий и партийных систем. – М.: Юрайт, 2016. – 370 с.
- Клима Р.Э., Ходж Дж. К. Математика выборов. – М.: МЦНМО, 2007. – 224 с.
- Любарев А.Е. Избирательные системы: российский и мировой опыт. – М.: НЛЮ, 2016. – 632 с.
- Окунев И.Ю. Основы пространственного анализа. – М.: Аспект Пресс, 2020. – 255 с.
- Окунев И.Ю. Политическая география. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 512 с.
- Осколков П.В. Очерки по этнопологии. – М.: Аспект Пресс, 2021. – 176 с.
- Партии и партийные системы: современные тенденции развития / Б.И. Макаренко [и др.]; под рук. Б.И. Макаренко. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 303 с.
- Туровский Р.Ф. Политическая география. – Смоленск: СГУ, 1999. – 381 с.
- Эволюция электорального ландшафта / под ред. А.А. Сидоренко. – М.: КомКнига, 2005. – 68 с.

КОНТЕКСТ

А.В. КУЗНЕЦОВ*

РАЗНООБРАЗИЕ ВОЗМОЖНЫХ ЦЕНТРОВ СИЛЫ НОВОГО МИРОУСТРОЙСТВА

Аннотация. Статья посвящена типологии потенциальных центров силы нового мироустройства. Показано, что классические политико-географические и геополитические подходы рано списывать в архив – в частности, численность населения, размер территории (при ее насыщенности природными ресурсами), объем ВВП (в том числе при расчете по паритетам покупательной способности валют) по-прежнему определяют вес стран на мировой арене. Несмотря на развитие институтов многостороннего регулирования международных отношений и определенные успехи некоторых проектов региональной интеграции, место государств в трансформирующемся мироустройстве в значительной мере определяется наличием у них права вето в Совете Безопасности ООН, арсеналом ядерного оружия, распространением в мире и общим статусом их государственного языка. Нами выделено чуть больше двух десятков возможных центров силы, сгруппированных в четыре типа: супердержавы исчезнувшего биполярного мира (США и Россия – две экономически развитые страны с достаточными военно-политическими инструментами и масштабным населением, территорией и национальной экономикой, чтобы демонстрировать очевидную претензию на продвижение нового мирового культурно-идеологического проекта); гиганты Востока (Китай и Индия – по некоторым параметрам превосходящие США и Россию, но относящиеся пока к экономически развивающимся странам и уступающие пер-

---

* **Кузнецов Алексей Владимирович**, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор кафедры интеграционных процессов, МГИМО МИД России (Москва, Россия); директор, главный научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: kuznetsov_alexei@mail.ru
DOI: 10.31249/poln/2022.04.05

вым двум, особенно Индия, по внешнеполитическому весу); крупные высокоразвитые страны (Япония, Германия, Франция, Великобритания, Италия, Испания); восходящие региональные державы (Индонезия, Бразилия, Турция и другие). Состав типов, особенно наиболее многочисленного четвертого, довольно дискуссионный, что подробно показано в статье. В частности, дано объяснение, почему нельзя относить к возможным центрам силы нового мироустройства даже условно «второго эшелона» такие государства, как Канада, Австралия, Республика Корея, Бангладеш и пр.

Ключевые слова: новое мироустройство; типология стран; ключевые центры силы; восходящие региональные державы; политическая география; геополитика полицентризма.

Для цитирования: Кузнецов А.В. Разнообразие возможных центров силы нового мироустройства // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 107–120. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.05>

Введение

События 2022 г. показывают новую, весьма драматичную фазу перехода к новому полицентричному мироустройству. Хотя многие политики и эксперты рассуждали об этом более десятка лет, они так и не смогли выявить реалистичные сценарии трансформации постбиполярного мира, в котором временность гегемонии США была очевидной. На наш взгляд, трудности выявления возможных центров силы нового мироустройства обусловлены среди прочего чрезмерным увлечением ученых текущей ситуацией. Плодом такого анализа, в частности, стала довольно популярная модель «Химерики», новой биполярности с двумя главными центрами силы – США и КНР [Ferguson, Xu, 2018].

Многие исследователи, по-видимому, считают, что в формирующемся полицентричном мироустройстве набор ведущих держав (пусть даже и выстроенных в какую-то иерархию) в значительной мере может определяться внешней политикой. Не случайно встречаются работы, где авторы пытаются противопоставлять российские и «западные» взгляды на полицентризм. Примечательна работа [Miskimmon, O’Loughlin, 2017], где критике подвергаются российские подходы к полицентричному мироустройству, логика которых в значительной мере объясняется исследователями слабеющим весом Российской Федерации в мире и непониманием ее руководством возрастающей роли объединений стран в противовес доминированию крупных держав в прошлом.

Не ставя целью разбирать процитированную работу двух западных профессоров, отмечу только их недостаточную начитанность в части библиографии по изучаемому вопросу – не упомянута даже переведенная на английский монография представлявшего сразу несколько институтов Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН коллектива, работавшего по мегагранту РГНФ [Dynkin, Ivanova, 2012]. Тем не менее даже среди более чем 50 глав этой российской монографии непосредственно вопросам выделения разных центров силы нового мироустройства уделено сравнительно мало места.

На наш взгляд, продуктивным могло бы стать обращение к советскому опыту типологии стран, но проведенному, разумеется, с учетом нового багажа знаний, приобретенного за последние 30–50 лет, в том числе в рамках развития политической географии, изучения геополитики, анализа международных отношений. Прежде всего стоит вспомнить две работы корифеев отечественной науки: многомерно-статистический подход к классификации несоциалистических стран, предложенный командой во главе с Л.А. Фридманом [Типология несоциалистических стран, 1976], а также самую известную типологию стран, предложенную географом, а именно В.В. Вольским (последняя версия – [Вольский, 2009]).

Выявление потенциальных центров силы нового мироустройства, в том числе ключевых среди них, важно для выстраивания правильных отношений на международной арене любым из государств, которое само претендует на статус важного игрока. В частности, Россия должна вести диалог по формированию более справедливого мироустройства прежде всего с самостоятельными и сильными государствами, а не странами, которые даже при имеющихся у них больших ресурсах выступают как чьи-то сателлиты.

Типы возможных центров силы

Драматические события на Украине, начавшиеся в 2013–2014 гг. с поддержанного несколькими странами «коллективного Запада» государственного переворота и демонстрирующие сейчас уже масштабное вооруженное противостояние, в которое прямо или косвенно вовлечено немало стран, показали неизбежность многих характеристик геополитики, казавшихся рядом экспертов

уже достоянием истории. Право вето у пяти государств в Совете Безопасности ООН, завоеванное победой над нацистской Германией и милитаристской Японией с их многочисленными союзниками, ядерное оружие как инструмент сдерживания военных авантюр, обширная территория, значительное население и богатство природными ресурсами – именно эти параметры стран оказываются ключевыми для их позиционирования в мире. Есть в этом списке место и экономической мощи, а также такому важному параметру «мягкой силы», как распространенность государственного языка на международной арене (в области образования, издательской деятельности, в сети Интернет и т.п.). Разумеется, перечень показателей можно расширять. Например, важны такие экономические показатели, как накопленный объем экспортированных прямых иностранных инвестиций (что свидетельствует о мощи национальных ТНК) или масштабы официальной помощи развитию (хотя ее корректные подсчеты весьма затруднены для восходящих региональных держав глобального Юга, поскольку традиционно изучались соответствующие связи по линии Север – Юг, а не Юг – Юг). Значительный экспорт товаров и услуг часто ярко свидетельствует о высокой конкурентоспособности национальной экономики, а существенный объем золотовалютных резервов обычно указывает на способность страны противостоять внешним шокам. Вес государств определяется и привлекательностью их национальных валют для международных расчетов.

При этом, на наш взгляд, следует избегать жесткого набора критериев, поскольку может быть большой разрыв между имеющимся у страны потенциалом и ее фактическим поведением на международной арене. Из истории второй половины XX в. можно вспомнить немало примеров знаменитой формулы «экономический гигант, но политический карлик». Были иллюстрации и важной роли в мировой политике государств, чей формальный статус или экономический вес были не столь уж велики.

По-видимому, в число ведущих стран мира не может попасть больше 20–25 государств, каким бы полицентричным не стало новое мироустройство. Более того, среди этих стран будет выделяться несколько наиболее весомых в международных отношениях государств. С одной стороны, отличительными признаками должны быть очевидные количественные параметры, такие как численность населения, ВВП по рыночным курсам и при расчете по паритетам покупательной

способности валют (ППС). С другой стороны, важны и качественные признаки (например, членство в Совете Безопасности ООН и «Группе 20», наличие ядерного оружия, широкая распространенность в мире государственного языка, фактический вес страны в ключевых международных организациях, статус лидера на субконтиненте либо в ареале распространения той или иной религии).

Вместе с тем могут быть некоторые ограничители, которые не позволят стране стать даже значимым региональным лидером при наличии названных выше факторов. Например, с учетом очевидного устаревания дихотомии «развитые – развивающиеся страны» возможным крупным центром силы нового мироустройства может быть государство, не относимое к числу «экономически развитых» (ярчайший пример – Китай). Вместе с тем сомнительно ожидать попадание в число ведущих стран государств со статусом «наименее развитых стран» (Least Developed Countries, LDCs), тем более что такого рода страны получают от всего мирового сообщества официальные преференции для преодоления бедности. Небольшая численность населения при большой территории или высокая скученность жителей на маленькой территории в окружении других, часто крупных, а иногда и враждебных государств – также возможный ограничитель.

Здесь мы предложим свое видение нескольких типов ведущих стран мира, а также объясним причины такой классификации и доводы против отнесения к соответствующим типам некоторых иных государств (см. табл. 1).

Сейчас особенно проявилась подвижность тенденций, направленных на усиление полицентричности мира. Восходящие региональные державы нередко требуют пересмотра базовых принципов сложившегося после Второй мировой войны мироустройства: например, реформы СБ ООН, включая отказ от феномена постоянных членов с правом вето. Однако даже небольшое расширение СБ ООН за счет появления постоянных членов без права вето из числа ключевых государств (причем, как правило, входящих в число ведущих плательщиков в бюджет ООН) пока не встретило мирового консенсуса (почти у каждой кандидатуры региональной державы есть сильные оппоненты). Это одна из нескольких причин сложности в определении круга потенциальных ключевых центров силы нового мироустройства.

Таблица 1

Типы ведущих стран в новом мироустройстве

Название типа	Состав	Основные признаки
Супердержавы исчезнувшего биполярного мира	США, Россия	Очевидная претензия на мировой культурно-идеологический проект. При этом устойчиво входят в топ-10 и по населению, и по территории (к тому же богатой ресурсами), и по ВВП при расчете по ППС. Относятся ООН к развитым странам, их государственные языки – языки ООН, широко распространенные в мире. Наконец, имеют два весомых инструмента международной политики – право вето в СБ ООН и наибольшие арсеналы ядерного оружия.
Гиганты Востока	Китай, Индия	Страны-цивилизации. Также в лидерах и по населению, и по территории, и по ВВП. Относятся ООН к развивающимся странам. По многим признакам КНР больше приближается к США и России, чем Индия.
Крупные высокоразвитые страны	Япония, Германия, Франция, Великобритания, Италия, Испания	Их вес определяется двумя основными факторами – это бывшие колониальные империи с высоким уровнем развития экономики. При этом набор признаков, характерных для ведущих держав, неполный – например, ядерное оружие и право вето в СБ ООН есть лишь у Франции и Великобритании, важность государственного языка в мире (а значит, и культурного влияния) сопоставима у Испании, тогда как последняя не является членом пока еще не окончательно утратившего веса экономического института «коллективного Запада» – «Группы 7» (но туда входят Япония, ФРГ и Италия – наряду с Канадой). По масштабам ВВП в расчете по ППС страны занимают в мире места с 4-го по 16-е. При этом играют, наряду с США, особую роль в валютно-финансовых отношениях (в том числе благодаря иене, евро и фунту стерлингов).
Восходящие региональные державы	Индонезия, Бразилия, Турция, Мексика, Саудовская Аравия, Египет, Иран, Пакистан, Аргентина, ЮАР	По масштабам ВВП в расчете по ППС страны занимают в мире места с 7-го по 32-е (они ранжированы в таблице именно по этому параметру). Самые малолюдные страны – Аргентина, сопоставимая с Испанией, и ЮАР, сопоставимая с Италией, а также Саудовская Аравия. При этом последняя, наряду с ЮАР, Аргентиной, а также Индонезией, Бразилией, Турцией и Мексикой входят в «Группу 20» (правда, в этой группе находятся и малолюдные страны развитого переселенческого капитализма – Канада и Австралия, а также Южная Корея). При этом Пакистан – обладатель ядерного оружия (но оно есть и у Израиля, а также КНДР). Языковой фактор важен для Саудовской Аравии и Египта (ведь арабский – с 1973 г. шестой язык ООН). При этом Саудовская Аравия – центр суннизма, а Иран – шиизма.

Несостоявшиеся региональные центры силы

Численность населения, особенно при позитивной динамике, – очень важный показатель, поскольку это и один из ключевых факторов формирования емкого внутреннего рынка, позволяющего обеспечивать не только динамичное развитие экономики, но и вырастить крупные компании – «национальных чемпионов», способных по мере «взросления» конкурировать на мировых рынках с ведущими ТНК. Нельзя забывать и о мобилизационном ресурсе при анализе военных аспектов мировой политики. Тем не менее не всякая многолюдная страна может быть отнесена к ключевым центрам силы. Например, по данным Всемирного банка, в 2021 г. Бангладеш занимал 8-е место в мире с показателем 166,3 млн жителей, опережая даже Россию¹. На 12-м месте с населением 117,9 млн человек была Эфиопия, и уже через несколько лет она обгонит Японию. На уровне ведущих стран Западной Европы находится, например, Танзания (61,5 млн жителей). При этом есть и другие небогатые, но многолюдные страны – в частности, Пакистан (5-е место, 225,2 млн жителей) и Нигерия (7-е место, 211,4 млн жителей).

Тут на помощь может прийти политико-географический анализ. Если мы говорим о подлинно полицентричном мире, то нельзя среди прочего игнорировать возможность появления ключевых центров силы на таком большом и динамично развивающемся континенте, как Африка. Нигерия – крупнейшее африканское государство по численности населения и второе после Египта по размеру ВВП при расчете по ППС (24-е и 21-е места в мире соответственно). При этом Эфиопия по численности населения опережает Египет (104,3 млн жителей), а Демократическая Республика Конго (92,4 млн человек) и упомянутая выше Танзания впереди ЮАР (60 млн). Однако если ЮАР – единственный африканский участник таких важных групп ведущих держав, как БРИКС и «Группа 20» – по размеру ВВП в 2021 г. заняла 32-е место в мире, то Эфиопия была лишь 57-й, Танзания 73-й, а Демократическая Республика Конго – вообще 86-й. Это не случайно: Эфиопия, Демократическая Республика Конго и Танзания по-прежнему входят в число 46 наименее разви-

---

¹ Population Total / World Bank. – 2022. – Mode of access: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?view=chart> (accessed: 24.09.2022).

тых стран мира (LDCs) с очень низкими показателями ВВП на душу населения.

Аналогично занимающий 27-е место Бангладеш – не просто наименее развитая страна, но лишь третье по значению государство на южноазиатском субконтиненте после Индии и Пакистана, причем обе эти страны к тому же ядерные державы¹. Иначе говоря, необходимо смотреть на место страны не только в мире (см. табл. 2), но и в ее макрорегионе – на крупном субконтиненте.

Таблица 2

Топ-12 стран по разным показателям в мире²

№	Население	Площадь	ВВП по курсам	ВВП по ППС	Экспорт товаров и услуг	Расходы на НИОКР по ППС
1	Китай	Россия	США	Китай	Китай	США
2	Индия	Канада	Китай	США	США	Китай
3	США	Китай	Япония	Индия	Германия	Япония
4	Индонезия	США	Германия	Япония	Япония	Германия
5	Пакистан	Бразилия	Велико-британия	Германия	Велико-британия	Республика Корея
6	Бразилия	Австралия	Индия	Россия	Франция	Франция
7	Нигерия	Индия	Франция	Индонезия	Нидерланды	Великобритания
8	Бангладеш	Аргентина	Италия	Бразилия	Гонконг (КНР)	Россия
9	Россия	Казахстан	Канада	Франция	Республика Корея	Остров Тайвань
10	Мексика	Алжир	Республика Корея	Велико-британия	Сингапур	Италия
11	Япония	ДР Конго	Россия	Италия	Италия	Канада
12	Эфиопия	Саудовская Аравия	Бразилия	Мексика	Ирландия	Испания

Определенную сложность для исследователя представляют страны АСЕАН – по численности населения в 2021 г. Филиппины были на 13-м месте в мире, Вьетнам – на 15-м, Таиланд – на 19-м. По ВВП при расчете по ППС Таиланд был 22-м, Вьетнам – 25-м, а

¹ GDP, PPP (current international \$) / World Bank. – 2022. – Mode of access: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD?view=chart> (accessed: 24.09.2022).

² Данные Всемирного банка за 2021 г., в том числе цитировавшиеся выше, а по расходам на НИОКР данные за 2020 г. – Main Science and Technology Indicators / OECD. – 2022. – Mode of access: https://stats.oecd.org/viewhtml.aspx?datasetcode=MSTI_PUB&lang=en (accessed: 24.09.2022).

Филиппины – 29-м государством в мире. Тем не менее ни одно из этих государств по отдельности не способно играть роль даже региональной державы – как из-за потенциальной конкуренции друг с другом, так и по причине нахождения в тени таких крупных стран Тихоокеанской Азии, как Китай, Япония и Индонезия.

По этой же причине страны переселенческого капитализма – Канада и Австралия¹ – вряд ли станут региональными державами из-за их нахождения в тесной связи с США и Великобританией (чей король – глава обоих государств), хотя в их пользу говорит большая территория и богатые ресурсы (однако население – 38,2 и 25,7 млн жителей соответственно, поэтому и по ВВП при расчете по ППС они лишь на 15-м и 18-м местах).

Наконец, ведущий «восточноазиатский тигр» – Республика Корея с населением 51,7 млн жителей (27-е место) – находится на 14-м месте в мире по ВВП (по ППС), выделяясь также как крупный экспортер товаров и услуг (9-е место, что выше позиции и России, и Индии, и некоторых других стран) и как один из мировых лидеров по расходам на НИОКР (5-е место после США, Китая, Японии и Германии). Тем не менее это государство вряд ли можно было бы причислить к типу крупных высокоразвитых стран, представленных только Японией и бывшими европейскими метрополиями. Дело в том, что Южная Корея не просто «зажата» между Россией, Китаем и Японией, но еще и соседствует с обладающей ядерным оружием КНДР, отношения с которой вряд ли будут урегулированы в обозримой перспективе. Более того, как и у другого динамичного «восточноазиатского тигра» – китайского острова Тайвань – сам факт относительно безопасного существования страны базируется на военной поддержке США. Этим Республика Корея и остров Тайвань принципиально отличаются от западноевропейских партнеров Соединенных Штатов по НАТО – хотя страны ЕС и полагаются на военный ресурс США, экономя на собственных расходах на оборону, при гипотетическом отказе США выполнять роль старшего партнера в военно-политической сфере, бывшие колониальные державы вполне способны прово-

---

¹ К этому типу высокоразвитых стран относят также небольшую Новую Зеландию, а нередко и Израиль.

дять самостоятельную политику¹. Более того, как показал пример Великобритании, для европейских стран не существует безусловной привязки даже к интеграционному проекту ЕС. Тем не менее следует признать, что Республику Корея нередко включают в списки восходящих центров силы (можно указать недавний обзор работ, содержащийся в [Горбунова, Комаров, 2020]).

Поскольку мы исключили несколько стран из списка возможных центров силы нового мироустройства, возникает вопрос о правомочности включения тех государств, которые удовлетворяют лидерским критериям лишь отчасти. В частности, самыми малолюдными странами из выделенного нами 21 государства в табл. 1 являются Испания (47,3 млн человек), Аргентина (45,8 млн) и Саудовская Аравия (35,3 млн человек).

Испания в силу известных исторических обстоятельств долгое время находилась в числе среднеразвитых стран, не была включена в «элитные клубы» глобального регулирования (например, такие как «Группа 7» или «Группа 20»). Вместе с тем она занимает 14-е место по ВВП при расчете по курсам валют, 16-е место по ВВП по ППС, 18-е место по экспорту товаров и услуг, 12-е место по абсолютным расходам на НИОКР в расчете по ППС (лишь по населению страна на 30-й позиции). Но главное – Испании удалось стать неформальным культурным лидером огромного иберо-латиноамериканского сообщества, причем наряду с английским и китайским испанский, также являющийся языком ООН, входит в тройку лидеров по числу носителей, и в плане географии использования как неродного он уступает лишь английскому языку.

Прежде всего по культурным основаниям, подкрепленным, впрочем, экономической базой, в число восходящих региональных держав входит и Саудовская Аравия как неоспоримый центр исламского мира. Нельзя забывать также о роли Саудовской Аравии как гаранта безопасности соседних небольших, но богатых арабских монархий. При этом Саудовская Аравия (как и Египет благодаря Суэцкому каналу) занимает стратегическое транспортное положение в мире, являясь вместе с этим лидером столь влиятельной Организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК). Наконец, сравнительно небольшое население страны быстро растет – за послед-

---

¹ Похожий подход демонстрирует еще один член НАТО – Турция, которая также пытается вести активную экспансию в региональном масштабе.

ние 10 лет оно увеличилось на 25% (за 20 лет – на 67%), тогда как, например, население Австралии выросло лишь на 15% за 10 лет и 33% за 20 лет, а Канады – на 11 и 22% соответственно¹. При этом по ВВП на душу населения (по ППС) Саудовская Аравия находится примерно на том же уровне, что и Франция или Великобритания², где население в XXI в. почти не увеличивается.

Аргентина – самый сложный случай. С одной стороны, страна с начала XX в. входит в число по меньшей мере экономически среднеразвитых стран, является второй по значению страной Южной Америки после Бразилии, входит сейчас в «Группу 20», занимает 8-е место в мире по площади территории, богатой ресурсами. С другой стороны, из-за крайне волатильного экономического развития все последние десятилетия Аргентина может претендовать на статус региональной державы в еще большей мере, чем ЮАР, лишь по причине отсутствия по близости с ней более успешных крупных стран. При этом неспособность провести успешные социально-экономические реформы становится «проклятием» многих крупных «восходящих стран». Они могут, по меткому определению известного специалиста по экономике развивающихся стран В.А. Красильщикова, оказаться колоссами на глиняных ногах, «вечно восходящими», но не способными подняться до уровня развитых государств, а концепции многополярности будут не более чем плодами ложного сознания [Красильщиков, 2015].

Наконец, особо следует рассмотреть Иран – крупное государство (85 млн жителей – 18-е место в мире) с древней культурой и довольно развитой экономикой, которая при этом сильно пострадала от многолетних санкционных войн с «коллективным Западом». Тем не менее даже по абсолютному размеру ВВП (по ППС) Иран превосходит Египет, Пакистан или Нигерию, по экспорту товаров и услуг Иран сопоставим с Египтом и Аргентиной, а по ВВП на душу населения (по ППС) – с Китаем. Пример Ирана показывает, что даже беспрецедентное внешнеполитическое давление на страну, имеющую все шансы быть ключевым центром силы, не

---

¹ Population Total // World Bank. – 2022. – Mode of access: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?view=chart> (accessed: 24.09.2022).

² GDP per capita, PPP (current international \$) / World Bank. – 2022. – Mode of access: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD?view=chart> (accessed: 24.09.2022).

может вытолкнуть государство по крайней мере из «второго эшелона» мировой элиты.

Заключение

Представленный анализ подтверждает, что позиционирование стран как ключевых центров силы или даже влиятельных региональных держав определяется не только их потенциалом в экономической, военной или культурной сферах, но и способностью действовать самостоятельно на мировой арене с опорой на имеющиеся у страны ресурсы. Соседство с другими потенциальными центрами силы может как снижать общий вес данного государства, так и усиливать (например, страны ЕС с помощью интеграционного проекта компенсируют свой главный недостаток – скромный людской потенциал, а значит, и ограниченные рынки сбыта в пределах национальных границ).

Разумеется, с течением времени позиции стран могут меняться. В настоящее время безотносительно к имеющимся ресурсам и достигнутому уровню экономического развития при всех попытках активизировать свою внешнюю политику хотя бы в определенных регионах, «политическими карликами» смотрятся Канада, Австралия и Республика Корея. Скорее всего, далеко не все из выделенных нами восходящих региональных держав смогут в конечном счете играть важную роль на мировой арене даже в качестве представителей определенного субконтинента или цивилизационного ареала. При этом некоторые страны, не становясь полноценными центрами силы в масштабах мироустройства, могут оказывать серьезное воздействие на соседние небольшие страны. В связи с этим наряду, например, с влиянием Австралии на ряд соседних островных государств можно вспомнить политику Казахстана в Центральной Азии или Польши в Восточной Европе.

Наконец, пока совершенно не ясно, сможет ли Китай стать ровнем с США и Россией в части культурно-идеологического влияния на мировое развитие (притом что КНР уже высказывает определенные претензии), равно как и удержит ли в долгосрочном плане Российская Федерация свои позиции, учитывая сохраняющийся многие годы довольно скромный экономический вес (государство находится, например, в конце второй десятки стран по

масштабам экспорта товаров и услуг). Не исключено, что Индия так и не сможет воспользоваться имеющимся у нее шансом и, оставаясь в фарватере внешней политики США, окончательно скатится в разряд «второго эшелона» региональных держав, таких как Индонезия или Нигерия. Иначе говоря, гиганты Востока как самостоятельный тип ключевых центров силы нового полицентричного миропорядка могут и не сохраниться.

A.V. Kuznetsov*

Variety of possible centers of force in the new world order

Abstract. The article is devoted to the typology of potential centers of power of the new world order. It is shown that it is too early to write off classical political-geographical and geopolitical concepts into the archive – in particular, the population, the size of the territory (with its saturation with natural resources), the volume of GDP (including when calculating the purchasing power parities of currencies) still determine the weight of countries on the world stage. Despite the development of institutions of multilateral regulation of international relations and certain successes of some regional integration projects, the place of states in the transforming world order is largely determined by their veto power in the UN Security Council, the arsenal of nuclear weapons, proliferation in the world and the general status of their state language. We have identified a little more than two dozen possible centers of power, grouped into four types: (1) Superpowers of disappeared bipolar world (USA and Russia are the two developed countries with sufficient military and political tools and large-scale population, territory and national economies to demonstrate the obvious claim to the promotion of a new global cultural and ideological project); (2) Giants of the East (China and India in some respects are surpassing the United States and Russia, but yet related to economically developing countries and inferior to the first two, especially India, for foreign weight); (3) Major advanced countries (Japan, Germany, France, UK, Italy, Spain); (4) Rising regional powers (Indonesia, Brazil, Turkey and others).

The composition of the types, especially the most numerous fourth, is quite controversial, which is shown in detail in the article. In particular, an explanation is given why states such as Canada, Australia, the Republic of Korea or Bangladesh cannot be considered as possible centers of power of the new world order, even conditionally “second echelon”.

Keywords: new world order; typology of countries; key centers of power; rising regional powers; political geography; geopolitics of polycentrism.

---

* **Kuznetsov Alexei**, MGIMO University; Institute of scientific information for social sciences of the Russian academy of sciences (INION RAS) (Moscow, Russia), e-mail: kuznetsov_alexei@mail.ru

For citation: Kuznetsov A.V. Variety of possible centers of force in the new world order. *Political science (RU)*. 2022, N 4, P. 107–120. DOI: <https://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.05>

References

- Dynkin A.A., Ivanova N.I. (eds). *Russia in polycentric world*. Moscow: Ves Mir Publishers, 2012, 580 p.
- Ferguson N., Xu X. Make Chimerica great again. *Hoover Institution Economics Working Papers*. 2018, N 18105, 22 p.
- Fridman L.A. et. al. *Typology of non-socialist countries*. Moscow: GRVL–Nauka, 1976, 272 p. (In Russ.)
- Gorbunova M.L., Komarov I.D. Leading traditional and rising powers as security providers in the world most fragile states. *Comparative politics*. 2020, Vol. 11, N 3, P. 57–74. DOI: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10036> (In Russ.)
- Krasil'shchikov V.A. Emerging countries: new centers of power or Colossi with feet of clay? *World economy and international relations*. 2015, N 6, P. 108–117. (In Russ.)
- Miskimmon A., O'Loughlin B. Russia's narratives of global order: great power legacies in a polycentric world. *Politics and governance*. 2017, Vol. 5, N 3, P. 111–120. <https://doi.org/10.17645/pag.v5i3.1017>
- Volskiy V.V. Types of Foreign Countries. In: Volskiy V.V. *Selected works*. Moscow, Smolensk, Oecumene, 2009, P. 251–282. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Вольский В.В. Типы зарубежных стран // Вольский В.В. Избранные сочинения. – М.; Смоленск: Ойкумена, 2009. – С. 251–282.
- Горбунова М.Л., Комаров И.Д. Ведущие центры силы в обеспечении безопасности неустойчивых государств мира // Сравнительная политика. – 2020. – Т. 11, № 3. – С. 57–74. – DOI: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10036>
- Красильщиков В.А. «Восходящие страны»: центры силы или колоссы на глиняных ногах? // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 6. – С. 108–117.
- Типология несоциалистических стран / Л.А. Фридман [и др.]. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976. – 272 с.

Д.Г. ЕВСТАФЬЕВ, Н.М. МЕЖЕВИЧ*

ПОСТВЕСТФАЛЬСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ В ПОСТГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Аннотация. Центральным вопросом будущего глобального мироустройства становится вопрос о ключевых акторах постглобального мира. Но он неотделим от проблематики национального суверенитета. Очевидно, что десуверенизация глобальных процессов – постепенное лишение национальных государств права на суверенитет вплоть до отказа от такой формы государственной организации – пройденный этап. Мир возвращается, несмотря на сохранение целого ряда глобальных систем, к пространственности, праву субъекта на суверенитет. Этому способствует геоэкономическая регионализация в условиях допустимости военно-политических методов конкуренции. Однако это не означает, что суверенитет и как понятие, и как операционная политическая реальность может и дальше трактоваться в рамках вестфальской системы. Национальные государства, оставаясь главными носителями суверенитета, перестают обладать монополией на него. Само понятие «суверенитет» в результате как социально-экономических, так и технологических изменений последних нескольких десятилетий становится существенно более сложным, сочетая пространственные и надпространственные элементы, которые едва ли будут утрачены по мере развития процессов регионализации. Авторы констатируют невозможность возвращения к классической пространственности, на чем основана «вестфальская система», и, анализируя проявившиеся в ходе первой фазы деглобализации тенденции, формулируют основные векторы развития понятия «суверенитет» и его проявлений в конкретных политико-географических условиях. Ключевым элементом статьи становится постановка вопросов, предполагающих актуализацию проблематики теории суве-

---

* **Евстафьев Дмитрий Геннадиевич**, кандидат политических наук, профессор кафедры теории права и государства, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия), e-mail: estd1212@yandex.ru; **Межевич Николай Маратович**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт Европы РАН (Москва, Россия), e-mail: mez13@mail.ru

ренитета в текущих политических и экономических условиях. Авторы констатируют, что если сейчас главным элементом суверенитета является пространственная защищенность, прежде всего военно-силовая, то в перспективе по мере комплексного цивилизационного размежевания на первый план выйдут вопросы защищенности социальной и социокультурной среды, ограничения степени интрузивности остающегося глобализированным информационного общества.

Ключевые слова: суверенитет; вестфальская система; постглобальный мир; регионализация; геоэкономический суверенитет; информационная безопасность.

Для цитирования: Евстафьев Д.Г., Межевич Н.М. Поствестфальский суверенитет в постглобальном мире // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 121–144. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.06>

Любая наука предполагает периодизацию предмета исследования. В международных отношениях выделение систем международных отношений выполняет именно эту задачу. Понимание Вестфальского мира как первой системы международных отношений в Европе, основанной на суверенитете государств, стало традиционным. Исключения есть, но их немного, при этом столь значимая оценка указанной системы договоренностей появилась более века спустя их подписания [Куприянов, 2019]. Государства становятся посредниками между локальными, региональными и глобальными уровнями управления как минимум с середины XVII в. «Заклученная в Уставе ООН модель международных отношений XXI века вобрала в себя ряд принципов предшествующей ей Вестфальской модели и, прежде всего, идею государственного суверенитета и баланса сил» [Громыко, 2015, с. 6].

Идея Вестфальского мира базировалась на новом прочтении географии. Государства обозначили свой суверенитет, границы, и с тех пор географическое направление в трактовке международных отношений заняло прочное место. «Можно говорить о трех базовых подходах к анализу международных отношений. В первом – истории международных отношений – международные процессы объясняются исторической динамикой, во втором – теории (или социологии международных отношений) – они трактуются через особенности общественного устройства (политического, экономического, культурного и т.д.), наконец, в третьем – географии международных отношений, или геополитике – международные отношения анализируются через призму структуры глобального мирового пространства» [Окунев, 2019, с. 5].

Постановка проблемы, заявленной в названии данной статьи, предполагает возможность движения с двух сторон. Во-первых, возможно (и целесообразно) двигаться со стороны анализа современных подходов к суверенитету, политико-правовых и универсальных. «Именно суверенитет более, чем какой-либо иной фактор, является причиной анархии в международных отношениях» [Stoessinger, 1961, p. 10]. Подмечено верно, однако нам необходимо разобраться в механизме этого явления, уточнить влияние глобализации на суверенитет. Это позволит нам увидеть вторую сторону явления.

Во-вторых, можно оттолкнуться от современных подходов к глобализации или, точнее, – постглобализации. Именно здесь и возможны и интересны для исследования политико-географические аспекты десуверенизации и суверенизации. Сам по себе вопрос о суверенитете и тенденциях его эволюции абсолютно закономерен. «Территориальность как структурный фактор политической организации является, пожалуй, очень важной со времен оседлости. Однако ее ранние формы (условная “закрытость” племенных систем, “полузакрытость” полисных, “открытость” имперских, “полузакрытость” феодальных) были только ступеньками на пути к современной территориальности, основанной на регулировании открытости и закрытости политических систем» [Мелешкина, Кудряшова, 2022, с. 20].

Период, начавшийся с 1989–1991 гг., можно назвать триумфом глобализации. Особой формой конкуренции является спор традиционных подходов к пространственному суверенитету в сфере международных отношений и новых концепциях, таких как «смерть расстояния» (‘death of distance’) [Buhaug, Gleditsch, 2006], «мир без границ» (‘borderless world’), «конец географии» (‘the end of geography’). Объективно близки к этому подходу методики «безграничного районирования», разработанные д-ром геогр. наук, профессором Л.В. Смирнягиным [Смирнягин, 2012].

В апреле 2009 г. эксперты Всемирного банка сделали в Москве доклад, где, опираясь на теорию П. Кругмана, известнейшего экономиста и лауреата практически единственной Нобелевской премии, в названии которой имеется слово «география». Всемирный банк презентовал доклад, любезно переведенный на русский

язык, совсем не случайно¹. Это фактически позиционирование индουλгенции глобализации от экономической и политической географии. На тот момент эта индουλгенция, или верительная грамота, казалась действующей.

Классическая политическая и экономическая география исходят из того, что физическое расстояние уже не всегда является определяющей величиной при анализе международных отношений. Ее место, во-первых, занимает такая категория, как «экономическое расстояние», выражаемое не в физическом расстоянии (в километрах), а во временных и денежных издержках, необходимых для преодоления расстояния (временной и денежный эквивалент).

Принципиальное значение для измерения экономического расстояния играет транспортная доступность, понимаемая как «характер (свойство) удаленности / близости какого-либо экономико-географического объекта». Во-вторых, авторы данной статьи предлагают такую категорию, как «политическое расстояние». В мае 2022 г. из Китая в Финляндию отправился контейнерный поезд. Маршрут пролегал через Среднюю Азию (пересечение Каспия и смена модальности), Закавказье (пересечение Черного моря и смена модальности), Румынию, Словакию, Польшу (пересечение Балтики) и затем, собственно, в Финляндию. Географическое и экономическое расстояние осталось прежним – прямой железнодорожный маршрут через Россию. Политическое расстояние, стараниями финнов, оказалось несколько иным. Что же касается экономического расстояния, то подобный маршрут, в принципе, не предполагает никакой прибыли, кроме убытков.

Возвращаясь к Докладу Всемирного банка, укажем на то, что в нем было названо три направления действия стран, достигших в последнее время наибольшего успеха в экономическом развитии. Это так называемые «три D»: 1) увеличение плотности и рост городов (Density); 2) миграция населения по направлению к точкам концентрации экономики (Distance); 3) снижение разобщенности, ликвидация внутренних и внешних границ, мешающих воспользоваться преимуществами масштаба и специализации (Development) [Манаков, 2012, с. 87].

---

¹ Доклад Всемирного банка «World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography» / перевод с англ. Н.В. Кузнецовой отдельных разделов доклада. – М.: Весь Мир, 2009. – 408 с.

В контексте задачи, поставленной в статье, нам наиболее важна третья позиция. Именно ликвидация границ, особенно экономических, дает преимущества масштаба, которые, с точки зрения авторов данной статьи, следует рассмотреть.

В этом контексте укажем на то, что просто так жертвовать суверенитетом почти никто не хочет. Только в том случае, если участие в глобализации приводит к очевидному выигрышу, восприятие суверенитета можно скорректировать [Krugman, Venables, 1995]. До кризиса 2008–2009 гг. преимущества глобализации и логика ликвидации внешних границ были трендом мирового развития. Однако сегодня, когда «прямой маршрут» по железной дороге из Шанхая в Хельсинки пролегает через Карпаты, эффекты Кругмана работают очень избирательно.

Современный мир следует называть постглобальным, хотя в это понятие вкладывается порой совершенно различное значение и диаметрально противоположное видение перспективы развития. В этом смысле понятие «постглобальный мир», увы, начинает превращаться в некую пропагандистскую конструкцию, которую пытались приватизировать различные игроки на мировой арене подобно тому, как ранее были приватизированы понятия «демократия» и «глобализация».

Постглобальный мир неизбежно ведет к регионализации, являющейся своеобразным компромиссом между безграничной глобализацией и национальным суверенитетом. Регионализация вполне закономерно отражает и кризис системы мировой торговли в мире поздней глобализации, быстро превращавшейся в наднациональную надпространственную систему, действующую вне рамок национального права [Pomfret, 2021].

Этот вопрос уже был озвучен программным директором Международного дискуссионного клуба «Валдай», членом Экспертного совета при Правительстве России: «...регионализм как способ противодействия изоляционистским импульсам»¹.

В этих условиях вопросы границ приобретают новую актуальность. Контактная функция границ повсеместно сокращается, а барьерная нарастает. Суверенность становится переменной вели-

---

¹ Лисоволик Я. О расстояниях и синхронности «нового мира». – 29.10.2020. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/o-rasstoyaniyakh-i-sinkhronnosti-novogo-mira/> (дата посещения: 20.04.2022).

чиной, в том числе и в географическом плане. Границы информационного суверенитета не совпадают с государственными, а экономический суверенитет может вообще отсутствовать.

Анализируя ситуацию, отметим две крайне важных особенности, усложняющие привычную «игру словами» в мировой политике.

- С одной стороны, в самом понятии «постглобальность» закладывается неслучайный элемент отрицания (хотя бы и частичного) процессов, ранее считавшихся безальтернативными. Эти процессы за время своего развития сформировали вокруг себя целые социально-экономические экосистемы, построенные на эксплуатации процессности.

- С другой стороны, возможный транзит к «постглобальности», что бы ни вкладывалось в это понятие, будет происходить в условиях трансформации через кризис в целом ряде важнейших сфер деятельности государств и обществ – от экономики (где финансовый кризис становится уже реальностью) до модели социального развития.

Одним из выводов в результате становится неизбежность практических трансформаций и изменения архитектуры мировой политики и экономики, которые в любом случае будут менять систему отношений между ее разнородными акторами. Неизбежность смены архитектуры глобальной политики признается на Западе неизбежной¹. Вопрос в степени управляемости и масштабах трансформаций.

Для стран «коллективного Запада» постглобальность становится, как представляется, средством легитимизировать окончательный отказ от международного права как основы поведения в мировой политике и экономике. Но и «мир правил» «коллективный Запад» во главе с США тоже уже не полностью устраивает, поскольку в «мире правил» Запад, конечно, обладал бы монополией на их политическое установление, но в той или иной степени был вынужден их соблюдать, во всяком случае некоторое время.

Под флагом постглобальности наиболее радикально-глобалистские силы на Западе – главным образом, ультра-

---

¹ Haass R. Present at the destruction. Trump's final act has accelerated the onset of a Post-American world // Foreign affairs. – January 11. – 2021. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-01-11/present-destruction>. (accessed: 24.02.2022).

глобалисты в США – пытаются утвердить в качестве «новой нормы» глобальной политики (а косвенно – и экономики) мир с ситуативно формулируемыми правилами, реализуемыми в пространстве почти тотальной гибридности, делающей во многих случаях неразделимыми внутренние и внешние вызовы государствам и обществам, а также формирующей интегрированные политико-экономические процессы, в которых доминирование политической или экономической стороны вопроса может определяться вполне ситуативно.

Постглобальный период развития глобальной политики и экономики характеризуется сосуществованием различных моделей организации политических и экономических процессов и разрушением не только принципа универсальности моделей развития (что очевидно), но и синергичности развития, что в данном случае предопределяет возникновение значимых системных диспропорций. А это, в свою очередь, приводит к тому, что в понятие «суверенитет» вкладывается различное содержание с точки зрения не только методологического и правового толкования, но и политико-правового использования.

Со структурной точки зрения позднеглобальный мир выводит на первый план вопрос о соотношении влияния иерархических и сетевых структур, что предполагало совершенно различное понимание суверенитета – вернее, способов его демонтажа. И это противостояние вполне справедливо рассматривалось как борьба вокруг вопросов, связанных с характером власти как на внутри-страновом уровне, так и в глобальной политике [Исаев, Корнев, Липень, 2022]. Ключевой структурный вопрос постглобального мира пока в полной мере не сформировался, но, вероятно, он будет лежать в сфере противостояния пространственных и надпространственных элементов политики, что подразумевает конкуренцию различных видений национального суверенитета.

Центральным вопросом авторы считают вопрос о структуре государственного суверенитета в условиях сосуществования (относительно длительного) систем, связанных с постпространственным миром поздней глобализации и формирующимся пространственным миром.

«Вестфальский» суверенитет и география постглобального мира

Под «вестфальским суверенитетом» авторы понимают (принимая, что термин «вестфальский» не вполне корректен) суверенитет, отражавший ключевые принципы взаимодействия стран в мировой политике, на базе которых было сформировано в своей основе «международное право» – в том формате, как мы его знали последние 150 лет. Ключевыми элементами этого суверенитета были следующие.

– Пространственность, точнее пространственная универсальность. Изначальный, восходящий еще к 1648 г., принцип «кого земля, того и вера» с определенными, естественно, модификациями дожил до сегодняшнего дня. Государственные границы государства в «вестфальской системе» есть естественные пределы национального суверенитета. Однако статус этих границ менялся от рубежей безопасности и маркеров суверенитета из колючей проволоки к зоне контактов и сотрудничества, а в последние годы опять к маркерам безопасности. Сюда же следует отнести и проблему «новой акваториальности» в контексте суверенитета на море¹.

– Иерархичность. Это мир государств, по определению являющихся иерархическими структурами, но еще и мир, выстраивавшийся «сверху вниз», путем делегирования суверенных полномочий.

– Институционализация. «Вестфальский мир» – это мир дипломатии, реализуемый через расширяющийся спектр институтов. Наличие и участие в соответствующих институтах – от «Священного союза» до ООН – определяло принадлежность той или иной страны к «цивилизации». Впрочем, и здесь «золотой век» между-

---

¹ Подобно тому как в XVII–XVIII вв. Мировой океан был пространством дерегулированной конкуренции и одновременно важнейшим элементом мировой экономики в противовес старому порядку, основанному на церковном (в нынешних терминах – идеологически мотивированном) разделе мира между Испанской и Португальской империями [Пейн, 2017, с. 505–535]. Интеграция глобального морского пространства в геоэкономические стратегии крупнейших держав шла относительно длительное время и не отличалась последовательностью. Нечто подобное вполне может начать происходить и в глобальном информационном пространстве в случае неконтролируемого распада американоцентричной системы регулирования и операционного контроля.

народных организаций постепенно заканчивается во втором десятилетии XXI в.

– Разграничение форматов межгосударственной конкуренции. В особенности это касается разграничения понятий «мир» и «война» и создания процедуры перехода из одного состояния в другое. Правда, надо отметить, что размывание этого в действительности базового принципа организации «вестфальского мира» началось еще в начале XX в. (проект «Коминтерн» и концепция «мятеж-войны»¹). А в 1970-х годах на фоне стагнации конкуренции в формате холодной войны размывание понятий «мир» и «война» стало одним из важнейших направлений мировой политики. События, развернувшиеся после агрессии против Югославии и до текущей СВО, являются подтверждением этого типа.

Ключевой вопрос: насколько современный постглобальный мир вписывается в рамки, созданные «вестфальским суверенитетом»? Попытка анализа представлена в табл. 1.

Таблица 1

Соотношение «вестфальского мира» и постглобального мира

Параметр	Вестфальский мир	Мир поздней глобализации	Современный мир, мир переходного периода	Тенденция	Перспективный постглобальный мир (прогноз)
1	2	3	4	5	6
Пространственность	Доминирующий фактор; «чья земля – того и вера»	Приоритет надпространственных систем, первичный демонтаж пространственных компонентов суверенитета	Сосуществование пространственности и надпространственности	Тенденция в пользу усиления надпространственности	Макрорегионализм с опорой на пространственный суверенитет

¹ Концепция «мятеж-войны» развивалась в работах военного теоретика белой эмиграции Е. Месснера. Применительно к современному миру она развивается Владимиром Можеговым [Можегов, 2021].

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6
Основные угрозы	Государства; корпорации	Межгосударственные структуры и их национальные органы; ТНК; национальные государства	Коалиции государств; отдельные национальные государства; субгосударственные участники	Относительное и, вероятно, временное уменьшение «веса» ТНК; резкое падение влияния национальных структур	Коалиции государств; экономические союзы; субгосударственные участники
Доминирующий элемент суверенитета	Политическая власть, воплощенная в юридических процедурах	Право голоса в международных институтах	Пространственная защищенность	Транзит процессов суверенизации в надпространственные системы	Информационный суверенитет
Прочие важнейшие элементы суверенитета	Традиция / религия	Наличие контролируемых инвестиционных ресурсов	Наличие суверенных механизмов генерации инвестиционных ресурсов; социокультурная (цивилизационная) самобытность	Рост значения социокультурного суверенитета; способность к цивилизационной деуниверсализации как условие развития	Цивилизационная «широкая» идентичность
Доминирующие форматы межгосударственной конкуренции	Дипломатия; классические межгосударственные войны с тенденцией к коалиционности	Гибридные войны; торговые войны; «цветные революции»	Гибридные войны с нарастающей силовой составляющей; ресурсные войны	Усиление конкуренции в борьбе за контроль над пространством и ресурсами	Контроль за информацией
Институциональный аспект	Система международных институтов, трансформирующихся в зависимости от развития международного права	Деградация институтов, созданных в период холодной войны (ООН, НАТО, ОБСЕ) и постбиполярный период (ВТО, G20)	Деградация международных институтов; замена «права» на ситуативно определяемые «правила»	Возникновение пространств с несимметричным правовым статусом и не совпадающим пониманием международного права	Регионализация институтов; конкуренция «макрорегиональных правовых пространств»

Постглобальный мир как система: попытка методологического анализа

Постглобальный мир ставит на повестку дня вопрос о новом понимании принципов государственного суверенитета, которые можно было бы назвать «поствестфальскими». Это следует рассматривать в качестве центрального элемента современной дискуссии о перспективной архитектуре международных отношений. Термин «поствестфальский» правомерен в том смысле, что описывает систему, основанную на суверенном праве на регулирование ключевых сфер развития общества. Это право, однако, может принадлежать не только национальным государствам (существующим в той или иной форме). Наконец, это право требует реализации не только на «плоскости» – в пределах национальных границ, но и в надпространственных средах, возникших в качестве интегрирующих звеньев системы международных отношений в период глобализации. Укажем, что они вряд ли могут быть в полной мере демонтированы даже в случае по-настоящему глубокого системного кризиса.

Вопрос о поствестфальском суверенитете, т.е. способности той или иной системы (государства, корпорации, сообщества, коалиции) обеспечивать соблюдение благоприятных для себя правил игры в любой среде, где присутствуют его интересы, оказался неким интегратором крайне содержательно разрозненного политического дискурса. Иными словами, поствестфальский суверенитет является операционно обеспеченной, а не только декларируемой способностью участника глобальных или региональных экономических процессов пространственно и надпространственно обеспечивать свое право на приоритетное регулирование. Наличие классического «вестфальского» суверенитета определяет способность государства (носителем «вестфальского суверенитета», вероятно, может быть только государство) к самозащите на минимальном уровне в относительно простых условиях «конкуренции развития». Наличие как минимум элементов «вестфальского суверенитета» означает способность «большой системы» к конкуренции за влияние в глобальном мире, основанном на сочетании пространственных и постпространственных элементов развития.

Таблица 2

Структура суверенитета в постглобальном мире

Элемент суверенитета	Пространственность / надпространственность	Степень увязки внутри-страновых и внешнеполитических аспектов	Доминирующий инструмент обеспечения	Примечания
Политический	Преимущественно пространственный	Низкая	Законодательство; политическая система и политические институты	Очевиден запрос на модели постпространственности в данной сфере
Экономический	Постпространственный	Высокая	Экономическая политика; корпоративные структуры как внешние носители суверенитета	Возможность обеспечивать благоприятные для национальной экономики правила игры за пределами национальной территории
Военно-силовой	Пространственный	Высокая	Вооруженные силы; военизированные структуры (ЧВК и проч.)	Значение данного фактора суверенитета растет
Медико-санитарный	Пространственный	Высокая	Межгосударственные институты	Данный элемент суверенитета по определению выходит за национальные границы; увязанность с политическими и социальными институтами
Информационный	Постпространственный	Высокая	Государственные регуляторы; контролируемые государством каналы коммуникаций	Возникновение феномена социокоммуникационной гибридности
Социальный	Пространственный	Низкая	Органы государственной социальной политики	Элемент влияния через привлекательность социальной модели; внешний потенциал реализуется через коммуникацию, а не через действие
Социокультурный	Постпространственный	Высокая	Культурные институты; отдельные граждане и проч.	Механизм реализации «идеологического» наполнения суверенитета; потребность в социокультурной экспансии в поддержку экономической; самый мозаичный элемент суверенитета, но ближе всего стоящий к понятию «цивилизационной идентичности»

Важнейшая черта элементов суверенитета в современном понимании – разнообразность и несводимость к единому знаменателю только политическими, юридическими или организационными методами. Отметим также структурную сложность, в определенной степени диспропорциональность между отдельными компонентами суверенитета. Это формирует непреодолимый разрыв между понятием суверенитета как целостного явления и конкретными, локализованными его проявлениями.

Суверенитет в постглобальном мире, вероятно, будет носить ситуативный характер, т.е. иметь те или иные приоритетные практические проявления в зависимости от времени и пространства реализации. Это не означает, однако, принятия флюидности суверенитета, его приоритетной зависимости от внешних факторов, фактически продвигаемых странами коллективного Запада в рамках концепции «мира правил». Но это означает признание имманентной нецелостности суверенитета.

Суверенитет как фокус глобальных трансформаций

Существование различных форматов участников системы международных отношений, а значит и различных типов суверенитета, – от суверенитета наднациональных структур (например ЕС) до суверенитета отдельного человека в соотношении с обществом. Напомним, этот вопрос обсуждался еще Фридрихом Энгельсом в «*Анти-Дюринге*» [Энгельс, 2016, с. 83], и он не является чем-то принципиально новым и, более того, уникальным. Но превращение этого вопроса в ключевой фокус развития системы международных политических и экономических отношений происходит только в моменты слома магистральной модели развития экономики и политики, пусть даже если она и не обладала на тот момент современным уровнем универсальности.

Именно периоды и эпохи глубинных трансформаций разрушают систему ритуализации ключевых понятий. Вопрос о приоритетном формате суверенитета вышел на первый план именно сейчас не случайно. Пространство глобальной конкуренции, усложнявшееся секторально и структурно в последние 20 лет, начиная – символически – от запуска процессов глобальной сетевизации [Giddens, 2003; Кастельс, 2016], могло существовать в рамках

умеренно классической либерально-глобалистской модели мирового порядка [Киссинджер, 2017]. Однако следует признать обязательными два условия: относительно небольшое количество игроков на мировой арене, действующих в рамках совместимых моделей политики, и понимание суверенитета и политической и экономической стабильности в «ядре» глобализации, т.е. в «коллективном Западе». Во всех остальных случаях дестабилизация системы была неизбежной. По мере усложнения пространства конкуренции и появления игроков, пусть даже и относительно слабых, но действующих в рамках иных императивов развития, в частности учитывающих пресловутый фактор идентичностей, модели глобализации стали все более радикальными, провозглашая уже не только постпространственный, но постгосударственный мир [Фукуяма, 2017]. А национальный суверенитет начал восприниматься в качестве фактора, тормозящего глобализацию. Хотя нельзя не отметить, что понятие «наднационального суверенитета» или «коллективного суверенитета» так и не было полностью выработано, что, вероятно, объясняется политическими причинами.

Тормозящая глобализация создала сперва «мир разных скоростей», а затем – мир региональных блоков с разными уровнями конкуренции, развивающихся по разным моделям и с разными скоростями.

Вполне осознавая выхолощенность классической терминологии и иногда даже отбрасывая шелуху «понятий-пустышек», мы пытаемся приспособить терминологию (и методологию) прежнего мира к новому. Так получается и с вопросом о суверенитете: мы пытаемся применить классическое понимание национального суверенитета, а если быть точнее – суверенитета национальных государств, выросшего из простой до циничности формулы «кого земля, того и вера» – к миру, где структура и общественных, и межсистемных отношений принципиально изменилась. Выделим три наиболее важных изменения.

- Помимо пространственного компонента («земля») именно в период глобализации возник мощнейший надпространственный компонент, который по своей сути далеко вышел за понятие «веры», но стал элементом системы глобального политического и экономического управления. И это не только глобализированное цифровое информационное общество, хотя оно и является основой глобального мира, особенно в настоящее время [Кастельс, 2016]

(что полностью соответствует прогнозам западных социологов), но и система глобальной экономической взаимозависимости, а также институты, действующие в рамках глобальной повестки или иного, что выдается за глобальную повестку.

- Никогда в новейшей истории человечества формат участников глобальных, а тем более региональных политических и экономических процессов не был столь разнообразным и системно противоречивым с точки зрения преследуемых именно стратегических целей, а не только тактических интересов. Не просто образы будущего, но и видение архитектуры будущего мира оказываются принципиально различными. Но инструментарий достижения целей оказывается весьма схожим: даже субгосударственные участники глобальных политических и экономических процессов способны относительно быстро освоить те инструменты, которыми ранее пользовались только государства. Локально отдельные субгосударственные участники глобальной политики и экономических процессов могут оказаться существенно более эффективными, нежели национальные государства, как это, например, произошло в 2014–2021 гг. на Ближнем и Среднем Востоке.

- Все это, однако, происходит в условиях, когда мир живет практически в «едином времени», что создает пресловутый эффект единой «повестки дня», а также единого культурно-коммуникационного пространства, что в принципе подтверждает предположение одного из отцов концепции информационного общества Г.М. Маклюэна, согласно которому формат коммуникаций, их технологические возможности будут первичными по отношению к содержанию. Универсализация сферы социокультурных отношений и коммуникаций – область, где глобализация прошла дальше всего, а пандемия коронавируса эти процессы только ускорила [Евстафьев, Цыганова, 2021].

Приведенные три констатации позволяют сделать диалектический вывод: с одной стороны, все три уникальных аспекта развития нового мира так или иначе ставят вопрос о национальном суверенитете, т.е. о приоритете в определении правил игры (локальных и / или универсальных), но никаких указаний на то, что именно национальные государства априори являются лидерами в борьбе за суверенитет, пока нет. Напротив, конкуренция между субъектами мировой политики и субъектами экономического раз-

вития существенно обострилась, приобретая при этом крайне сложные «нецельные» формы.

Пять вопросов о суверенитете в постглобальном мире

Придется констатировать, что «поствестфальский» суверенитет как система еще находится даже не в процессе формирования, а в процессе осмысления и принятия как некоей долгосрочной данности, что потребует существенного изменения политической ментальности, свойственной современным элитам во всем мире, причем не через возврат к видению мира по образцу холодной войны, а в более сложном и содержательно объемном виде. Мы, на самом деле, не до конца понимаем структуру и особенности того мира, который планируем реформатировать, его ключевых основ.

Первое. Каково текущее соотношение пространственного и надпространственного суверенитета и как оно может меняться по мере продвижения к постглобальному миру? Асимметрия целей, а значит – асимметрия суверенитетов. Для США абсолютно критично сохранение надпространственного доминирования, а значит, де-факто американский суверенитет над информационным обществом должен быть абсолютным. Но является ли надпространственный суверенитет столь же критичным для иных участников системы международных отношений? Вероятно, на этот вопрос придется отвечать положительно: современный мир – это не просто мир тотальной гибридности, но и система, развивающаяся в результате взаимовлияния пространственных и надпространственных систем. Наиболее значимыми из них на сегодняшний день остаются глобальные наднациональные финансы, основанные на долларовой системе, и информационное общество, само по себе являющееся объектом борьбы за приоритет корпоративной или национально-государственной регулятивности. Отсутствие возможностей обеспечивать суверенность того или иного игрока в надпространственных системах делает потенциал его суверенитета заведомо неполным. В этих условиях возврат к малому, но своему, становится способом адаптации. «Все универсальные братства, будь то коммунизм, исланизм или христианство, доказали свою неспособность ослабить привязанность человека к своему кусочку земли,

который выступает в качестве необычайно эффективного символа» [Featherstone, Lash, Robertson, 1995, p. 33].

Второе. Что такое в современном понимании «геоэкономический суверенитет», становящийся естественным решением для снятия остроты геоэкономических уязвимостей крупнейших стран в современных условиях? И может ли он быть обеспечен вне прямого контроля над большими по пространственным масштабам и населенности рынками? Это более сложный вопрос, выводящий нас на проблему геоэкономической самодостаточности различных государств и невозможности ее обеспечения в условиях глобализации не только для малых государств, но даже и для средних. Вопрос в том, что постглобализация предполагает распад части сложившихся ранее инструментов взаимозависимости и цепочек поставок. Это в «тестовом» формате произошло в период введения пандемических ограничений. Что как минимум поставило вопрос о неизбежности формирования «экономического потенциала выживания», обеспечивающего стабилизацию социально-экономической ситуации в стране (или крупной экономической системе) в случае возникновения масштабной геоэкономической турбулентности с выходом за рамки функционирования экономических систем мирного времени. Но вопрос о геоэкономической составляющей суверенитета неотделим от вопроса о новой конфигурации глобальной экономики [Ергин, 2021], переживающей крайне противоречивые процессы.

Третье. Может ли обеспечиваться национальный суверенитет в тех элементах системы развитой глобализации, которые являлись заведомо надпространственными, но остаются актуальными и в постглобальном мире (информационное общество, финансово-инвестиционная система)? И если да, то каковым может быть инструментарий такого обеспечения? Вероятно, на этот вопрос можно также ответить положительно, рассматривая «обеспечение» исключительно как процесс, но не как устойчивый результат. Но и в этом случае операционно неизбежным становится некое «разграничивание», устанавливающее пределы регулятивности актора, но как правило выходящее (в силу логики регулирования) за рамки его пространственного присутствия и контроля. И это одно из главных противоречий постглобальности – между почти неизбежной новой суверенизацией пространства и потребностью ограничить влияние надпространственных систем. Пока данное противоречие выглядит неразрешимым в рамках национальных

государств, но технологически решаемым в рамках более широких коалиций, что опять-таки формирует очевидное противоречие.

Четвертое. Из предыдущего вопроса вытекает и другой: может ли национальный политический суверенитет сосуществовать с коалиционной геэкономической защищенностью? Проще говоря, могут ли вопросы экономической безопасности до известной степени быть отделены от политических факторов межгосударственного взаимодействия, особенно учитывая усиливающуюся политико-экономическую гибридность современного мира? Или же интегрированный коалиционный суверенитет, когда страны и / или иные структуры субнационального уровня (структурные прецеденты такого рода имелись, например РСФСР изначально составляли участники совершенно различного уровня: губернии, автономные республики, трудовые коммуны – фактически пространственно локализованные корпоратизированные структуры, к которым в дальнейшем добавилось и формально независимое государство – ДВР) делегируют секторальный суверенитет наднациональным органам, утрачивая и часть пространственного (границы).

Пятое. Может ли существовать суверенитет (пусть даже и проявляющийся ситуативно) у негосударственных участников системы международных отношений? Или для реализации права на суверенность обязательно участие государства в том или ином формате? Вероятно, это один из наиболее сложных вопросов, выходящий за рамки только проблемы «суверенитета», и он выводит нас на проблему соотношения и взаимопроникновения различных «сред обитания» значимых игроков мировой политики и экономики. Этот вопрос напрямую затрагивает «иерархию статуса» и возможностей участников глобальной политики. Вероятно, следует предположить, что ключевая «линия разделения» акторов глобальной политики нового мира будет проходить как раз между национальными и наднациональными (коалиционными, но с элементами интеграции) участниками системы. Субгосударственные участники системы международных отношений будут способны проявлять свой потенциал только в возникающих в процессе конкуренции крупнейших игроков «серых зонах», и это вряд ли будет связано с реализацией полноценного суверенитета.

Естественным выводом в связи с этим является констатация того, что классический национально-пространственный суверенитет, во многом справедливо именуемый «вестфальским», является

недостаточным для постглобального мира – мира гибридной конкуренции, сочетающей пространственность и надпространственность.

Вместо заключения: от многослойности конкуренции – к многослойности суверенитета

Современный мир правомерно называют миром тотальной политико-экономической гибридности, где суть процессов и их ключевые аспекты, включая и соотношения политических и экономических факторов развития, определяются не только пространственно локализованно, но и ситуативно, в зависимости от соотношения сил в данный конкретный момент времени. Это является отражением не только ситуации вялотекущего распада глобального институционального пространства и замены международного и регионального права «правилами», определяемыми ситуативно, но и общего нарастания мотивов социального постмодерна в мироощущении глобальных элит и в их политическом поведении. Но это означает, что и суверенитет превращается в некое релятивистское понятие, существующее в зависимости от того, признают ли его «здесь и сейчас» силы, обладающие «здесь и сейчас» возможностями влияния, или нет.

В этом смысле «вестфальский суверенитет» является как минимум уходящей геополитической реальностью, которая может использоваться в дипломатических и политических коммуникациях, но вряд ли может рассматриваться как операционная основа для формирования новой постглобальной системы отношений, включая формирование геоэкономических макрорегионов, остающееся несмотря на относительно медленные темпы развития ключевым направлением трансформаций постглобального мира.

Вывод о том, что суверенитет уже не может быть обеспечен только политико-правовыми средствами, становится таким образом некоей банальностью, хотя и не признаваемой публично. Ибо ситуативность суверенитета в мире разрушенных институтов затронет всех участников глобально значимых процессов вне зависимости от их «веса» в международных политических или экономических отношениях. Показательно, что даже в США, одном из инициаторов разрушения классических принципов суверенитета,

возникла дискуссия о соотношении права государства и корпораций на регулирование информационного общества, а значит, и связанных с ним систем.

Как могут выглядеть компоненты «поствестфальского суверенитета»? Законченный ответ на этот вопрос вряд ли может быть получен до того момента, как станут окончательно понятны «структура среды» глобальной конкуренции и хотя бы промежуточный состав участников «большой» и «малых» игр. Ведь постглобальный мир, помимо того что неизбежно будет миром сосуществования пространственных и постпространственных компонентов, будет миром, где одновременно станет вестись не только «большая игра» великих держав, количество которых очевидно невелико, но и «малые игры» с ограниченными локализованными целями. И все это будет создавать сложное противоречие различных методов, интересов и проч. Именно это определит ключевое свойство «поствестфальского суверенитета»: ситуативность существования и синтетический характер инструментария обеспечения.

На данном этапе сформулируем следующие выводы:

Суверенитет в современном мире есть явление операционное, а не формальное, а значит, вопрос суверенитета есть вопрос наличия локально оптимизированного инструментария для обеспечения и политической воли, чтобы его применить.

- Пространственная безопасность остается главным компонентом суверенитета в постглобальную эпоху. Не имея элементов пространственного суверенитета, достигаемых через защищенность от военно-силовых и военно-политических угроз любого типа, нелегко думать о чем-то большем.

- Критичной для суверенности становится относительная цифровая самодостаточность, способная обеспечивать если не проецирование правил игры в среду цифровых коммуникаций и систем управления, то как минимум защиту наиболее важных систем управления на национальном уровне. В какой-то мере речь идет о некоем «спящем» потенциале цифровой суверенизации, за исключением систем цифровых финансовых расчетов – наиболее очевидной потребности сегодняшнего дня.

- Продовольственный суверенитет, понимаемый как способность избежать кризисных социально-экономических последствий при выходе из системы мировой продовольственной торговли на закритические режимы или введении продовольственной

блокады страны. Продовольственный суверенитет наряду с санитарным становится важнейшим компонентом операционного суверенитета на уровне государства.

- Социокультурный суверенитет становится одним из наиболее важных компонентов национального суверенитета. Он включает в себя широкий спектр вопросов, связанных со способностью общества и государства к стратегической самоидентификации по отношению к региональным и глобальным процессам и крупнейшим игрокам сегодняшнего мира.

И самое последнее. Мы помним о том, что Россия была указана в тексте Вестфальского мира в качестве одного из гарантов его выполнения и – союзника Швеции. Иными словами, Россия была признанной частью Европы задолго до Ялты и Потсдама. Вернемся в сегодняшний день. «На большей части внешнего периметра Россия окружена государствами, которые не в состоянии решить вопросы собственного развития и безопасности с опорой только на внутренние ресурсы. Это делает Россию основным центром силы на этом пространстве, создает ожидания со стороны соседей и способствует вовлечению третьих держав. Однако последнее допустимо до тех пор, пока оно не ограничивает суверенитет стран-соседей» [Бордачев, 2019, с. 5].

D.G. Evstafiev, N.M. Meghevich* **Post-westphalian sovereignty in the post-global world**

Abstract. The issue of the major actors of the global political and economic development obviously became the central one in the on-going discourse over the perspective global architecture. One cannot disengage that issue from the problem of the nature of the national sovereignty in the perspective world. It is obvious that the de-sovereignization of the global processes, gradual stripping of the nation-states from the right for sovereignty as well as dismantlement of the state as the form of society organization are the features of the departed historical period. Despite preservation of a number of globalized systems the world returns to the model of a spatial world that ultimately provides for right of the actor for sovereignty. That transformation is stimulated by the trend for geo-economic regionalization that at this point included the military political instruments of competition. That however does not mean that sovereignty

---

* **Evstafiev Dmitry**, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia), e-mail: estd1212@yandex.ru; **Mezhevich Nikolai**, Institute of Europe of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: mez13@mail.ru

as a phenomenon, notion as well as a political practice could be further interpreted within the framework of Westphalian system. Nation states that obviously remain vehicles for national sovereignty no longer enjoy ultimate monopoly exploiting sovereignty as an operational concept. The very notion of sovereignty due to the socio-economic as well as technological transformations of past decades becomes much more complex while merging spatial and trans-spatial components especially considering the fact that globalized segments of the international architecture will remain in place for the foreseeable future despite the geo-economic and geopolitical regionalization. Authors make the conclusion that the return to the «classic» purely spatial basis of the Westphalian system is no longer possible. While generalizing the trends that emerged during the initial phase of the on-going de-globalization try to formulate the major vectors of transformation of the operational substance of sovereignty and the specifics of its manifestation in specific political and geographical environments. The key element of the article is the attempt to outline the issues that are critical for further exploration and analysis of the transformation of the sovereignty. Authors claim that in contrast to current situation when the cornerstone of the sovereignty is the spatial security first of all in the military dimension the future world that would reside upon the principles of civilizational disengagement will demand a more robust approach to the issues of social and socio-cultural environment protection including those that could provide for the limitation of the level of intrusiveness of the globalized informational society into national informational environment.

Keywords: sovereignty; Westphalian system; post-global world; regionalization; geo-economic sovereignty; informational security.

For citation: Evstafiev D.G., Megevich N.M. Post-westphalian sovereignty in the post-global world. *Political science (RU)*. 2022, N 4, P. 121–144. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.06>

References

- Bordachev T. *The environment without borders: Russia and its neighbors*. Moscow: Valdai discussion club, 2021, 32 p. (In Russ.)
- Buhaug H., Gleditsch N.P. The Death of distance? The globalization of armed conflict. In: Kahler M., Walter B. (eds). *Territoriality and conflict in an era of globalization*. New York: Cambridge university press, 2006, P. 187–216.
- Castels M. *Communication power*. Moscow: Publishing house of the National research university higher school of economics, 2016, 564, p. (In Russ.)
- Engels F. *Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft*. Moscow: LENAND Publishing House, 2016, 504 p. (In Russ.)
- Fukuyama F. *Political order and political decay*. Moscow: AST Publishing House, 2017, 704 p. (In Russ.)
- Giddens A. *Runaway world: how globalization is reshaping our lives*. New York: Routledge, 2003, 104 p.
- Featherstone M., Lash S., Robertson R. (eds). *Global modernities*. London: SAGE Publication, 1995, 292 p. DOI: <https://dx.doi.org/10.4135/9781446250563>

- Gromyko A. Editorial. Forward to the past? *Contemporary Europe*. 2015, N 1, P. 5–10.
- Isayev I.A., Kornev A.V., Lipen S.V. *Hierarchy and nets. Power and the law*. Moscow: Prospect publishing house, 2022, 200 p. (In Russ.)
- Kissinger H. *World order*. Moscow: AST Publishing House, 2017, 512 p. (In Russ.)
- Kupriyanov A. The «Westphalian myth» and «Westphalian» sovereignty. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*. 2019, Vol. 4, N 11, P. 11–23. DOI: <https://doi.org/10.20542/AFIJ-2019-4-11-23> (In Russ.)
- Krugman P., Venables A. Globalization and the inequality of nations. *The quarterly journal of economics*. 1995, Vol. 110, N 4, P. 857–880. DOI: <https://doi.org/10.2307/2946642>
- Manakov A. New economic geography and evaluation of its applicability in Russia. *Bulletin of Pskov state University. Nature and physics and mathematics science series*. 2012, N 1, P. 84–90. (In Russ.)
- Meleshkina E. Yu., Kudryashova I.V. After empires: beating swords into ploughshares. *Political science (RU)*. 2022, N 1, P. 14–51. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.01> (In Russ.)
- Mozhegov V. *Civil World War*. Moscow: Rodina, 2021, 224 p. (In Russ.)
- Okunev I. Yu. Geography of international relations: structure and elements of the world political space. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2019, Vol. 13, N 3, P. 5–16. DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-3-5-16> (In Russ.)
- Pain L. *The sea and civilization. A Maritime history of the world*. Moscow: AST Publishing House, 2017, 832 p. (In Russ.)
- Pomfret R. Regionalism' and the global trade system. *The World economy*. 2021, Vol. 44, N 9, P. 2496–251421. DOI: <https://doi.org/10.1111/twec.13155>
- Stoessinger J. *The might of nations. World politics in our time*. New York: Random House, 1961, 136 p.
- Smirniagin L.V. Unlimited zonation and fluid factors as the means for understanding the geographic reality. In: *IX Socratic readings. The problems of geographic realities*. Moscow: Eslan Publishers, 2012, P. 191–200. Mode of access: <http://www.eoross.ru/files/books2012/IX%20Sokr.%20cht,.%202012.pdf> (accessed: 21.06.2022) (In Russ.)
- Yergin D. *The new map. Energy, climate and the clash of nations*. Moscow: Alpina Business Publishers, 2021, 444 p. (In Russ.)
- Yevstafiev D., Ciganova L. Socio-cultural relations and communications in the post-pandemic world: global reversal or situational crisis of postmodernism. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. 2021, N 5, P. 18–29. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086904990017291-2> (In Russ.)

Литература на русском языке

- Бордачев Т.В. Пространство без границ: Россия и ее соседи. – М.: Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2021. – 32 с.
- Громько А.А. Вперёд в прошлое? // Современная Европа. – 2015. – № 1. – С. 5–10.

- Евстафьев Д.Г., Цыганова Л.А.* Социокультурные отношения и коммуникации в постпандемическом мире: глобальный разворот или ситуативный кризис пост-модерна // *Общественные науки и современность*. – 2021. – № 5. – С. 18–29. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S086904990017291-2>
- Ергин Д.* Новая карта мира: Энергетические ресурсы, меняющийся климат и столкновение наций / пер. с англ. – М.: Интеллектуальная литература, 2021. – 444 с.
- Исаев И.А., Корнев А.В., Липень С.В.* Иерархия и сети. Власть и закон. – М.: Проспект, 2022. – 200 с.
- Кастельс М.* Власть коммуникации / пер. с англ. под науч. ред. А.И. Черных – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.
- Киссинджер Г.* Мировой порядок / пер. с англ. – М.: Издательство АСТ, 2017. – 512 с.
- Куприянов А.В.* «Вестфальский миф» и «вестфальский» суверенитет. Анализ и прогноз // *Журнал ИМЭМО РАН*. – 2019. – № 4. – С. 11–23. – DOI: <https://doi.org/10.20542/AFIJ-2019-4-11-23>
- Манаков А.Г.* «Новая экономическая география» и оценка ее применимости в России // *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки*. – 2012. – № 1. – С. 84–90.
- Межегов В.* Мировая гражданская война. – М.: Родина, 2021. – 224 с.
- Мелешикина Е.Ю., Кудряшова И.В.* После империй: можно ли перековать мечи на орала? // *Политическая наука*. – 2022. – № 1. – С. 14–51. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.01>
- Окунев И.Ю.* География международных отношений: структура и элементы мирового политического пространства // *Вестник Пермского университета. Политология*. – 2019. – Т. 13, № 3. – С. 5–16. – DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-3-5-16>
- Пейн Л.* Море и цивилизация. Мировая в история в свете развития мореходства / пер. с англ. – Москва: АСТ, 2017. – 832 с.
- Смирнягин Л.В.* Безграничное районирование и плавающие признаки как средство познания географической реальности // *IX Сократические чтения. Проблемы географической реальности*. – М.: Эслан, 2012. – Р. 191–200. – Режим доступа: <http://www.ecoross.ru/files/books2012/IX%20Sokr.%20cht.%,%202012.pdf> (дата посещения: 21.06.2022).
- Фукуяма Ф.* Угасание государственного порядка / пер. с англ. – М.: АСТ, 2017. – 704 с.
- Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом / пер. с нем. Издание 2 е. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 504 с.

ИДЕИ И ПРАКТИКА

Л.П. ШМАТКОВА, А.О. ДОМАНОВ*

ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В РЕГИОНАХ ГОСУДАРСТВ – СОСЕДЕЙ РОССИИ¹

Аннотация. В статье представлен опыт использования сравнительного пространственного анализа при исследовании особенностей электорального поведения жителей регионов зарубежных стран, пограничных с Россией. Несмотря на то что вопросы электорального поведения часто становятся предметом научных исследований, рассмотрению особенностей электорального поведения жителей зарубежного пограничья уделяется гораздо меньше внимания. При этом электоральные исследования являются одним из направлений, в рамках которого методы пространственного анализа позволяют изучить эффект соседства, выявить закономерности и провести математически обоснованный анализ явлений. Авторы ставят целью выявление и сравнение закономерностей электорального поведения в регионах государств – соседей России на основе результатов парламентских выборов в период 2007–2020 гг., используя методы и инструменты пространственного анализа. С помощью специально разработанной сравнительной

---

* **Шматкова Любовь Павловна**, приглашенный исследователь Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований, МГИМО МИД России (Москва, Россия), e-mail: l.shmatkova@inno.mgimo.ru; **Доманов Алексей Олегович**, научный сотрудник Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований, МГИМО МИД России (Москва, Россия), e-mail: domanov_a_o@my.mgimo.ru

¹ Статья подготовлена в рамках исследования по проекту Российского научного фонда (проект № 19-78-10004 «Трансформация электорального поведения в регионах зарубежных стран, приграничных с Российской Федерацией: сравнительный пространственный анализ»).

цифровой двумерной матрицы позиций политических партий составлены общие для всего российского пограничья картограммы распределения голосов за схожие политические силы на каждом электоральном цикле, что позволило выявить общие тенденции трансформации электорального поведения в регионах пограничных с Россией государств. В результате проведенного исследования выявлена значительная дифференциация избирательных округов по степени поддержки антироссийских и пророссийских партий за рассматриваемый период. При этом динамическое сравнение электоральных успехов партий в течение нескольких электоральных циклов показало, что разнообразие сократилось после 2014 г. При помощи индикаторов пространственной зависимости показано сходство политических предпочтений жителей соседних регионов. Кроме того, выявлена временная устойчивость многих выделенных территориальных кластеров.

Ключевые слова: электоральное поведение; парламентские выборы; российское пограничье; пространственный анализ; кластерный анализ.

Для цитирования: Шматкова Л.П., Доманов А.О. Опыт сравнительного пространственного анализа электорального поведения в регионах государств – соседей России // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 145–164. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.07>

Проблематика электорального поведения населения разных стран остается актуальной и востребованной темой исследования. Отдельного внимания заслуживают вопросы электорального пространства и географии голосования населения, которые можно отнести к междисциплинарным исследованиям, так как они все чаще исследуются не только политологами, но и представителями других отраслей гуманитарного знания, в частности социологами, историками и политгеографами. Другой важной спецификой электоральных исследований можно считать усложнение применяемых методов и более активное использование не только качественных, преимущественно описательных, но и количественных математических инструментов.

Среди прочих методов пространственный анализ становится все более перспективным направлением современной сравнительной политологии. Изучение влияния положения соседа позволяет выявить закономерности и провести математически обоснованный анализ явлений. Электоральные исследования являются одним из основных направлений, в рамках которого применимы методы пространственного анализа, позволяющие детально изучить эффект соседства с помощью пространственной автокорреляции и кластерного анализа. Методы пространствен-

ного анализа основаны на больших наборах данных, которые позволяют формировать эмпирическую основу для дальнейших исследований в этой области.

В подробном обзоре тенденций в отечественной электоральной географии за последнюю четверть века М.Н. Шестакова обращает внимание на то, что несмотря на популярность электоральных исследований в целом среди трудов отечественных авторов можно найти не так много работ, посвященных электоральному пространству зарубежного пограничья, а также рассмотрению особенностей электорального поведения жителей пограничья. Лишь немногие авторы [Тарасов, Фидря, 2016; Зиновьев, 2015; Окунев, Горелова, Груздева, 2021] уделяют внимание электоральным исследованиям в приграничных регионах, тогда как исследовательский интерес в отношении возможного взаимного влияния пограничных территорий и степени такого влияния представляется весьма актуальным. Более того, потенциал электорально-географических исследований в приграничных регионах видится особенно перспективным, так как дает возможность сравнительного изучения поведения избирателей, живущих по соседству, но в разных политических системах [Шестакова, 2020].

Особую актуальность и практическую значимость может иметь применение методов пространственного анализа для изучения динамики электоральных процессов в приграничных регионах государств, граничащих с Россией, учитывая ее уникальное географическое положение, к особенностям которого относят огромную протяженность и исключительное разнообразие морфологических особенностей [Колосов, 2004].

Принимая во внимание упомянутые факторы и тенденции, авторы ставят своей целью выявление и сравнение закономерностей электорального поведения в регионах государств – соседей России с помощью методов пространственного анализа.

Пространственный анализ в электоральных исследованиях

Идея использовать пространственный анализ для выявления влияния географических факторов не нова для социальных наук [Epos, 2017]. Пространственный анализ основан на предположении, что на характеристики определенных анализируемых единиц /

ячеек влияют свойства соседних ячеек. При пространственном анализе электоральных процессов анализируемыми единицами являются избирательные округа, а пространственный фактор – электоральные тенденции в соседних избирательных округах – влияет на результаты выборов в этих округах.

Для определения степени пространственной автокорреляции для каждого случая был рассчитан индекс Морана I, характеризующий общую пространственную кластеризацию для всей совокупности данных. При определении пространственной автокорреляции между соседними единицами был применен метод локальных индикаторов пространственной автокорреляции (LISA) [Anselin, 1995]. Этот метод позволяет выявить четыре типа локальных кластеров: высокий-высокий (высокая кластеризация значений индикатора); низкий-низкий (низкая кластеризация значений индикатора); высокий-низкий (ячейки с высоким значением в кластере с низким значением); низкий-высокий (ячейки с низким значением в кластере с высоким значением). Для анализа использовалась матрица смежности (с шестью ближайшими соседями на евклидовом расстоянии).

Авторы сосредоточили свое внимание на парламентских выборах, поскольку невозможно сравнивать выборы глав государств в странах, которые имеют совершенно разные институциональные модели с точки зрения организации политического процесса. Для целей исследования были рассмотрены несколько последних парламентских электоральных циклов в 11 странах, граничащих с Россией: Норвегии, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве, Польше, Беларуси, Украине, Грузии, Казахстане и Монголии за период с 2007 по 2020 г. В большинстве стран к этому времени состоялось четыре избирательные кампании.

На основе данных электоральной статистики была составлена база данных со значениями следующих атрибутов избирательных округов перечисленных стран: электоральные результаты парламентских партий, агрегированные в 36 переменных (по девять для каждого из упомянутых четырех избирательных циклов), и доля русских в населении региона.

При агрегировании группировались показатели популярности партий, имеющих одинаковую комбинацию общей идеологической ориентации и отношения к России. С этой целью предварительно была разработана шкала с девятью делениями, совмещающая два

измерения: либеральные / центристские / консервативные и пророссийские / индифферентные / антироссийские политические силы (следовательно, количество делений шкалы соответствует результату декартова произведения этих двух трехэлементных множеств – числу комбинаций).

Источником данных для классификации партий по полученной матрице были их программные документы, в некоторых случаях анализировались выступления лидеров этих политических сил и итоги экспертных опросов в открытом доступе: для партийной идеологии – проекта Global Party Survey Гарвардского университета при содействии Университета Северной Каролины в Чэпел-Хилле за ноябрь – декабрь 2019 г.¹, для отношения к России – European Election Studies² за 2014 г., находящийся в середине необходимых хронологических рамок.

Когда все партии были отнесены к одной из девяти групп, в каждом избирательном округе были просуммированы доли избирателей, поддержавших организации одинаковых типов (отдельно по каждому голосованию). Эти показатели поставлены в соответствие порядковым номерам избирательных циклов, которые сменились закодированными выборами (порядок определялся в рамках своих последовательностей электоральных периодов для каждой страны, первыми элементами в которых являются циклы, закончившиеся в 2007 г. или позже).

Источником информации о доле русских в исследуемых регионах были базы данных статистических ведомств перечисленных стран. Описанные электоральная и этническая статистики были присоединены к карте избирательных округов.

При обработке собранной базы данных были рассчитаны дескриптивные статистики распределения электоральных результатов по разным избирательным округам (медиана, границы квартилей и размах ряда), а также индикаторы пространственной зависимости этих показателей.

---

¹ Global Party Survey dataset // *Global Party Survey*. – 2020. – Mode of access: <https://www.globalpartysurvey.org/download-data> (accessed: 01.08.2020).

² European Parliament Election Study 2014, Euromanifesto Study / H. Schmitt, D. Braun, S. Popa, S. Mikhaylov, F. Dwinger // *GESIS*. – 2016. – Mode of access: <https://dbk.gesis.org/dbksearch/sdesc2.asp?no=5162&db=e&doi=10.4232/1.5162> (accessed: 01.08.2020). DOI: 10.4232/1.5162.

База данных, содержащая результаты выборов парламентских партий и долю русских в населении отдельных регионов на уровне округов, объединена с картографическими данными в геоинформационных системах (ArcGIS, QGIS и GeoDa).

Особенности электорального поведения в регионах государств – соседей России в 2007–2020 гг.

Анализ популярности партий различной идеологической ориентации на общенациональных выборах в законодательные органы власти в 2007–2020 гг. в 11 пограничных государствах позволил выявить не только разницу обобщенных показателей поддержки политических сил, но и значительную территориальную дифференциацию этих индикаторов по избирательным округам.

Рассматриваемые в рамках анализа партии в своих странах обладали довольно высоким уровнем популярности. В частности, более 50% населения большинства регионов Беларуси поддержало партии из числа центристских пророссийских, Казахстана – консервативных сторонников России, Украины в 2019 г. – центристских антироссийских политиков, Грузии в 2016 г. – консервативных критиков России, Грузии в 2008 г. – их центристских единомышленников.

Использование результатов нескольких выборных циклов подряд позволило провести динамическое сопоставление электоральных показателей и выявить несколько тенденций. Отчетливое разделение в предпочтениях избирателей партий разной идеологической направленности произошло в 2014 г. на выборах, состоявшихся после начала украинского кризиса, граждане многих стран предпочитали антироссийские партии пророссийским.

В частности, сторонники России стали менее популярны не только в Норвегии, правительство которой солидаризировалось с большинством западных стран по украинскому вопросу, но и в Беларуси. В частности, пророссийские центристы набрали лишь около 40% голосов в Свислочском, Столбцовском, Минском Партизанском и Старовиленском избирательных округах в 2016 г. и в Каменногорском и Минском Западном – в 2019 г.

Более того, во время последних выборов за них проголосовали лишь 34% избирателей Минского Партизанского округа и 29% Кальварийского.

В свою очередь зеркальная тенденция выразилась в росте популярности антироссийских партий. Центристские критики России улучшили свои электоральные результаты после 2014 г. в Норвегии, консервативные – в Грузии. Следует отметить, что снижение популярности грузинских антироссийских центристов в 2016 г. не должно вводить в заблуждение: возможно, многие избиратели этих политиков переключили внимание на упомянутых консерваторов, также выступающих против России.

Несмотря на некоторую неоднозначность грузинского случая, противоположная тенденция – к более благоприятным для России результатам выборов после 2014 г. – также присутствует в некоторых странах. Например, жители Польши стали менее охотно поддерживать центристские антироссийские партии, чем до этого. Доля сторонников пророссийских партий увеличилась в Казахстане.

Анализируя *территориальную неоднородность* электоральных показателей, можно констатировать значительное разнообразие предпочтений избирателей различных регионов Польши и Украины, а также Грузии и Литвы. Результаты антироссийских партий на выборах нескольких лет в избирательных округах начала второго и начала четвертого квартиля в одной и той же стране отличались на 30 п. п. и более. При этом такое расхождение взглядов характерно не только для стран с большой численностью населения и территорией (Польши и Украины), но и для относительно компактных Грузии и Литвы. В то же время проследить, настолько же ли устойчивое расхождение в результатах пророссийских партий, не представляется возможным, так как многолетние тенденции искажены общим снижением популярности сторонников России после 2014 г.

Географические различия электоральных показателей стали менее отчетливыми после 2014 г. также из-за того, что сократилось не только общее число сторонников пророссийских партий, но и диапазон межрегиональной изменчивости популярности некоторых политических сил (на сей раз – антироссийских). Уменьшилось расхождение между результатами консервативных критиков России в различных районах Грузии,

центристских – в украинских областях, либеральных – в Эстонии. Такое движение к общенациональному консенсусу по вопросу поддержки антироссийского курса может объясняться однородной реакцией большинства граждан этих стран по украинскому кризису.

Тем не менее результаты до 2014 г. (когда пророссийские партии были еще сравнительно популярны) позволяют сделать схожие выводы. Зафиксировано сопоставимое – более 30 п. п. – расхождение между популярностью консервативных пророссийских партий различных регионов Финляндии в 2007 и 2011 гг. Наиболее противоречивое отношение (расхождение более 80 п. п. по указанному параметру) вызывали украинские пророссийские центристские партии в 2007 и 2012 гг.: в этом явлении мог отразиться культурный раскол между жителями западных и восточных регионов страны.

Кластерный анализ электорального поведения в регионах государств – соседей России

Более детальное исследование географического распределения (расчет индикаторов *пространственной зависимости* и выделение соответствующих кластеров) показало, что политические предпочтения жителей некоторых близких друг к другу регионов сходятся. Например, на востоке Украины эмпирически подтверждено существование кластера территорий с пророссийскими настроениями, а на западе – наоборот, группы областей с повышенными электоральными результатами антироссийских политических сил. В наибольшей степени эта особенность проявилась в ходе выборов 2012 г. (см. рис. 1): консервативные антироссийские партии получили поддержку выше среднего уровня в областях Украины западнее Житомирской; в то же время избиратели из юго-восточных областей наподобие Херсонской, Запорожской и Донецкой поддержали их менее охотно, чем жители соседних регионов.

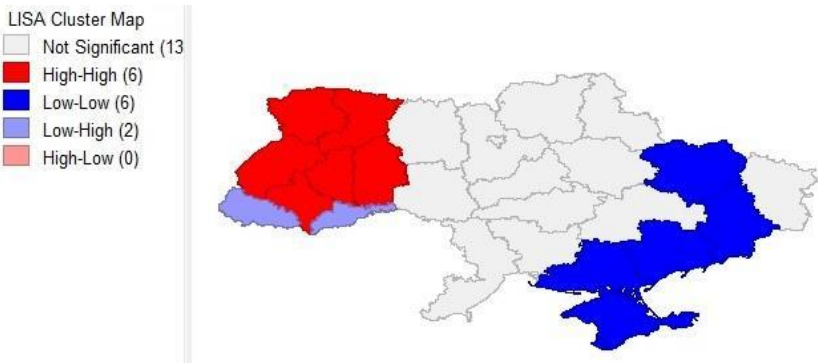

Рис. 1.

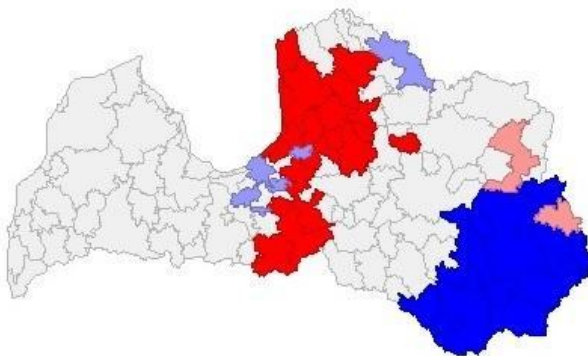
Кластеризация регионов Украины путем измерения локальных индикаторов Морана на основе результатов консервативных антироссийских партий на выборах 2012 г.

В некоторых странах пророссийские политические силы получали *более высокий результат в близких к России регионах*, чем в далеких. Так, четыре голосования подряд (в 2010, 2011, 2014 и 2018 гг.) в районах граничащей с Россией латвийской Латгалии либеральные партии с позитивным отношением к России были популярнее, чем в соседних краях. Напротив, жители самых западных регионов Латвии (за исключением портовых городов, принимающих грузы из России) почти отказали этим партиям в поддержке. Наличие кластера поддержки пророссийских партий в южных краях центральной Латвии в 2011 г. может объясняться тем, что данные политические силы приобрели популярность не благодаря своей внешнеполитической ориентации, а из-за востребованности социалистических пунктов их программ. Жители этих регионов, расположенных между развитой столицей и западнолатвийскими портами и адресатами большей части грантов из структурных фондов ЕС, могут чувствовать себя обделенными и выступать за перераспределение доходов.

Та же тенденция по мере отдаления от границ России отмечена в поддержке антироссийских партий. Например, такие политики консервативного толка по итогам всех четырех проанализированных выборов (см. рис. 2–5) набрали относительно мало

голосов на востоке страны (в различных краях Латгалии) и сравнительно много – в кластерах центральной части страны (от Саулкрастского и Буртниецкого округов на севере до Вецумниецкого и Бауского – на юге, за исключением пригородов Огре и Риги).

LISA Cluster Map

LISA Cluster Map

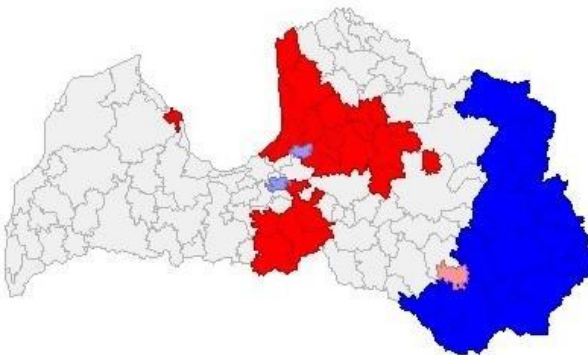

Рис. 2–3.

Кластеризация регионов Латвии путем измерения локальных индикаторов Морана на основе результатов консервативных антироссийских партий на выборах 2010, 2011

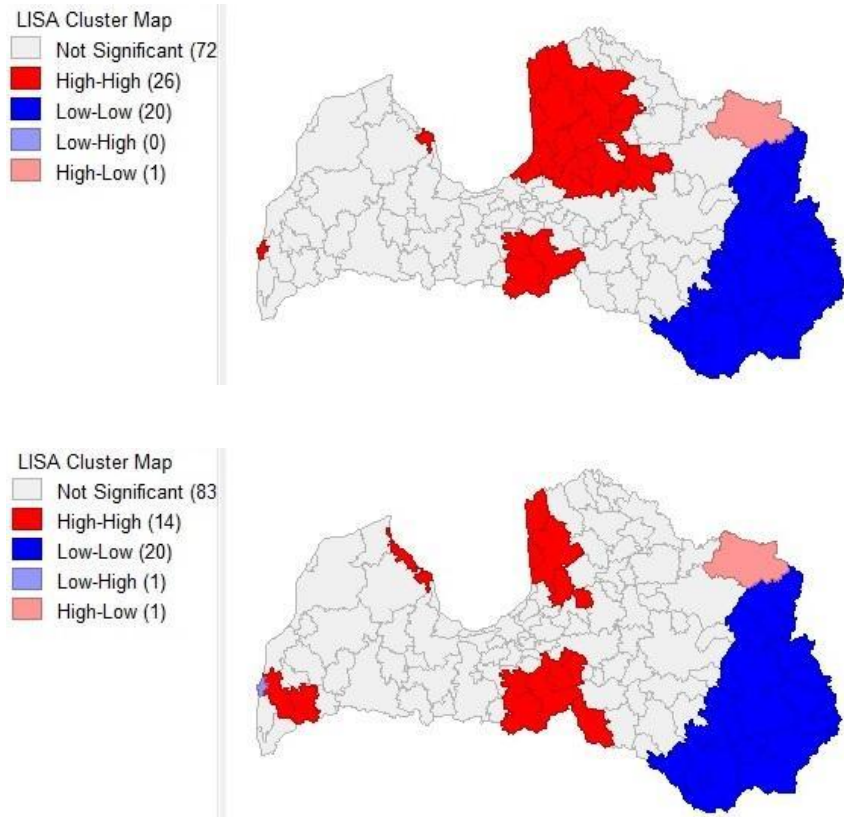

Рис. 4–5.

Кластеризация регионов Латвии путем измерения локальных индикаторов Морана на основе результатов консервативных антиросийских партий на выборах 2014 и 2018 гг.

Анализ результатов либеральных партий с таким же негативным отношением к России тоже продемонстрировал (см. рис. 6) то, что относительно популярными эти политические силы были в 2018 г. только в центре страны (за исключением юго-западных предместий Риги). Жители северных, южных и западных районов оказали им умеренную поддержку, а избиратели из упомянутого латгальского кластера голосовали за них крайне редко.

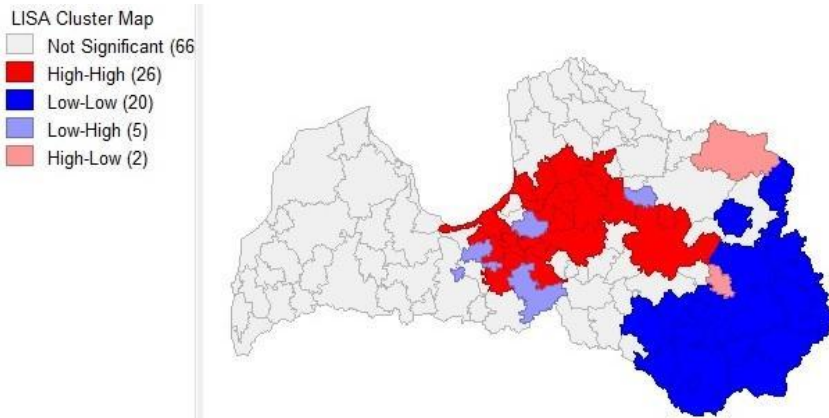

Рис. 6.

Кластеризация регионов Латвии путем измерения локальных индикаторов Морана на основе результатов либеральных антироссийских партий на выборах 2018 г.

Относительная симпатия жителей пограничья России к пророссийским партиям может объясняться экономическими факторами голосования. Возможно, избиратели считают такие партийные программы потенциально выгодными для себя, поскольку рост объема приграничной торговли при предлагаемом внешнеполитическом курсе принесет большой доход близким к России областям, а не отдаленным.

В Беларуси в 2016 и 2019 гг. в Витебске и прилегающих избирательных округах (Городокском, Лепельском и Сенненском) сформировался кластер сторонников центристских пророссийских партий. При этом на другом конце страны (вокруг Замкового и Ивьевского районов у границы с Литвой) на тех же выборах консервативные политики, относившиеся к России позитивно, получили меньшую долю голосов, чем в соседних областях.

Стоит отметить, что в другой зоне, удаленной от России (на западе белорусско-украинской границы – в Пинском, Лунинецком и Столинском районах), консервативные пророссийские партии также были относительно непопулярны в 2016 г. Солигорская область, также входящая в этот кластер, примечательна тем, что большинство ее жителей настойчиво отказывались поддерживать

эти организации и в 2019 г., когда в близких южных избирательных округах (Полесском и Житковичском) они получили относительно высокие результаты.

Стоит отметить, что электорат близких к России кластеров поляризованных (судя по приведенным ранее результатам пространственного анализа) стран иногда относился к нашей стране не лучше своих соотечественников из дальнего от России кластера, а хуже. Так, в 2007 г. центристские пророссийские партии были менее привлекательны для избирателей юго-востока Польши, а также округов, расположенных севернее (Седльце и Варшавы), чем соседних областей, и более – в противоположащей северо-западной местности от польско-германской границы до запада Быдгощского округа. Наличие указанной «пророссийской» (в тот год) группы регионов косвенно подтверждается результатами выборов в соседней с ней приморской Гдыне (показана на карте светлым выделением): близкое расположение данного кластера привело к тому, что значение популярности этих политиков, которое ожидалось после расчета общестранового коэффициента корреляции, было превышено.

Это относительное недовольство пророссийскими партиями вблизи территории ОДКБ может объясняться влиянием на эту связь электорального поведения с географией со стороны промежуточной переменной – исторической травмы. Возможно, заинтересованность в приграничной торговле с Калининградской областью (в случае Гдыни, пригорода Гданьска, ведущего с Калининградом довольно интенсивный торговый обмен) или более восточными российскими областями (в случае юго-востока Польши – транзитом через Беларусь) перекрывается опасениями военного характера. Видимо, из-за памяти о нарушениях Советским Союзом суверенитета некоторых государств – членов Варшавского договора близость к местам дислокации российской армии вызывает острую негативную реакцию; и в результате образ нашей страны у жителей далеких от России регионов менее испорчен этим фактором, чем у соседей ОДКБ.

Упомянутое расхождение между восточными и западными регионами Украины проявилось и в голосовании за пророссийские партии. Примечательно, что кластеры областей выделяются по этому признаку не только после 2014 г., но и до начала украинского кризиса. Так, выборы 2007 и 2012 гг. отчетливо разделили из-

бирателей западных и восточных областей по отношению к центристским пророссийским партиям.

Зависимость электоральных предпочтений от дистанции до России может быть ослаблена другими факторами их изменчивости. В частности, в Эстонии предположения о влиянии территориальной близости к России и соседства с эстонскими регионами не подтвердились из-за неравномерности расселения русских по территории страны: **двухфакторный** анализ локальных индикаторов пространственной автокорреляции выявил расхождения результатов голосования с прогнозом, сделанным на основе корреляционной зависимости между соседними территориями (т.е. однофакторной версии данного метода). В силу соседства с регионами, населенными большим количеством русских (прежде всего, в уезде Ида-Вирумаа), доля сторонников либеральных антироссийских партий восточнее Таллина и севернее Тарту (где русских насчитывается лишь 7–14% населения) предполагалась более низкой, чем наблюдалась на выборах 2011, 2015 и 2019 гг. Такое же отклонение итогов голосования от прогнозного зафиксировано среди консервативных антироссийских избирателей в 2015 г.

Установлено, что такие группы избирательных округов (в которых партии не набрали количества голосов, которое прогнозировалось исходя из предположений о соседстве и дистанции до России) могут сосуществовать в одной стране с регионами, население которых массово поддержало пророссийские партии. Так, в Литве относительно низкий результат консервативных пророссийских партий в двух кластерах на юго-западе страны севернее Друскининкай (вблизи Калининградской области) частично объясняется тем, что эффект соседства не был поддержан этнической статистикой. Доля русских в этих регионах составляет около 1%, поэтому большинство населения не могло интенсифицировать и в полной мере воспользоваться выгодами от трансграничных обменов ресурсами и информацией на родном языке потенциальных партнеров-калининградцев.

Напротив, на востоке страны поддержка этих партий в предместьях Висагинаса и Зарасай обусловлена голосованием русских в той же мере, что и в соседних окрестностях белорусского Полоцка, отделяющих Висагинас от России. Например, в Новополоцке около 10% русских и 19% голосовавших за этих политиков в

2016 г.; в избирательном округе Зарасай в том же году таких было 34% при доле русских в 35%.

Приведенный пример литовских и белорусских избирателей-единомышленников демонстрирует, что наличие результатов идеологически близких партий из соседних стран в одной базе данных позволило выявить *трансграничные кластеры* популярности соответствующих идеологий. К примеру, упомянутое сходство электоральных предпочтений некоторых литовцев и белорусов выявлено в ходе не только двухфакторного, но и однофакторного пространственного анализа (без учета этнических показателей). В кластер повышенной популярности пророссийских консерваторов между Минском и Лидой в 2016 г. были вовлечены литовские территории от Шальчининкай до южных пригородов Вильнюса.

Указанным способом можно продемонстрировать сходство избирателей не только пары стран, но и большего количества государств. Стоит отметить, что найден «макрокластер» регионов четырех стран вокруг южнобелорусских областей. Установлено, что с 2011 г. жители некоторых приграничных польских, литовских и украинских территорий поддерживали центристские пророссийские партии так же охотно, как граждане Белоруссии. Эта группа регионов в различном составе существовала до выборов 2019 г., так что выявленная закономерность может проявиться и на следующих выборах. Наиболее полный набор небелорусских территорий в этом кластере выделен по результатам выборов 2014–2016 гг.; он включает округа польского Белостока, литовского Друскининкай, а также украинских Волини, Ровно, Сум и Чернигова (см. рис. 7).

Стоит отметить *устойчивость* многих выделенных территориальных кластеров во времени. Так, результаты всех четырех проанализированных выборов в Польше (2007, 2011, 2015, 2019 гг.) показали наличие двух групп воеводств, жители которых были противоположно настроены в отношении центристских антироссийских партий. Поляки юго-востока страны на протяжении более десяти лет не поддерживали эти партии в той мере, в которой за них голосовали в соседних регионах (несмотря на усиление антироссийской критики центральным правительством после 2014 г.). Напротив, на северо-западных территориях (прежде всего находившихся в составе Германской империи) данные политиче-

ские силы получили более серьезную поддержку, чем в других регионах. Хотя северо-западный кластер претерпевал реконфигурацию на протяжении этих лет, в него все это время входили Зелёногурский, Щецинский и Кошалинский округа и, после 2007 г., Гдыня, пригород одного из крупнейших городов страны – Гданьска.

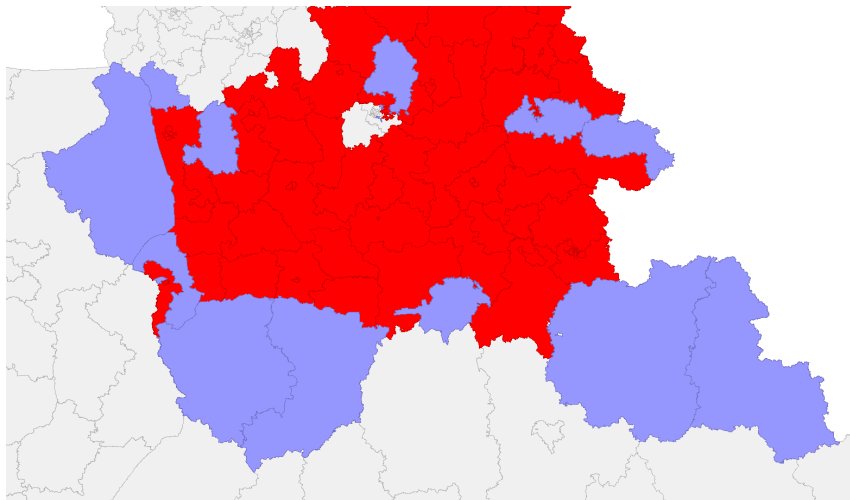

Рис. 7.

Трансграничный кластер электорального поведения вокруг юга Беларуси

Более того, устойчивыми являются многие кластеры, выделенные двухфакторным пространственным анализом (т.е. подверженные реконфигурации из-за изменчивости не одного признака, как в однофакторном методе, а двух). Например, восточные и западные территории Украины устойчиво входили в свои группы регионов по уровню поддержки центристских пророссийских партий в зависимости от количества русских. Примечательно, что Львовская и Закарпатская области, находящиеся на землях бывшей Речи Посполитой и включающие лишь 4 и 2% русских, объединены в единый кластер с южными и некоторыми другими польскими воеводствами (которые тоже не склонны были поддерживать эти партии).

* * *

В результате проведенного исследования выявлена значительная дифференциация избирательных округов по степени поддержки антироссийских и пророссийских партий в 2007–2020 гг. Межрегиональное разнообразие наблюдается на уровне избирательных округов одних и тех же стран. Показатели антироссийских партий в регионах из начала второго и начала четвертого квартала (в восходящем ряду результатов партий в этих округах) некоторых стран отличались на 30 п. п., пророссийских – на 80 п. п. Примечательно, что среди украинцев такая крайняя поляризация отмечена по обоим указанным параметрам.

Динамическое сравнение электоральных успехов партий на последовательных выборах показало, что это разнообразие сократилось после 2014 г.: в большинстве исследованных стран реакцией на позицию России в ходе украинского кризиса стала более равномерная и интенсивная поддержка антироссийских партий. Даже в Беларуси, образующей с Россией Союзное государство, в основной части избирательных округов сторонники России стали менее популярны, критики – более (в отличие от другого члена ЕАЭС – Казахстана).

При помощи индикаторов пространственной зависимости показано сходство политических предпочтений жителей соседних регионов. Группы дружественно настроенных к России избирателей (из кластеров регионов с высокой поддержкой пророссийских партий или низким уровнем одобрения антироссийских) чаще всего выделялись вблизи России: наиболее отчетливо – на востоке Украины, в латгальских районах Латвии и Витебской области. Наоборот, кластеры с высокой долей сторонников антироссийских партий находятся на противоположных территориях, далеких от российской границы (в перечисленных случаях – на западе Украины, западе Латвии и юго-западе Беларуси).

Стоит отметить, что такие предпочтения жителей пограничья России в отношении пророссийских партий объясняются не только заинтересованностью в приграничной торговле с россиянами. Результаты польских выборов показывают, что не менее важна роль исторической травмы: из-за прошлых конфликтов с Россией и / или СССР места дислокации российской армии порождают настороженность по мере приближения к ним. Также двух-

факторный пространственный анализ, учитывавший этнический состав избирательных округов, показал, что при низкой доле русских в населении региона его близость к России может не улучшать результаты пророссийских партий (наиболее отчетливо это проявилось на юго-западе Литвы).

Стоит отметить устойчивость многих выделенных территориальных кластеров во времени. Более того, устойчивыми являются многие кластеры, выделенные двухфакторным пространственным анализом (т.е. подверженные реконфигурации из-за изменчивости не одного признака, как в однофакторном методе, а двух).

Следствием неоднородности электорального поведения в отдельных странах являются зоны, в которых жители соседних стран практически в равной степени поддержали идеологически близкие партии. Такие трансграничные кластеры могли находиться одновременно на территории не только двух или трех, но и четырех стран: в 2011–2019 гг. жители некоторых польских, литовских и украинских территорий, граничащих с южнобелорусскими областями, массово поддерживали центристские пророссийские партии.

Таким образом, проверка гипотезы на четырех электоральных циклах подряд позволила провести динамическое сопоставление электоральных показателей и выявить несколько упомянутых тенденций. Методы пространственной автокорреляции позволили математически обосновать формирование кластеров. Эти методы также дали возможность оценить и прокомментировать электоральные аномалии в регионах зарубежных государств – соседей России.

L.P. Shmatkova, A.O. Domanov*
Comparative Spatial Analysis of Electoral Behavior
in the Regions of Russia's Neighbor States

Abstract. The article contains comparative spatial analysis of the electoral behavior of residents in regions of Russia's neighbor states. Problems of electoral behavior often become the subject of studies. However, the electoral behavior of residents of

---

* **Shmatkova Liubov**, MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: l.shmatkova@inno.mgimo.ru; **Domanov Aleksey**, MGIMO University (Moscow, Russia), email: domanov_a_o@my.mgimo.ru

foreign border regions usually attract less attention. Moreover, spatial analysis is proving to be a promising area in studying the electoral behaviour as it makes it possible to identify patterns and the neighborhood effect and conduct a mathematically sound analysis of phenomena. The authors aim to identify and compare the patterns of electoral behavior in the regions of Russia's neighbor states based on the results of the parliamentary elections in 2007–2020, using the methods and tools of spatial analysis. By means of a specially developed comparative digital two-dimensional matrix reflecting the positions of political parties, a number of cartograms showing the distribution of votes for similar political forces in each electoral cycle were created, which made it possible to identify general trends in the transformation of electoral behavior in the regions of states bordering Russia. The article reveals a significant differentiation in electoral areas in terms of support for anti-Russian and pro-Russian parties in the period under review. At the same time, a dynamic comparison of the electoral results of parties during several electoral cycles showed that diversity decreased after 2014. In addition, indicators of spatial dependence show the similarity of political preferences of residents of neighboring regions. Moreover, the stability of many identified territorial clusters over time was revealed.

Keywords: electoral behavior; parliamentary elections; Russian borderlands; spatial analysis; cluster analysis.

For citation: Shmatkova L.P., Domanov A.O. Comparative spatial analysis of electoral behavior in the regions of Russia's neighbor states. *Political science (RU)*. 2022, N 4, P. 145–164. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.07>

References

- Zinoviyev A.S. Geopolitical cleavage in electoral geography of Lithuania. *Regional'nye issledovaniya*. 2015, N 3 (49), P. 48–56 (In Russ.)
- KolosoV V.A. How to explore the new frontier of Russia. *International Trends*. 2004, N 2 (3), P. 89–95. (In Russ.)
- Okunev I. Yu., Gorelova Yu.S., Gruzdeva E.E. Regional disparities of electoral behavior in Poland: comparative analysis. *Comparative Politics Russia*. 2021, N 12(1), P. 149–160. DOI: 10.24411/2221–3279–2021–10011 (In Russ.)
- Tarasov I.N., Fidrya E.S. Geography of electoral volatility in the Warmia and Mazury Voivodeship of Poland. *The Baltic Region*. 2016, N 8(4), P. 78–89. DOI: 10.5922/2074–9848–2016–4–5 (In Russ.)
- Shestakova M.N. Electoral studies of border territories in domestic science: state of art and prospects. *The Caspian region: politics, economics, culture*. 2020, N 1 (62), P. 43–54. DOI: 10.21672/1818–510 X-2020–62–1-043–054 (In Russ.)
- Anselin L. Local Indicators of Spatial Association – LISA. *Geographical Analysis*. 1995, N 27, P. 93–115.
- Enos R.D. *The Space between Us: Social Geography and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017, 302 p.

Литература на русском языке

- Зиновьев А.С.* Геополитический раскол в электоральной географии Литвы // Региональные исследования. – 2015. – № 3 (49). – С. 48–56.
- Колосов В.А.* Как изучать новое пограничье России // Международные процессы. – 2004. – № 2 (3). – С. 89–95.
- Окунев И.Ю., Горелова Ю.С., Груздева Е.Е.* Региональные особенности электорального поведения в Польше: опыт сравнительного пространственного анализа // Сравнительная политика. – 2021. – № 12(1). – С. 149–160.
- Тарасов И.Н., Фидря Е.С.* География электоральной волатильности в Варминьско-Мазурском воеводстве Польши // Балтийский регион. – 2016. – № 8 (4). – С. 78–89.
- Шестакова М.Н.* Электоральные исследования приграничных территорий в отечественной науке: состояние и перспективы // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2020. – № 1 (62). – С. 43–54. – DOI: 10.21672/1818-510 X-2020-62-1-043-054

Р.С. МУХАМЕТОВ*

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЕЙ: ЭФФЕКТ «ДРУЗЕЙ И СОСЕДЕЙ» ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ В РОССИИ?

Аннотация. В статье рассматривается уровень влияния пространственных характеристик кандидата на результаты голосования. Автор стремится дать ответ на три вопроса: имеют ли преимущества «местные» кандидаты? От чего зависит склонность избирателей голосовать за «местных» политиков? Какова величина влияния эффекта «друзей и соседей» на результаты выборов? Показано, что кандидаты получают больше голосов в своих родных городах (округах). Отмечено, что большинство исследований на эту тему выполнено на электоральных данных по США и европейским государствам. Количество работ, посвященных пониманию пространственных атрибутов кандидатов на выборах в России, носит ограниченный характер. В качестве концептуальной основы исследования был выбран такой географический фактор, как эффект «друзей и соседей». Для ответа на исследовательские вопросы автор проанализировал данные, собранные в ходе онлайн-опроса. В статье проведено сравнение результатов «местных» кандидатов на прямых губернаторских выборах, которые они получили на общерегиональном уровне, с голосами избирателей в «домашнем» округе. По итогам проведенного исследования автор пришел к выводу, что избиратели склонны поддерживать «местных» кандидатов. Показано, что избирателей с более явно выраженной локальной идентичностью больше волнуют пространственные атрибуты кандидатов. В статье отмечается, что склонность голосовать за местных кандидатов в депутаты зависит от уровня организации выборов: на муниципальных выборах поддержка местных кандидатов проявляется более ярко. Автор подчеркивает, что эффект «друзей и соседей» дает местным кандидатам 4,92% голосов избирателей.

---

* **Мухаметов Руслан Салихович**, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), e-mail: muhametov.ru@mail.ru

Ключевые слова: электоральные исследования; электоральная география; выборы; голосование; эффект «друзей и соседей»; пространственный анализ.

Для цитирования: Мухаметов Р.С. Электоральные предпочтения избирателей: эффект «друзей и соседей» имеет значение в России? // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 165–184. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.08>

Введение

Изучение выборов и электорального поведения – одно из основных направлений академических политических исследований. Многие исследователи связывают результаты голосования с оценкой избирателями состояния экономики страны [Maу, Кочеткова, Жаворонков, 1999]. Существующая литература предполагает, что необходимо различать мотивации, лежащие в основе экономического голосования. Исследователи выделяют «голосование кошелька», которое определяется как голосование за кандидата или партию, приносящих наибольшую финансовую выгоду избирателю, а также социотропное голосование, которое предполагает, что избиратели озабочены экономическим благополучием нации в целом, а не просто своим личным финансовым положением [Hansford, 2015]. Экономическое голосование бывает ретроспективным (основанным на предыдущих экономических результатах) и перспективным (основанным на ожидаемых будущих экономических показателях) [Elinder, Henrik, Poutvaara, 2015]. Экономическое голосование в России выражается в обмене политической лояльности населения на экономический рост и снижение уровня бедности в среднесрочной перспективе [Туровский, Гайворонский, 2017]. Инструментом «покупки лояльности» региональных элит и избирателей выступают федеральные трансферты, т.е. перераспределение налоговых нефтегазовых доходов между Центром и регионами [Щербак, 2005]. Исследователи отмечают, что экономическое голосование в стране отличается от предсказаний стандартных теорий, т.е. бедные регионы в большей степени поддерживают власть [Холодильник vs телевизор ... , 2017]. Другая часть исследователей связывают результаты голосования с влиянием социальных факторов [Сересова, 2017]. В ряде работ подчеркивается, что электоральный результат того или иного кандидата в одномандатном округе напрямую зависит от предвыборных соглашений с партией «Единая Россия» [Ткачева, Турченко, 2019].

Важно подчеркнуть, что помимо отмеченных выше исследований, выполненных в рамках макрополитического анализа, существуют работы, посвященные изучению электорального поведения, сделанные на уровне микроанализа. Микроаналитики полагают, что мир политики формируется действиями «бесструктурных агентов», в то время как макроаналитики выступают за то, что этот мир детерминируется процессами «безагентных структур» [Landman, 2008, p. 19–20]. Исследований в России, в которых изучается привлекательность того или иного электорального свойства кандидата (партийной принадлежности кандидата, его биографии, фамилии, материального положения, портрета), немного [Грошев, 2013; Особенности влияния ... , 2019]. Изучение личного голосования, т.е. электоральной поддержки кандидата, которая проистекает из его личных качеств, квалификации, деятельности и послужного списка, считается важной частью электоральных исследований [Cain, Ferejohn, Fiorina, 1987, p. 9].

Необходимо отметить, что в последнее время стали появляться исследования, посвященные локальным и пространственным факторам голосования избирателей в России. Под пространственным эффектом понимается зависимость результатов выборов от географического положения избирательных округов [Fernández-Durán, Poiré, Rojas-Nandayapa, 2004, p. 529]. Так, В. Ковин к локальным мотивам электоральных предпочтений относит поддержку местного политика при его переходе на более высокий уровень власти, привлечение внимания к какой-либо обострившейся местной проблеме [Ковин, 2016]. Результаты исследований показывают, что для локального уровня голосования в стране характерен высокий уровень пространственной взаимозависимости электорального поведения [Корнеева, 2021]. Кроме того, аналитики говорят о наличии значимых пространственных эффектов от влияния предпочтений индивидов из соседних территориальных областей друг на друга [Подколзина, Демидова, Кулецкая, 2020]. Исходя из этого, можно согласиться с мнением, что в современной сравнительной политологии и политической географии использование пространственного анализа становится все более перспективным направлением [Окунев, Шматкова, 2021].

В многочисленных работах обнаружено, что кандидаты, как правило, получают дополнительную электоральную поддержку в районах, близких к месту их рождения или проживания. В электо-

ральных исследованиях данный феномен получил название эффекта «друзей и соседей» [Johnston, 1974], что соответствует личному голосованию. Однако исследователи очень мало знают о влиянии местных кандидатов на результаты голосования в авторитарных странах. В этом плане Россия представляет собой естественную лабораторию для проведения исследований. По мнению целого ряда политологов, политический режим в стране является не совсем демократическим: «соревновательный авторитаризм» [Levitsky, Way, 2002], «электоральный авторитаризм» [Schedler, 2002], «делегативная демократия» [O'Donnell, 1994], «дефектная демократия» [Меркель, Круассан, 2002], «демократура» [Schmitter, 1994], «гибридный режим» [Diamond, 2002], «информационная автократия» [Guriev, Treisman, 2020; Guriev, Treisman, 2019] и т.д.

Основываясь на ряде теоретических ожиданий, в статье формулируется несколько гипотез, чтобы выяснить, как «локальность» кандидата влияет на его поддержку избирателями. В работе оценивается относительная важность, которую электорат придает кандидатам, являющимся местными жителями. Действительно ли кандидаты, баллотирующиеся в одномандатных округах, получают бонус, если они являются местными? Имеют значение для того, кто будет избран, электоральные преимущества локализма, т.е. увеличение доли голосов кандидата? Основная цель этой статьи состоит в том, чтобы выяснить наличие или отсутствие электорального преимущества местного кандидата. Работа направлена на то, чтобы исследовать эти вопросы эмпирически, рассматривая кандидатов на прямых выборах глав регионов в период 2012–2020 гг., а также опираясь на результаты социологического опроса.

Эта статья вносит свой определенный исследовательский вклад. Было обнаружено, что эффект «друзей и соседей» в России имеет значение. В работе показано, что предпочтения местных кандидатов неоднородны среди населения, что может быть результатом силы региональных идентичностей. Данное исследование дополняет растущую литературу о причинах и последствиях личного голосования, показывая, что пространственные атрибуты политиков, а не только их поведение, являются хорошими индикаторами электоральных стимулов. Результаты также подчеркивают важность факторов индивидуального уровня для понимания репрезентативного стиля кандидата и внутривнутрипартийной динамики.

Структура статьи выглядит следующим образом. В первом разделе обсуждаются теоретические основы анализа. Во втором разделе представлено описание источников данных, методов сбора и анализа информации. В третьем разделе приведены результаты исследования. Наконец, в заключительной части подводятся итоги работы.

Теоретические рамки исследования

Изучение локальных условий в определении результатов выборов занимает важное место. В электоральной географии выделяют несколько пространственных факторов влияния – эффект соседства, который основан на тезисе «конверсии путем разговора» (на решения отдельных лиц о голосовании влияют мнения тех, с кем они взаимодействуют и обсуждают политику); голосование по проблемному локальному вопросу; дифференцированная таргетированная избирательная кампания, а также голосование «друзей и соседей» [Johnston, Forrest, 1985].

В качестве теоретической основы статьи используется эффект «друзей и соседей». Это голосование связано с поддержкой родного района, которую кандидат получает из-за своего проживания в этом округе и которая превышает то, что может быть приписано партийному, классовому или любому другому политически значимому фактору или социальному расколу. Эффект «друзей и соседей» – это склонность кандидата получать большую долю поддержки в своем родном районе, чем в любом другом избирательном округе [Panagouroulos, Bailey, 2019]. В рамках концепции голосования «друзей и соседей» кандидатом, рассматриваемым как свой / местный для определенной территории, является тот, кто живет в пределах такого района (т.е. тот, чье географическое расстояние от данного респондента невелико).

Необходимо отметить, что исследование голосования «друзей и соседей» (голосование, в котором избиратели более вероятно будут поддерживать кандидата, связанного или ассоциированного с местным округом) имеет давнюю традицию в изучении выборов и представительства. Эта концепция была создана при анализе американской политики и была опробована в других политических и социальных средах [Simiyu, 2010; Tunstall et al., 2000]. Со време-

нем исследователи изучали этот феномен в различных культурных контекстах и при различных избирательных системах, используя данные выборов, опросов и геолокации. Ключевым механизмом в подходе является то, что локальность кандидата имеет значение для избирателей.

Идея, что граждане могут поддерживать кандидатов, потому что они местные, имеет давнюю традицию в изучении выборов, начиная с работы В.О. Кея-младшего [Key, 1949]. Фундаментальные исследования по этой теме сделаны путем изучения американской политики [Gimpel et al., 2008; Lewis-Beck, Rice, 1983; Meredith, 2013]. Эффект «друзей и соседей» обнаружен и в таких государствах, как Великобритания [Arzheimer, Evans, 2012; Evans et al., 2017; Johnston, Pattie, 2006], Ирландия [Górecki, Marsh, 2012; Górecki, Marsh, 2014; Johnson, 1989], Австралия [Studlar, McAllister, 1996], Эстония [Tavits, 2010], Германия [Jankowski, 2016], Норвегия [Fiva, Smith, 2017], а также Литва [Herron, Lynch, 2019].

Валдимер Кей одним из первых обратил внимание на важность географического происхождения кандидата для электоральной лояльности. Для Кея, как и для современных политических географов [Agnew, 1996], индивиды не считались независимыми от своего окружения. Кей заметил, что фракции, ориентированные на кандидатов, в южных американских штатах опирались на голосование «друзей и соседей» в родных и соседних округах [Key, 1949, p. 37]. Важным результатом этого исследования является то, что кандидаты могут быть успешнее или нет на выборах просто в зависимости от того, откуда они родом. Кей утверждал, что избиратели южных штатов в США в начале 1900-х годов поддерживали местных фаворитов и избирали кандидатов на основе места их жительства. Именно Кею принадлежит авторство термина «голосование за друзей и соседей» (или «локализм») для описания этого феномена [Key, 1949, p. 37].

Большой объем литературы посвящен изучению механизмов предпочтения избирателями кандидатов с местными связями. Многие исследователи ставили цель ответить на вопрос о причинах возникновения голосования «друзей и соседей». Стремление избирателей поддерживать кандидатов из своих родных районов (независимо от их партийной принадлежности) обусловлено тем, что такие кандидаты лучше известны электорату, лучше разбира-

ются в локальных проблемах, разделяют местные интересы и, следовательно, будут более мотивированы решать местные проблемы в случае избрания [Campbell, Cowley, 2014]. Анализ литературы показывает, что избиратели отдают предпочтение местным кандидатам, поскольку считается, что они более склонны представлять своих избирателей [Allen Stevens et al., 2018]. Преобладающая теория заключается в том, что местные представители лучше подготовлены для представления интересов избирательного округа, потому что они более осведомлены о местных потребностях [Tavits, 2009; Shugart et al., 2005]. То, что кандидаты, как правило, получают больше голосов в своих родных городах, связано с мобилизацией местных избирателей, которые в противном случае воздержались бы [Górecki, Marsh, 2012; Meredith, 2013].

Необходимо подчеркнуть, что голосование за местного кандидата может быть связано с ожиданием избирателей, что такой кандидат будет лучше служить их интересам или оказывать поддержку местному сообществу в предоставлении общественных благ [Fiva, Halse, 2016]. Местные кандидаты могут иметь преимущество просто из-за более тесных сетевых связей со школьными товарищами, коллегами по работе и членами религиозных групп или других организаций, которые могут быть мобилизованы. Эффект голосования «друзей и соседей» возникает не потому, что избиратели активно учитывают местные корни при оценке политиков, а потому что избиратели, как правило, имеют больше информации о политиках с местными корнями в силу распространения такой информации через местные социальные сети и местные СМИ [Johnston et al., 2016]. В исследованиях отмечается, что избиратели могут сделать вывод, что политики с местными корнями скорее всего будут хорошими слугами избирательных округов. Избиратели могут полагать, что депутаты с местными связями более эмоционально связаны и лучше информированы о потребностях избирателей [Shugart et al., 2005]. Кроме того, избиратели могут ожидать, что политики с местными корнями будут больше прислушиваться к местным жителям при формировании политической позиции. Депутаты с местными корнями, имея более прочные связи с этим районом, могут подвергаться более сильному социальному давлению, чтобы действовать в качестве делегатов. Наконец, избиратели могут полагать, что политики с местными корнями с большей вероятностью разделят их идейное мировоззрение [Campbell,

Cowley, 2019]. Исследователи утверждают, что избиратели получают психологическое удовлетворение от голосования за того, кто имеет с ними какие-либо общие черты [Lewis-Beck, Rice, 1983].

Результаты предыдущих исследований показывают, что не всех избирателей одинаково волнует локальность кандидатов. Предпочтения местного кандидата зависят от уровня развития региональной идентичности. Мы опираемся на ряд исследований, чтобы утверждать, что территориальная идентичность может формировать предпочтения местных жителей относительно кандидатов и объяснять, почему некоторые избиратели больше других заботятся о том, чтобы их кандидаты были местными [Collignon, Sajuria, 2018]. Таким образом, если предложенный нами механизм работает, мы можем ожидать, что избиратели, у которых более сильно проявляется региональная идентичность, будут больше заботиться о местных кандидатах.

Исходя из вышеназванных теоретических рамок, мы можем сформулировать следующие рабочие гипотезы.

Гипотеза 1. Избиратели с большей вероятностью проголосуют за кандидата, который проживает в том же округе / районе, что и они.

Гипотеза 2. Чем ближе депутат к избирателям, тем выше склонность людей голосовать за кандидата из того же округа, что и они.

Гипотеза 3. Избиратели, у которых более явно выражена локальная идентичность, скорее проголосуют за местного кандидата.

Гипотеза 4. Кандидат получает больше голосов избирателей в округе, на территории которого был рожден, чем по общерегиональному округу.

Описание данных и методов

В литературе, посвященной изучению влияния локальности на позиции кандидата, можно выделить два подхода: «перцептивный» и «поведенческий» [Evans et al., 2017]. Первый подход использует данные опросов общественного мнения для оценки относительной важности, которую избиратели придают кандидатам, являющимся местными жителями. Данный подход основан на том, что избиратели заявляют или демонстрируют важность атрибутов

кандидата и представителя. «Поведенческий подход» позволяет сделать вывод о важности локальности по результатам выборов, исследуя доли голосов и тестируя меры локальности (которые являются геолокацией кандидата) и близость к избирательному округу или к избирателям в нем. В настоящей работе для получения объективных результатов мы проведем исследования в рамках этих двух подходов.

Целью исследования являлось изучение влияния локальности кандидата на его электоральный результат. Для реализации поставленной цели исследования и тестирования первых трех рабочих гипотез был проведен социологический опрос. Анкетирование проводилось среди пользователей социальной сети «ВКонтакте» по нерепрезентативной для всего населения России выборке без использования квот в феврале-марте 2022 г. Выборка исследования составила 145 респондентов. Социально-демографический портрет респондентов представляет собой следующую картину: 72 мужчины (49,7%) и 73 женщины (50,3%). В своем районе / городе с момента рождения проживало 50,3% опрошенных, более 20 лет – 20%, от 10 до 20 лет – 13,2, от 5 до 10 лет – 9,6, до 5 лет – 6,9%. Возрастное распределение опрошенных выглядит следующим образом: 18–25 лет – 17,8%, 26–35 лет – 24,4, 36–45 лет – 31,1, 46–55 лет – 20 и 56 лет и старше – 6,6%.

Необходимо отметить, что экстраполяция результатов данного исследования на все население РФ некорректна, поскольку генеральная совокупность опроса представлена только пользователями социальной сети «ВКонтакте». Несмотря на это результаты исследования позволяют сформировать первичное представление о степени влияния геолокации на результаты выборов.

Для проверки четвертой гипотезы исследования в рамках «поведенческого» подхода были проанализированы результаты голосования избирателей за кандидатов на пост главы региона (2012–2020). Этот выбор обусловлен двумя факторами. Во-первых, в открытом доступе имеется биографическая информация о почти всех (99%) кандидатах. Во-вторых, только на этом уровне выборов можно сравнить (сопоставить) итоги голосования по общерегиональному округу с результатами в округе, на территории которого родился кандидат. Информация о месте рождения того или иного кандидата взята из открытых источников, а результаты выборов – из базы ЦИК РФ. Работа проходила в несколько этапов. На первой

стадии был составлен список всех кандидатов в главы регионов и их результаты на выборах. На втором этапе осуществлялся поиск биографической информации о каждом кандидате. Далее были исключены из общего списка те кандидаты, которые родились за пределами субъекта РФ, по которому они избирались. По итогам отсеивания список составил 267 кандидатов. Наконец, на заключительном этапе осуществлялся поиск результатов на официальном сайте ЦИК РФ по каждому кандидату на локальном уровне. Необходимо отметить, что голоса избирателей (в процентах) в округе, на территории которого был рожден кандидат, – результаты голосования на уровне территориальных избирательных комиссий (ТИКов). Данные на уровне участковых избиркомов (УИКов) взять было невозможно ввиду отсутствия детальной информации о месте рождения из открытых источников по абсолютному большинству кандидатов в главы регионов. В силу того что операционализация «локальности» порождает ряд возможных проблем, в работе был использован двусторонний подход. Одним из элементов являлось фактическое местное проживание (этот подход использовался при составлении анкеты). С другой точки зрения «местным» считался кандидат, который родился на территории избирательного округа.

Результаты исследования и их обсуждение

В данной части статьи проверяются рабочие гипотезы исследования эмпирическим путем.

Для проверки гипотезы о вероятности голосования за местного кандидата респондентам предлагался вопрос «Насколько вам важно, чтобы кандидат в депутаты, за которого вы собрались голосовать, постоянно проживал в том же округе, что и вы?» Результаты распределения ответов представлены на рис. 1.

Анализ ответов опрошенных показывает, что для абсолютного большинства респондентов (88%) важно (при прочих равных условиях), чтобы кандидат постоянно проживал в избирательном округе, от которого он баллотируется. Исходя из этого, можно сделать вывод о подтверждении первой гипотезы.

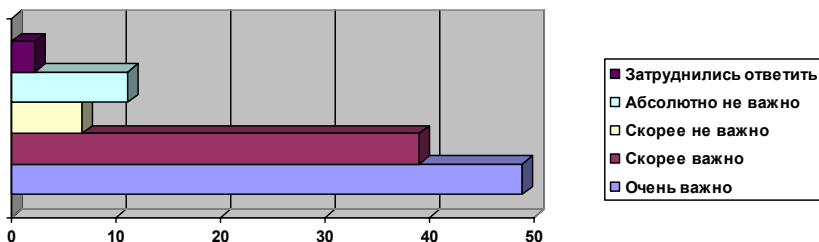

Рис. 1.

Распределение ответов респондентов на вопрос «Насколько вам важно, чтобы кандидат в депутаты, за которого вы собрались голосовать, постоянно проживал в том же округе, что и вы?»

Для проверки второй гипотезы мы задали следующий вопрос «Насколько вам важно, чтобы кандидат в депутаты Госдумы / регионального парламента / муниципальной (городской) думы, за которого вы собрались голосовать на выборах, постоянно проживал в том же округе, что и вы?». Ответы респондентов представлены на рис. 2.

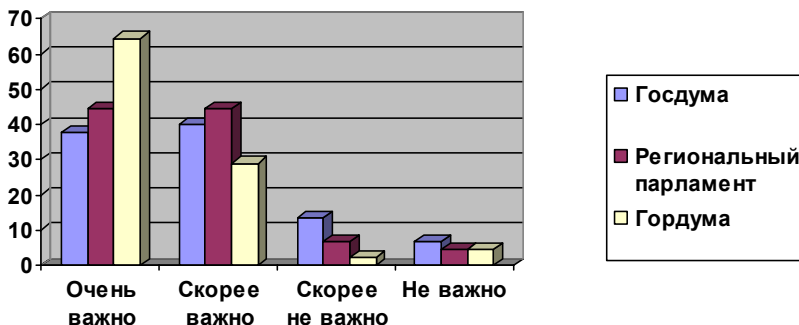

Рис. 2.

Распределение ответов респондентов на вопрос «Насколько вам важно, чтобы кандидат в депутаты Госдумы / регионального парламента / муниципальной (городской) думы, за которого вы собрались голосовать на выборах, постоянно проживал в том же округе, что и вы?»

Сравнительный анализ данных показывает, что степень важности повышается со снижением статуса (уровня) депутата. В частности, локальность кандидата в депутаты Госдумы важна для 77,8% опрошенных, регионального парламента – 88,8 и муниципальной думы – 93,3%. Другими словами, вторая гипотеза получает подтверждение.

Для тестирования гипотезы о влиянии уровня идентичности избирателей на их склонность голосовать за кандидата из своего округа мы создали таблицу кросс-табуляции, или сопряженности, в строках (рядах) которой представлены ответы на вопрос «Насколько вам важно, чтобы кандидат в депутаты, за которого вы собрались голосовать, постоянно проживал в том же округе, что и вы?», а столбцах (колонках) – «Скажите, пожалуйста, кем вы лично считаете (ощущаете) себя в первую очередь?» Результаты расчета представлены в табл. 1.

Таблица 1

Доли респондентов в зависимости от склонности голосовать за местного кандидата и доминирующей идентичности, в %

	Уровни идентичности						Итого
	Житель города / района	Житель региона (субъекта РФ)	Россиянин / гражданин РФ	Гражданин СНГ	Иное	Затрудн.	
Очень важно	36,4 50,0	31,8 44,4	22,7 57,1	4,5 100,0	0,0 0,0	4,5 33,3	100,0
Скорее важно	42,9 37,5	28,6 44,4	14,3 14,3	0,0 0,0	7,1 50,0	7,1 33,3	100,0
Скорее неважно	40,0 12,5	0,0 0	60,0 21,4	0,0 0,0	0,0 0,0	0,0 0,0	100,0
Абс. неважно	0,0 0,0	0,0 0	33,3 7,1	0,0 0,0	33,3 50,0	33,3 33,3	100,0
Затрудн.	0,0 0,0	100,0 11,1	0,0 0,0	0,0 0,0	0,0 0,0	0,0 0,0	100,0
Итого	35,6 100,0	26,7 100,0	24,4 100,0	2,2 100,0	4,4 100,0	6,7 100,0	100,0

Из таблицы видно, что для абсолютного большинства тех респондентов (79,3%), кто считает себя жителем города или района (доминирование локальной идентичности), важно, чтобы кандидат в депутаты был местным. В группе опрошенных, где гос-

подстывает региональная идентичность, доля тех кому важна «локальность» кандидата, составляет 60,4%. Наконец, в группе респондентов с доминированием общероссийской идентичности склонность голосовать за местного кандидата – всего 37%. Иными словами, чем ниже уровень идентичности (в аспекте локальная – региональная – национальная), тем значимее избирателям «локальность» кандидата.

Проверка четвертой гипотезы осуществляется путем сравнения результатов выборов кандидатов в главы российских регионов по общеобластному округу с итогами голосования избирателей в округах, в которых кандидаты родились. Согласно статистическим расчетам, 199 кандидатов из 267, что составляет 74,5% от общего числа «местных» кандидатов, получили в округе, на территории которого были рождены, голосов избирателей больше, чем по общерегиональному округу на прямых губернаторских выборах. Остальные 68 из 267 местных кандидатов (т.е. 25,5%) получили меньше. Непосредственно эффект «друзей и соседей» дает местным кандидатам 4,92% голосов избирателей (это среднее значение, медиана – 2,6%). Эти цифры подтверждают результаты нашего социологического онлайн-опроса и говорят о том, что голосование «друзей и соседей» имеет значение на российских выборах.

В предыдущих исследованиях постоянно обнаруживается, что политики, как правило, получают дополнительную электоральную поддержку в районах, близких к месту их рождения или фактического проживания. Результаты анализа подтверждают теоретические ожидания относительно того, как пространственные факторы должны влиять на итоги выборов. По итогам работы была подтверждена гипотеза о том, что избиратели с большей вероятностью проголосуют за кандидата, который проживает в том же округе / районе, что и они. Результаты подтверждают предыдущие исследования, которые предполагали, что не все избиратели одинаково заботятся о локальности кандидатов. Данное исследование показало, что избирателей с более сильно выраженной локальной идентичностью больше волнуют пространственные атрибуты кандидатов. Это также обеспечивает поддержку нашим ожиданиям. Кроме того, мы обнаружили, что склонность голосовать за местных кандидатов в депутаты в России зависит от уровня организации выборов. Итоги данного исследования говорят, что локальность кандидата особенно учитывается на муниципальных выборах.

Заключение

Литература по потенциальным эффектам обширна, но она также частична и географически искажена. Существует большое количество литературы, в которой рассматриваются некоторые типы характеристик кандидатов, из которых, безусловно, наиболее распространенными являются пол и раса. Однако другие характеристики гораздо менее изучены, и большая часть литературы основана на данных из одной-двух стран (США, Великобритания). Растущая литература показывает, что в западных демократических государствах имеет значение место проживания / рождения кандидатов на выборах. На данный момент мало что известно об эффекте «друзей и соседей» на примере России. Является ли локальность кандидата фактором, определяющим голосование избирателей за него в России? Поиск ответа на этот вопрос и составлял цель настоящего исследования. Данная статья началась с изложения эффекта «друзей и соседей», а также механизмов, объясняющих причины избирателей поддерживать на выборах местных кандидатов. Для этого был проведен социологический опрос и сравнительный анализ результатов голосования на прямых губернаторских выборах с 2012 по 2020 г.

Результаты данного исследования свидетельствуют о том, что эффект локализма может быть важной причиной электорального преимущества, которым пользуются кандидаты. Было доказано, что фактическое местное проживание играет определенную роль. Кандидат, проживающий в том же округе, что и избиратель, в глазах электората получает преимущество. Эффект «друзей и соседей» дает местным кандидатам 4,92% голосов избирателей. В то же время нам важно было найти объяснение, почему некоторые избиратели больше других заботятся о том, чтобы их кандидаты были местными. Эта статья фокусировалась на роли идентичностей, особенно региональных, в формировании предпочтений, отданных местным кандидатам. Было обнаружено, что предпочтения местного кандидата зависят от уровня ощущения избирателями своей региональной идентичности. Выводы, сделанные нами, заключаются и в том, что на склонность индивидов голосовать за местного кандидата оказывает влияние уровень выборов: чем он ниже, тем предпочтения голосовать за местного политика выше. Основные выводы могут быть полезны политическим консультан-

там и политтехнологам при разработке стратегии избирательной кампании кандидата.

Настоящее исследование имеет свои пределы. Возможно, самым важным ограничением остается то, что означает быть воспринимаемым как местный кандидат. Какие аспекты кандидатов способствуют восприятию кандидатов как местных? Эффект локализации маловероятен, если избиратели не знают о статусе проживания кандидатов. Таким образом, центральным направлением анализа должна быть связь между фактическим и предполагаемым проживанием избирателей. Любое местное преимущество может быть релевантным только в том случае, если избиратели действительно воспринимают кандидата как местного жителя. Важно добавить, что результаты, представленные здесь, не являются и не могут быть истолкованы как абсолютно окончательные. Необходимы дальнейшие исследования с использованием различных методов. Одним из направлений будущих исследований может стать анализ избирательных кампаний кандидатов в целом и изучение, например, их печатной агитационной продукции на предмет акцентирования пространственных характеристик кандидатов.

R.S. Mukhametov*
Electoral preferences of voters:
does the «friends and neighbors» voting matter in Russia?

Abstract. The article examines the level of influence of the spatial characteristics of the candidate on the voting results. The author seeks to answer three questions: do «local» candidates have advantages? What determines the propensity of voters to vote for «local» politicians? What is the magnitude of the «friends and neighbors» effect on the election results? It is shown that candidates, as a rule, receive more votes in their «home» towns (districts). The author notes that most of the studies are based on electoral data for the United States and European countries. The number of papers devoted to understanding the spatial attributes of candidates in elections in Russia is limited. A geographical factor such as the «friends and neighbors» voting was chosen as the conceptual basis of the study. To answer the research questions, the author analyzed the data collected during the online survey. The article compared the results of «local» candidates in direct gubernatorial elections, which they received at the regional level, with the votes of voters in the «home» district. Based on the results of the study, the

---

* **Mukhametov Ruslan**, Ural federal university (Ekaterinburg, Russia), e-mail: muhametov.ru@mail.ru

author came to the conclusion that voters tend to electorally support «local» candidates. The results show that voters with a more pronounced local identity are more concerned about the spatial attributes of candidates. The article notes that the tendency to vote for «local» candidates for deputies depends on the level of organization of elections: support for «local» candidates is more pronounced in municipal elections/ The author emphasizes that the «friends and neighbors» voting gives «local» candidates 4,92% of the vote.

Keywords: electoral research; electoral geography; elections; personal vote; «friends and neighbors» voting; spatial analysis.

For citation: Mukhametov R.S. Electoral preferences of voters: does the «friends and neighbors» voting matter in Russia? *Political science (RU)*. 2022, N 4, P. 165–184. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.08>

References

- Agnew J.A. Mapping politics: how context counts in political geography. *Political geography*. 1996, Vol. 15, N 2, P. 165–168.
- Allen Stevens B., Islam M., De Geus R., Goldberg J., McAndrews J., Mierke-Zatwarnicki A., Loewen P., Rubenson D. Does the local candidate matter? Candidate effects in the Canadian Election of 2000. *Canadian journal of political science*. 2018, Vol. 52, N 1, P. 83–96. DOI: <http://doi.org/10.1017/S0008423918000367>
- Arzheimer K., Evans J. Geolocation and voting: Candidatevoter distance effects on party choice in the 2010 UK general election in England. *Political geography*. 2012, Vol. 31, N 5, P. 301–310. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.polgeo.2012.04.006>
- Cain B., Ferejohn J., Fiorina M. *The personal vote: constituency service and electoral independence*. Cambridge: Harvard university press, 1987, 268 p. DOI: <http://doi.org/10.4159/harvard.9780674493285>
- Campbell R., Cowley P. What voters want: reactions to candidate characteristics in a survey experiment. *Political studies*. 2014, Vol. 62, N 4, P. 745–765. DOI: <http://doi.org/10.1111/1467-9248.12048>
- Campbell R., Cowley P., Vivyan N., Wagner M. Why friends and neighbors? Explaining the electoral appeal of local roots. *The journal of politics*. 2019, Vol. 81, N 3, P. 937–951. DOI: <http://doi.org/10.1086/703131>
- Collignon S., Sajuria J. Local means local, does it? Regional identification and preferences for local candidates. *Electoral studies*. 2018, Vol. 56, P. 170–178. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.electstud.2018.07.003>
- Diamond L. Thinking about hybrid regimes. *Journal of democracy*. 2002, Vol. 13, N 2, P. 21–35. DOI: <http://doi.org/10.1353/jod.2002.0025>
- Elinder M, Henrik J., Poutvaara P. Promises, policies and pocketbook voting. *European economic review*. 2015, Vol. 75, P. 177–194. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2015.01.010>
- Evans J., Arzheimer K., Campbell R., Cowley P. Candidate localness and voter choice in the 2015 General Election in England. *Political geography*. 2017, Vol. 59, P. 61–71. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.polgeo.2017.02.009>

- Fernández-Durán J.J., Poiré A., Rojas-Nandayapa L. Spatial and temporal effects in Mexican direct elections for the chamber of deputies. *Political Geography*. 2004, Vol. 23, P. 529–548.
- Fiva J.H., Halse A.H. Local favoritism in at-large proportional representation systems. *Journal of public economics*. 2016, Vol. 143 (c), P. 15–26. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2016.08.002>
- Fiva J., Smith D. Local candidates and voter mobilization: Evidence from historical two-round elections in Norway. *Electoral studies*. 2017, Vol. 43, P. 1301–1340.
- Gimpel J., Karnes K., McTague J., Pearson-Merkowitz S. Distance-decay in the political geography of friends-and-neighbors voting. *Political geography*. 2008, Vol. 27, N 2, P. 231–252. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.polgeo.2007.10.005>
- Górecki M., Marsh M. A decline of ‘friends and neighbours voting’ in Ireland? Local candidate effects in the 2011 Irish ‘earthquake election’. *Political geography*. 2014, Vol. 41, P. 11–20.
- Górecki M., Marsh M. Not just ‘friends and neighbours’: Canvassing, geographic proximity and voter choice. *European journal of political research*. 2012, Vol. 51, N 5, P. 563–582.
- Groshev I.V. Individual-personal and gender-sexual features of the determination of the voting of voters in conditions of a shortage of information about candidates. *Experimental psychology*. 2013, N 1, P. 98–118. (In Russ.)
- Groshev I.V., Gorbenko A.V., Antonenko I.V., Voronin V.N. Features of the influence of electoral properties of candidates on the voting behavior of voters. *Bulletin of the university*. 2019, N 3, P. 177–188. (In Russ.)
- Guriev S., Treisman D. A theory of informational autocracy. *Journal of public economics*. 2020, Vol. 6, N 1, P. 104–158. DOI: <http://doi.org/10.2139/ssrn.3426238>
- Guriev S., Treisman D. Informational autocrats. *Journal of economic perspectives*. 2019, Vol. 33, N 4, P. 100–127. DOI: <http://doi.org/10.1257/jep.33.4.100>
- Hansford T.G., Gomez B.T. Reevaluating the sociotropic economic voting hypothesis. *Electoral studies*. 2015, Vol. 39, P. 15–25. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.electstud.2015.03.005>
- Herron E., Lynch M. ‘Friends and Neighbors’ voting under mixed-member majoritarian electoral systems: Evidence from Lithuania. *Representation*. 2019, Vol. 55, N 1, P. 1–19. DOI: <http://doi.org/10.1080/00344893.2019.1581078>
- Jankowski M. Voting for locals: Voters’ information processing strategies in open-list PR systems. *Electoral studies*. 2016, Vol. 43, P. 72–84.
- Johnson N. An analysis of the ‘Friends and Neighbors’ effect in an Irish urban constituency. *Irish geography*. 1989, Vol. 10, P. 93–105.
- Johnston R., Forrest J. Spatial-structural effects and the geography of voting in Australia, 1977. *Australian geographer*. 1985, Vol. 16, N 4, P. 286–290.
- Johnston R. Local effects in voting at a local election. *Annals of the Association of American Geographers*. 1974, Vol. 64, N 3, P. 418–429.
- Johnston R., Pattie C., Pemberton H., Wickham-Jones M. “If You’ve Got Friends and Neighbours”: Constituency Voting Patterns for the UK Labor Party Leader in 2010. *Journal of elections, public opinion and parties*. 2016, Vol. 26, N 1, P. 58–77. DOI: <http://doi.org/10.1080/17457289.2015.1099537>

- Johnston R., Pattie C. *Putting voters in their place: Geography and elections in Great Britain*. Oxford: Oxford university press, 2006, 354 p. DOI: <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199268047.001.0001>
- Key V.O. *Southern politics in state and nation*. Knoxville: Alfred A. Knopf, Inc, 1949, 675 p.
- Korneeva E. The local level of voting in Russia: spatial-economic approach. *Political science (RU)*. 2021, N 3, P. 229–250. DOI: <http://doi.org/10.31249/poln/2021.03.10> (In Russ.)
- Kovin V.S. Local factors of electoral deviations in the Ural regions at the elections of 18.09.2016. *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2016, N 4, P. 45–59. (In Russ.)
- Landman T. *Issues and methods in comparative politics: an introduction*. Third Edition. London; New York: Routledge, 2008, 385 p.
- Levitsky S., Way L. The rise of competitive authoritarianism. *Journal of democracy*. 2002, Vol. 13, N 2, P. 51–65. DOI: <http://doi.org/10.1353/jod.2002.0026>
- Lewis-Beck M.S., Rice T.W. Localism in presidential elections: The home state advantage. *American Journal of Political Science*. 1983, Vol. 27, N 3, P. 548–556.
- Mau V., Kochetkova O., Zhavoronkov S. *Economic factors of electoral behavior and public consciousness* (The experience of Russia 1995–2000). Moscow: Scientific works of the Foundation “Institute of Economic Policy named after E.T. Gaidar”, 1999, 115 p. (In Russ.)
- Meredith M. Exploiting friends-and-neighbors to estimate coattail effects. *American political science review*. 2013, Vol. 107, N 4, P. 742–765. DOI: <http://doi.org/10.1017/S0003055413000439>
- Merkel V., Croissant A. Formal and informal institutions in defective democracies. *Polis. Political studies*. 2002, N 1, P. 6–17. DOI: <http://doi.org/10.17976/jpps/2002.01.02> (In Russ.)
- O'Donnell G. Delegative democracy. *Journal of democracy*. 1994, N 5, P. 55–69.
- Okunev I., Shmatkova L. Neighborhood effect in Greater Eurasia: spatial autocorrelation and cluster analysis. *Izvestiya Irkutsk State University. Ser. Political science*. 2021, Vol. 37, P. 58–65. DOI: <http://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.37.58> (In Russ.)
- Panagopoulos C., Bailey K. «Friends-and-neighbors» mobilization: a field experimental replication and extension. *Journal of experimental political science*. 2019, Vol. 7, N 1, P. 13–26. DOI: <http://doi.org/10.1017/XPS.2019.1>
- Podkolzina E.A., Demidova O.A., Kuletskaya L.E. Spatial modeling of electoral preferences in the Russian Federation. *Spatial economics*. 2020, Vol. 16, N 2, P. 70–100. DOI: <http://doi.org/10.14530/se.2020.2.070-100> (In Russ.)
- Schedler A. The menu of manipulation. *Journal of democracy*. 2002, Vol. 13, N 2, P. 36–50. DOI: <http://doi.org/10.1353/jod.2002.0031>
- Schmitter P.C. Dangers and dilemmas of democracy. *Journal of democracy*. 1994, Vol. 5, N 2, P. 57–74. DOI: <http://doi.org/10.1353/jod.1994.0036>
- Seresova U. Social factors of the electoral process in the regions of Russia, or who the poor vote for. *Logos*. 2005, N 1, P. 257–274. (In Russ.)

- Shcherbak A. Economic growth and the results of the Duma elections in 2003, *Political science (RU)*. 2005, N 2, P. 105–123. (In Russ.)
- Shcherbak A., Smirnova D., Ozernova E., Lepeshko E., Kupka A., Kalinin A. Refrigerator vs TV? Economic voting in the elections to the State Duma in 2016. *Bulletin of the Perm University. Political science*. 2017, N 3, P. 137–155. DOI: <http://doi.org/10.17072/2218-1067-2017-4-137-155> (In Russ.)
- Shugart, M.S., Valdini M.E., Suominen K. Looking for locals: voter information demands and personal vote-earning attributes of legislators under proportional representation. *American Journal of political science*. 2005, Vol. 49, N 2, P. 437–449.
- Simiyu R. Politics of residency, friends and neighbors effect, and voting patterns in Kwanza Constituency, Kenya, 1988–2000. *African geographic review*. 2010, Vol. 29, N 1, P. 37–61.
- Studlar D., McAllister I. Constituency activity and representational roles among Australian legislators. *The journal of politics*. 1996, Vol. 58, N 1, P. 69–90.
- Tavits M. Effect of local ties on electoral success and parliamentary behaviour. *Party politics*. 2010, Vol. 16, N 2, P. 215–235. DOI: <http://doi.org/10.1177/1354068809341053>
- Tavits M. The making of mavericks. Local loyalties and party defection. *Comparative political studies*. 2009, Vol. 42, N 6, P. 793–815.
- Tkacheva T., Turchenko M. Success factors of self-nominated candidates in the elections to the representative bodies of the capitals of the regions of Russia (2014–2018). *Political Science (RU)*. 2019, N 1, P. 147–164. DOI: <http://doi.org/10.31249/poln/2019.01.08> (In Russ.)
- Tunstall H., Rossiter D., Pattiet C., MacAllister I, Johnston R., Dorling D. Geographical scale, the 'feel-good factor' and voting at the 1997 general election in England and Wales. *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2000, Vol. 25, N 1, P. 51–64.
- Turovsky R.F., Gaivoronsky Yu. The impact of the economy on electoral behavior in Russia: does the «contract» of the authorities and society work? *Politeia*. 2017, N 3, P. 42–61. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Грошев И.В. Индивидуально-личностные и гендерно-половые особенности детерминации голосования избирателей в условиях дефицита информации о кандидатах // Экспериментальная психология. – 2013. – № 1. – С. 98–118.
- Ковин В.С. Локальные факторы электоральных девиаций в регионах Урала на выборах 18.09.2016 // Научный ежегодник Института философии и права УРО РАН. – 2016. – № 4. – С. 45–59.
- Корнеева Е. Локальный уровень голосования в России: пространственно-экономический подход // Политическая наука. – 2021. – № 3. – С. 229–250. – DOI: <http://doi.org/10.31249/poln/2021.03.10>
- Мау В., Кочеткова О., Жаворонков С. Экономические факторы электорального поведения и общественного сознания (Опыт России 1995–2000 годов). – М.:

- Научные труды Фонда «Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара», 1999. – 115 с.
- Меркель В., Круассан А.* Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 1. – С. 6–17. – DOI: <http://doi.org/10.17976/jpps/2002.01.02>
- Окунев И., Шматкова Л.* Эффект соседства в Большой Евразии: пространственный автокорреляционный и кластерный анализ // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. – 2021. – Т. 37. – С. 58–65. – DOI: <http://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.37.58>
- Особенности влияния электоральных свойств кандидатов на голосовательное поведение избирателей / И.В. Грошев, А.В. Горбенко, И.В. Антоненко, В.Н. Воронин // Вестник университета. – 2019. – № 3. – С. 177–188.
- Подколзина Е.А., Демидова О.А., Кулецкая Л.Е.* Пространственное моделирование электоральных предпочтений в Российской Федерации // Пространственная экономика. – 2020. – Т. 16, № 2. – С. 70–100. – DOI: <http://doi.org/10.14530/se.2020.2.070-100>
- Сересова У.* Социальные факторы электорального процесса в регионах России, или За кого голосуют бедные // Логос. – 2005. – № 1. – С. 257–274.
- Ткачева Т., Турченко М.* Факторы успеха кандидатов-самовыдвиженцев на выборах в представительные органы столиц регионов России (2014–2018 гг.) // Политическая наука. – 2019. – № 1. – С. 147–164. – DOI: <http://doi.org/10.31249/poln/2019.01.08>
- Туровский Р.Ф., Гайворонский Ю.* Влияние экономики на электоральное поведение в России: работает ли «контракт» власти и общества? // Политика. – 2017. – № 3. – С. 42–61. – DOI: <http://doi.org/10.30570/2078-5089-2017-86-3-42-61>
- Холодильник vs телевизор? Экономическое голосование на выборах в Государственную думу 2016 г. / А.Н. Щербак, Д. Смирнова, Е. Озернова [и др.] // Вестник Пермского университета. Политология. – 2017. – № 3. – С. 137–155. – DOI: <http://doi.org/10.17072/2218-1067-2017-4-137-155>
- Щербак А.* Экономический рост и итоги думских выборов 2003 // Политическая наука. – 2005. – № 2. – С. 105–123.

В.А. БЕЗВЕРБНЫЙ, Т.Р. МИРЯЗОВ*

ДЕПОПУЛЯЦИЯ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЗЕРКАЛЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ДЕМОГРАФИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Актуальные проблемы демографического развития геостратегических территорий Российской Федерации остаются серьезным вызовом для социально-экономического развития всей страны. Демографическое сжатие, падение рождаемости и отток населения ведут к депопуляции и опустыниванию ключевых регионов, препятствуют эффективному ведению хозяйственной деятельности. Для решения сложнейших задач, связанных с вопросами пространственного развития, требуется использование новых теоретико-методологических подходов к исследованию демографических процессов в территориальном разрезе, а также современных инструментов пространственного анализа. В статье рассматриваются актуальные демографические проблемы геостратегических и приграничных территорий России через призму пространственной демографии – научного направления, практически не представленного в России.

Основное внимание авторов уделяется исследованию дефиниций и методологического аппарата пространственной демографии в зарубежной науке. Рассмотр-

---

* **Безвербный Вадим Александрович**, кандидат экономических наук, руководитель Отдела геоурбанистики и пространственной демографии Института демографических исследований, Федеральный научный исследовательский социологический центр (ФНИСЦ) РАН (Москва, Россия); старший научный сотрудник Центра территориальных изменений и городского развития, РАНХиГС (Россия); доцент кафедры демографической и миграционной политики, МГИМО МИД России (Москва, Россия), e-mail: vadim_ispr@mail.ru; **Мирязов Тимур Робертович**, магистр картографии, младший научный сотрудник Отдела геоурбанистики и пространственной демографии Института демографических исследований, Федеральный научный исследовательский социологический центр (ФНИСЦ) РАН (Москва, Россия), e-mail: miryazov_timur@mail.ru

© Безвербный В.А., Мирязов Т.Р., 2022 DOI: 10.31249/poln/2022.04.09

рены отличия в предмете исследований между географией населения, региональной демографией и пространственной демографией. Сформулировано авторское определение пространственной демографии, ее предмет и исследовательские подходы. Авторами предлагается альтернативный подход к исследованию проблем демографического развития территории с использованием методов пространственного анализа (в том числе картографических материалов и ГИС-моделей). В работе представлены как теоретические аспекты понятия «пространственная демография», так и оценка современного демографического положения геостратегических регионов страны на основе предложенной методологии и картографирования ключевых тенденций демографического развития геостратегических территорий России. Особое внимание авторов было уделено исследованию демографических тенденций муниципальных образований геостратегических территорий Сибири и Дальнего Востока в контексте их особого географического и ресурсного потенциала, а также сложности демографической ситуации.

Ключевые слова: депопуляция; геостратегические территории; пространственная демография; пространственный анализ; пространственное развитие; Российская Федерация.

Для цитирования: Безвербный В.А., Мирязов Т.Р. Депопуляция геостратегических территорий Российской Федерации в зеркале пространственной демографии // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 185–206. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.09>

Введение

Демографическая ситуация в Российской Федерации находится на критической стадии развития. Эпидемия COVID-19 и последствия «второй волны» депопуляции, начавшейся в 2016 г., привели к наибольшей естественной убыли населения Российской Федерации за последние 15 лет – около 702 тыс. человек в 2020 г. В 2021 г. данный антирекорд был побит, поскольку естественная убыль составила уже 1 млн 43 тыс. человек и достигла рекордного значения за все время существования РФ. Суммарно в период с 1992 по 2021 г. естественная убыль составила 15 млн 280 тыс. Общая же численность населения в период с 1991 по 2021 г. сократилась на 2,1 млн человек (миграционный прирост компенсировал значительную часть естественной убыли), а доля РФ в населении мира в рассматриваемый период снизилась с 2,7 до 1,9%¹.

---

¹ Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата посещения: 14.06.2022).

В настоящее время глубинные асимметрии в «пространственной ткани» России не только существенно влияют на сдерживание экономического, технологического, инфраструктурного развития регионов, но и актуализируют «большие вызовы» и угрозы национальной безопасности. Многие из этих проблем обусловлены демографическими причинами, в том числе интенсивной депопуляцией стратегически важных территорий страны, выраженным диспаритетом в системах расселения Европейской и Азиатской России, а также низким уровнем внутренней миграционной мобильности населения.

В свою очередь обезлюдение значительной части территории страны несет в себе целый ряд геополитических, экономических и социальных рисков. Как правило, в географическом разрезе депопуляция происходит иерархически: сильнее всего «сжимается» сельская местность и уменьшается население в малых городах – затем люди уезжают в крупные города или из крупных городов на большие расстояния – далее для значительной части мигрантов актуален выезд за границу (особенно это касается высококвалифицированных кадров). Поток же внутренних мигрантов направляется из восточных субъектов (от Дальнего Востока до Урала) в европейскую часть страны, что приводит к обезлюдению Азиатской России, запустению огромных ресурсно значимых регионов.

В этом контексте проблема депопуляции стратегически важных территорий Российской Федерации приобретает особую актуальность как в связи с их особым географическим положением, так и в связи с высоким ресурсным и экономико-промышленным потенциалом. Указанные проблемы актуальны для большинства регионов Сибири и Дальнего Востока и приграничных территорий Европейской России, поскольку недостаток человеческих ресурсов вследствие депопуляции и миграционного оттока препятствует их эффективному экономическому освоению, ведению хозяйственной деятельности и росту инвестиционной привлекательности, что крайне негативно сказывается на общих тенденциях пространственного развития страны. В сложившихся условиях требуется применение новых теоретико-методологических подходов к анализу демографической ситуации в стратегически важных регионах и к исследованию пространственных закономерностей демографических процессов, а также разработка и моделирование сценариев трансформации систем расселения, в особенности для регионов Сибири и Дальнего Востока.

Теоретико-методологические рамки исследования

Согласно философскому энциклопедическому словарю, «Пространство есть форма бытия материи, характеризующая ее протяженность, структурность, сосуществование и взаимодействие элементов во всех материальных системах»¹. В этом контексте мы можем сделать предположение, что пространство может отождествляться с освоением и развитием различных форм материи, включая как земную и морскую поверхности планеты, так и более перспективные для человечества формы: космическое, цифровое и даже виртуальное (мета)пространство.

Несмотря на все обилие форм, основным субъектом, носителем и участником социально-экономических процессов, связанных с освоением и преобразованием пространства, остается сам человек. В этом контексте проблему «демографического сжатия» земного пространства и отдельных территорий Российской Федерации целесообразно рассматривать не только в разрезе отдельных федеральных округов и регионов, с чем прекрасно справляется региональная демография и география населения, но и через призму пространственного анализа, рассматривающего процесс демографического развития континента, страны или региона как единую, взаимосвязанную и целостную систему, находящуюся в постоянном движении и эволюции. Несмотря на актуальность изучения демографических проблем, в российской науке до сих пор не сформулировано единых теоретико-методологических подходов к пространственному анализу демографического развития России, а также практически отсутствуют предпосылки к развитию такой отрасли демографической науки, как пространственная демография, давно успешно зарекомендовавшая себя за рубежом.

Уже в 70-х годах XX в. американским ученым А. Роджерсом была опубликована серия научных работ, основанных на применении математических методов для исследования пространственных закономерностей динамики и расселения населения [Rogers, 1975, 1976]. Долгое время как в отечественной, так и в зарубежной науке пространственный анализ демографических процессов отождествлялся с исследованиями в области географии населения. Здесь

---

¹ Философский энциклопедический словарь / Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – С. 541.

уместно упомянуть монографию The geographical analysis of population: With applications to planning and business [Plane, Rogerson, 1994], посвященную изучению влияния географических особенностей демографических процессов на ключевые элементы социально-экономической инфраструктуры, и монографию Subnational Population Estimates [Swanson, Tauman, 2014], анализирующую методы и подходы к оценке демографических изменений в регионах и на малых территориях.

Попытки же дать имя новому направлению в демографической науке стали предприниматься относительно недавно. В работе Future directions in spatial demography под пространственной демографией понимается наука, изучающая характер и процессы демографических изменений, а также поведение отдельных лиц или домохозяйств в зависимости от географического места, относительного расположения и взаимосвязей [Sweeney, 2011]. Одним из примеров более лаконичного определения предмета пространственной демографии можно считать данное в работе Demography is an inherently spatial science американского профессора Дж. Уика [Weeks, 2016] – «применение пространственных концепций и статистики для изучения демографических явлений».

В одной из наиболее актуальных научных публикаций, посвященных исследованию рассматриваемой проблемы, авторы определяют предмет пространственной демографии как *межрегиональную математическую демографию* [Raumer, Willekens, Rogers, 2019].

По мнению исследователей, наиболее подробным определением пространственной демографии как науки можно считать описание, данное одноименным журналом (Spatial Demography): «Пространственная демография (журнал. – Прим. авт.) фокусируется на пространственном анализе демографических процессов. Эта междисциплинарная работа включает в себя современную визуализацию демографических данных, расширенную доступность данных с географической привязкой и пространственную статистику, легко воспринимаемую за счет полноцветной графики, движущегося видеоизображения и быстрого времени публикации»¹.

В соответствии же с позицией авторов статьи под пространственной демографией следует понимать *пространственный ана-*

---

¹ Spatial Demography Journal. – Mode of access: <https://www.springer.com/journal/40980> (accessed: 14.06.2022).

лиз демографических процессов, предполагающий применение геоинформационных, математических и статистических методов для исследования количественных и структурных изменений системы расселения территории.

Соответственно, под системой расселения авторы понимают модель размещения населения и производительных сил на территории, входящей в функционально связанную единую систему поселений.

В этом случае становится достаточно легко определить различия в предметах исследований пространственной демографии и региональной демографии, поскольку последняя изучает прежде всего специфику демографических процессов и структур в региональном разрезе. В свою очередь часто отождествляемая с пространственной демографией география населения изучает географические особенности размещения населения и влияние географического положения на формирование, состав и размещение населения. Таким образом, возникает гипотеза о целесообразности включения в предмет пространственной демографии положения о том, как демографические процессы, происходящие на определенной территории, влияют на социально-экономическое преобразование и развитие пространства, поскольку ни одна из отраслевых демографических наук эти процессы не изучает.

По мнению авторов, в основе методологии проведения исследований в области пространственной демографии должны лежать следующие подходы:

- анализ динамики численности населения административной единицы / региона / муниципального образования / населенного пункта (далее – территория);
- анализ динамики общих коэффициентов естественного и миграционного роста (убыли), а также суммарного коэффициента рождаемости на территории;
- изучение половозрастной, образовательной, профессиональной и др. структур населения, способных влиять на тенденции пространственного развития территории;
- выявление компонент роста (сокращения) населения территории;
- исследование особенностей системы расселения и плотности территории;

- картографирование и геоинформационное моделирование ключевых демографических характеристик развития территории;
- построение прогнозов демографических изменений рассматриваемой территории, в приоритете – на основе метода передвижки возрастов (метод «компонент»);
- математическое моделирование значения и сценариев влияния демографических процессов на характер пространственного развития территории.

Методы исследования

В работе были использованы статистические данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) за период с 1991 по 2021 г. В ходе исследования также использовался картографический метод. При изучении данных муниципальной статистики картографирование и применение геоинформатики позволило комплексно оценить демографическое положение геостратегических территорий с учетом привязки к местности.

В работе были проанализированы показатели динамики численности населения, коэффициента естественного прироста, коэффициента миграционного прироста, суммарного коэффициента рождаемости геостратегических территорий в 1991–2021 гг.

Особое внимание авторов было уделено исследованию демографических тенденций муниципальных образований геостратегических территорий Сибири и Дальнего Востока в контексте их особого географического и ресурсного потенциала и сложности демографической ситуации.

Демографическое положение геостратегических территорий Российской Федерации

В соответствии со Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. под геостратегической территорией понимается следующее: *территория в границах одного или нескольких субъектов Российской Федерации, имеющая существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безо-*

пасности Российской Федерации, характеризующаяся специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности¹.

В соответствии с Приложением № 4 к Стратегии пространственного развития определен перечень геостратегических территорий Российской Федерации, состоящий из двух категорий: «Приоритетные геостратегические территории Российской Федерации» и «Приграничные геостратегические территории Российской Федерации»².

В период с 1991 по 2021 г. численность населения регионов, входящих в первую категорию, сократилась более чем на 4,3 млн человек. Лидерами по этому показателю в абсолютных величинах являются Мурманская область (–451 тыс. человек), Приморский край (–442 тыс. человек), Архангельская область (–435 тыс. человек) и Республика Коми (–422 тыс. человек). В процентном же выражении самое масштабное снижение численности наблюдается в Чукотском автономном округе (–67,5%), Магаданской области (–63,1%), Мурманской области (–38,2%), Камчатском крае (–34,6%), Республике Коми (–34,3%), Сахалинской области (–32,2%).

Необходимо отметить, что десять из 28 рассматриваемых субъектов РФ продемонстрировали положительную демографическую динамику и в рассматриваемый период численно приросли. Это Республика Северная Осетия – Алания, Карачаево-Черкесская Республика, Кабардино-Балкарская Республика, Ставропольский край, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Ямало-Ненецкий автономный округ, Калининградская область и город федерального значения Севастополь. Наиболее высокий прирост населения произошел в Республике Ингушетия (+169%), Республике Дагестан (+65%), Севастополе (+41%), Чеченской Республике (+26%). Основные показатели демографического развития приоритетных геостратегических территорий РФ представлены в табл. 1.

---

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. – С. 2. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/UVAUqUfT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата посещения: 14.06.2022).

² Там же. С. 113.

Таблица 1

**Показатели демографического развития
приоритетных геостратегических территорий РФ**

Регион	Динамика населения 1991–2021 (в %)	Данные за 2020 г.		
		Общий коэффициент миграционного прироста (на 10 000 человек)	Общий коэффициент естественного прироста (на 1000 человек)	Суммарный коэффициент рождаемости
Чукотский автономный округ	-67,5	-157,3	0,4	1,76
Магаданская область	-63,1	-48,4	-3,1	1,51
Мурманская область	-38,2	-69,2	-4,7	1,45
Камчатский край	-34,6	-19,7	-2,3	1,68
Республика Коми	-34,3	-41,7	-4,2	1,57
Сахалинская область	-32,2	-31,5	-2,2	1,97
Еврейская автономная область	-29,4	-58,9	-5,6	1,71
Архангельская область	-28,8	-22,7	-6,7	1,39
Амурская область	-26,1	-41,8	-6,3	1,54
Республика Карелия	-23,3	-0,8	-8,1	1,40
Забайкальский край	-20,1		-1,9	1,76
Хабаровский край	-20,0	-60,2	-5,0	1,59
Приморский край	-19,1	-36,7	-5,9	1,52
Ненецкий автономный округ	-12,8	28,9	3,4	2,25
Республика Саха (Якутия)	-11,1	61,0	4,1	1,86
Республика Крым	-10,1	4,7	-6,2	1,60
Красноярский край	-9,8	5,4	-4,2	1,50
Республика Бурятия	-6,5	-14,2	0,9	1,95
Республика Северная Осетия – Алания	1,8	-48,8	-0,5	1,72
Карачаево-Черкесская Республика	8,9	-5,8	0,2	1,53
Кабардино-Балкарская Республика	10,4	-10,6	2,0	1,64
Ставропольский край	11, 5	-5,6	-3,3	1,43
Ямало-Ненецкий автономный округ	13, 8	-21,6	6,9	1,90
Калининградская область	14,4	101,1	-4,1	1,40
Чеченская Республика	25, 8	-8,1	13,7	2,57
Город федерального значения Севастополь	41,0	1313,4	-4,5	1,27
Республика Дагестан	64, 9	-15,6	8,8	1,87
Республика Ингушетия	168, 8	41,1	12,5	1,85

Источник: составлено и рассчитано авторами на основе данных Росстата.

В свою очередь тенденции демографического развития приграничных геостратегических территорий РФ за период 1991–2021 гг. указывают на то, что из 22 субъектов 15 находятся в режиме депопуляции. Численность населения всех регионов рассматриваемой группы сократилась на 3 млн 420 тыс. человек. Заметнее всего в Алтайском крае (–377 тыс. человек), Саратовской области (–328 тыс. человек), Курганской области (–294 тыс. человек), Брянской области (–281 тыс. человек), Челябинской области (–274 тыс. человек), Омской области (–271 тыс. человек). В процентном выражении наибольшее сокращение наблюдалось в Псковской области (–27%), Курганской области (–27%), Смоленской области (–21%), Брянской области (–19%), Курской области (–18%).

За рассматриваемый период семь регионов продемонстрировали положительный демографический рост. В частности, численность населения выросла в таких регионах, как: Краснодарский край (+20%), Ленинградская область (+13%), Республика Алтай (+13%), Тюменская область (+10%), Белгородская область (+10%), Республика Тыва (+9%), Новосибирская область (+1%). Основные показатели демографического развития приграничных геостратегических территорий РФ представлены в табл. 2.

Таблица 2

Основные показатели демографического развития приграничных геостратегических территорий РФ

Регион	Динамика населения 1991–2021 (в %)	Данные за 2020 г.		
		Общий коэффициент миграционного прироста (на 10 000 человек)	Общий коэффициент естественного прироста (на 1000 человек)	Суммарный коэффициент рождаемости
1	2	3	4	5
Псковская область	-26,60	16,70	-11,00	1,43
Курганская область	-26,56	-20,60	-8,40	1,63
Смоленская область	-20,73	-47,20	-10,20	1,15
Брянская область	-19,31	7,00	-9,00	1,31

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5
Курская область	-17,86	25,10	-9,40	1,35
Алтайский край	-14,18	-11,40	-7,90	1,42
Омская область	-12,56	-57,30	-6,30	1,45
Саратовская область	-12,13	-20,50	-9,10	1,23
Оренбургская область	-10,64	-4,00	-6,70	1,55
Челябинская область	-7,40	-4,40	-6,40	1,48
Волгоградская область	-7,05	13,20	-8,00	1,25
Воронежская область	-6,95	2,50	-8,30	1,28
Ростовская область	-4,36	28,50	-6,80	1,35
Самарская область	-3,30	-1,20	-7,90	1,38
Астраханская область	-0,85	-53,10	-2,70	1,73
Новосибирская область	1,31	5,90	-5,00	1,55
Республика Тыва	9,08	-17,80	10,80	2,97
Белгородская область	9,64	24,90	-7,60	1,24
Тюменская область	10,45	38,40	0,10	1,77
Республика Алтай	12,72	15,20	2,00	2,09
Ленинградская область	13,42	168,00	-7,80	1,06
Краснодарский край	20,27	55,10	-4,00	1,61

Источник: составлено и рассчитано авторами на основе данных Росстата.

Картографирование результатов анализа демографической динамики геостратегических территорий РФ за период 1991–2021 гг. наглядно демонстрирует тенденции «демографического сжатия» большинства приграничных и приоритетных территорий, а также указывает на слабую зависимость характера демографических процессов от географического положения. Исключением является Дальневосточный федеральный округ, где все его субъекты показывают отрицательную демографическую динамику (рис. 1).

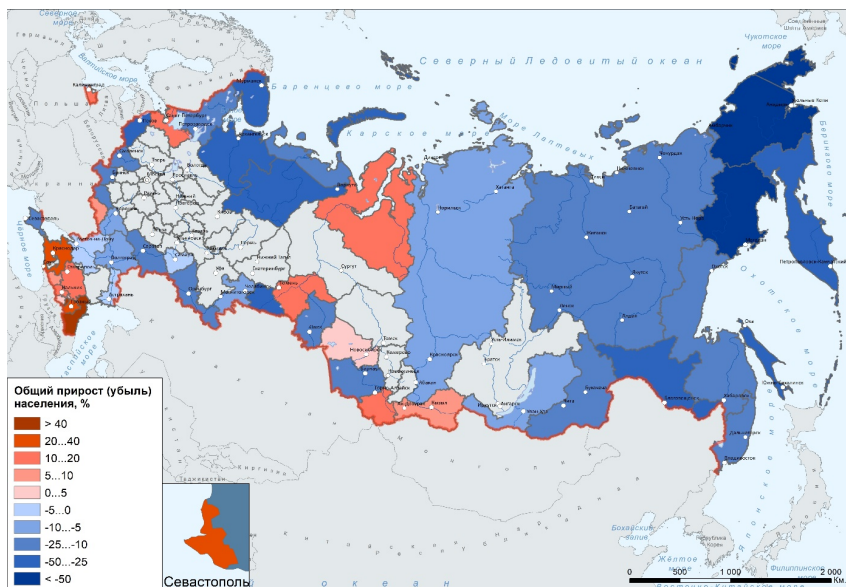

Рис. 1.

Величина общего прироста (убыли) населения геостратегических территорий в 1991–2021 гг., в % (составлено по данным Федеральной службы государственной статистики)

Компоненты изменения численности населения геостратегических территорий

Компоненты изменения численности населения геостратегических территорий весьма неоднородны. Целесообразно выделить четыре основные группы.

1. Регионы с миграционным оттоком и естественной убылью населения: Алтайский край, Амурская область, Архангельская область, Астраханская область, Еврейская автономная область, Забайкальский край, Камчатский край, Курганская область, Магаданская область, Мурманская область, Омская область, Оренбургская область, Приморский край, Республика Карелия, Республика Коми, Республика Северная Осетия – Алания, Самарская область, Саратовская область, Сахалинская область, Смоленская область, Ставропольский край, Челябинская область, Хабаровский край.

2. Регионы с миграционным оттоком и естественным приростом населения: Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Бурятия, Республика Дагестан, Республика Тыва, Чеченская Республика, Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ.

3. Регионы с миграционным приростом и естественной убылью населения: Белгородская область, Брянская область, Волгоградская область, Воронежская область, Краснодарский край, Курская область, Ленинградская область, Новосибирская область, Псковская область, Ростовская область, Республика Крым, Красноярский край, Калининградская область, город федерального значения Севастополь.

4. Регионы с миграционным и естественным приростом населения: Республика Алтай, Ненецкий автономный округ, Республика Саха (Якутия), Республика Ингушетия, Тюменская область.

Таким образом, 23 из 50 геостратегических территорий характеризуются сочетанием естественной и миграционной убыли населения, и лишь пять территорий отличаются положительным значением миграционного и естественного прироста (рис. 2).

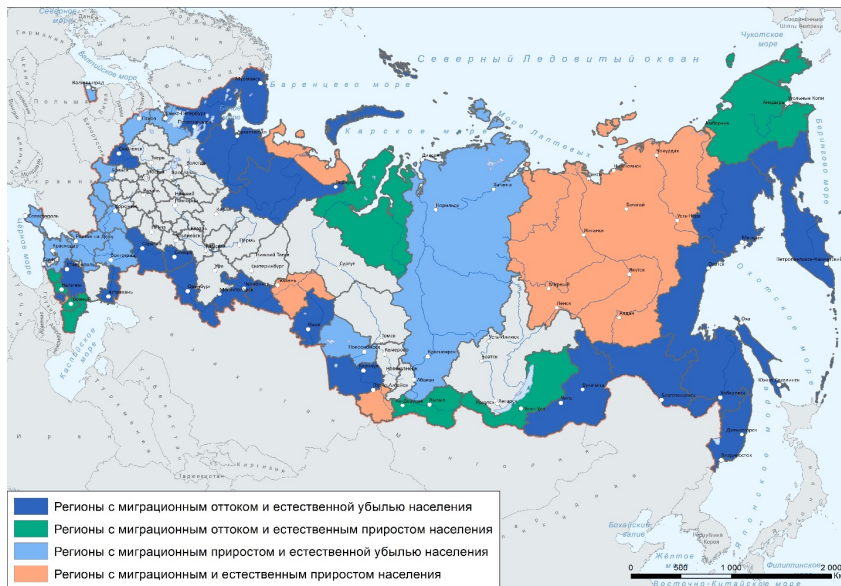

Рис. 2.

Величина общего прироста (убыли) населения геостратегических территорий в 1991–2021 гг., в % (составлено по данным Федеральной службы государственной статистики)

Тенденции изменения систем расселения Сибири и Дальнего Востока в разрезе муниципальных образований

В современных научных работах, направленных на исследование демографического положения России, как правило, используются региональные статистические данные. Данная установка целесообразна, если мы исследуем демографические проблемы на федеральном уровне, но в этом случае ряд ключевых процессов на уровне муниципальных образований остается без внимания. Анализ же демографической ситуации в регионах в разрезе муниципальных образований дает возможность более детально и системно наблюдать процесс сжатия, характерный для большинства регионов России.

Как показывает пространственный анализ демографических изменений в большинстве муниципальных образований ДФО и СФО, численность населения сокращается повсеместно. Исключением являются регионы, находящиеся вблизи региональных столиц и экономических центров. Таким образом, рост численности населения отмечается лишь во Владивостоке, Благовещенске, Якутске, Чите, Южно-Сахалинске, Улан-Удэ и т.д. (рис. 3).

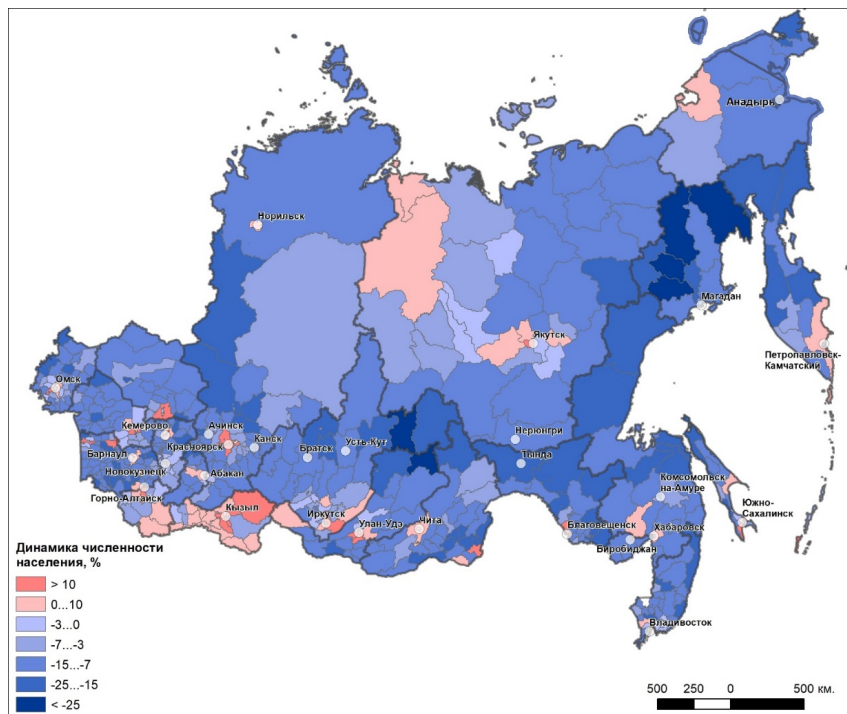

Рис. 3.

Динамика численности населения муниципальных образований СФО и ДФО в 2011–2020 гг., в % (составлено по данным Федеральной службы государственной статистики)

Рассматриваемые тенденции актуальны не только для регионов Сибири и Дальнего Востока – трансформация систем расселения происходит в регионах Урала, центральной части РФ и даже в Московском регионе. Территории, где в 2013–2017 гг. наблюдался

прирост населения или его незначительное снижение, начинают устойчиво терять в численности (например, Бурятия, Якутия, Чукотский АО). Даже в сравнительно экономически более благополучной Сибири в период с 2011 по 2021 г. численность населения муниципальных образований росла только в наиболее развитых столичных и промышленных районах (рис. 4).

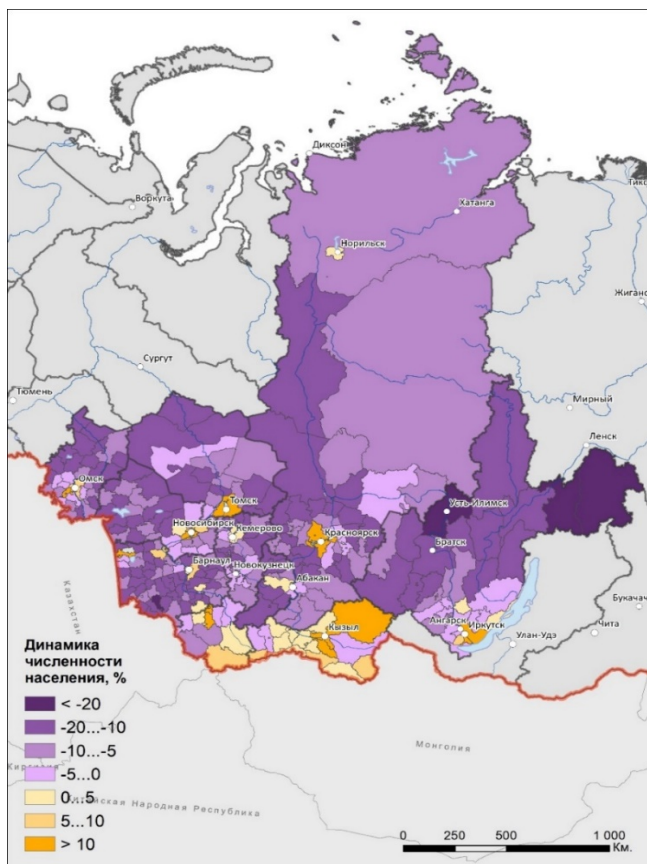

Рис. 4.

**Динамика численности населения муниципальных районов
Сибирского федерального округа (СФО) в 2011–2021 гг.,
в % (составлено по данным Федеральной службы
государственной статистики)**

Вокруг относительно благополучных в социально-экономическом плане городов растут и прилегающие к ним районы. Происходит развитие агломераций, и параллельно растет площадь «субурбии». На территории округа расположено три города-миллионера, при этом доля населения десяти региональных центров в 2021 г. составляет около 40% от общего числа жителей Сибирского федерального округа (далее – СФО). В 1992 г. этот показатель был равен 32%. Сегодня сокращение численности населения малых городов и сельской местности является постоянным и необратимым процессом.

Население регионов СФО в последние 30 лет продолжает сокращаться. Несмотря на то что в период с 2007 по 2017 г. процесс замедлился, общие потери населения в период с 1992 г. составили более 1,8 млн человек, или почти 10% населения. Большая часть потерь связана с миграционным оттоком. Сильнее всего численность сократилась в Иркутской (14,1%) и Кемеровской (14,9%) областях, Алтайском крае (14,8%). Вместе с тем в Республиках Алтай и Тыва, а также в Новосибирской области наблюдается рост численности населения на 12,3%, 9,1 и 1,4% соответственно. Число жителей национальных республик растет благодаря высокой рождаемости в сельских районах и в силу особенностей воспроизводства населения местных народностей. Несмотря на то что сокращение численности населения в последние десять лет замедлилось, трансформация системы расселения внутри регионов активно продолжается. Новосибирск стал местом притяжения мигрантов из менее развитых районов Сибири и Дальнего Востока.

Важным фактором, влияющим на демографическую ситуацию в муниципальных районах СФО и ДФО, остается миграционный отток, который может провоцировать и снижение рождаемости, так как территорию покидает в первую очередь молодое население в связи с учебной или с поиском работы в крупных городах. Рассматривая общий коэффициент миграции, стоит иметь в виду, что в последние пять лет численность международных мигрантов в регионах Зауралья растет. При оценке показателей миграции были выбраны данные 2019 г., так как пандемия COVID-19 ограничила возможности для перемещения населения и значительно повлияла на общую картину во всем макрорегионе (рис. 5).

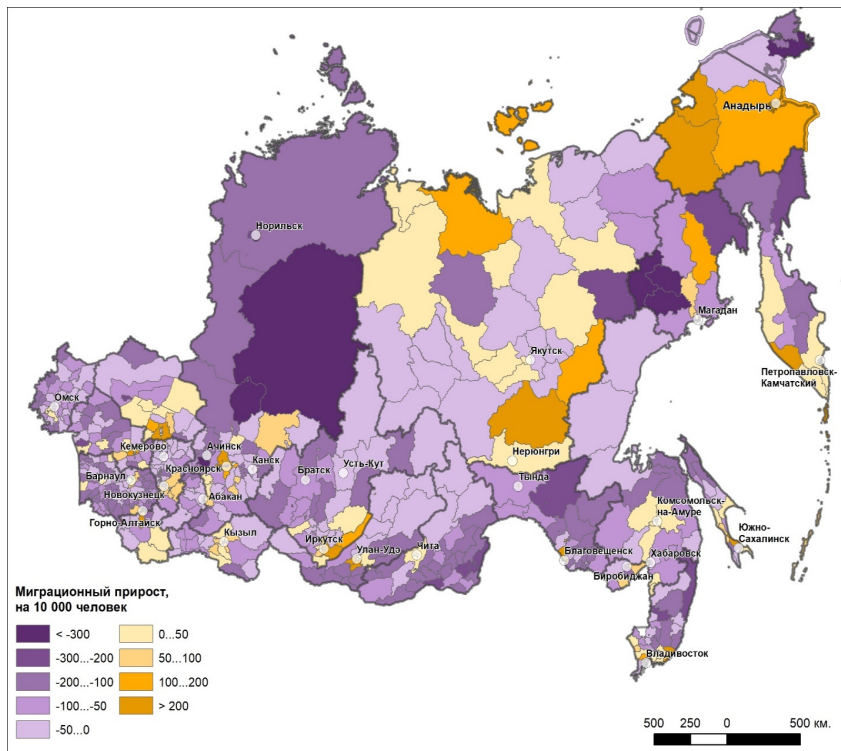
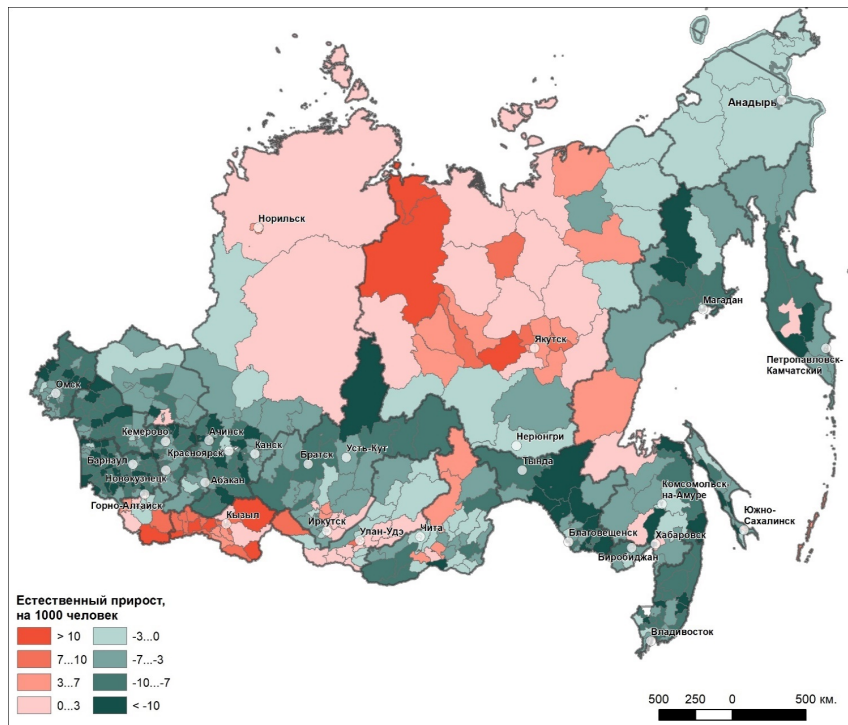

Рис. 5.

Общий коэффициент миграционного прироста в регионах СФО и ДФО, 2019 г. (составлено по данным Федеральной службы государственной статистики)

Миграционный прирост характерен не только для региональных столиц, но и для промышленных центров Чукотки и Якутии. Приток населения провоцирует общий прирост численности некоторых муниципальных образований в регионах Азиатской России.

В 2019 г. большая часть районов Сибири и Дальнего Востока имела отрицательное сальдо миграции. В то же время естественный прирост наблюдался в большинстве муниципальных образований Якутии, Тывы и Республики Алтай, в некоторых районах Забайкалья, Бурятии и Хабаровского края (рис. 6).

Рис. 6.
Естественный прирост населения в СФО и ДФО, 2020 г.
 (составлено по данным Федеральной службы государственной статистики)

Несмотря на положительные значения естественного прироста в некоторых районах, заметна отрицательная динамика данного показателя после 2016 г. В 2020 г. общий спад рождаемости усилился в связи с возросшей смертностью на фоне пандемии COVID-19. Показательно, что процесс «демографического сжатия» актуален не только для удаленных и труднодоступных территорий, но и для экономически развитых центров.

Обсуждение результатов

Пространственный анализ демографических процессов, происходящих в приоритетных и приграничных геостратегических территориях Российской Федерации, показал целесообразность институционализации современных подходов к исследованию демографических изменений на отдельных территориях и в муниципальных образованиях в форме специализированной научной дисциплины – пространственной демографии. По мнению авторов, пространственную демографию целесообразно трактовать как научное направление, основанное на пространственном анализе демографических процессов, предполагающее применение геоинформационных, математических и статистических методов для исследования количественных и структурных изменений системы расселения территории. Вместе с тем необходимо отметить и гораздо более доступную и простую для анализа визуальную форму представления пространственных демографических данных в случае применения методов геоинформатики и картографии в сравнении с традиционным «табличным» способом агрегирования данных, что особенно актуально при анализе демографического развития населенных пунктов, малых поселений и муниципальных образований.

Сформулированные в статье подходы к пространственному анализу позволили выявить ряд закономерностей и тенденций в демографическом развитии геостратегических территорий РФ на муниципальном уровне. В частности, «демографическое сжатие» характерно практически для всех муниципальных образований геостратегических территорий, за исключением региональных столиц и связанных с ними близлежащих территорий.

Пространственное сжатие, характерное для большей части Российской Федерации, определяет как высокую актуальность проведения научных исследований, так и серьезность геополитических вызовов и рисков, связанных с депопуляцией геостратегических территорий. Несмотря на то что за последние пять лет динамика сокращения численности населения стратегически важных территорий замедлилась, процесс естественной и миграционной убыли на муниципальном уровне не прекратился. Переезд населения из сельских районов и малых городов в крупные агломерации, как и сам процесс развития агломераций, по всей видимости, не

будет способствовать прекращению оттока местных жителей в более развитые регионы европейской части страны. Крупнейшие города Заполярья, Сибири и Дальнего Востока до сих пор имеют постоянное отрицательное сальдо межрегиональной миграции. Вместе с тем на данный момент только Новосибирск и Красноярск подходят на роль крупных экономических центров, в которые стремятся жители соседних регионов в поисках работы и повышения уровня жизни. Пока условия проживания и качество существования местного населения будут оставаться на прежнем уровне, говорить о прекращении миграционного оттока преждевременно. Вместе с тем растущий поток иностранных трудящихся-мигрантов и развивающаяся вахтовая занятость часто имеют и отрицательные последствия.

Вышеуказанные аспекты определяют необходимость дальнейшего проведения исследований пространственных изменений и закономерностей в демографическом развитии территории Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях.

V.A. Bezverbny, T.R. Miryazov*
Depopulation of geostrategic territories
of the Russian Federation in the mirror of spatial demography:
theoretical and methodological aspects

Abstract. Actual problems of the geostrategic territories' demographic development are remaining a serious challenge for the socio-economic development of the Russian Federation. Demographic contraction, a drop in the birth rate and an outflow of the population lead to depopulation and desertification of key regions and hinder effective development and economic activity. Solving the most complex problems related to issues of spatial development requires the use of new theoretical and methodological approaches to the study of demographic processes in the territorial context, as well as modern tools for spatial analysis. The article deals with the current demographic problems of the geostrategic and border areas of Russian Federation through the prism of spatial demography, a scientific direction that is practically not represented in Russia.

The main attention of the authors is paid to the study of definitions and methodological apparatus of spatial demography in foreign science. Differences in the subject

---

* **Bezverbny Vadim**, FCTAS RAS; RANEPa; MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: vadim_ispr@mail.ru; **Miryazov Timur**, FCTAS RAS (Moscow, Russia), e-mail: miryazov_timur@mail.ru

of research between population geography, regional demography and spatial demography are considered. The author's definition of spatial demography, its subject and research approaches are formulated. The authors propose an alternative approach to the study of the problems of the demographic development of the territory, using methods of spatial analysis (including cartographic materials and GIS models). The paper presents both the theoretical aspects of the concept of «spatial demography» and the assessment of the current demographic situation of the geostrategic regions of the country based on the proposed methodology and mapping of key trends in the demographic development of Russia's geostrategic territories. The authors paid special attention to the study of demographic trends in the municipalities of the geostrategic territories of Siberia and the Far East in the context of their special geographical and resource potential, as well as the complexity of the demographic situation.

Keywords: depopulation; geostrategic territories; spatial demography; spatial analysis; spatial development; Russian Federation.

For citation: Bezverbnny V.A., Miryazov T.R. Depopulation of geostrategic territories of the Russian Federation in the mirror of spatial demography. *Political science (RU)*. 2022, N 4, P.185–206. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.09>

References

- Plane D.A., Rogerson P.A. *The geographical analysis of population: with applications to planning and business*. New York: John Wiley & Sons, 1994, 417 p.
- Raymer J., Willekens F., Rogers A. Spatial demography: a unifying core and agenda for further research. *Population, space and place*. 2019, Vol. 25, N 4, P. e2179. DOI: <https://doi.org/10.1002/psp.2179>
- Rogers A. *Introduction to multiregional mathematical demography*. New York: John Wiley & Sons, 1975, 203 p.
- Rogers A. Shrinking large-scale population projection models by aggregation and decomposition. *Environment and planning A*. 1976, N 8, P. 515–541. DOI: <https://doi.org/10.1068/a080515>
- Swanson D.A., Tayman J. *Subnational population estimates*. Dordrecht: Springer, 2012, 428 p.
- Sweeney S. *Future directions in spatial demography*. Santa Barbara: Center for Spatial Studies, University of California, 2011. Mode access: <http://www.ncgia.ucsb.edu/projects/spatial-demography/> (accessed: 14.06.2022).
- Weeks J.R. Demography is an inherently spatial science. In: Howell F.M., Porter J.R., Matthews S.A. (eds). *Recapturing space: new middle-range theory in spatial demography*. Cham: Springer, 2016, P. 99–121.

РАКУРСЫ

И.Н. ТАРАСОВ, М.И. КРИШТАЛЬ, Е.Е. УРАЗБАЕВ*

ВЛИЯТЕЛЬНОСТЬ ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В СТРАНАХ БАЛТИИ

Аннотация. В статье раскрываются проблемы влияния этнотерриториальных факторов на электоральное поведение в странах Балтии. Особое внимание уделено вопросам расселения, формирования локальных этнитетов и связанным с этими эффектами этнического голосования, изменения и устойчивости электоральных предпочтений. Анализируется обширный массив статистических данных об этнической структуре отдельных административных единиц стран Балтии, о результатах выборов и развертывании этнополитических процессов в Латвии, Литве и Эстонии. На основе формализованных критериев предложена первоначальная рабочая типология этнитетов с разделением их на совершенные, несовершенные и районы относительного этнического паритета. Значительное внимание уделено раскрытию предположения о неравномерном проявлении этнического голосования даже в близких по своим этнодемографическим характеристикам этнитетах. По мере углубления анализа и проверки начальных поло-

---

* **Тарасов Илья Николаевич**, доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра геополитических исследований Балтийского региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия), e-mail: ITarasov@kantiana.ru; **Кришталь Михаил Игоревич**, кандидат географических наук, научный сотрудник Института геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия), e-mail: MKrishtal@kantiana.ru; **Уразбаев Евгений Евгеньевич**, кандидат политических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград, Россия), e-mail: urazbaev@gmail.com

© Тарасов И.Н., Кришталь М.И.,

Уразбаев Е.Е., 2022

DOI: 10.31249/poln/2022.04.10

жений о долговременности этнитетов, об устойчивости и волатильности электоральных предпочтений, о корреляции между этническим расселением и этническим голосованием авторы приходят к уточнению рабочей типологии путем ранжирования прибалтийских этнитетов по влиянию этнотерриториальных факторов на электоральные процессы. На основе изучения отдельных практик политических субъектов по освоению этнических локалитетов предпринята попытка схематизировать основания этнотерриториальной дифференциации Прибалтики. В заключение раскрывается суть неравномерности влияния этнотерриториальных факторов, предложена уточненная типология этнитетов в странах Балтии с учетом нескольких показателей.

Ключевые слова: страны Балтии; этнитет; этническое голосование; этнотерриториальные факторы; расселение.

Для цитирования: Тарасов И.Н., Кришталь М.И., Уразбаев Е.Е. Влиятельность этнотерриториальных факторов на электоральные практики в странах Балтии // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 207–239. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.10>

Введение

Современная политическая география и этнополитика уделяют немало внимания вопросам расселения и политического статуса этнолингвистических общностей в разных регионах мира. Страны Балтии на протяжении всего постсоветского периода были и остаются привлекательным в этом отношении полем исследований. Интерес к этому региону Европы в отечественной политологии то возрастал, то угасал. Сегодня накоплен обширный исследовательский материал, появились новые данные, требующие надлежащей обработки, введения в научный оборот. Устоявшиеся представления об особенностях этнолингвистического расселения в Прибалтике, меняющихся политических предпочтениях и долговременных тенденциях служат надежным основанием для изыскательской работы. Вместе с тем этнополитическая ситуация в отдельных локалитетах в силу своей малой размерности далеко не всегда попадает в фокус внимания политгеографов. Нередко делаются обобщенные выводы относительно той или иной этнической группы, целого региона, более или менее крупной административной единицы, экстраполируемые на отдельные локальные территории. Наша гипотеза состоит в том, что этнотерриториальные факторы оказывают далеко не одинаковое влияние на предпочте-

ния избирателей даже в близких по своим характеристикам этнических странах Балтии.

Теоретико-методологическая база и источники

В качестве опорной нами взята теория этнического голосования. Исследователи отмечают, что в условиях многонационального общества этническая принадлежность зачастую является значимой основой для политической сплоченности, организации и действий [Rabushka, 1972, p. 35], включая участие в голосовании. В условиях, когда избиратель затрудняется с выбором партии или кандидата, именно этнический характер первой или этническая принадлежность второго могут стать для него решающими [Фарукшин, 2016, с. 81]. Это объясняется тем, что избиратели, голосуя за представителя своей этнической или конфессиональной группы, полагают, что он по причине общего с ними социального опыта будет лучше представлять их интересы [Forest, 2012]. Еще в 1965 г. Р. Вольфингер отмечал, что наиболее важные расколы электората проходят скорее по этническим, чем по экономическим линиям [Wolfinger, 1965, p. 903]. Р. Роуз, приводя в пример случай Северной Ирландии, отмечал, что абсолютное большинство протестантов отдавали свои голоса за юнионистов, а католиков – за ирландских националистов [Rose, 1972].

При этом этническое голосование не сводится исключительно к поддержке на выборах представителей исключительно своей этнической группы – избиратели могут проголосовать за партии или за кандидатов, принадлежащих к близкородственным этническим группам или выражающих в своей риторике территориальные интересы в ареале расселения этноса [Фарукшин, 2016, с. 81]. Также под понятие этнического голосования подпадает электоральная поддержка формально не этнических партий, выступающих в поддержку соответствующих этнофоров [Осколков, 2020 b, с. 115]. В целом же под феноменом «этнического голосования» понимается тип электорального поведения, при котором голоса избирателей распределяются в соответствии с их этнической принадлежностью. Авторы отмечают, что подобное проявление электорального поведения фактически неизбежно возникает в случае

существования в государстве нескольких численно крупных этнических групп [Осколков, 2020 b, с. 114].

Можно выделить несколько условий, способствующих проявлению этнического голосования. Базовым является наличие у всех представителей этнических групп избирательного права. Кроме того, существенными могут быть условия географического или территориального характера. Во-первых, важным фактором является территориальная концентрация этнических групп: в округах, где преобладает этническое меньшинство страны, как правило, побеждают представляющие их на выборах кандидаты [Goodnow, Moser, 2012, p. 172]. Во-вторых, имеет значение тип поселения: в сельской местности этническое голосование обладает большей интенсивностью, поскольку в ней, как правило, высока концентрация этнического экстракта. Напротив, такие характерные для города черты, как более высокий уровень плюрализма культуры и образования жителей, не способствуют формированию этнического голосования [Фарукшин, 2016, с. 82–83]. Важным фактором, способствующим интенсификации этнического голосования, выступает дискриминация и преследование этнической группой общего интереса [там же, с. 84]. С точки зрения расселения и демографического измерения существенное значение имеет относительная замкнутость этнической территории. Это может быть обусловлено ландшафтом (как, например, в Нагорном Дагестане), ориентацией на возможности трудовой занятости, традиции ремесла, аграрного и промышленного производства, расположения специфически этнических центров культуры или религии, обособлением в силу враждебности инокультурного окружения (этнические гетто). Таким образом, формируются этнитеты, проявляющие себя на уровне расселения, территориально-хозяйственного комплекса, воспроизводства культурных образцов и, наконец, политической организации. Наиболее заметным выражением такой политической организации в странах с демократическим режимом выступает этническое голосование.

В идеологическом плане оно зачастую имеет характер этно-территориального (или даже регионального), поскольку нередко воедино сливаются защита прав этнической группы и поддержка развития территории компактного проживания этноса. При этом этнические партии и объединения могут занимать различные позиции в идеологическом спектре. Этнофоры, в свою очередь,

могут голосовать как за более радикальную этническую партию, так и за более умеренную, в зависимости от их шансов пройти в парламент [Осколков, 2020 b, с. 115]. В этом отношении теория этнического голосования подчеркивает строгую рациональность электоральных предпочтений.

В начале реализации исследовательской программы нами был проведен вторичный анализ электоральных данных, почерпнутых из открытых источников, как опубликованных в научной периодике, так и размещенных в сети Интернет. Прежде всего это официальные сведения о выборах, кандидатах, политических партиях, избирательных кампаниях, предоставленные порталом официальной статистики Литвы¹, Департаментом статистики Литвы², Центральной избирательной комиссией Литвы³, Управлением государственной статистики Латвии⁴, Центральной избирательной комиссией Латвии⁵, Государственной службой по организации выборов Эстонии⁶, а также Департаментом статистики Эстонии⁷. Кроме того, нами были привлечены некоторые опубликованные документы политических партий и сообщения СМИ, касающиеся хода избирательных кампаний.

Попарное сравнение близких и различающихся по основным этнодемографическим характеристикам районов позволило нам выделить три группы локалитетов этнического разнообразия в Прибалтике. Первую группу составили совершенные этнитеты, в которых этническое меньшинство государства является наиболее крупной по численности группой в пределах определенного локального ареала; вторую – несовершенные этнитеты, в которых

---

¹ Портал официальной статистики Литвы. – Режим доступа: <https://osp.stat.gov.lt> (дата посещения: 14.06.2022).

² Департамент статистики Литвы. – Режим доступа: <https://www.stat.gov.lt/> (дата посещения: 14.06.2022).

³ Центральная избирательная комиссия Литвы. – Режим доступа: <https://www.vrk.lt> (дата посещения: 14.06.2022).

⁴ Управление государственной статистики Латвии. – Режим доступа: <https://www.stat.gov.lv/> (дата посещения: 14.06.2022).

⁵ Центральная избирательная комиссия Латвии. – Режим доступа: <https://www.cvk.lv> (дата посещения: 14.06.2022).

⁶ Государственная служба по организации выборов Эстонии. – Режим доступа: <https://www.valimised.ee> (дата посещения: 14.06.2022).

⁷ Департамент статистики Эстонии. – Режим доступа: <https://andmed.stat.ee> (дата посещения: 14.06.2022).

этническое большинство государства составляет относительное большинство в административной единице, а одно из этнических меньшинств составляет более 1/4 населения; третью – локалитеты относительного этнического паритета, где этническое большинство государства составляет абсолютное большинство, а этнические меньшинства составляют более 1/3 населения этого ареала. Все остальные административные единицы характеризуются в целом общими для своих стран этнодемографическими характеристиками расселения.

Поскольку мы столкнулись с массивом разнородных данных, требовавших упорядочения, нами были применены средства многомерного шкалирования в целях определения результирующей распространенности этнотерриториальных дискурсов. Применение средств такого шкалирования мы посчитали уместным, поскольку оно позволяет установить конфигурации объектов в пространстве низкой размерности. Объекты, характеризующиеся признаками, размещаются в нем на основе мер близости. Выборка данных при этом изображается наглядно. Применение метрических шкал оказалось в нашем случае затруднительным. Мы прибегли к технике неметрического шкалирования для качественных данных низкого уровня и использовали порядковые шкалы, где безусловными демаркаторами выступают лишь пороги значений [Shepard, 1962]. Это позволило подтвердить разделение локалитетов этнического разнообразия на три группы, установить наибольшую значимость этнического голосования в совершенных этнитетах, а затем предложить вариант их дифференциации. Многомерное шкалирование показало свою результативность и для электорального анализа. Стоит отметить, что в его рамках возможно и многомерное пространственное моделирование при определении, к примеру, близости позиций партий и избирателей [Ахременко, 2007, с. 51]. В электоральных исследованиях многомерное шкалирование позволяет не только изучать электоральное пространство, но и глубже анализировать политические предпочтения, выявлять факторы их формирования, определять сходные группы избирателей и характеризовать их. Среди примеров подобных исследований в последнее время выделяются практики изучения предпочтений и настроений в идеологическом пространстве, а также партийного ландшафта [Hare, Highton, Jones, 2021; Nameleers, de Vreese, 2020; Mölder, 2018]. Понимая необходимость

установления четких границ исследования, мы использовали далеко не весь арсенал многомерного шкалирования. С нашей точки зрения, здесь открыты методические перспективы продолжения изучения прибалтийского материала.

Таким образом, мы вплотную подошли к решению задачи пространственного распространения дискурсов. Определив интенсивность проявлений этнотерриториальной обусловленности электоральных предпочтений, нами были построены несколько простых карта-схем (по странам и регионам), где главным компонентом выступает, по сути, единственный указанный признак. Такой способ решения исследовательской задачи, с нашей точки зрения, является рентабельным, относительно простым, наглядным, доступным, не требующим сложных счислений и применения специальных картографических инструментов. Безусловно, мы понимаем, что возможны иные методические решения, не менее интересные, чем те, которые были предложены нами.

Этнотерриториальная дифференциация в странах Балтии

Известно, что общая этнодемографическая ситуация в трех странах Балтии имеет некоторые сходства и существенные страновые различия. Сближает эти страны то, что все они характеризуются многонациональностью. Наибольшее этническое разнообразие наблюдается в Латвии, где этнические латыши составляют 62,7% населения, Литва в этом отношении более гомогенна – 85,5% населения страны – литовцы. Ситуации в Латвии и Эстонии сходны тем, что этническое большинство здесь не превышает 70%, а наиболее крупное этническое меньшинство – русские – составляет более 24% населения. Эстония в этнодемографическом плане отличается тем, что за исключением русских в ней нет относительно численно крупного этнического меньшинства. Украинцы в Эстонии составляют 2,1% населения. В Латвии белорусы, украинцы и поляки в совокупности составляют 7,3%. В Литве наиболее крупные этнические меньшинства – это поляки и русские. При этом по отношению друг к другу этническое большинство в своих странах не представлено значительными внешними меньшинствами в соседних странах. Это обстоятельство существенно отличает страны Балтии от Венгрии или Балканских государств.

Таблица 1

**Основные этнические группы по странам
(% от общей численности населения, 2021 г.)¹**

Этническая группа	Латвия	Литва	Эстония
Латыши	62,7	0,1	0,3
Литовцы	1,1	85,5	0,2
Эстонцы	0,01	0,01	68,8
Русские	24,5	4,5	24,3
Поляки	2,0	5,7	0,1
Украинцы	2,2	1,4	2,1
Белорусы	3,1	1,9	0,9
Евреи	0,4	0,1	0,1

Рассматривая вопрос о расселении этнических меньшинств в странах Балтии, нетрудно заметить районы их компактного проживания. Сопоставив данные статистики по отдельным странам, можно различить локалитеты со специфической этнотерриториальной ситуацией. В одних административных единицах этнические меньшинства страны составляют большинство жителей, в других – этническое большинство страны не составляет такового в локальном ареале, в-третьих – при преобладании этнического большинства страны – этнические меньшинства в совокупности составляют более 1/3 населения. Отдельного внимания требуют столичные города. Руководствуясь сопоставительными критериями, описанными в теоретико-методологической части статьи, Рига нами отнесена к несовершенным этнитетам, Таллин к территориям относительного этнического паритета, Вильнюс в строгом смысле не может по своим этнодемографическим характеристикам быть отнесен к этнитетам, хотя здесь проживают численно крупные этнические меньшинства – поляки, русские, белорусы. В таблице 2 показаны локалитеты этнического разнообразия, классифицированные нами по выдвинутым критериям их этнодемографических характеристик.

---

¹ Источник данных: Управление государственной статистики Латвии. – Режим доступа: <https://www.pmlp.gov.lv>; Департамент статистики Литвы. – Режим доступа: <https://www.stat.gov.lt>; Департамент статистики Эстонии. – Режим доступа: <https://andmed.stat.ee> (дата посещения: 14.06.2022).

Таблица 2

Локалитеты этнического разнообразия в Прибалтике¹

Эстония	Латвия	Литва
Совершенные этнитеты		
г. Нарва (87,7% русские), Ида-Вирумаа (74% русские)	Зилупский край (53,7% русские), г. Даугавпилс (48,1% русские), Даугавпилсский край (40,1% русские)	д. Мядинайка (77,3% поляки), Шальчининский район (76,3% поляки), д. Магунай (68,8% поляки), г. Висагинас (47,5% русские), Вильнюсский район (46,8% поляки), г. Пабраде (42,8% поляки)
Несовершенные этнитеты		
Волости: Муетвеэ, Пейпсизэре, Ряпина	Саласпилсский край, Олайнский край, Краславский край; города: Рига, Резекне	д. Свиркос (26,2% русские)
Относительный этнический паритет		
г. Таллин (36% русские), Харьюмаа (34,4% русские)	Города: Лиепая, Елгава, Юрмала (32,7% русские), Вентспилс; Екабпилсский край, Ропажский край, Прейльский край, Резекненский край (44,7% русские)	д. Яунюнай (39% поляки), г. Лентварис (25,6% поляки)

Нетрудно заметить, что этнотерриториальная дифференциация в каждой стране имеет свои особенности. На рисунке 1 схематично отображена ситуация в Эстонии. Регион Ида-Вирума – единственный, где находятся совершенные этнитеты, среди которых выделяется город Нарва, где 87,7% населения – русские, а в целом по региону русские составляют 74% населения. Таллин и Харьюмаа представляют собой районы относительного этнического паритета, где русские составляют 36% и 34,4% населения соответственно. Заметим, что в Харьюмаа (включая Таллин) проживает более 614 тыс. человек, тогда как в Ида-Вирума – менее 133 тыс. человек. Таким образом, большинство русских Эстонии (в абсолютных цифрах) проживает в столичном регионе. Сопоставление этих районов представляет особый интерес. На юго-востоке Эстонии есть три волости, где также обнаруживают себя несовершенные этнитеты. Однако они не составляют самостоятельных политических единиц в электоральном смысле, поэтому для целей нашего исследования весьма затруднительно на таком локальном уровне зафиксировать эффекты этнического голосования и влияния этно-территориальных факторов.

¹ Источник данных: там же.

Рис. 1.
Этнотерриториальная дифференциация в Эстонии

В Латвии картина несколько сложнее и интереснее. На рис. 2 мы попытались отразить географию этнотерриториальной дифференциации в этой стране.

Рис. 2.
Этнотерриториальная дифференциация Латвии

В регионе Латгалия выделяются три административные единицы, которые по предложенной нами типологии удовлетворяют критериям совершенных этнитетов: Зилупский край, г. Даугавпилс и Даугавпилсский край. Здесь русские составляют относительное этническое большинство: в Зилупском крае – 53,7%, Даугавпилсе – 48,1, в Даугавпилсском крае – 40,1%. Эти районы соседствуют с Краславским краем, который, как и г. Резекне, отнесен нами к числу несовершенных этнитетов Латвии. В непосредственной близости расположены районы относительного этнического паритета или расселения численно крупных этнических меньшинств – Ропажский, Прейльский и Резекненский края. Латгалия и в особенности Даугавпилс представляют для нас особый интерес. В Латвии, так же как и в Эстонии, абсолютное большинство русских проживают в столичной агломерации – в Риге с населением более 630 тыс. человек, Саласпилсском и Олайнском краях, а также в городах Юрмала и Елгава. На общей картосхеме выдаются также три административные единицы, которые относятся к районам расселения численно крупных этнических меньшинств – Екабпилсский край, города Лиепая и Вентспилс.

В Литве единственным регионом, где заметна этнотерриториальная дифференциация, является Вильнюсский уезд – самый густонаселенный и экономически развитый регион страны. На рис. 3 схематично показано расположение Вильнюсского уезда; по классификации NUTS он отнесен к категории NUTS2 – его размерность по населению и экономическому вкладу сопоставима с остальной территорией Литвы.

В Вильнюсском уезде расположены локалитеты этнического разнообразия всех типов. На рис. 4 показана этнотерриториальная дифференциация уезда. Здесь выделяются территории с совершенными этнитетами: 77,3% населения д. Мядининкай составляют поляки, в целом по Вильнюсскому району – 46,8, в Шальчининкяйском районе – 76,3, в д. Магунай – 68,8, а в г. Пабраде – 42,8%. Единственный русский этнитет в Литве – г. Висагинас, где русские составляют относительное большинство (47,5%). К числу несовершенных этнитетов можно отнести д. Свиркос, где 26,2% населения – русские. В этой деревне проживает 707 человек, и она не образует самостоятельной электоральной единицы. Есть в Литве административные образования, которые характеризуются компактным расселением польского меньшинства в литовском окружении – д. Яунюнай (39% поляки), г. Лентварис (25,6% поляки).

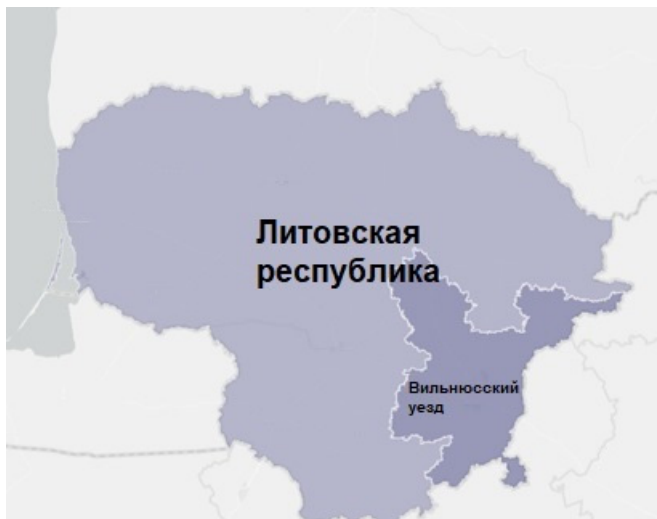

Рис. 3.
Вильнюсский уезд на схеме
территории Литовской Республики

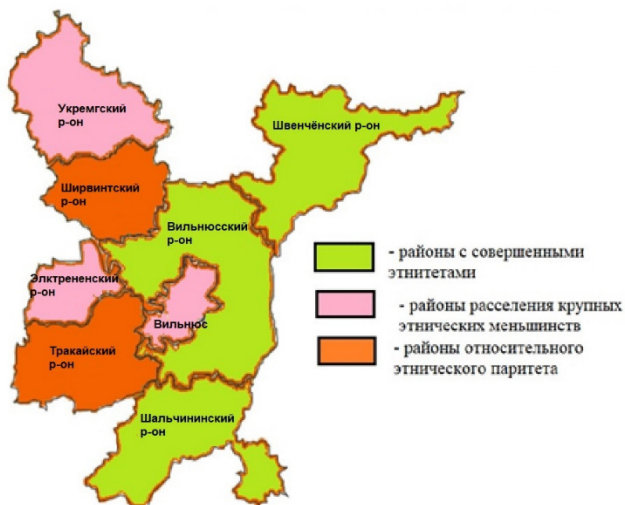

Рис. 4.
Этнотерриториальная дифференциация
Вильнюсского уезда Литвы

Интересна этническая картина в Вильнюсе. Так же, как в Латвии и Эстонии, в столице Литвы проживает большинство представителей этнических меньшинств в абсолютном исчислении. Однако по выдвинутым нами критериям Вильнюс не может быть отнесен ни к одному типу этнитетов, хотя здесь проживают более 85 тыс. поляков, более 53 тыс. русских и более 15 тыс. белорусов. Многонациональный Вильнюс требует отдельного исследования с применением иной исследовательской оптики.

Классифицировав различные локалитеты этнического разнообразия Прибалтики с целью проверки выдвинутой гипотезы, сосредоточим наше внимание на совершенных этнитетах, в которых этническое голосование должно проявляться наиболее явно.

В качестве контрольных нами взяты электоральные показатели выборов в общенациональные парламенты и муниципальные органы власти в пределах одного – последнего по времени – цикла. В табл. 3 показаны интересующие нас кампании. При попытке синхронизации сопоставления выяснилось, что для Литвы следует сделать оговорку. У нас нет и не может быть результатов местных выборов, завершающих нынешний электоральный цикл, поскольку они состоятся в 2023 г. Можно лишь сделать некоторые осторожные и предварительные предположения относительно этих выборов. Сдвиг темпоральной шкалы вниз означал бы для нас отказ от хотя бы относительной синхронизации сопоставления. При асинхронном кросс-национальном сравнении потери значимых результатов выше, чем оставление открытого сценария для грядущих выборов, хотя мы понимаем уязвимость такого подхода.

Таблица 3

Избирательные кампании, принятые в качестве контрольных

	Парламентские выборы 1	Местные выборы 1	Парламентские выборы 2	Местные выборы 2
Латвия	2014	2017	2018	2021
Эстония	2015	2017	2019	2021
Литва	2016	2019	2020	2023

Основной функцией политических партий является агрегирование, артикулирование и репрезентация общественных интересов. В парламентских демократиях именно политические партии оказываются наиболее эффективными проводниками интересов

этнических групп. Все без исключения страны Центральной и Восточной Европы исторически были частью различных империй (Российской, Австро-Венгерской, Османской), что отличает их от западноевропейских государств. Вследствие этого исторического наследия в новообразованных странах сохранились значительные территориально сконцентрированные этнические меньшинства [Панов, 2020, с. 20]. Страны Балтии не являются исключением. На этнический состав этих государств также повлияла масштабная эмиграция русского населения в советский период, вызванная милитаризацией и высокими темпами развития промышленности в прибалтийских республиках [Зайончковская, 2000, с. 12–13]. В результате после обретения ими независимости в странах Балтии появились предпосылки для возникновения этнорегионалистских партий, защищающих интересы этнических меньшинств, для которых, как правило, было характерно компактное расселение. В силу особенностей этнического состава рассматриваемых государств в Эстонии и Латвии сформировались политические партии, представляющие интересы русскоязычного населения, а в Литве – также и поляков.

Этнорегионалистские партии отличаются не только тем, что опираются на различные этнические группы, но также и рядом иных критериев: степенью политического влияния, характером их требований и траекторией развития [Панов, 2020, с. 21]. На положение этих политических сил в партийных системах влияет доля этнического меньшинства в общем количестве населения. Этот фактор непосредственно сказывается на электоральном потенциале политических сил, выступающих в защиту прав этнических сил. Еще одним фактором, влияющим на отличия этнорегионалистских партий, являются особенности политического и социально-экономического статуса этнических меньшинств. После получения странами Балтии независимости власти Литвы проводили наиболее либеральную политику получения гражданства этническими меньшинствами, реализовав нулевой вариант его предоставления. В то же время в Латвии и Эстонии был закреплен институт «неграждан». Такой статус получило большинство представителей русского меньшинства этих стран, что в том числе лишило их права участвовать в общенациональных выборах. «Несмотря на небольшие сдвиги, политика эмиграции, натурализации и интеграции очень медленно приближает к ожидаемым результатам и, как

следствие, слабо стимулирует растущую группу представителей молодого поколения русскоязычного населения участвовать в социальной, экономической и политической жизни страны» [Тарасов, 2019, с. 41].

Эстония

В Эстонии с начала 1990-х годов основной поддержкой русских, обладающих правом голоса, пользовалась Центристская партия, которая в своей программе защищала нужды этой этнической группы. В результате партия традиционно получала наиболее высокую поддержку в северо-восточном уезде Ида-Вирумаа и в Таллине, где компактно проживает русское население страны [Осколков, 2020 а, с. 5–6]. Еще одной причиной, по которой русское население активнее поддерживает центристов, является то, что эта этническая группа находится в более сложном экономическом положении, чем этнические эстонцы. Центристская партия позиционирует себя в качестве политической силы, представляющей интересы беднейшей части электората Эстонии [Ланко, 2015, с. 72]. В то же время на последних общенациональных выборах обнаружила себя новая тенденция: этнические русские все активнее поддерживают иные парламентские партии [Ланко, 2015, с. 69]. В частности за Партию реформ, придерживающуюся идеологии инклюзивного правого либерализма [Осколков, 2020 а, с. 11]. С одной стороны, это вызвано все большим вниманием парламентских партий к русскоязычному электорату. Так, на выборах 2019 г. председателем Социал-демократической партии был этнический русский Е. Осинковский. Даже национал-популистская Консервативная народная партия Эстонии стала рассматривать русскую общину как возможного союзника в антиэмигрантских кампаниях. Во многом причиной оттока русского электората стало вхождение в 2016 г. центристов в правящую коалицию с правым «Союзом Отечества и Res Publica» и осуждение руководством партии действий России в Крыму в 2014 г. [Осколков, 2020 а, с. 11–12].

Партии, позиционирующие себя в качестве «русских», не пользуются широкой поддержкой даже среди русскоязычного электората в течение всего периода независимости Эстонии. Так,

Объединенная народная партия Эстонии, в 2006 г. превратившаяся в Конституционную партию, а в 2008 г. – в Объединенную левую партию Эстонии (образовав союз слевой партией Эстонии, получила представительство в парламенте только в 1995 г. (в блоке «Наш дом – Эстония» с Русской партией Эстонии) и 1999 г.) Русская партия Эстонии, также не пользовавшаяся широкой популярностью, в 2012 г. вошла в состав парламентской Социал-демократической партии Эстонии.

Таблица 4

**Электоральная результативность этнических партий
на парламентских выборах в Эстонии¹**

1995	Центристская партия (14,17%), Наш дом – Эстония (5,87%), Справедливость (2,27%)
1999	Центристская партия (23,41%), Объединенная народная партия Эстонии (6,13%), Русская партия Эстонии (2,03%)
2003	Центристская партия (25,4%), Объединенная народная партия Эстонии (2,25%), Социал-демократическая партия труда Эстонии (0,42%), Русская партия Эстонии (0,2%)
2007	Центристская партия (26,08%), Конституционная партия (0,99%), Русская партия Эстонии (0,2%), Левая партия Эстонии (0,11%)
2011	Центристская партия (23,32%), Русская партия Эстонии (0,87%)
2015	Центристская партия (24,81%); Объединенная левая партия Эстонии (0,13%)
2019	Центристская партия (24,81%), Объединенная левая партия Эстонии (0,09%)

Расчет индекса Педерсена для Эстонской партии центра при голосовании в Ида-Вирумаа показывает снижение волатильности электоральных предпочтений. Так, общая оценка в цикле 2015–2019 гг. равна 4,14 (59–52,9 / 2). При этом индекс составил 3,05 в

¹ Источник данных: Государственная служба по организации выборов Эстонии. – Режим доступа: <http://vvk.ee/> (дата посещения: 14.06.2022).

первой фазе цикла, а во второй – 1,1. По всей видимости, конкуренция со стороны новой партии Eesti200, также пытающаяся взять на вооружение региональную и этнокультурную проблематику, не произвела существенного впечатления на избирателя. В таллинском округе № 2 (Ласнамяэ) Э200 получила 5,3% голосов, тогда как в Ида-Вирумаа лишь 3,7%. Если сравнить результаты ЭПЦ в этнитегах региона с результатами по стране в целом, то заметна более существенная разница: 34,2% в 2015 г., 25,6 в 2017 г. и 27,6% в 2019 г. Очевидно, устойчивость электоральных предпочтений здесь обусловлена фактором этнического голосования. В Нарве, Кохтла-Ярве и в целом по региону популярны местные политики и те, кто позиционирует себя в качестве проводников интересов этнических русских. Если Яна Тоом выступает в качестве локомотива избирательной кампании, то узнаваемые региональные политики, такие как Михаил Стальнухин, пришедший в местную политику еще в начале 1990-х годов, формируют содержание актуальной этнической повестки.

Латвия

С момента обретения независимости в Латвии на выборах фиксируется этнолингвистический раскол между партиями [Окунев, Жирнова, 2019; Солопенко, 2016, с. 164]. В результате в партийной системе Латвии возникло разделение на «русские» и «латышские» партии, опирающиеся на две крупнейшие этнолингвистические группы страны. Партии, получающие поддержку преимущественно в районах с высокой долей русского населения, были представлены в ходе всех общенациональных избирательных кампаний. Несмотря на общность электората, с 1993 г. лишь на выборах в Седьмой (1998) и Восьмой (2002) сейм «русские» партии выступали единой коалицией. Отсутствие политического единства «русских» партий кроется во многом в их различном институциональном происхождении. В последние годы существования СССР одна часть представителей русской общины поддержала Народный фронт и предоставление Латвии независимости, другая выступала за Интерфронт и целостность страны [Мусаев, 2017, с. 180]. Впоследствии, уже на первых общенациональных выборах 1993 г., русские сторонники Народного фронта будут представлены партией «Согласие для Лат-

вии – Возрождение для народного хозяйства», а приверженцы Интерфронта – партией «Равноправие». Отметим, что еще после выборов 1990 г. в Верховный совет Латвийской ССР сформировалась одноименная фракция «Равноправие», состоявшая из участников Интерфронта [Уразбаев, Ямалова, 2020, с. 64]. На современном этапе этот раскол продолжает существовать в лице преемников данных политических сил: социал-демократической партии «Согласие» и «Русского союза Латвии». «Согласие» при этом обладает существенно большей электоральной поддержкой. Это было во многом обусловлено личной популярностью ее лидера Н. Ушакова, успешной рекламой партии через Первый Балтийский канал, а также надеждами русскоязычного электората, что партия сможет войти во власть [Жирнова, 2022, с. 147]. При этом география голосования за эти партии очень схожа: максимальное количество голосов они набирают в Латгалии, Риге и Пририжье, где наиболее высокая доля русского населения [Жирнова, 2022, с. 148–149].

«Русские» партии характеризуются как силы левого и левоцентристского толка, что связано не столько с особенностями их социально-экономической программы, сколько с их «пророссийскостью» [Воротников, 2018, с. 85]. В то же время между этими партиями существуют идеологические расхождения. «Согласие» демонстрирует большую умеренность в сравнении с «Русским союзом Латвии» в вопросах статуса русского языка в Латвии, членства в НАТО, прав неграждан [Кришталь, 2019 b, с. 722–724; Кришталь, 2019 a, с. 156–157] и т.д.

В июне 2021 г. в Даугавпилсе состоялись выборы в самоуправление. По итогам избирательной кампании представительство в городской думе получили партии, представляющие интересы русскоязычных избирателей на общенациональном уровне: «Согласие» и «Русский союз Латвии»: 7 и 1 мандат соответственно. Именно эти партии впоследствии сформировали правящую коалицию в городе.

Таблица 5

Электоральная результативность этнических партий на парламентских выборах в Латвии¹

1993	Согласие для Латвии – Возрождение для народного хозяйства (12,01%), Равноправие (5,76%), Русский национал-демократический список (1,16%)
1995	Социалистическая партия Латвии (5,76%), Партия народного согласия (5,58%), Партия русских граждан Латвии (1,25%)
1998	Партия народного согласия (14,2%)
2002	За права человека в единой Латвии (19,09%)
2006	Центр Согласия (14,52%), За права человека в единой Латвии (6,06%), Дзимтене (2,08%)
2010	Центр Согласия (26,61%), За права человека в единой Латвии (1,47%)
2011	Центр Согласия (28,62%), За права человека в единой Латвии (0,78%)
2014	Социал-демократическая партия «Согласие» (23,15%), Русский союз Латвии (1,59%)
2018	Социал-демократическая партия «Согласие» (19,92%), Русский союз Латвии (3,22%)

Таблица 6

Результаты голосования на выборах самоуправления в Даугавпилсе (2021)²

Политическая партия	% голосов	мест
Согласие	42,25	7
Наша партия	14,12	3
Латгальская партия и Для развития Латвии	13,25	2
Партия Даугавпилсского края	9,64	2
Русский союз Латвии	8,22	1

¹ Источник данных: Центральная избирательная комиссия Латвии. – Режим доступа: <https://www.cvk.lv/en/elections/saeima-elections/6th-saeima-elections> (дата посещения: 14.06.2022).

² Источник данных: Центральная избирательная комиссия Латвии. – Режим доступа: <https://pv2021.cvk.lv/pub/en/daugavpils/candidate-lists/musu-partija> (дата посещения: 14.06.2022).

В своих программах эти политические силы выступали в поддержку русскоязычного населения Даугавпилса. Причем «Русский союз Латвии» проявлял себя наиболее активно, акцентируя в своей программе внимание на том, что партия представляет интересы всех жителей Даугавпилса независимо от национальности и родного языка и прилагает особые усилия для поддержки русской культуры, включая сохранение исторических памятников советского и российского периодов. Также стратегия «Русского союза Латвии» строилась на аккумулировании поддержки и иных этнических меньшинств, проживающих в Даугавпилсе. Поэтому партия выступала за финансирование дистанционного обучения на русском, польском и белорусском языках и организацию на них дополнительных занятий. Программа «Согласия» была, в свою очередь, более умеренной. В ней партия ратовала за право обращаться в органы власти на родном языке. Отметим также, что еще до выборов 2021 г. в Даугавпилсе «Согласие» выступало за восстановление регионального аэропорта в городе¹.

Анализируя национальный состав списка кандидатов двух партий, можно отметить, что в «Русском союзе Латвии» заметно преобладали этнические русские (87,5%). Оставшиеся 12,5% были поляками, что вновь подтверждает тезис о том, что данная партия пытается аккумулировать поддержку также других этнических меньшинств. В то же время в списке «Согласия» кандидаты, идентифицирующие себя как латышей и русских, были представлены примерно в равных долях: 27,8% и 22,2% соответственно, при этом около трети – 38,9% – не указали свою национальность.

Занявшая второе место «Наша партия», возглавляемая действующим мэром Даугавпилса Игорем Прелатовым, практически не поднимала в своей программе национальную тематику, ограничившись обещаниями поддержки национально-культурных объединений, общественных организаций и религиозных конфессий. «Партия Даугавпилсского края» в предвыборной программе обещала обеспечить дополнительное изучение родного языка, включая латгальский.

---

¹ Программа Социал-демократической партии «Согласие» на выборах 14-го Сейма. – Режим доступа: <https://saskana.eu/ru/programma/> (дата посещения: 15.06.2022).

Единственная политическая сила, получившая представительство в городской думе Даугавпилса и не освещавшая в программе национальной тематики, – регионалистская «Латгальская партия», возглавляемая первым заместителем мэра Янисом Лачплесисом. Эта партия выступала на выборах единым списком с партией «Для развития Латвии» под лозунгом «Латвия – не только Рига!» и заняла на выборах третье место с результатом 13,25%.

Из партий, не получивших представительства в законодательном органе власти, лучший результат (4,06%) у «Альтернативы» – еще одной партии, опирающейся на русскоязычный электорат. По сути, эта политическая сила представлена политиками, ранее входившими в «Согласие». В то же время такие релевантные на общенациональном уровне политические игроки, как «Союз зеленых и крестьян Латвии» и «Новая консервативная партия», не получили широкой поддержки избирателей Даугавпилса, набрав 2,88 и 1,28% соответственно.

Литва

Этнополитическая ситуация в Литве существенно отличается от латвийского и эстонского случаев. Наиболее значимое отличие – отсутствие института неграждан. Принятый еще в 1989 г. закон распространял гражданство Литвы на самую широкую категорию – лиц, «которые до даты вступления в силу настоящего закона постоянно проживали на территории Республики и имеют здесь постоянное место работы или постоянные легальные средства к существованию. Эти лица свободно принимают решение о гражданстве в течение двух лет с момента вступления в силу настоящего закона»¹. Вопреки распространенному мнению о том, что так называемый нулевой вариант автоматически наделял литовским гражданством все население ЛитССР, этот закон лишь предоставлял право на беспрепятственное приобретение гражданства постоянными жителями республики в соответствии с их волеизъявлением. В последующем, несмотря на обширную и идеоло-

---

¹Lietuvos Tarybų Socialistinės Respublikos pilietybės įstatymas. XI-3329. 1989-11-03. – Mode of access: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.18854?jfwid=pd6eq7sif> (accessed: 14.06.2022).

гически разнонаправленную критику, это установление не подвергалось какой-либо существенной дискриминирующей корректировке в процессе новеллизации литовского законодательства о гражданстве. Такая ситуация придала всем этнополитическим процессам, включая образовательную и языковую политику, характер внутренней дискуссии о правах граждан Литвы на реализацию своих этнокультурных, лингвистических и иных социальных потребностей. Мы далеки от идеализации литовского случая, но в сопоставлении с позорной практикой негражданства в Латвии и Эстонии он выглядит более респектабельным и цивилизованным решением вопроса, имеющего большое значение для повседневной жизни людей вне зависимости от их этнической принадлежности и происхождения.

Наиболее многочисленной этнической группой в Литве являются литовцы, их доля в общей этнической структуре населения в 1989–2021 гг. выросла с 79,6 до 85,5%¹. Наибольшее сокращение численности наблюдается у русских Литвы – более чем на 200 тыс. человек за период 1989–2021 гг. на фоне общей убыли населения страны на 23,5% за этот же промежуток времени. Безусловно, этнодемографическая ситуация не остается статичной, постепенно соотношение численности этнических групп в отдельных локалитетах заметно меняется в пользу литовцев (например, в Клайпеде и Шауляе). И все же этнические меньшинства в постсоветский период в основном сохранили привычные ареалы расселения в республике.

Свое политическое выражение этничность в Литве обрела практически с началом процесса демократизации. Если в начале 1990-х годов интересы этнических меньшинств пытались артикулировать крупные левые и левоцентристские силы, такие как Демократическая партия труда Литвы и Литовская социал-демократическая партия, то затем появились собственно этнические партии. В 1994 г. общественное движение «Союз поляков Литвы» было преобразовано в «Избирательную акцию поляков

---

¹ Здесь и далее сопоставляются данные: Всесоюзная перепись населения 1989 года.

Национальный состав населения по республикам СССР. Литовская ССР. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=8; Nuolatinių gyventojų skaičius. – Mode of access: <https://osp.stat.gov.lt/statistiniu-rodikliu-analize?hash=88f10685-cd22-44df-a087-d76dd5d5f892#/> (accessed: 14.06.2022).

Литвы», в 1995 г. основан «Союз русских Литвы», в 1996 г. – «Альянс граждан Литвы» (ныне – Гражданская демократическая партия), в 2002 г. – «Русский альянс» и «Польская народная партия» (ныне – «Республиканская лига»).

Таблица 7

Электоральная результативность этнических партий на парламентских выборах в Литве

1992	Союз поляков Литвы (2,14%), <i>Демократическая партия труда Литвы (43,89%), Литовская социал-демократическая партия (6,05%)</i>
1996	Избирательная акция поляков Литвы (2,98%), Альянс граждан Литвы (2,43%), Союз русских Литвы (1,63%)
2000	Избирательная акция поляков Литвы (1,95%), <i>Социал-демократическая коалиция Альгирдаса Бразаускаса (31,08%)</i>
2004	Избирательная акция поляков Литвы (3,79%), <i>Партия труда (28,44%)</i>
2008	Избирательная акция поляков Литвы (4,79%), Союз русских Литвы (0,92%)
2012	Избирательная акция поляков Литвы (5,81%), <i>Партия труда (19,82%)</i>
2016	Избирательная акция поляков Литвы – Союз христианских семей (5,49%), <i>Партия труда (4,69%)</i>
2020	Избирательная акция поляков Литвы – Союз христианских семей (4,80%), <i>Партия труда (9,43%)</i>

Примечание: курсивом выделены партии, выдвигавшие в своих списках кандидатов, представлявших этнотерриториальные интересы.

Электоральный успех этнических партий в Литве нередко сопряжен с их коалиционным потенциалом. Так, Союз русских Литвы делегировал в разное время своих кандидатов в списки Социал-демократической партии труда Литвы, Литовской социал-демократической партии, Социал-демократической коалиции Альгирдаса Бразаускаса, Избирательной акции поляков Литвы, но наиболее долговременным стало партнерство с Партией труда, которая была основана в 2003 г. по инициативе Виктора Успаских. В 2012 г. Лидер «Союза русских Литвы» Сергей Дмитриев стал

депутатом Сейма, а в 2019 г. был избран депутатом вильнюсского городского самоуправления, выдвигаясь от Партии труда.

Смешанная избирательная система позволяет время от времени находить сильных местных политиков, способных выражать этнотерриториальные интересы. Интересен случай Висагины, который отнесен нами к совершенным этнитетам, где русские составляют 47,5% при населении в 19 446 человек. В совете висагинского самоуправления 25 мест, которые замещаются в результате выборов по мажоритарной системе абсолютного большинства в одномандатных округах. Последние по времени выборы здесь прошли в марте 2019 г. Шесть депутатов были избраны от висагинского избирательного комитета «Висагинас – это мы!» (Иван Хоменко, Айрида Друс, Вячеслав Готовский, Ольга Колесникова, Екатерина Кукалова, Евгений Шуклин), еще три мандата получили кандидаты от местной коалиции Избирательной акции поляков и Русского альянса (Олег Быков, Зигфрид Бинкевич, Дмитрий Иконников). От общенациональных партий были избраны 15 депутатов, еще один вел избирательную кампанию как самовыдвиженец. При этом из 16 депутатов шесть человек являются представителями этнических меньшинств Литвы. Нетрудно заметить, что по результатам местных выборов 2019 г. в Висагине эффект этнического голосования проявился в полной мере. Линейный коэффициент корреляции Пирсона в расчете по показателю этнического представительства русского меньшинства в локалитете и выборном органе власти составляет 0,9807, а в расчете по показателю голосования за этнотерриториальные избирательные объединения – 0,8384. Опираясь на шкалу Чеддока, можно смело утверждать, что влияние этнотерриториальных факторов электорального поведения в Висагине по первому счислению – очень высокая, по второму – высокая. Конечно, такая картина получена в статике и в масштабе малой размерности. Вместе с тем с точки зрения политической географии «точка Висагины» может быть принята в качестве более или менее надежного ориентира.

Если взглянуть на интенсивность голосования за «Избирательную акцию поляков Литвы – Союз христианских семей» на выборах в Сейм в 2020 г. (см. рис. 5), то здесь явно выделяются избирательные округа в пределах совершенных этнитетов Вильнюсского уезда (в Шальчининском, Вильнюсском и Швенчёнском районах) и Висагине. Партия сохраняет строгий этнотерри-

ториальный профиль. Оставаясь сугубо этнической и региональной, она эффективно удерживает свой ядерный электорат, балансируя на линии заградительного барьера на общелитовских выборах [Тарасов, 2021].

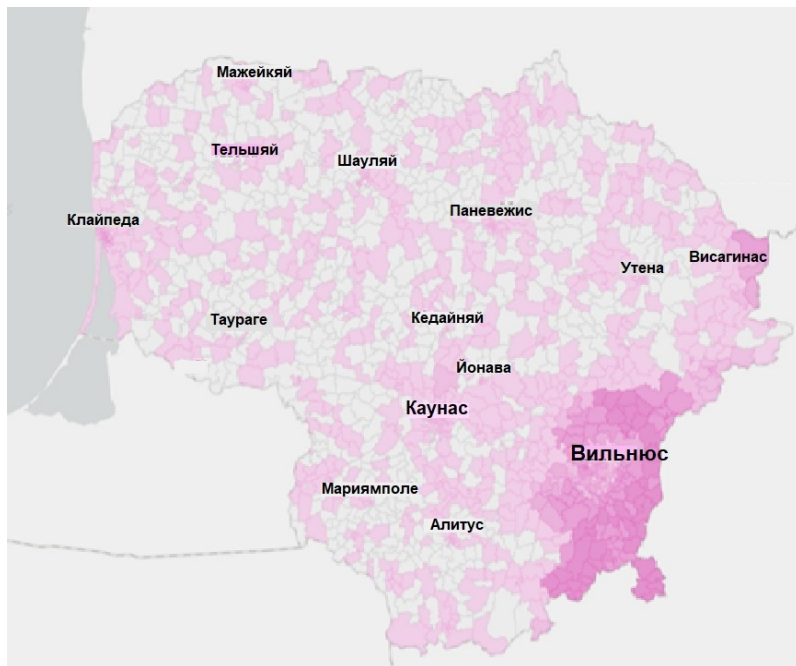

Рис. 5.
**Интенсивность голосования за ИАПЛ-СХС
на выборах в Сейм в 2020 г.¹**

«Избирательная акция поляков Литвы – Союз христианских семей» в нынешнем виде – наиболее сильная в стране политическая партия, представляющая этнотерриториальные интересы. Ее прямой конкурент по этническому голосованию – «Польская народная партия» – на местных выборах 2002 г. смогла добиться избрания только одного своего кандидата в Вильнюсском районе, а в

¹ Источник данных: Центральная избирательная комиссия Литвы. – Режим доступа: <https://rinkimai.maps.lt/rinkimai2020/seimas/> (дата посещения: 14.06.2022).

2004 г. все девять кандидатов от партии потерпели поражение. В 2010 г. партия отказалась от этнотерриториального профиля своей программы и сменила этнически окрашенное название на более нейтральное – «Республиканская лига». По сути, ИАПЛ-СХС в совершенных этнитетах Вильнюсского уезда фактически конкурирует с общелитовскими партиями за голоса этнических поляков [Бусыгина, Онищенко, 2019]. В пропорциональной части парламентских выборов партии удавалось завоевывать депутатские мандаты в 1992, 2012 и 2016 гг., тогда как в одномандатных округах на всех выборах партия добивалась избрания хотя бы одного кандидата.

Таблица 8

**Число мандатов, полученных ИАПЛ-СХС
в пропорциональной (I) и мажоритарной (II) части
на выборах в Сейм**

	1992	1996	2000	2004	2008	2012	2016	2020
I	2	0	0	0	0	5	5	0
II	2	1	2	2	3	2	3	3

На выборах в районные самоуправления в пределах совершенных этнитатов Вильнюсского уезда ИАПЛ-СХС имела больший успех. Так, на выборах 2019 г. партия в коалиции с «Русским альянсом» добилась избрания 20 своих кандидатов в Шальчининском районе, 19 – в Вильнюсском районе и четырех – в Швенчёнском. По всей стране было избрано 54 депутата от партии¹. Расчет линейного коэффициента корреляции Пирсона по показателю этнического представительства польского меньшинства и голосования за кандидатов ИАПЛ-СХС для Шальчининского района составил 0,9919; для Вильнюсского района – 0,9822, для Швенчёнского района (где поляки составляют 24,3%, и где лишь д. Магунай и г. Пабраде являются совершенными этнитетами) – –0,7096. Соответственно, можно заключить, что в этнитетах Шальчининского и Вильнюсского районов влияние этнотерриториаль-

¹ 2019 m. kovo 3 d. savivaldybių tarybų rinkimai (II turas). – Mood of access: <https://www.vrk.lt/2019-savivaldybiu-tarybu/rezultatai?srcUrl=/rinkimai/864/2/1504/rezultatai/lt/rezultataiSavSavivaldybiuSarasas.html> (accessed: 21.06.2022).

ных факторов на электоральное поведение очень высокое, а для Швенчёнского района – высокое отрицательное.

Выводы

Учитывая несколько показателей: категорию локалитета этнического разнообразия, долю политического представительства этнических меньшинств, связанность территории с этнической партией, выраженность этнического голосования, – нами предложена шкала оценивания. Оценка по каждому этниту проводилась в пределах одного электорального цикла.

Таблица 9

Индексация критериев итогового ранжирования

Индекс	Категория локалитета	Доля политического представительства	Связанность территории с этнической партией	Выраженность этнического голосования
3	Совершенный этнитет	Высокая (большинство)	Сильная (постоянные выдвижения в каждом электоральном цикле)	Сильная (линейный коэффициент Пирсона 0,70)
2	Несовершенный этнитет	Средняя (паритет)	Умеренная (периодические выдвижения)	Умеренная (0,31–0,69)
1	Район этнического паритета	Низкая (меньшинство)	Слабая (единичные выдвижения)	Слабая (0–0,30)
0	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует (отрицательный)

Нам удалось ранжировать далеко не все этнитеты и районы этнического паритета по всем показателям в силу малой размерности некоторых из них, а также отсутствия доступа к подробным данным о развертывании и результатах избирательных кампаний на местах (д. Сверкос, д. Мядининкай, г. Пабраде, д. Яунюнай, г. Лентварис, волости: Муствез, Пейпсиэере, Ряпина). Ранжирование остальных этнитетов представлено в итоговой таблице.

Таблица 10

**Итоговое ранжирование локалитетов
этнического разнообразия**

Этнитет	Категория локалитета	Доля политического представительства	Связанность территории с этнической партией	Выраженность этнического голосования	Сумма
г. Нарва	3	3	3	3	12
Ида-Вирумаа	3	3	3	3	12
г. Даугавпилс	3	3	3	3	12
г. Висагинас	3	3	3	3	12
Шальчининский район	3	3	3	3	12
Вильнюсский район	3	3	3	3	12
Даугавпилсский край	3	2	3	3	11
Зилупский край	3	2	2	2	9
г. Рига	2	2	3	2	9
г. Резекне	2	2	2	2	8
Саласпилсский край	2	2	2	2	8
г. Таллин	1	2	3	2	8
Харьюмаа	1	2	2	2	7
Олайнский край	2	1	1	2	6
Швенчёнский район	1	1	3	0	5
Резекненский край	1	1	2	1	5
г. Юрмала	1	1	1	1	4
Краславский край	2	1	0	1	4
г. Вентспилс	1	1	1	0	3
г. Лиепая	1	1	0	0	2
г. Елгава	1	1	0	0	2
Екабпилсский край	1	0	0	0	1
Ропажский край	1	0	0	0	1
Прейльский край	1	0	0	0	1

Подводя итог, мы разделили все ранжированные этнитеты Прибалтики на три большие группы:

- со слабым влиянием этнотерриториальных факторов (0–3 балла);
- с умеренным влиянием (4–8 баллов);
- с сильным влиянием (9–12 баллов).

В первую группу, за исключением Риги, входят только совершенные этнитеты, где высока доля политического представительства

этнических меньшинств, выражены этнотерриториальные связи и этническое голосование. Вместе с тем простое сопоставление результатов по Вильнюсскому району и г. Нарве, например, показывает различия в характере проявлений этнотерриториальности в местной политике, а не только в ее содержательном наполнении. Во второй группе встречаются несовершенно этнитеты, здесь этнотерриториальные факторы электорального поведения выражены в ослабленном виде. Как представляется, в дополнительном изучении нуждаются идентичные показатели по г. Резекне и Саласпилсскому краю, а также максимально приближенные результаты шкалирования по г. Таллину и Харьумаа. По всей видимости, материалы столичных городов в трех странах также требуют отдельного внимания и дальнейшего углубленного изучения. Третья группа, в которую вошли только локалитеты Латвии, интересна практически полным отсутствием этнотерриториальных проявлений в политической жизни. Такое положение дел скорее всего связано с исчерпанием этнополитического ресурса, который в городах и районах этой группы был активно задействован в 1990-е годы, в силу миграционных процессов, неблагоприятного демографического фона, изменения условий натурализации, экономических или иных социальных причин. Мы не ставили перед собой задачу отыскать общую объяснительную рамку, выдвинутая нами гипотеза нашла подтверждение на примере совершенных этнитетов. Действительно, этнотерриториальность выступает мощным фактором разворачивания политических процессов, сила ее воздействия проявляется дискретно, нередко она выступает спящим ресурсом активизации местной политики.

I.N. Tarasov, M.I. Krishtal, E.E. Urazbaev*
**Influence of ethno-territorial factors on electoral practices
in the Baltic states**

Abstract. The article reveals the problems of the influence of ethno-territorial factors on electoral behavior in the Baltic states. Particular attention is paid to the issues

---

* **Tarasov Ilya**, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), e-mail: ITarasov@kantiana.ru; **Krishtal Mikhail**, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), e-mail: MKrishtal@kantiana.ru; **Urazbaev Evgeniy**, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), e-mail: yrazbaev@gmail.com

of settlement, the formation of local ethnicities and the related effects of ethnic voting, changes, and sustainability of electoral preferences. The article analyzes a vast array of statistical data on the ethnic structure of individual administrative units of the Baltic states, on the results of elections and the development of ethno-political processes in Latvia, Lithuania, and Estonia. Based on formalized criteria, an initial working typology of ethnicities is proposed with their division into perfect, imperfect and areas of relative ethnic parity. Considerable attention is paid to revealing the assumption about the uneven manifestation of ethnic voting, even in ethnic groups close in their ethno-demographic characteristics. As the analysis deepens and checks the initial provisions on the longevity of ethnicities, the stability and volatility of electoral preferences, the correlation between ethnic settlement and ethnic voting, the authors come to clarify the working typology by ranking the Baltic ethnicities according to the influence of ethno-territorial factors on electoral processes. Based on the study of individual practices of political subjects in the development of ethnic localities, an attempt was made to schematize the foundations of the ethno-territorial differentiation of the Baltic states. In conclusion, the essence of the uneven influence of ethno-territorial factors is revealed, a refined typology of ethnicities in the Baltic states is proposed, considering several indicators.

Keywords: the Baltic states; ethnicity; ethnic voting; ethno-territorial factors; resettlement.

For citation: Tarasov I.N., Krishtal M.I., Urazbaev E.E. Influence of ethno-territorial factors on electoral practices in the Baltic states. *Political science (RU)*. 2022, N 4, P. 207–239. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.10>

References

- Akhremenko A.S. The space of electoral choice: models and concepts (part one). *Moscow university bulletin. Series 12. Political science*. 2007, N 1, P. 45–55. (In Russ.)
- Busygina I.M., Onishchenko A.D. The Polish minority in the Republic of Lithuania: internal and external factors. *Baltic region*. 2019, Vol. 11, N 1, P. 43–59. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-1-4> (In Russ.)
- Farukshin M. Kh. Problem of ethnic voting in international discourse. *Sociological studies*. 2016, N 5 (385), P. 80–86. (In Russ.)
- Forest B. Electoral redistricting and minority political representation in Canada and the United States. *Canadian Geographer / Le Geographe canadien*. 2012, Vol. 56, N 3, P. 318–338. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1541-0064.2012.00437.x>
- Goodnow R., Moser R.G. Layers of ethnicity: the effects of ethnic federalism, majority-minority districts, and minority concentration on the electoral success of ethnic minorities in Russia. *Comparative political studies*. 2012, Vol. 45, N 2, P. 167–193. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414011421310>
- Hameleers M., de Vreese C.H. To whom are “the people” opposed? Conceptualizing and measuring citizens’ populist attitudes as a multidimensional construct. *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*. 2020, N 2, P. 255–274.

- Hare C., Highton B., Jones B. The Space of American Public Opinion: Ideological Dimensionality in Models of Political Behavior. *Available at SSRN 3805016*. 2021, P. 1–57.
- Krishtal' M.I. Cooperation with Russia and the current state of the Russian language community on the agenda of the 2018 election to the seimas of Latvia. *RUDN Journal of political science*. 2019 b, Vol. 21, N 4, P. 718–728. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-4-718-728> (In Russ.)
- Krishtal' M.I. Ideological and political distance of “Russian” parties in Latvia. *Vlast'*. 2019 a, Vol. 27, N 1, P. 153–157. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6243> (In Russ.)
- Lanko D.A. Party-political system of the Republic of Estonia in the mid-2010 s. *Baltic region*. 2015, N 2 (24), P. 67–77. DOI: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2015-2-5> (In Russ.)
- Mölder M. Analysing European Political Spaces through Pairwise Comparisons and Multidimensional Scaling. *Paper presented at the ECPR General Conference in Hamburg*. 2018, P. 1–22.
- Musaev V.I. Independence of the Baltic States and the “Russian question”. *Noveishaia istoriia Rossii*. 2017, N 2, P. 176–191. (In Russ.)
- Okunev I. Iu., Zhirnova L.S. Ethnic split in the electoral behavior of Latvia. *Scientific-analytical journal «Obozrevatel'–Observer»*. 2019, N 11, P. 78–90. (In Russ.)
- Oskolkov P.V. Estonia's party system today: electoral turbulence and changes in ethno-regional patterns. *Baltic region*. 2020 a, Vol. 12, N 1, P. 4–15. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-1-1> (In Russ.)
- Oskolkov P.V. Ethnic parties and ethnic voting: conceptualization problems and development factors. *World economy and international relations*. 2020 b, Vol. 64, N 8, P. 112–118. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-8-112-118> (In Russ.)
- Panov P.V. Ethnic and regional parties in the cee countries: special features and trajectories of development. *Bulletin of Perm university. Political science*. 2020, Vol. 14, N 3, P. 20–34. DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-3-20-34> (In Russ.)
- Rabushka A., Shepsle K.A. *Politics in plural societies: A theory of democratic instability*. Columbus: Charles Merrill, 1972, 232 p.
- Rose R. *Governing without consensus: An Irish perspective*. Boston: Beacon press, 1972, 567 p.
- Shepard R.N. The analysis of proximities: multidimensional scaling with an unknown distance function. *Psychometrika*. 1962, N 2, P. 125–140.
- Solopenko A.V. Comparison of the electoral behavior of Russian-speaking citizens of Latvia and Estonia in the parliamentary elections in 2011–2015. In: Klemeshev A.P., Mezhevich N.M., Fedorov G.M. (ed.). *Baltic studies in Russia: Proceedings of the International Scientific Conference*. Kaliningrad: Publishing House of the Baltic Federal University. Immanuel Kant, 2016, P. 163–167. (In Russ.)
- Tarasov I.N. Elections in Poland and Lithuania in 2020. In: Fedorov G.M. (ed.). *Challenges and prospects for the development of the kaliningrad region: geopolitics and geoeconomics*. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University, 2021, P. 68–70. (In Russ.)

- Tarasov I.N. Instruments of ethnic policy in Latvia. *South-Russian journal of social sciences*. 2019, Vol. 20, N 2, P. 34–44. DOI: <https://doi.org/10.31429/26190567-20-2-34-44> (In Russ.)
- Urazbaev E.E., Iamalova E.N. The ethno-political movement as a vehicle for nationalism institutionalisation in modern Latvia. *Baltic Region*. 2020, Vol. 12, N 2, P. 54–69. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-2-4> (In Russ.)
- Vorotnikov V.V. Party «Harmony» in the parliamentary elections in Latvia 2018: victory without a winner. *Scientific and analytical herald of IE RAS*. 2018, N 5, P. 85–90. DOI: <https://doi.org/10.15211/vestnikieran520188590> (In Russ.)
- Wolfinger R.E. The Development and Persistence of Ethnic Voting. *The American political science review*. 1965, N 59(4), P. 896–904.
- Zaionchkovskaja Zh.A. Migration of the population of the USSR and Russia in the XX century: evolution through cataclysms. *Problemy prognozirovaniia*. 2000, N 4, P. 1–15. (In Russ.)
- Zhirnova L.S. Regional trends in electoral support for Latvian parties: neighborhood factor. *Baltic Region*. 2022, Vol. 14, N 1, P. 138–158. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-9> (In Russ.)

Литература на русском языке

- Ахременко А.С. Пространство электорального выбора: модели и концепции (часть первая) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2007. – № 1. – С. 45–55.
- Бусьгина И.М., Онищенко А.Д. Положение польского меньшинства в Литовской Республике: внутренние и внешние факторы влияния // Балтийский регион. – 2019. – Т. 11, № 1. – С. 43–59. – DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-1-4>
- Воротников В.В. Партия «Согласие» на парламентских выборах в Латвии 2018 года: победа без победителя // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2018. – № 5. – С. 85–90. – DOI: <https://doi.org/10.15211/vestnikieran520188590>
- Жирнова Л.С. Региональные тенденции электоральной поддержки латвийских партий: фактор соседства // Балтийский регион. – 2022. – Т. 14, № 1. – С. 138–158. – DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-9>
- Зайончковская Ж.А. Миграция населения СССР и России в XX веке : эволюция сквозь катаклизмы // Проблемы прогнозирования. – 2000. – № 4. – С. 1–15.
- Кришталь М.И. Идеологическая и политическая дистанция «русских» партий Латвии // Власть. – 2019 а. – Т. 27, № 1. – С. 153–157. – DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6243>
- Кришталь М.И. Сотрудничество с Россией и положение русскоязычной общины на повестке дня выборов в сейм Латвии 2018 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2019 б. – Т. 21, № 4. – С. 718–728. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-4-718-728>
- Ланко Д.А. Партийно-политическая система Эстонской Республики в середине 2010-х годов // Балтийский регион. – 2015. – № 2 (24). – С. 67–77. – DOI: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2015-2-5>

- Мусаев В.И.* Независимость стран Балтии и «русский вопрос» // Новейшая история России. – 2017. – № 2. – С. 176–191.
- Окунев И.Ю., Жирнова Л.С.* Этнический раскол в электоральном поведении Латвии // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2019. – № 11. – С. 78–90.
- Осколков П.В.* Партийная система Эстонии на современном этапе: электоральная турбулентность и смена этнорегиональных паттернов // Балтийский регион. – 2020 а. – Т. 12, № 1. – С. 4–15. – DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-1-1>
- Осколков П.В.* Этнические партии и этническое голосование: проблемы концептуализации и факторы развития // Мировая экономика и международные отношения. – 2020 б. – Т. 64, № 8. – С. 112–118. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-8-112-118>
- Панов П.В.* Этнические и региональные партии в странах Центральной и Восточной Европы: специфика и траектории развития // Вестник Пермского университета. Политология. – 2020. – Т. 14, № 3. – С. 20–34. – DOI: <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-3-20-34>
- Солопенко А.В.* Сравнение электорального поведения русскоязычных граждан Латвии и Эстонии на парламентских выборах в 2011–2015 годах // Прибалтийские исследования в России: материалы Международной научной конференции / под ред. А.П. Клемешева, Н.М. Межевича, Г.М. Федорова. – Калининград: Изд-во Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, 2016. – С. 163–167.
- Тарасов И.Н.* Выборы в Польше и Литве в 2020 году // Вызовы и перспективы развития Калининградской области: геополитика и геоэкономика / под ред. Г.М. Федорова. – Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2021. – С. 68–70.
- Тарасов И.Н.* Инструменты этнической политики в Латвии // Южно-российский журнал социальных наук. – 2019. – Т. 20, № 2. – С. 34–44. DOI: <https://doi.org/10.31429/26190567-20-2-34-44>
- Уразбаев Е.Е., Ямалова Э.Н.* Этнополитическое движение как проводник институционализации национализма в современной Латвии // Балтийский регион. – 2020. – Т. 12, № 2. – С. 54–69. – DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-2-4>
- Фарукишин М.Х.* Проблема этнического голосования в зарубежном дискурсе // Социологические исследования. – 2016. – № 5 (385). – С. 80–86.

А.С. ЗИНОВЬЕВ, Н.Л. ТУРОВ, Ф.М. ЧЕРНЕЦКИЙ*
**ЛОКАЛИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ
СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ:
КЕЙС ЛИТВЫ**

Аннотация. В статье авторы обращаются к феномену локализма как одного из проявлений процесса фрагментации политического пространства – важной особенности культурно-политической динамики в современном мире. В Европе это проявляется в заметном росте значимости локальных политических движений, что отчасти связано с динамикой мировой экономики, которая в значительной мере определяет политический выбор и стратегию поведения разных социальных акторов. Застойные явления в экономике, возрастающая социальная дифференциация и поляризация, размывание среднего класса вызывают разочарование избирателей в «исторических» политических партиях, провоцируя рост волатильности партийной структуры и предпочтений избирателей. В исследовании авторы изучают недавний опыт одной из постсоциалистических стран – Литвы. В результате реформы избирательного законодательства с 2015 г. к муниципальным выборам в Литве допущены беспартийные списки местных жителей – общественные избирательные комитеты (ОИК). Важной особенностью ОИК является их короткий жизненный цикл, они прекращают свое существование с окончанием избирательной кампании. Авторами были проанализированы ключе-

---

* **Зиновьев Андрей Станиславович**, старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: a.zinovuev@spbu.ru; **Туров Никита Леонидович**, научный сотрудник отдела глобальных проблем, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: nikitaturgov@yandex.ru; **Чернецкий Федор Михайлович**, лаборант кафедры социально-экономической географии зарубежных стран, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: fedor.chem@yandex.ru

© Зиновьев А.С., Туров Н.Л.,
Чернецкий Ф.М., 2022

DOI: 10.31249/poln/2022.04.11

вые позиции, декларируемые в предвыборных программах 113 ОИК на муниципальных выборах в 2015 и 2019 гг. География участия и поддержки ОИК расширяется. В 2019 г. они были представлены в 47 самоуправлениях и совокупно получили 27,8% голосов, что больше, чем у любой другой партии. Крупные города оказались наиболее восприимчивы к инновационному институту избирательного процесса. Ключевые факторы, влияющие на успешность ОИК, – степень фрагментации электорального пространства муниципалитета и наличие во главе списка сильного лидера, баллотирующегося параллельно на пост мэра. Кейс Литвы показал возрастание поддержки локальных политических движений в Европе благодаря перетоку избирателей от общенациональных партий. Однако институциональные ограничения (короткий жизненный цикл, отсутствие выхода на высшие уровни принятия решений) снижают потенциал локальных движений в преодолении местных проблем. Таким образом, в конкуренции политических агентов разных масштабов с противоположными трендами электоральной поддержки рождается новый для политической динамики современной Европы конфликт.

Ключевые слова: локализм; муниципальные выборы; Европа; Литва; последствия глобализации; беспартийные списки; местное сообщество; кризис партийной системы.

Для цитирования: Зиновьев А.С., Туров Н.Л., Чернецкий Ф.М. Локализм в политической динамике современной Европы: кейс Литвы // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 240–261. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.11>

Введение и постановка проблемы

В политическом пространстве Европы возникли глубокие размежевания в связи с текущей стадией глобализации, которую известный британский географ Питер Тейлор называет корпоративной [Taylor, 2017]. Они уходят корнями в институциональные неолиберальные реформы 1980–1990-х годов, открывшие границы государств для торговли, миграции и интеграции в наднациональные управленческие структуры и в последовавшие за ними глубокие социальные изменения. Сложившиеся уже в XXI в. противоречия в партийно-политических системах стран Европы носят не только социально-экономический, но и культурно-ценностный характер. Постматериализм, индивидуальный выбор образа жизни, мультикультурализм, иммиграция породили новое измерение социально-политического конфликта, который слабо отражается в традиционной конкуренции левых и правых [Marks et al., 2021]. Р. Инглхарт и П. Норрис отмечают, что «тихая революция, начатая в 1970-х, похоже, сегодня вызвала возмущенную контрреволюционную реакцию» [Norris, Inglehart, 2019].

В контексте этих трансформаций в Европе резко изменилась архитектура политической жизни, породив новые политические партии и движения различной ориентации – от правых до левых популистов. За последние десять лет мы могли наблюдать электоральные успехи Эмманюэля Макрона и его партии «Вперед, Республика!» во Франции, партии независимости Соединенного Королевства (UKIP), немецкой партии «Альтернатива для Германии» и итоги референдума о выходе из Европейского союза в Великобритании, а также появление популистских движений – от Испании и Греции на юге до Швеции и Финляндии на севере Европы.

Политический ответ на растущую экономическую унификацию и политическую гомогенизацию дается и на местном уровне – растут социальная активность и сопротивление. Несмотря на то что для потоков людей, услуг, товаров и финансов расстояния сократились, значимость дифференциации формальных и неформальных культурных практик на местах приобрела большое значение.

Фрагментация политического пространства на разных уровнях, диалектически связанная с интеграцией, – одна из важных особенностей мировой политической динамики последних лет. В Европе она проявляется, в частности, в том, что локальные политические партии и движения оказывают все большее воздействие на политическую ориентацию стран региона. Используя созданные в ходе многолетней децентрализации и европейской интеграции институты, локальные (муниципальные) элиты более активно отстаивают свои интересы на общегосударственной и европейской политической сцене, стремясь увеличить свою долю в консолидированном бюджете, добываясь еще большей самостоятельности.

При этом деятельность местных политических движений, роль списков беспартийных кандидатов на муниципальных выборах остаются малоисследованной темой. Хотя вопрос о причинах, почему избиратели голосуют за местные политические силы, «такой же актуальный, как и почему они голосуют за христианских демократов, социал-демократов или либералов» [Otjes, 2018]. Цель данного исследования – выявить особенности влияния локальных политических движений на политическую динамику современной Европы. Авторы обращаются к недавнему опыту одной из постсоциалистических стран (Литвы), где в отличие от устоявшихся демократий Западной Европы партийно-политическая система и ин-

ституциональные процедуры избирательного процесса менее стабильны. И, как следствие, высока электоральная волатильность, откуда чаще всего и черпают свою поддержку непартийные движения [Gendźwiń, 2012]. Для стран Центрально-Восточной Европы это имеет особую актуальность, так как при переходе от тоталитарного коммунистического режима к более децентрализованным формам демократического управления местным партиям отводится решающая роль в передаче политической информации и социализации населения в рамках обновленных ценностей, норм и институтов [Saiz, Geser, 1999].

Важным методическим моментом работы нам видится увязка конструируемого местными политическими движениями феномена локализма с его географическим выражением. Поэтому авторы предлагают следующий алгоритм исследования. На первом этапе изучить теоретические подходы к понятию «локализм», выяснять уровень поддержки локальных политических движений и его географическое распределение в Европе. На втором этапе мы перейдем к кейсу Литвы, и для понимания того как локальная повестка политизируется, проанализируем институциональную природу и дискурс предвыборных программ общественных избирательных комитетов в муниципальных избирательных кампаниях. Сравнение динамики их электоральных успехов с общенациональными партиями позволит нам понять значимость и заметность этого явления. И на завершающем этапе, используя картографический и сравнительно-географический методы, будет выявлена пространственная неоднородность проявления рассматриваемого феномена и ее причины.

Локализм: подходы к понятию, причины роста и географическая дифференциация

Чувство привязанности к локальному сообществу – одна из предпосылок развития феномена локализма, который объединяет географические представления о масштабе и месте с набором политических представлений о децентрализации, участии и сообществе [Clarke, Cochrane, 2013]. Н. Кларк выделяет три подхода к изучению локализма [Clarke, 2013]. Согласно первому, локализм – естественный феномен, возникающий в результате дифференциа-

ции окружающей среды и максимизирующий местный аутентичный опыт. Этот подход основывается на принципах гуманистической географии, которая рассматривает место как продукт определенного средового контекста, сформировавшего конкретные локальные или региональные культуры. В разные периоды в этой парадигме работали классики географического страноведения Поль Видаль де ла Блаш и Карл Зауер, а также анархисты Петр Кропоткин и Элизе Реклю. Согласно второму подходу, произведенный локализм – это культурно-политическое проявление пространственного разделения труда в контексте крупномасштабной экономической реструктуризации. Этот взгляд типичен для представителей неомарксистской или политико-экономической географии, которая рассматривает локализм как социальный феномен, порожденный неравномерным социально-экономическим развитием. Третий подход связан с постструктуралистским взглядом на деконструированный локализм, уделяющий меньше внимания пространственным законам и определяющим экономическим силам и больше – множественному опыту переживания пространства и места, их ниспровержению и присвоению, а также постоянному производству пространства посредством взаимодействия в рамках глобальных потоков и связей.

В американских исследованиях локализм понимается прагматично, как повышенная поддержка избирателями кандидатов-земляков [Mixon, Tyrone, 2004; Lewis-Beck, Rice, 1983; Panagoroulos et al., 2016]. Это часто происходит в периоды стремительных изменений, когда менее политизированным избирателям трудно ориентироваться в спектре политических сил и проще выбрать территориально близкого и нередко лично знакомого кандидата. Мы же в своем исследовании будем исходить из определения локализма как поддержки местными политическими движениями интересов локального сообщества и повышения уровня самостоятельности муниципалитетов [Otjes, 2018].

В числе основных причин усиления локализма в последние десятилетия называют:

- 1) рост недоверия к существующей партийно-политической системе. Показателен пример Словении, где политические партии стабильно являются институтом с самым низким доверием со стороны граждан (5–10%) и с максимальным антирейтингом (более 50% недоверия), при этом за беспартийных политиков готовы голо-

совать более половины избирателей [Kukovic, Nacek, 2011]. Исследование региональных партий в Испании показывает, что усиление местных политических движений происходит именно вследствие провала основных национальных партий [Lago, Martínez, 2011];

2) так как «повседневная жизнь большинства людей ограничена местностью, в которой они живут»¹ [Mabileau, 1989], появляются особые потребности местного сообщества (часто общественные и политические движения возникают в ходе протестов против строительства экологически опасного предприятия, сноса исторического здания, за сохранение местной больницы и т.п.). «Бизнес муниципальных партий – местность» [Aars, Ringkjøb, 2005; Åberg, Ahlberger, 2015];

3) недостаточное внимание общенациональных партий к выборам в небольших по численности избирателей муниципалитетах или вовсе отказ от участия в них. Местным движениям, не имеющим хорошей инфраструктуры для ведения избирательных кампаний, подобной той, что имеется у общенациональных партий, трудно добиваться успеха в крупных избирательных округах. Преимущество местных списков достигается в небольших муниципалитетах, где возможно проведение агитации «от двери к двери», например в таких периферийных районах Австрии, как Тироль и Форарльберг, где беспартийные политики имеют максимальную поддержку [Ennser-Jedenastik, Hansen, 2013].

Предполагается, что популярность местных движений повышается из-за наличия у них позитивной местной программы, зачастую отсутствующей у партий, больше ориентированных на общенациональные вопросы. Однако недоверие к партиям – все-таки более значимый фактор, чем привлекательность местных списков, поддерживаемых в основном протестным голосованием [Otjes, 2018].

В соответствии с другой теорией, местные движения – продукт сплоченных локальных сообществ с высоким социальным капиталом и крепкими горизонтальными связями. Но, как показывает исследование итальянских местных беспартийных списков, они пользуются большей поддержкой в наименее развитых регионах Южной Италии с преобладанием бондингового соци-

---

¹ В оригинале речь идет о территории повседневной активности, т.е. по сути – о вернакулярном районе.

ального капитала, а не в богатых северных провинциях, где доминируют бриджинговые социальные связи [Vampa, 2015]. К похожим выводам приходят и авторы работ по Германии, в восточных землях которой средняя поддержка беспартийных политиков составляет почти 50% голосов избирателей на местных выборах, тогда как в более экономически развитых западных землях она ниже на треть (около 30%) [Angenendt, 2015]. Повышенный социальный капитал зачастую прямо связан с политизацией избирателей, приводящей, как правило, активную часть электората в партии, а не к организации локальных движений [Ennser-Jedenastik, Hansen, 2013].

Описанные факторы влияют на популярность местных непартийных движений. Они способствуют возрастанию региональных различий и успешности исследуемого явления на более высоком иерархическом уровне. В Восточной Европе доверие избирателей к институту политических партий ниже, чем в Западной, и партийные системы (особенно как это было в 1990-х годах) неустойчивы вследствие их молодости [Kukovic, Nacek, 2011]. Это может обуславливать повышенную популярность списков беспартийных в ряде восточноевропейских государств. Однако рост их поддержки в Западной Европе постепенно снижает макрорегиональные градиенты. Впрочем, причины, по которым избиратели голосуют за местные электоральные альтернативы в одной стране, не могут быть однозначно перенесены в другую страну [Reiser, Holtmann, 2008].

В табл. содержится информация об успешности, специальных названиях и законодательных ограничениях беспартийных местных списков на муниципальных выборах в разных странах Европы, в которых исследуемое явление наиболее выражено. Непартийные политики добиваются успеха как в Западной (страны Бенилюкса и Германия), так и в Восточной Европе (Польша, Эстония, Словения). Наименьшая популярность локальных списков наблюдается в Юго-Восточной и Северной Европе, однако в Скандинавских странах их поддержка в последние годы стремительно растет.

Таблица

Уровень поддержки и наименование местных списков в некоторых странах Европы

Страна	Результат на выборах (расположено в порядке убывания)	Наименование беспартийных списков	Источники
Бельгия	60–70%		[Steyvers et al., 2008]
Польша	60–70%	Электоральные комитеты (Electoral committees)	[Dudzińska, 2008; Gendźwiń, 2012]
Германия	30–40%	Нет общепринятого	[Angenendt, 2015; Göhlert et al., 2008; Jankowski, Juen, Tepe, 2022]
Нидерланды	25–35%	Нет общепринятого	[Boogers, 2008; Boogers, Lucardie, Voerman, 2007; Boogers, Voerman, 2010; Otjes, 2018]
Эстония*	25–30%	Избирательные коалиции / Гражданские избирательные альянсы (Electoral coalitions / Citizen Electoral Alliances (CEA))	[Pettai, Toomla, Joakit, 2008]
Словения	25–30%	Нет общепринятого	[Kukovic, Hacek, 2011]
Италия	20–30%	Гражданские списки (Civic list)	[Trigilia, 1986; Vampa, 2015; Vampa, 2016]
Испания*	15–20%	Нет общепринятого	[Lago, Martínez, 2011]
Австрия	10–15%	Нет общепринятого	[Ennsner-Jedenastik, Hansen, 2013]
Кипр	10–15%		[Municipal Council Elections, 2016]
Великобритания*	5–10%	Ассоциации жителей (Neighborhood / Residents' Association)	[Copus, Clark, Bottom, 2008; Copus, Wingfield, 2014]
Норвегия	менее 5%	Нет общепринятого	[Aars, Ringkjøb, 2005; Aars, Ringkjøb, 2008]
Швеция*	менее 5%	Нет общепринятого	[Åberg, Ahlberger, 2015; Erlingsson, 2008; Wörlund, 2007; Wörlund, 2008]
Дания	менее 5%	Местные списки / гражданские списки (Local List, Citizens' List)	[Kjaer, Elklit, 2010]
Финляндия*	менее 5%	Нет общепринятого	[Ylönen, 2007]

* Беспартийные списки в данной стране могут функционировать несколько избирательных циклов, а не регистрироваться заново на каждом выборах

В большинстве стран, как и в Литве, местные списки формируются к конкретным выборам и, в отличие от партий, не существуют постоянно. В некоторых странах они имеют специальные названия, подчеркивающие особое положение, а иногда и законодательно оформлены.

Общественные избирательные комитеты: институциональные основы и доминирующий дискурс

Муниципальные выборы в Литве – важная составляющая ее политической системы. Страна разделена на 60 самоуправлений, из них семь городских, 43 районных и десять новообразованных, возникших в результате административной реформы в 1999–2000 гг. Подобный принцип и структура административно-территориального деления в основном унаследованы от советского периода. Это связано с сохранением после распада СССР во власти на местах прежних лидеров, членов Коммунистической партии Литвы¹, активно участвовавших на низовом уровне в движении за независимость. В 1995 г. в Литве был создан промежуточный уровень управления – уезд, призванный гарантировать соблюдение конституции и законов на территории муниципальных образований, а также осуществлять государственную региональную политику в социальной сфере, а также в сферах территориального планирования, охраны окружающей среды и т.д. Впрочем, муниципальные органы власти не подчинялись уездным. В 2010 г. этот институт был упразднен, в том числе чтобы усилить влияние политических партий на местах – как основных медиаторов социально-экономических расколов в локальных сообществах. Однако в результате реформы проявился непредвиденный эффект: увеличилась дистанция между властью на местах и центром. Высокий уровень автономности муниципальной власти привел к тому, что избиратели стали видеть решение своих насущных проблем в местных политиках больше, чем в представителях общенациональной политической жизни. Ослаблению общенациональных партий на местном уровне способствовало также ужесточение антикор-

---

¹ С декабря 1990 г. переименована в Литовскую демократическую рабочую партию.

рупционного законодательства, сократившее возможности для финансового поддержания партийных структур по всей стране. Кроме того, сформировавшийся коалиционный тип управления как на национальном, так и на локальном уровне сократил возможности допуска во власть других политических сил, создав тем самым своеобразную социально-политическую эксклюзию. Что, в свою очередь, создало общественный запрос на институциональные возможности представительства. Дальнейшее изменение избирательного законодательства актуализировало эту проблематику.

В 2014 г. Сеймом Литовской Республики были внесены поправки в закон о выборах в муниципальные советы. Начиная с избирательной кампании 2015 г. в муниципальных выборах могут участвовать общественные избирательные комитеты (ОИК). В соответствии с законодательством, учредителями ОИК становятся жители только того муниципального образования, в котором он регистрируется. Количество членов ОИК должно минимум вдвое превышать количество мест в муниципальном совете. Прием документов на регистрацию ОИК Центральной избирательной комиссией начинается с объявления даты выборов в муниципальные советы и заканчивается за 85 дней до волеизъявления. Комитет прекращает свое существование с окончанием избирательной кампании. Таким образом, важная особенность феномена ОИК – короткий жизненный цикл, что принципиально отличает их от постоянно действующих политических партий.

Уже на первых муниципальных выборах по обновленным правилам в 2015 г. принял участие 51 ОИК в 29 муниципалитетах из 60, им удалось совокупно набрать 10,7% голосов избирателей и получить 114 мандатов из 1416. Через четыре года, на выборах 2019-го, уже было представлено 87 ОИК в 47 муниципалитетах из 60, которые совокупно получили 27,8% голосов избирателей и 305 мандатов из 1442¹. Это больше, чем у любой общенациональной партии.

Большинство ОИК содержат в названии топоним (например «Вперед, Паланга и Швянтойи!» или «Вильнюсский медведь» и т.п.), что, возможно, призвано облегчить избирателям, особенно тем, кто еще не определился, установить «соседскую» связь с этим

---

¹ Центральная избирательная комиссия Литовской Республики. – Режим доступа: <https://www.vrk.lt/en/pagal-rusi> (дата посещения: 16.07.2022).

списком. ОИК подчеркивают внепартийное происхождение (отсутствие идеологической аффилиации с общенациональными партиями), и свою роль в конструировании местных сообществ, создании локальной среды и вовлечении граждан в местное самоуправление. Такое позиционирование вне сложившихся на национальном уровне социально-политических расколов в целом характерно для небольших сообществ [Saiz, Geser, 1999].

Для понимания повестки, поднимаемой местными политическими движениями на муниципальных выборах в Литве, авторами были проанализированы положения, декларируемые в предвыборных программах 113¹ ОИК на муниципальных выборах в 2015 и 2019 гг. Несмотря на общую «локальность», программы серьезно диверсифицированы – ОИК могут находиться на разных полюсах политического спектра. Содержание программ нами было разделено на 14 тематических категорий: «экономическое развитие и поддержка малого бизнеса», «оптимизация муниципального управления», «помощь социально уязвимым слоям населения», «благоустройство среды населенных пунктов», «развитие инженерной и транспортной инфраструктуры», «образование», «культура и спорт», «развитие социальной инфраструктуры», «здоровоохранение», «туризм», «проекты в области экологии», «сохранение культурного своеобразия», «общественная безопасность», «права меньшинств».

Наиболее часто упоминаемые в предвыборных программах ОИК проблемы коррелируют с общелитовской повесткой: развитие инфраструктуры, решение острых социальных проблем, борьба с безработицей и т.д. В отличие от общенациональных партий, которые предлагают универсальные решения для всех территорий, программные положения ОИК характеризуются «адресностью», т.е. в них указываются конкретные населенные пункты или даже отдельные объекты:

- «Добьемся постройки объездной дороги вокруг Кретинги» (из программы ОИК «Кретингцы – для дедушек, бабушек, родителей и детей», Кретингское самоуправление, выборы 2019 г.);

- «Мы уже гордимся брендом “Алитус, я люблю тебя” и мы продолжим создавать сильную городскую идентичность» (из про-

---

¹ Предвыборные программы 25 ОИК на сайте Центральной избирательной комиссии Литвы не представлены.

граммы ОИК «Граждане Алитуса», Алитусское городское самоуправление, выборы 2019 г.);

- «Мы положим начало традиции каждое Рождество ставить на центральную площадь только натуральную ель, тратя не более 2000 евро» (из программы ОИК «Создадим Купишкский край вместе», Купишкское самоуправление, выборы 2019 г.).

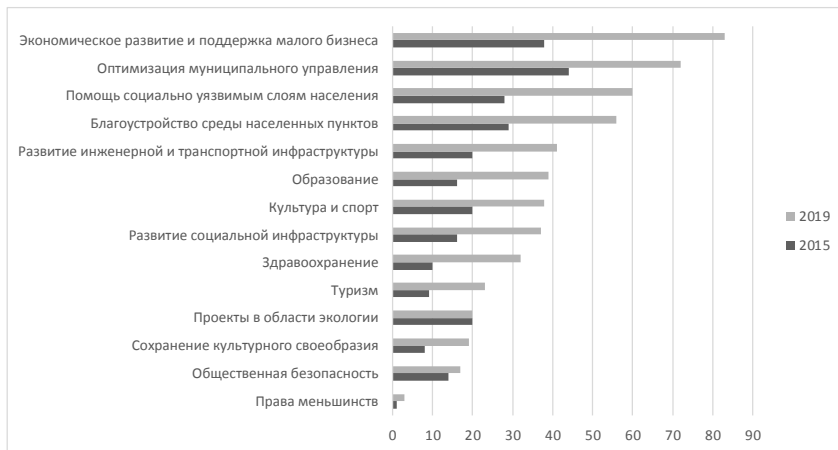

Рис. 1.

Частота упоминаний ключевых тематических направлений в программах ОИК на муниципальных выборах в Литве в 2015 и 2019 гг.

В программах есть и специфические особенности. Так, ОИКи чаще используют автономистскую повестку. Их программные тезисы не затрагивают дискурс о создании нового политико-административного региона или о его наделении особым статусом. Центральное место в программах ОИК занимают перераспределительные требования. Также акцент делается на вопросах оптимизации муниципального управления. Наиболее распространены положения, касающиеся увеличения прозрачности управления и полномочий органов местного самоуправления, эффективного использования средств (особенно поступающих из структурных фондов ЕС), аудита муниципальной собственности и допуска жи-

телей к решению вопросов по расходованию муниципального бюджета:

- «Создадим официальное представительство Висагинаса в столице для решения проблем города в правительстве» (из программы ОИК «Для Висагинаса», Висагинское городское самоуправление, выборы 2015 г.);

- «Больше полномочий и ресурсов староствам» (из программы ОИК «Новый старт», Вилкавишкское самоуправление, выборы 2019 г.);

- «Инициуируем электронные опросы жителей по ключевым вопросам развития» (из программы ОИК «Время перемен», Скуодасское самоуправление, выборы 2015 г.).

Большее внимание уделяется вопросам благоустройства территории, в том числе упор делается на сугубо локальных инфраструктурных проектах:

- «Приспособим подходы к озеру Карлонишкес для активного отдыха» (из программы ОИК «Список Альгиса Кашеты “Вместе с тобой”», Варенское самоуправление, выборы 2019 г.);

- «Увеличим частоту работы общественного транспорта» (из программы ОИК «Единый Плунге», Плунгеское самоуправление, выборы 2019 г.);

- «Построим новый мост через реку Швянтойи» (из программы ОИК «Ваш Укмерге», Укмергское самоуправление, выборы 2019 г.).

Повышенное внимание уделяется и поддержке малого и среднего бизнеса как основных доноров доходной части бюджета. Представители малого бизнеса зачастую сами стремятся войти в местную власть и таким образом иметь возможность регулировать ставки местных налогов [Панов 2008]. Кроме того, с помощью муниципальной власти местный бизнес пытается получить привилегии относительно более крупных общенациональных сетей:

- «Мы снизим местные налоги и вернем бизнесу до 3 млн евро в год» (из программы ОИК «Лучшая жизнь для каждого», Радвилишкское самоуправление, выборы 2019 г.);

- «Снизим муниципальные налоги, будем одинаково справедливы ко всем» (из программы ОИК «Во имя Пагегского края», Пагегское самоуправление, выборы 2019 г.);

• «Сделаем Зарасай удобным для фрилансеров» (из программы ОИК «Важное самоуправление», Зарасайское самоуправление, выборы 2019 г.).

Круг выносимых в предвыборные программы вопросов с 2015 по 2019 г. значительно расширился. Популярность набирают как общеевропейские тренды («зеленая» повестка, толерантность), так и тренды, характерные для локальных движений (повышенное внимание к вопросам развития городской среды, сохранению культурного своеобразия, формированию духа местного сообщества).

Предвыборные программы ОИК, построенные на апелляции к локальной идентичности и местным проблемам, находят больший отклик среди избирателей. Снижение электоральной поддержки спровоцировало общенациональные партии к пересмотру используемых на муниципальных выборах стратегий. По сравнению с выборами 2011 г., когда местные беспартийные списки еще не допускались, общенациональные партии стали активнее использовать в предвыборных программах локальную повестку.

Более того, общенациональные партии имеют потенциал, чтобы стать более успешными проводниками местных интересов, чем ОИК. Политические партии функционируют на двух уровнях власти и могут выступать посредниками в извечном конфликте центра и периферии. ОИК неспособны настолько эффективно продвигать локальную повестку из-за отсутствия механизмов восходящей коммуникации, которые позволяют выходить на правительственный уровень с местными проблемами. Хотя ОИК и получили широкое распространение на муниципальных выборах в Литве, у них тем не менее нет достаточных финансовых и институциональных возможностей закрепиться в рамках национальной политической системы, что обусловлено их скоротечным жизненным циклом. Возможно, в том числе этим объясняется факт, что многие ОИК выдвигают требование к переходу на мажоритарную систему избрания депутатов местных советов.

География поддержки общественных избирательных комитетов

В 2015 г. наибольшую поддержку (30% и более) ОИК получили в крупных городах (Алитус, Каунас, Паневежис, Шяуляй) и

преимущественно в русскоязычном городе атомщиков Висагинасе, который в силу специфичности человеческого капитала по многим социально-демографическим характеристикам схож с крупными городами [Vaubinas, Burneika, 2001]. Значимый результат (более 10%) ОИК показали в Зарасайском, Мажейкском, Плунгском, Пренайском, Расейнском, Скуодасском, Шилальском, Шилутском, Юрбаркском муниципалитетах, а также Друскининкайском и Клайпедском городских самоуправлениях (рис. 2 А).

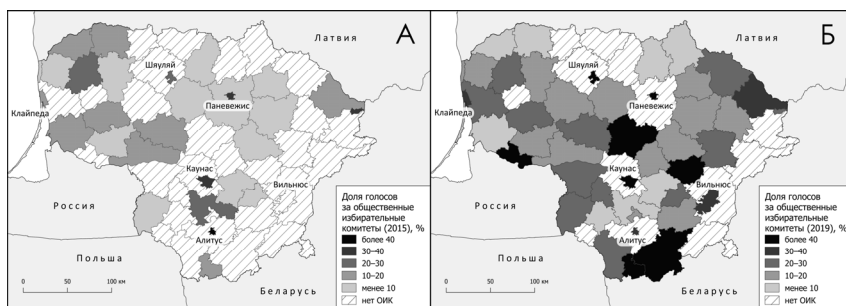

Рис. 2.

Уровень поддержки общественных избирательных комитетов на муниципальных выборах в Литве в 2015 г. (А) и в 2019 г. (Б), %¹

В 2019 г. география участия и поддержки ОИК на муниципальных выборах значительно расширилась (рис. 2 Б). В ряде муниципалитетов комитеты набрали больше половины голосов (Друскининкайское, Каунасское, Шяуляйское городские самоуправления и Ширвинтский муниципалитет), еще в восьми муниципальных образованиях – более 30% (Алитусское, Вильнюсское, Клайпедское, Паневежисское городские самоуправления, Варенский, Зарасайский, Кедайняйский, Пагегский муниципалитеты).

Таким образом, за две избирательные кампании лишь в 11 муниципалитетах местные жители не воспользовались возможностью создать ОИК. Основная причина, по-видимому, связана с низкой партийной фрагментацией, т.е. повышенной степенью кон-

¹ Источник: Центральная избирательная комиссия Литвы – Режим доступа: <https://www.vrk.lt/en/rinkimai> (дата посещения: 04.05.2022).

центрации голосов местных избирателей у одной-двух электоральных альтернатив. Из-за местных политических традиций и институциональных практик зачастую в муниципалитете доминирует определенная партия, ограничивая потенциал местных независимых политиков. Примеры таких случаев – «Красный пояс» и «Белый пояс» в Центральной и Северо-Восточной Италии соответственно [Trigilia, 1986; Vampa, 2015]. Порой конкурируют за «недовольных» избирателей с местными списками и популистские партии, поэтому их усиление, как, например, рост поддержки партии «Альтернатива для Германии» в Нижней Саксонии в 2010-х годах, привело к снижению поддержки списков беспартийных [Jankowski, Juen, Tere, 2022].

Способствовать подобной ситуации могут и специфические факторы социальной среды. Так, Акмянское, Игналинское и Ретавское самоуправления – периферийны и резко депопулируют ввиду высокой доли пожилого населения, что затрудняет формирование активного локального сообщества. В Швенченском, Шальчининкайском и Вильнюсском районных самоуправлениях компактно проживает польское национальное меньшинство, которое по традиции голосует за свою этнопартию «Избирательная акция поляков Литвы», стабильно получающую более 50% голосов избирателей. Еще три муниципалитета, где не представлены ОИК, – пригороды крупных городов (Алитусский, Каунасский, Шяуляйский), в которых активно протекают процессы субурбанизации, не способствующие консолидации местного сообщества (отчасти эта причина играет роль и в Вильнюсском районе).

Наибольшего успеха ОИК добиваются в тех муниципалитетах, где они представлены сильным кандидатом на пост мэра. Зачастую эти комитеты имеют в названии его имя (например, «Повилас Урбашис за список ВМЕСТЕ», «За Друскининкай с Ричардасом Малинаускасом» и т.д. и т.п.). В 2015 г. четыре представителя ОИК стали мэрами (один из них в первом туре), а еще двое кандидатов уступили во втором туре. В 2019 г. уже 12 кандидатов от ОИК стали мэрами (из них четыре – в первом туре), во втором туре проиграли конкурентам еще десять кандидатов.

Мэры-инкубенты, избранные ранее от общенациональных политических партий и впоследствии разорвавшие с ними связь, становясь беспартийными, создавали ОИК, а затем приводили его к успеху на выборах в муниципальный совет и переизбирались сами (например Р. Шимашюс в Вильнюсе, В. Грубилаускас в Клай-

пеле, Ж. Пинскувене в Ширвинтском самоуправлении). Есть и другие примеры кандидатов-инкубентов, возглавивших списки ОИК и ставших мэрами без партийного бэкграунда: городские активисты (например, А. Высоцкас в Шяуляе), бизнесмены (например, В. Матийошайтис в Каунасе).

Подобная практика – не сугубо литовский феномен. Введение прямых выборов мэров способствует интенсификации локальных движений, так как собрать местную организацию под конкретного кандидата в мэры проще, чем продвигать списки беспартийных кандидатов на выборах в муниципальные советы [Vampa, 2016].

Выводы

До 2015 г. локальные сообщества в Литве не имели возможности создавать собственные политические движения для участия в местных выборах. Тем самым они оказывались «в плену» общенациональных партий, стремившихся мобилизовать максимальное количество сторонников под свои цели. Это затрудняло артикуляцию локальных интересов и создавало своего рода вакуум, который некому было заполнить.

Гражданское участие в форме ОИК стало важным источником легитимации муниципальной власти, особенно в тех местах, где спрос со стороны избирателей перестал удовлетворяться предложением традиционного набора политических партий. ОИК строят свои избирательные кампании на обращении к локальной идентичности и местным проблемам, что было оценено избирателями и что заставило общенациональные партии адаптировать свой курс к этому вызову.

ОИК как инновационный институт в избирательном процессе на муниципальном уровне в Литве постепенно обретает популярность. Безусловно, каждый случай участия ОИК имеет свою уникальную предысторию, связанную с локальным контекстом. Однако мы можем отметить ряд закономерностей. Так, крупные города с более молодым, активным и диверсифицированным социумом быстрее адаптируются к этому нововведению – здесь в выборах одновременно принимают участие сразу несколько ОИК. Важное значение также имеет степень фрагментации электорального пространства. В тех местах, где доминируют политические

силы, комитеты либо вовсе отсутствуют, либо их результаты остаются на уровне статистической погрешности. Фактор сильного лидера определяет степень успешности ОИК на выборах. Лучшие результаты демонстрируют те ОИК, чьи лидеры претендуют на победу на выборах мэра.

Кейс Литвы продемонстрировал, что, с одной стороны, поддержка локальных политических движений в Европе возрастает и происходит это за счет электората общенациональных партий. С другой стороны, они в отличие от партий скованы институциональными ограничениями (короткий жизненный цикл, отсутствие выхода на высшие уровни принятия решений), что снижает их возможности по разрешению местных проблем. Таким образом, в конкуренции разномасштабных политических агентов, имеющих к тому же противоположенные тренды электоральной поддержки, проявляется новый для политической динамики современной Европы конфликт.

Последующие муниципальные выборы в Литве поспособствуют более детальному изучению географических особенностей феномена местных политических движений в Европе и позволят ответить на остающиеся пока без четкого ответа вопросы об их природе и продолжительности существования. Локализм – это долговременное политическое явление или лишь временная реакция на мировой кризис в условиях корпоративной фазы развития глобализации? Больше низовая инициатива, пробивающая дорогу гражданской беспартийной демократии, или политическая конъюнктура, которой воспользовались политики популистского толка?

A.S. Zinovyev, N.L. Turov, F.M. Chernetskii*
**Localism in political dynamics of modern Europe:
the case of Lithuania**

Abstarct. In the article, the authors refer to the phenomenon of localism as one of the manifestations of the process of fragmentation of the political space, one of the

---

* **Zinovyev Andrey**, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), email: a.zinovyev@spbu.ru; **Turov Nikita**, Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS (Moscow, Russia), email: nikitaturov@yandex.ru; **Chernetskii Fedor**, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), email: fedor.chern@yandex.ru

important features of the cultural and political dynamics in the modern world. In Europe, this is manifested in a noticeable increase in the importance of local political movements, which is partly due to the dynamics of the world economy, the visible manifestations of which determine the political choice and behavior of various social actors. Stagnation in the economy, increasing social differentiation and polarization, and the erosion of the middle class are causing voter disappointment in «historical» political parties, volatility in the party structure and voter preferences. In this study, the authors study the recent experience of one of the post-socialist countries – Lithuania. As a result of the reform of the electoral legislation since 2015, non-partisan lists of local residents – public electoral committees (PEC) – were admitted to the municipal elections in Lithuania. An important feature of PEC is their short life cycle, they cease to exist with the end of the election campaign. The authors analyzed the key positions declared in the election programs of 113 PEC in the municipal elections in 2015 and 2019. The geography of PEC participation and support is expanding. In 2019, they were represented in 47 local governments and collectively received 27.8% of the vote, more than any other party. Large cities turned out to be the most receptive to the innovative institution of the electoral process. The key factors influencing the success of the PEC are the degree of fragmentation of the electoral space of the municipality, the presence of a strong leader at the head of the list, running in parallel for the post of mayor. The case of Lithuania showed an increase of support for local political movements in Europe due to the overflow of voters from national parties. However, institutional constraints (short life cycle, lack of access to higher decision-making levels) reduce the potential of local movements to overcome local problems. Thus, in the competition of political agents of different scales with opposite trends in electoral support a new conflict for the political dynamics of modern Europe is born.

Keywords: localism; municipal elections; Europe; Lithuania; the consequences of globalization; non-party lists; local community; party system crisis.

For citation: Zinovyev A.S., Turov N.L., Chernetskii F.M. Localism in political dynamics of modern Europe: the case of Lithuania. *Political science (RU)*. 2022, N 4, P. 240–261. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.11>

References

- Aars J., Ringkjøb H.E. Party politicisation reversed? Non-partisan alternatives in Norwegian local politics. *Scandinavian political studies*. 2005, Vol. 28, N 2, P. 161–181. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.0080-6757.2005.00126.x>
- Aars J., Ringkjøb H.E. Independent Lists in Norwegian Local Politics. In: Reiser M., Holtmann E. (eds). *Farewell to the party model?: independent local lists in East and West European countries*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften; GWV Fachverlage, 2008, p. 211–232
- Åberg M., Ahlberger C. Local candidate lists: historical artefacts or a novel phenomenon? A research note. *Party politics*. 2015, Vol. 21, N 5, P. 813–820. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354068813499870>

- Angenendt M. Non-partisan groups in German local politics: between populism and «politics as usual»? *Bulletin of Perm university. Political science*. 2015, Vol. 31, N 3, P. 127–148.
- Baubinas R., Burneika D. Social consequences of closing the Ignalina NPP. *Geografija*. 2001, Vol. 37, N 1, P. 69–75.
- Boogers M. Local Political Parties in the Netherlands: Anomaly or Prototype? In: Reiser M., Holtmann E. (eds). *Farewell to the party model?: independent local lists in East and West European countries*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften; GWV Fachverlage, 2008, p. 149–168.
- Boogers M., Lucardie A., Voerman G. *Lokale politieke groeperingen: belangenbehartiging, protest en lokalisme*. Groningen; Tilburg: Rijksuniversiteit Groningen; Universiteit van Tilburg, 2007, 37 p.
- Boogers M., Voerman G. Independent local political parties in the Netherlands. *Local government studies*. 2010, Vol. 36, N 1, P. 75–90. DOI: <https://doi.org/10.1080/03003930903435807>
- Clarke N. Locality and localism: a view from British human geography. *Policy studies*. 2013, Vol. 34, N 5–6, P. 492–507. <http://dx.doi.org/10.1080/01442872.2013.862446>
- Clarke N., Cochrane A. Geographies and politics of localism: the localism of the United Kingdom's coalition government. *Political geography*. 2013, N 34, P. 10–23.
- Copus C., Clark A., Bottom K. Multi-Party Politics in England: Small Parties, Independents, and Political Associations in English Local Politics. In: Reiser M., Holtmann E. (eds). *Farewell to the party model?: independent local lists in East and West European countries*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften; GWV Fachverlage, 2008, p. 253–276.
- Copus C., Wingfield M. Are independent councillors really Conservatives in disguise? *Local government studies*. 2014, Vol. 40, N 5, P. 647–669. DOI: <https://doi.org/10.1080/03003930.2013.829458>
- Dudzińska A. Non-party Lists in Local Election in Poland. In: Reiser M., Holtmann E. (eds). *Farewell to the party model?: independent local lists in East and West European countries*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften; GWV Fachverlage, 2008, p. 105–126
- Ennsner-Jedenastik L., Hansen M.E. The contingent nature of local party system nationalisation: The case of Austria 1985–2009. *Local government studies*. 2013, Vol. 39, N 6, P. 777–791. DOI: <https://doi.org/10.1080/03003930.2012.675328>
- Erlingsson G.Ó. The spatial diffusion of party entrepreneurs in Swedish local politics. *Political geography*. 2008, Vol. 27, N 8, P. 857–874. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2008.11.003>
- Gendźwił A. Independent mayors and local lists in large Polish cities: Towards a non-partisan model of local government? *Local government studies*. 2012, Vol. 38, N 4, P. 501–518. DOI: <https://doi.org/10.1080/03003930.2011.649915>
- Göhlert S., Holtmann E., Krappidel A., Reiser M. Independent Local Lists in East and West Germany. In: Reiser M., Holtmann E. (eds). *Farewell to the party model?: independent local lists in East and West European countries*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften; GWV Fachverlage, 2008, p. 127–148.

- Jankowski M., Juen C.M., Tepe M. The impact of anti-establishment parties on the electoral success of independent local lists: Evidence from Germany. *Party politics*. 2022, Vol. 28, N 1, P. 127–136. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354068820965430>
- Kjaer U., Elklit J. Party politicisation of local councils: Cultural or institutional explanations for trends in Denmark, 1966–2005. *European journal of political research*. 2010, Vol. 49, N 3, P. 337–358. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2009.01904.x>
- Kukovic S., Hacek M. Non-partisan candidates and lists at Slovenian local elections, 1994–2010. *World political science*. 2011, Vol. 7, N 1, P. 350–375. DOI: <https://doi.org/10.2202/1935-6226.1097>
- Lago I., Martínez F. Why new parties? *Party politics*. 2011, Vol. 17, N 1, P. 3–20. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354068809346077>
- Lewis-Beck M.S., Rice T.W. Localism in presidential elections: the home state advantage. *American journal of political science*. 1983, Vol. 27, N 3, P. 548–556. DOI: <https://doi.org/10.2307/2110984>
- Mabileau A. *Local politics and participation in Britain and France*. Cambridge: Cambridge university press, 1989, 273 p.
- Marks G., Attewell D., Rovny J., Hooghe L. Cleavage Theory. In: Riddervold M., Trondal J., Newsome A. (eds). *The Palgrave handbook of EU crises*. Cham: Palgrave Macmillan, 2021, P. 173–193. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-51791-5_9
- Mixon F.G. Jr., Tyrone, M. The ‘Home Grown’ Presidency: Empirical Evidence on Localism in Presidential Voting, 1972–2000. *Applied economics*. 2004, N 36, P. 1745–1749
- Municipal Councils Elections 2016 / Department of Information Technology Services. – 2016. Mode of access: http://results.elections.moi.gov.cy/English/MUNICIPAL_COUNCILS_ELECTIONS_2016/Islandwide (accessed: 27.05.2022).
- Norris P., Inglehart R. *Cultural backlash: trump, Brexit, and authoritarian populism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019, 540 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108595841>
- Otjes S. Pushed by national politics or pulled by localism? Voting for independent local parties in the Netherlands. *Local government studies*. 2018, Vol. 44, N 3, P. 305–328. DOI: <https://doi.org/10.1080/03003930.2018.1427072>
- Panagopoulos C., Leighley J.E., Hamel B.T. Are voters mobilized by a ‘friend-and-neighbor’ on the ballot? Evidence from a field experiment. *Political behavior*. 2017, N 39, P. 865–882. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11109-016-9383-3>
- Panov P. Local politics in different dimensions. *Political science (RU)*. 2008, N 3, P. 9–31. (In Russ.)
- Pettai V., Toomla R., Joakit E. Citizen Electoral Alliances in Estonia: Citizen Democracy versus Cartel Parties. In: Reiser M., Holtmann E. (eds). *Farewell to the party model?: independent local lists in East and West European countries*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften; GWV Fachverlage, 2008, p. 85–104.
- Reiser M., Holtmann E. (eds). *Farewell to the party model?: independent local lists in East and West European countries*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften; GWV Fachverlage, 2008, 290 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/978-3-531-90923-3>

- Saiz M., Geser H. (eds). *Local Parties in political and organizational perspective*. New York: Routledge, 1999, 364 p.
- Steyvers K., Reynaert H., De Ceuninck K., Valcke T. All Politics is Local, Partisan or National? Local Lists in Belgium. In: Reiser M., Holtmann E. (eds). *Farewell to the party model?: independent local lists in East and West European countries*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften; GWV Fachverlage, 2008, p. 169–194.
- Taylor P. The new political geography of corporate globalization. *L'Espace Politique*. 2017, N 32. DOI: <https://doi.org/10.4000/espacepolitique.4330>
- Trigilia C. Small-firm development and political subcultures in Italy. *European sociological review*. 1986, Vol. 2, N 3, P. 161–175. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.esr.a036416>
- Vampa D. Declining partisan representation at the sub-national level: assessing and explaining the strengthening of local lists in Italian municipalities (1995–2014). *Local government studies*. 2016, Vol. 42, N 4, P. 579–597. DOI: <https://doi.org/10.1080/03003930.2016.1146137>
- Vampa D. Local representative democracy and protest politics: the case of the Five-star Movement. *Contemporary Italian politics*. 2015, Vol. 7, N 3, P. 232–250. DOI: <https://doi.org/10.1080/23248823.2015.1087120>
- Wörlund I. *The changing local party system in Sweden. Workshop: Independent local lists in Europe*. Halle-Wittenberg, Martin-Luther Universität, 2007.
- Wörlund I. Local Parties in Sweden. In: Reiser M., Holtmann E. (eds). *Farewell to the party model?: independent local lists in East and West European countries*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften; GWV Fachverlage, 2008, p. 195–210.
- Ylönen J. *The local non-partisan political groups in Finland—framework for research*. ECPR Summer School in Local Government Torino, 2007.

Литература на русском языке

- Панов П. Локальная политика в разных измерениях // Политическая наука. – 2008. – № 3. – С. 9–31.

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

Б.А. БАРАБАШ *

РЕЛЯТИВИСТСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МАЛЫХ ГОСУДАРСТВ С ПОМОЩЬЮ ИНДЕКСА НАЦИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА И СОСЕДСТВА: ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Малые государства являются особой аналитической категорией в политологии, политической географии и международных отношениях, хотя данный термин не имеет четких, разделяемых всем научным сообществом границ, а его концептуализация зависит от целей конкретного исследования. Вместе с тем в самом широком смысле под малыми государствами понимаются такие страны, которые испытывают недостаток различного рода ресурсов и занимают периферийное положение в системе международных отношений. Существует множество способов концептуализации малых государств, учитывающих как количественные, так и качественные критерии, однако именно при релятивистском подходе учитывается контекст взаимоотношений государств и их диадные связи в рамках системы международных отношений. Пространственный статистический анализ и фактор соседства государств позволяют произвести релятивистскую концептуализацию малых государств более объективно и универсально, так как с их помощью учитываются все диадные связи между соседствующими государствами. Для достижения цели исследования используются индекс национального потенциала, демонстрирующий «жесткую силу», и пространственный лаг, позволяющий определить круг государств, потенциально испытывающих значительное влияние со стороны своих непосредственных соседей. Основными ограничениями исследования являются игнорирование изолированных островных

---

* **Барабаш Богдан Алексеевич**, аспирант, МГИМО МИД России (Москва, Россия); e-mail: bogdan.barabash.mgimo@gmail.com

государств, не имеющих непосредственных соседей, потенциальное влияние которых имеет другую логику, а также неучитывание факторов «мягкой силы», за счет которой малые государства занимают определенную нишу в международных отношениях. Вместе с тем подобный способ концептуализации позволяет по-новому взглянуть на термин «малые государства» в интересах дальнейших исследований данной аналитической категории.

Ключевые слова: малые государства; политическая география; соседство; пространственный статистический анализ; индекс национального потенциала; пространственный лаг; релятивизм.

Для цитирования: Барабаиш Б.А. Релятивистская концептуализация малых государств с помощью индекса национального потенциала и соседства: пространственный статистический анализ // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 262–281. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.12>

Различные подходы к концептуализации малых государств

Малые государства представляют собой отдельную категорию анализа, имеющую эвристический потенциал для исследования политических образований, сталкивающихся с проблемами ограниченного суверенитета, недостатка материальных и нематериальных ресурсов, периферийного положения в международной политической системе, открытости к разного рода вызовам, кризисам, ловушкам развития и слабой защищенности, что в целом проясляет их ослабленные внешние аспекты суверенности и низкую статусность [Ильин, 2008, с. 29–30]. При этом, как отмечает Жозеп Коломер, наблюдается рост количества подобных неудавшихся, номинально суверенных, но изолированных государств [Colomer, 2007, р. X–XI]. Действительно, с момента разворачивания процессов деколонизации, распада федераций и империй, усиления национально-освободительных движений и ирредентизма, количество зависимых территорий и суверенных государств увеличилось с начала XX в. в 3 раза. При этом средний размер государств также пропорционально снизился. Представляется, что вышеназванные причины вкуче с активизацией деятельности малых государств в рамках нового глобализирующегося мира являются одними из основных факторов сохранения научного интереса к подобного рода политиям с различной степенью проблемности государственности [Окунев, 2011, с. 166–167]. Все они так или иначе связаны с проблемой государственной состоятельности, которая в целом характеризует возможности и способности отдельного государства

[Мелешкина, 2011, с. 11]. Ограниченность ресурсов как один из факторов государственной состоятельности, как представляется, является фундаментальным фактором, определяющим характер развития малых государств с точки зрения их политических институтов и формирования политической системы, отличающейся от политических систем более крупных государств, а также фактором, лимитирующим спектр решений, принимаемых политическими элитами малых государств, что в свою очередь влияет на положение государства в международной системе и определяет его место в мировом политическом процессе.

Отсутствие единого понимания к определению термина «малое государство», разделяемого всем научным сообществом, не должно умалять научный интерес к данной аналитической категории, как и любому другому неточному концепту в социальных науках [Baldacchino G., Wivel A., 2020, p. 3]. Необходимо отметить, что различные подходы к пониманию малых государств в рамках отдельных парадигм и дисциплин в свою очередь определяют и концептуализацию данного термина, а также методы его операционализации. При этом любая концептуализация малых государств строится на количественных (опирающихся на абсолютные статистические единицы и фундаментальные переменные государств) или качественных (так или иначе учитывающих контекст системы международных отношений, в рамках которой осуществляется функционирование малых государств в мировом политическом процессе) методах. В свою очередь, в рамках качественных методов можно выделить конструктивистские основания, которые строятся на принципах самоидентификации и автокатегоризации малых государств (например, на основе матрицы внешнеполитических целей, сформированной на основе заявлений лиц, принимающих решения, и документов, а также на экспертных мнениях), либо отношениях к ним как к таковым со стороны других государств, организаций и наднациональных структур [Maass, 2009, p. 79]. Последний метод можно также рассматривать в качестве отдельного релятивистского подхода к концептуализации термина, согласно которому малые государства могут быть признаны таковыми ровно постольку, поскольку существуют более крупные государства, и малые государства всегда являются заведомо слабыми в асимметричных отношениях с любым другим бо-

лее крупным государством, а также оказываются подверженными их влиянию [Thorhallsson, Wivel, 2006, p. 654].

С точки зрения базовых фундаментальных переменных, связанных с размером государства как такового, в рамках политической географии под малыми государствами в первую очередь понимаются такие суверенные государства, которые отличаются малой численностью населения и небольшой площадью. Именно данные критерии наиболее часто используются при концептуализации малых государств, хотя вопрос очерчивания их границ остается открытым, так как не существует легко различимых пороговых значений, которые наиболее эффективно отделяли бы малые государства от крупных [Willis, 2021, p. 20]. Можно выделить несколько наиболее часто встречающихся нижних отметок по численности населения – 500 тыс. человек, 1 млн человек (терминология ООН и Всемирного банка), 1,5 млн человек (терминология Содружества), 10 млн и 15 млн человек (по аналогии с численностью крупного мегалополиса); показатели выше, как правило, уже не отражают особенности демографической ситуации в малых государствах.

Рассмотрение малых государств с точки зрения политэкономии позволяет сделать вывод, что такие государства, как правило, обладают ограниченными природными ресурсами, не могут поддерживать реальный сектор экономики для развития своего конкурентного потенциала и могут лишь занимать определенную нишу в международных экономических отношениях за счет отдельных преимуществ, как правило, гиперболизированного третичного сектора экономики (например сферы туризма, банковских и аудиторских услуг, услуг офшорной зоны и т.д.), так как они не способны использовать «эффект экономики масштаба», а также ограничены размером внутреннего рынка [Alesina, 2003, p. 309].

В рамках теории международных отношений, геополитики и сравнительной политологии термину «малое государство» может присваиваться коннотация слабого государства, не способного реализовывать собственные интересы на мировой арене. Так, в ставшей уже классической классификации государств Роберта Кеохэйна под малым государством подразумевается такое государство, лидеры которого понимают, что оно не способно каким-либо образом существенно влиять на международную систему [Keohane, 1969, p. 296]. При этом мощь и слабость государств, в

отличие от базовых фундаментальных показателей численности населения и площади территории, могут операционализироваться по-разному. Так, они могут включать параметры, отражающие как материальные показатели (например уровень ВВП, степень диверсификации экономики, зависимость от иностранных материальной помощи, наличие собственной армии и др.), так и показатели, которые можно включить в так называемую «мягкую силу» (например степень привлекательности экономики для иностранных инвестиций, дипломатическая активность, участие в международных организациях и так далее). Операционализация мощи и слабости государств делает возможным составлять классификации и вырабатывать типологии государств в соответствии с теми наборами и типами ресурсов, которые у них присутствуют. При этом осуществлять ранжирование государств можно как по отдельным критериям (например экономическим и военным), так и по более сложным индексам, которые учитывают совокупный ряд параметров.

Стоит заметить, что в рамках данного направления концептуализации малых государств использование фиксированных и абсолютных показателей не является продуктивным, так как они меняются с течением времени, и границы определенных показателей, релевантных для малых государств, например по состоянию на момент распада колониальной системы в третьей четверти XX в., не являются актуальными для современности.

Кроме того, несмотря на то что размер государства имеет фундаментальное значение для формирования внутри- и внешнеполитического курса, политической культуры и системы координат для политических элит, изолированно данный параметр не представляет собой значительной исследовательской ценности. Помимо влияния размера государства наблюдается влияние и других переменных на функционально-динамическое и структурно-статическое измерение внутренней и внешней политики государства, которые составляют его функционирование в мировом политическом процессе. Так, следует привести пример города-государства Сингапур, занимающего мельчайшую территорию суши (и имеющего в своем составе собственно один город), играющего, однако, непропорционально важную роль в мировых экономических и финансовых отношениях.

В связи с этим следует отметить, что при релятивистской концептуализации термина (основанного на принципе относитель-

ности в рамках замкнутой системы международных отношений) данной проблемы можно попытаться избежать.

Релятивистская концептуализация термина

Использование релятивистских критериев при очерчивании границ группы малых государств призвано разрешить проблему отсутствия контекста при использовании сугубо количественных или качественных подходов. Все государства мира не существуют сами по себе и так или иначе включены в международную политическую систему: они имеют соседей, локализованы в конкретных пространствах и реализуют на практике разного рода отношения. Малые государства, определяемые как государства, имеющие ограниченные ресурсы и сталкивающиеся с «ловушками» развития, считаются малыми только потому, что существуют державы, которые обладают мощью, обширными ресурсами и большим размером. Иначе говоря, малые государства являются таковыми по сравнению с крупными мощными державами, в чем и проявляется релятивистский подход.

Вместе с тем при анализе диадических отношений необходимо понимать, что одно и то же государство может являться как крупным по сравнению с более мелкими государствами, так и малым по сравнению с более крупными державами. Так, например, Р. Кеохэйн и Дж. Най отмечали, что такая крупная и развитая страна как Канада аналитически может являться малой по сравнению со своим мощным и влиятельным соседом – Соединенными Штатами Америки [Keohane, Nye, 1977, p. 202–204]. Подобный асимметричный подход в диадных связях позволяет открывать дополнительные исследовательские задачи и не только ограничиваться вопросом определения порогов термина «малое государство», так как позволяет классифицировать межгосударственные связи на основе тех показателей, которые обретают смысл в контексте [Long, 2017, p. 153]. Вместе с тем при механическом подходе, когда государство автоматически признается малым при наличии более крупной державы, все государства мира, кроме шести-семи стран, находящихся в авангарде развития и обладающих обширной территорией и большим населением, – можно считать малыми; однако в этом случае весь эвристический потенциал такой аналитической категории теряется.

Анализ малых государств в рамках отдельных регионов и региональных подсистем международных отношений позволяет сгладить данную проблему. Например, при анализе государств Европы логично выделить экономические и политические центры принятия решений, которые в то же самое время обладают обширными территориальными и демографическими ресурсами (Германия, Франция), считая их крупными, в то время как противоположные им государства (Швейцария, Андорра, Албания и т.д.) считать малыми. Подобные малые государства, как ожидается, будут иметь определенные модели поведения и стратегии поддержания безопасности, которые будут отличаться от моделей и стратегий региональных гегемонов. Их выделение является полезным при определении характера отношений между различными государствами в рамках одного регионального комплекса, но такой подход, как правило, не является универсальным и не может применяться в других регионах из-за использования сугубо качественных критериев или лишь ограниченного диапазона количественных критериев. Так, стоит отметить попытку совмещения количественных, качественных и релятивистских подходов, предпринятую хорватскими исследователями с целью нахождения нового способа концептуализации малых государств, в результате чего стало возможным выделение малых государств в 21 географическую и логико-интуитивную категорию, каждая из которых отражает собственные закономерности региональных взаимодействий. Вместе с тем, как признают сами исследователи, критерии выделения малых государств между всеми группами не всегда имеют общие основания, а потому зачастую работают только в рамках конкретного регионального контекста. Так, например, в группе малых государств Европейского союза выделяются 20 государств на основе глубины интеграции между государствами с компромиссной предельной численностью населения в 12 млн человек. Вместе с тем в группу малых центральноафриканских государств были включены такие государства, как ЦАР (на основании ее численности населения, слабости и замкнутого положения), Габон, Экваториальная Гвинея и Республика Конго (на основании численности населения и соседства с гораздо более крупными государствами, но несмотря на их богатые запасы нефти) [Revisiting the definition of small state ... , 2017, p. 135–138]. Подобная концептуализация является состоятельной для отражения осо-

бенностей конкретных географических регионов и групп государств, но затрудняет нахождение универсальных оснований.

Соседство и пространственный статистический анализ

При рассмотрении географических регионов на эмпирико-региональном основании, когда они выступают в качестве подсистемы в рамках международных, экономических, политических и других отношений с учетом реалистических категорий баланса сил, баланса мощи и правил поведения, пространственный фактор расположения государств следует признать определяющим. Именно факт территориальной близости (удаленности) различных государств как между собой, так и в отношении держав, являющихся центром или составляющими полюса территориальной единицы, определяет их статус в рамках данного региона [Воскресенский, 2012, с. 32–33]. При таком понимании диадных связей логика строится на том факте, что при соседстве двух государств, одно из которых является относительно крупным и мощным, сосед данного государства автоматически признается малым по отношению к нему, что в свою очередь определяет способы их взаимодействия, накладывает ограничения на внешнеполитическое поведение малого государства и его внутривнутриполитическое развитие, но теоретически также может давать ему определенные преимущества. В этой связи в теории международных отношений выделяют противоположные стратегии балансирования (объединения с другими малыми государствами) и бэндвэгонинга (объединения с самым крупным государством) [Walt, 2003, p. 112]. При этом степень интеграции и синхронизации политических курсов в обеих стратегиях определяется не только поведенческими и динамическими факторами, но и структурно-статическими. Иначе говоря, в рамках одного региона важно понимание всего комплекса диадных связей между государствами в определенный момент времени.

Если отойти от принципа регионализма, поднявшись на более высокий уровень абстракции, и попытаться рассмотреть соседство как основной фактор определения того, какое государство является малым, а какое крупным (мощным), появляется возможность провести универсальный анализ государств, имеющих соседей по сухопутным границам.

Необходимость учета диадных отношений всех соседствующих государств мира обосновывает использование методов пространственного статистического анализа. Принцип, согласно которому расположение в пространстве влияет на свойства объекта, лежит в основе пространственного анализа как эмпирической отрасли географической науки [Окунев, 2020, с. 7]. Представляется, что методы пространственного анализа при определении малых государств, концептуализируемых как государства, соседствующие с более крупными и мощными государствами, позволяют разрешить проблему субъективного выделения математических порогов при использовании сугубо количественных критериев (например нижние границы по таким параметрам, как площадь территории, количество населения, размер ВВП и т.д.). Кроме того, это делает возможным проведение более универсального анализа, используя логику исследования отдельных региональных подсистем при изучении малых государств всей мировой политической системы. Использование компьютерного моделирования в геоинформационных системах с пространственной эконометрикой и математической статистикой делают возможным выполнение данных задач. Для цели настоящего исследования используется сводный индекс национального потенциала (CINC) – показатель национальной мощи, разработанный Дж. Дэвидом Сингером для проекта *Correlates of War* в 1963 г., взятый по состоянию на 2016 г.¹ Данный индекс учитывает шесть показателей «жесткой силы»: численность страны, численность городского населения, производство чугуна и стали, потребление первичной энергии, военные расходы, численность армии. Представляется, что данный индекс позволяет не только оценить совокупную мощь государств и сравнить их потенциалы, но и определить, какие из государств являются малыми на основе релятивистского подхода. Использование данного индекса представляется целесообразным, так как он вбирает в себя один из фундаментальных показателей государства (численность населения) и связывает его как с экономическими, так и военными параметрами, которые косвенно могут отражать потенциальную

---

¹ National material capabilities (v6.0) / The correlates of war project. – Mode of access: <https://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities> (accessed: 21.06.2022); Методы и методология сбора данных «National material capabilities» [Singer, Bremer, Stuckey, 1972].

влиятельность государств. Кроме того, данный индекс доступен для всех суверенных государств и рассчитывается объективно. Индекс принимает значения от 0,0000002 (Тувалу) до 0,23 (Китай), несuverенные территории при анализе распределения индекса не учитываются.

При построении картограммы¹ с применением шкалы естественных интервалов особо выделяются как наиболее мощные государства центры региональных подсистем международных отношений и члены «Группы двадцати»; при этом Китай, Индия, США, а также Россия, Бразилия, Республика Корея располагаются в самом верхнем диапазоне (рис. 1). В нижнем кластере ожидаемо находятся государства, обладающие низкой состоятельностью: государства с развивающейся экономикой, государства, полностью окруженные сушей, государства, находящиеся на стыке нескольких региональных подсистем и другие. 47 государств относятся к самому низкому эшелону по индексу национальной мощи, из них абсолютное большинство составляют островные государства Тихого океана и Карибского бассейна (Науру, Палау, Сент-Китс и Невис, Доминика, Гренада и другие), а также микрогосударства Европы (Сан-Марино, Монако, Андорра и прочие). Наивысший показатель по численности населения на 2020 г. приходится в этом кластере на государство Ямайка (2,9 млн человек² и 12 тыс. км²), по площади территории – на государство Гайана (214 тыс. км²). Следующему эшелону принадлежит 21 государство, среди них чаще других встречаются страны Восточной Европы, Центральной Америки, Африки и Центральной Азии. Таким образом, при учете государств первых четырех эшелонов, можно сделать вывод, что 116 государств имеют ограниченный ресурсный потенциал и могут принадлежать к категории малых. В целом данное число сравнимо с количеством малых государств – согласно выводам коллектива хорватских исследователей, которые интегрировали количественные, качественные и релятивистские критерии в попытке погрузить термин в контекст международно-политической среды [Kurešić, Kozina, Kokotović, 2017].

---

¹ World Borders Dataset. TM_WORLD_BORDERS-0.3. zip – Mode of access: http://thematicmapping.org/downloads/world_borders.php (accessed: 21.06.2022).

² The World Bank. Population. Total – Mode of access: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (accessed: 21.06.2022).

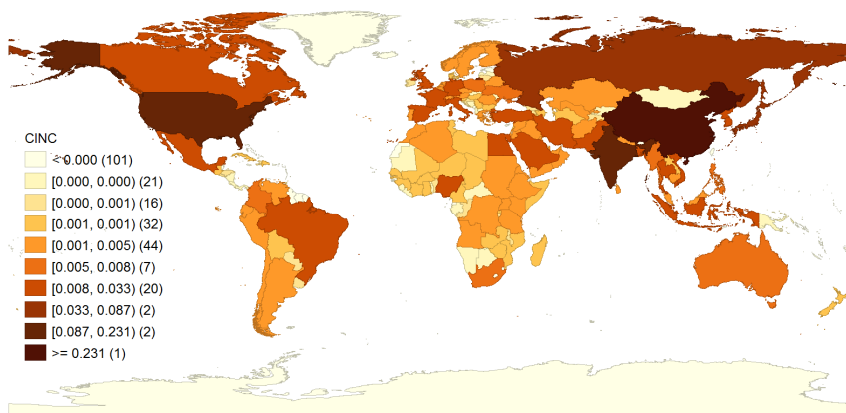

Рис. 1.
**Картограмма распределения индекса
 национального потенциала¹**

Вместе с тем данная картограмма показывает только национальную мощь государств. Выводы о том, какие государства могут потенциально являться малыми в соответствии с релятивистским подходом на основе данного показателя, не будут учитывать диадные отношения между государствами. Для применения релятивистского подхода необходимо принимать во внимание потенциальные связи между государствами, которые имеют общую сухопутную границу. Вместе с тем характер отношений между соседствующими государствами сложен и многосоставен, однако представляется, что операционализация фактора, основанного на диадных связях и определяющего, какое государство будет считаться малым, может быть произведена через индекс подверженности потенциальному влиянию. Основная гипотеза состоит в том, что малыми государствами при релятивистской концептуализации будут являться такие страны, которые окружены более сильными и крупными соседями. При этом наличие нескольких крупных соседей для малого государства будет означать потенциальное увеличение влияния на него. И наоборот, если государство окружено малыми

¹ Картограммы выполнены с использованием программного обеспечения GeoDa. – Mode of access: <https://geodacenter.github.io/index.html> (accessed: 16.07.2022).

государствами, влияние на него будет ограничено, и оно само скорее будет являться центром потенциального осуществления влияния.

При формировании матрицы соседства по смежности согласно правилу ферзя из анализа исключаются островные государства – как микросоюдаства Тихого и Индийского океанов, Карибского и Средиземного морей, так и такие крупные государства как Филиппины, Австралия, Япония, Новая Зеландия и другие. Безусловно, в данную группу государств включены как объективно малые зависимые страны, так и крупные региональные державы. Вместе с тем логика соседства между островными государствами подчиняется несколько другим закономерностям, нежели логика соседств государств на суше, а потому эти страны намеренно исключены из данного исследования.

В результате обнаруживается 166 государств, имеющих от одного до 17 соседей (рис. 2), при этом чаще всего государства имеют от двух до пяти соседей, а начиная с шести соседей это проявление можно считать редким. На основе сформированной матрицы пространственных весов необходимо рассчитать пространственный лаг, понимаемый как сумма значений показателей индикатора CINC в соседних государствах, граничащих с государством i , исключая значение показателя для самого государства.

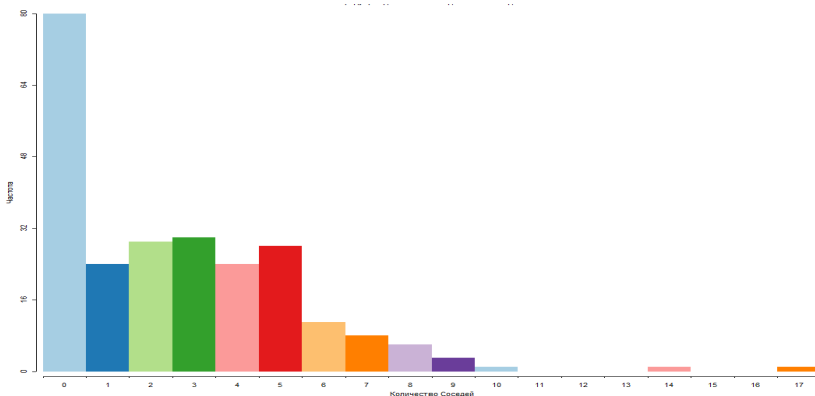

Рис. 2.

Гистограмма распределения соседствующих государств¹

¹ Минимальное и максимальное значения горизонтальной оси «Количество соседей» – 0 и 17 с шагом 1.

В результате формируется переменная LAG, которая демонстрирует степень подверженности совокупному потенциальному влиянию, которое оказывается на государство i со стороны его соседей. Как видно из картограммы, наиболее подверженными потенциальному влиянию государствами являются Пакистан, Мьянма, Бутан и Непал, которые соседствуют с Китаем, обладающим наивысшим значением индекса национального потенциала, и весьма влиятельной Индией (рис. 3). Вместе с тем только Бутан и Непал представляют собой типичные малые государства с соответствующими показателями численности населения и площади территории. Парадоксально, но Россия занимает 7-е место по индексу подверженности потенциальному влиянию, так как, с одной стороны, она соседствует с мощным Китаем, а с другой – дополнительно имеет 13 соседей, которые в совокупности превышают индекс национального потенциала страны, взятого в данной концептуализации. При этом и сами крупные державы, и региональные центры могут оказаться подвержены потенциальному влиянию со стороны своих соседей, именно поэтому Китай, Индия, США и другие крупные государства находятся примерно в среднем диапазоне шкалы. Примечателен пример США, для которых Канада и Мексика, по сути, являются малыми государствами, как ранее и концептуализировали Дж. Най и Р. Кеохэйн [Keohane, Nye, 1977].

Вместе с тем стоит отметить, что наименее подвержены влиянию государства, имеющие одного относительно слабого соседа (Доминиканская Республика и Великобритания могли бы быть исключены из анализа как островные государства, однако они имеют сухопутную границу с другим государством, располагающимся на одном острове), либо окруженные рядом слабых соседей – например Коста-Рика, Гамбия, Никарагуа, Сьерра-Леоне. При таком подходе государства Африки, Южная Европа, Балканы и Юго-Восточная Азия практически не испытывают потенциального влияния со стороны своих соседей, образуя отдельные группы стран. Разумеется, диадные отношения между не соседствующими государствами, которые могут активно влиять на весь комплекс функционирования государств в мировом политическом процессе

в целом и на политику друг друга в частности, в данном анализе не учитываются, так как подобные отношения не являются пространственно локализованными. Однако представляется, что такое распределение переменных может показать наиболее напряженные географические зоны, в рамках которых потенциально могут сталкиваться интересы крупных государств с малыми государствами (либо в случае синхронизации политических курсов может наблюдаться синергетический эффект сотрудничества). С другой стороны, там, где показатели подверженности потенциальному влиянию низки, государства имеют схожие ресурсы и паритетные отношения, строящиеся на принципах равенства. При этом важно упомянуть, что данный индекс не объясняет фактор конфликтности, так как, например, схожие высокие показатели в Европе между крупными государствами на практике реализуются в отношениях сотрудничества, а в Южной Азии, например между Пакистаном и Индией, трансформируются в антагонистические основания. Схожее расхождение может наблюдаться и в Центральной Америке, Южной и Восточной Африке, а также на Балканах – регионах, в которых относительно низкий индекс национального потенциала. Эти кластеры (всего 25 государств) особенно очевидны при формировании картограммы пространственной автокорреляции, демонстрирующей схожесть соседних государств по индексу подверженности потенциальному влиянию на принципе расчета ожидаемых значений (рис. 4). В таких кластерах между государствами наблюдается паритет отношений, и, хотя сами по себе они не являются признаком отсутствия малых государств в географическом регионе, факт локализации соседствующих государств с сопоставимыми показателями национального потенциала может указывать на наличие особенностей взаимоотношений данных государств, не наблюдаемых в других регионах, что в свою очередь может определять конкретные модели поведения и развития.

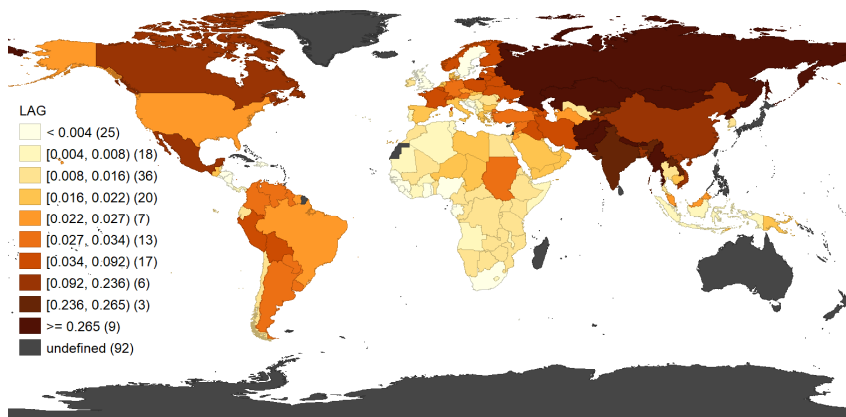

Рис. 3.
Картограмма распределения индекса подверженности
потенциальному влиянию

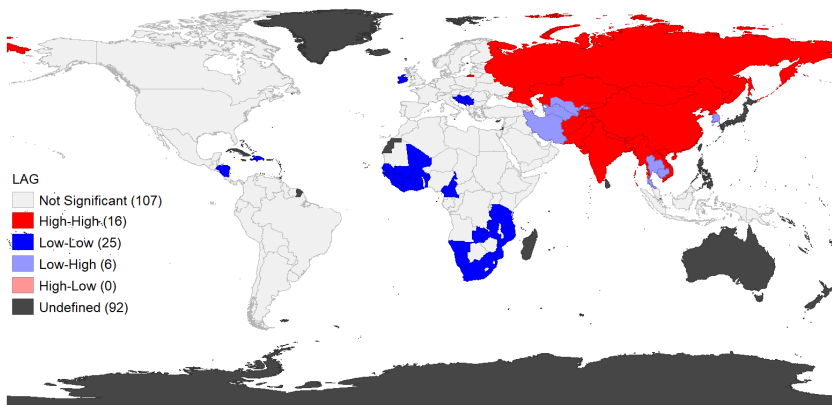

Рис. 4.
Картограмма пространственной автокорреляции

Также стоит отметить, что так как индекс подверженности потенциальному влиянию соседей для государства i строится с учетом общего количества соседей, наблюдается разрыв между теми странами, которые соседствуют с одной страной, и теми государствами, которые имеют значительное количество соседей. При пропорциональном распределении индекса согласно числу соседей показатели для стран Азии немного выравниваются, хотя и остаются достаточно высокими чтобы находиться на вершине диапазона (рис. 5).

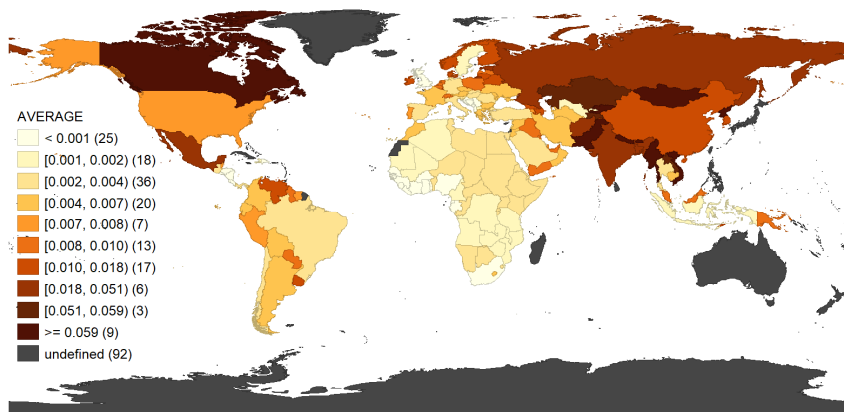

Рис. 5.

Картограмма пропорционального распределения индекса подверженности потенциальному влиянию на одного соседа

Наконец, основываясь на индексе национального потенциала, можно разделить малые государства в соответствии с выработанным индексом подверженности потенциальному влиянию, оказываемому соседними государствами, на три группы по степени проявления признака (островные государства, как было сказано ранее, исключены из анализа) (рис. 6).

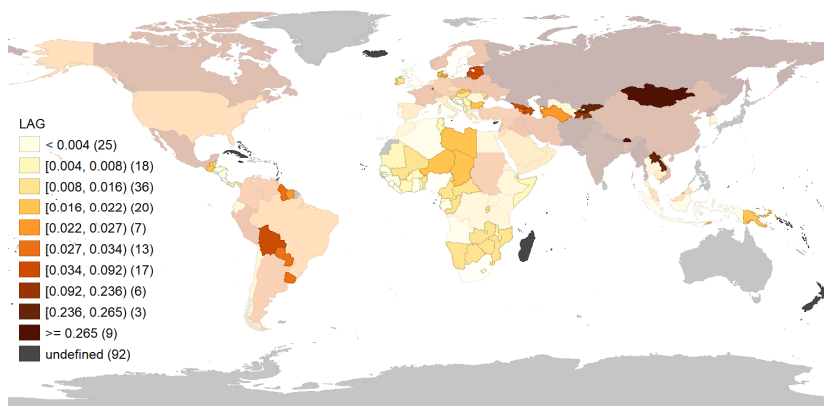

Рис. 6.

Картограмма распределения индекса подверженности потенциальному влиянию

Таблица

Распределение индекса подверженности влиятельности со стороны граничащих соседей среди государств с низким показателем индекса национального потенциала

Высокий показатель (16)	Бутан, Монголия, Лаос, Киргизстан, Таджикистан, Азербайджан, Грузия, Литва, Латвия, Эстония, Боливия, Люксембург, Армения, Парагвай, Уругвай, Гайана
Средний показатель (19)	Туркменистан, Суринам, Ливия, Болгария, Андорра, Нигер, Словакия, Чад, Дания, Папуа – Новая Гвинея, Восточный Тимор, Гватемала, Белиз, Словения, Венгрия, Ирландия, Монако, Замбия, ЦАР
Низкий показатель (48)	Сан-Марино, Мозамбик, Намибия, Бенин, Камерун, Республика Конго, Руанда, Молдавия, Мали, Зимбабве, Ботсвана, Бурунди, Эсватини, Панама, Джибути, Ливан, Лесото, Сомали, Мавритания, Сербия, Тунис, Буркина-Фасо, Северная Македония, Малави, Бруней, Албания, Кот-Д'Ивуар, Гвинея, Хорватия, Лихтенштейн, Гана, Того, Либерия, Габон, Сенегал, Черногория, Бахрейн, Гондурас, Экваториальная Гвинея, Сальвадор, Босния и Герцеговина, Гвинея-Бисау, Гаити, Сьерра-Леоне, Никарагуа, Гамбия, Коста-Рика, Доминиканская Республика
Островные государства* (33)	Маршалловы острова, Палау, Самоа, Сент-Винсент и Гренадины, Тувалу, Сан-Томе и Принсипи, Тонга, Тринидад и Тобаго, Сент-Люсия, Сейшельские острова, Сент-Китс и Невис, Новая Зеландия, Науру, Вануату, Мальдивские острова, Мальта, Маврикий, Мадагаскар, Кирибати, Ямайка, Исландия, Гренада, Федеративные штаты Микронезии, Фиджи, Доминика, Кипр, Кабо-Верде, Куба, Коморские острова, Соломоновы острова, Багамские острова, Барбадос, Антигуа и Барбуда

* Исключены из анализа.

Проведение подобной концептуализации представляется обоснованным по нескольким причинам. Во-первых, данный подход учитывает пространственную локализацию малых государств относительно крупных и контекст отношений между ними на универсальной основе, погружая конкретные показатели в контекст международно-политический, а не рассматривая их изолированно. Во-вторых, подобное группирование малых государств позволяет обратить внимание исследователей на особый тип взаимодействия, складывающийся между малыми государствами и их соседями, оказывающий влияние не только на внутреннее развитие институтов соседствующих государств, но и на их внешнеполитическое взаимодействие, которое имеет непохожую логику развития при различных значениях показателей. Наконец, подобная классификация позволяет показать дополнительные параметры отличий между малыми государствами в рамках самой аналитической группы, с учетом логики поиска наибольших различий, принимая во внимание отсутствие единого подхода к концептуализации термина, что позволяет наполнять его отдельными кейсами, исходя из целей исследования.

При этом применение индекса национального потенциала является лишь одним из способов задействования релятивистского подхода к концептуализации малых государств. Экономическая состоятельность, дипломатическая активность, степень безопасности и развития институтов демократии, зависимость от международной помощи и многие другие параметры могут также выступать в качестве отдельных факторов, определяющих способы концептуализации малых государств в частности и политий с ограниченной государственной состоятельностью вообще.

В.А. Barabash *

Relativistic conceptualization of small states via composite indicator of national capability and neighborhood: spatial statistical analysis

Abstract. Small states constitute a special analytical category in political science, political geography and the theory of international relations, even though the term is not universally agreed-upon, and its conceptualization depends on the aim of a par-

---

* **Barabash Bogdan**, MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: bogdan.barabash.mgimo@gmail.com

ticular study. Broadly speaking, small states are those countries that lack various kinds of resources and occupy a peripheral position in the system of international relations. There are many ways to conceptualize small states that take into account both quantitative and qualitative criteria, but it is with the relativistic approach that the context of the relationship between states and their dyadic links within the framework of the system of international relations is taken into account. Spatial statistical analysis and the factor of the neighborhood enable a relativistic conceptualization of small states more objectively and universally, since they take into account all dyadic connections between neighboring states. To achieve the aim of the study, composite indicator of national capability demonstrating “hard power” and spatial lag are employed to determine the range of states potentially experiencing significant influence from their immediate neighbors. The main limitations of the study is omission of isolated island states that do not have immediate neighbors, whose potential influence is different, as well as lack of “soft power” factors, with the help of which small states occupy a certain niche in international relations. Such a method of conceptualization allows scholars to take a fresh look at the term «small states» for further research of this analytical category.

Keywords: small states; political geography; neighborhood; spatial statistical analysis; spatial lag; relativism; composite indicator of national capability.

For citation: Barabash B.A. Relativistic conceptualization of small states via composite indicator of national capability and neighborhood: spatial statistical analysis. *Political science (RU)*. 2022, N 4, P. 262–281. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.12>

References

- Alesina A. The size of countries: does it matter? *SSRN electronic journal*. 2003, Vol. 2–3, P. 301–316. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.343785>
- Baldacchino, G., Wivel A. *Handbook on the Politics of Small States*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2020, 448 p. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781788112932>
- Colomer J.M. *Great empires, small nations: the uncertain future of the sovereign state*. New York: Routledge, 2007, 128 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203946046>
- Ilyin M.V. Is a universal typology of States possible? *Political Science (RU)*. 2008, N 4, 8–34 p. (In Russ.)
- Keohane R.O., Nye J.S. Power and interdependence: world politics in transition. In: Kailitz S. (Hrsg). *Schlüsselwerke der Politikwissenschaft*. Boston: Little, Brown, 1977, P. 205–209. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-531-90400-9_56
- Keohane R.O. Lilliputians’ dilemmas: Small states in international politics. *International organization*. 1969, Vol. 23, N 2, P. 291–310. DOI: <https://doi.org/10.1017/s002081830003160x>
- Kurecic P., Kozina G., Kokotović F. Revisiting the definition of small state through the use of relational and quantitative criteria. In: *Book of proceedings. 19th International scientific conference on economic and social development*. Melbourne: Varazdin development and entrepreneurship agency, 2017, P. 129–142.

- Long T. It's not the size, it's the relationship: from 'small states' to asymmetry. *International politics*. 2017, Vol. 54, N 2, P. 144–160. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41311-017-0028-x>
- Maass M. The elusive definition of the small state. *International politics*. 2009, Vol 46, N 1, P. 65–83. DOI: <https://doi.org/10.1057/ip.2008.37>
- Meleshkina E.Y. Studies of stateness: what lessons can we draw? *Political science (RU)*. 2011, N 2, P. 9–25 (In Russ.)
- Okunev I.Y. Political and geographical aspects of statehood (analysis of the experience of microstates). *Political Science (RU)*. 2011, N 4, P. 162–173. (In Russ.)
- Okunev I.Y. *The basics of spatial analysis*. Moscow: Aspect-Press, 2020, 255 p. (In Russ.)
- Singer J.D., Bremer S., Stuckey J. Capability distribution, uncertainty, and Major Power War, 1820–1965. In: Russett B. (ed.). *Peace, war, and numbers*. Beverly Hills: Sage, 1972, P. 19–48.
- Thorhallsson B., Wivel A. Small states in the European Union: what do we know and what would we like to know. *Cambridge review of international affairs*. 2009, Vol. 19, N 4, P. 651–668. DOI: <https://doi.org/10.1080/09557570601003502>
- Voskresensky A.D. Concepts of regionalization, regional subsystems, regional complexes and regional transformations in modern international relations. *Comparative politics*. 2012, N 2 (8), P. 30–58. (In Russ.)
- Walt M.S. Alliances: balancing and bandwagoning. In: Art R., Jervis R. *International politics: enduring concepts and contemporary issues*. New York: Longman, 2003, P. 124–131.
- Willis J. Breaking the paradigm (s): A review of the three waves of international relations small state literature. *Pacific dynamics: journal of interdisciplinary research*. 2021, Vol. 5, N 1, P. 19–32. DOI: <http://dx.doi.org/10.26021/10639>

Литература на русском языке

- Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. – 2012. – № 2 (8). – С. 30–58.
- Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. – 2008. – № 4. – С. 8–34.
- Мелешикина Е.Ю. Исследования государственной состоятельности: какие уроки мы можем извлечь? // Политическая наука. – 2011. – № 2. – С. 9–25.
- Окунев И.Ю. Политико-географические аспекты государственности (анализ опыта микрогосударств) // Политическая наука. – 2011. – № 4. – С. 162–173.
- Окунев И.Ю. Основы пространственного анализа. – М.: Аспект Пресс, 2020. – 255 с.

В.Л. ВЕРИГА *

**НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ
КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ:
ОТ ГРАНИЦ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К
ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ НЕОБХОДИМОСТИ**

Аннотация. В статье представлен обзор исследований неправительственных организаций (НПО) и выделена их типологизация по нескольким основаниям. Группы работ можно объединить по критерию имеющейся даты основания НПО и начала их оформления как официального института – до и после 1945 г. Территориально-деятельностный критерий определяет исследования трех типов НПО: в конкретных странах; в странах, где организации работают, но не зарегистрированы; международных НПО. Подход к субъектности и объектности разделяет исследования на описывающие независимость и влияние НПО и на выявляющие их инструментальность и используемость как агента «мягкой силы». Функциональная система НПО А. Веддера позволила выделить исследования, посвященные организациям, решающим конкретные проблемы, а также работающим в области изменения мнения и отношения по конкретным вопросам. На основе тематической направленности деятельности НПО предлагается выделять группы исследований по степени актуальности социально-политической повестки. В целом стоит отметить рост внимания исследователей к проблемам работы неправительственных организаций, становящихся заметным субъектом политических процессов как на государственном, так и на международном уровне.

Ключевые слова: неправительственные организации; миграционные процессы; обзор исследований; типологизация исследований.

Для цитирования: Верига В.Л. Неправительственные организации как предмет исследования в политической науке: от границ деятельности к функцио-

---

* Верига Валерий Львович, аспирант кафедры мировых политических процессов, МГИМО МИД России (Москва, Россия), e-mail: vlveriga@bk.ru

© Верига В.Л., 2022

DOI: 10.31249/poln/2022.04.13

нальной необходимости // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 282–299. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.13>

Неправительственные организации – институции, играющие непросто роль в социально-политических процессах современного мира. Их деятельность, как правило, находится за рамками новостных повесток, но освещается лишь в исключительных случаях. Между тем именно они зачастую формируют общественное мнение и подталкивают правительства к изменению законодательства в рамках актуальных, порой жизненно важных проблем общества. Так, например, именно неправительственные организации подняли проблему надвигающейся экологической катастрофы и продолжают работать в области ее упреждения там, где государство бессильно. Они оказывают огромную поддержку беженцам из зон военных конфликтов. Именно они популяризируют знания о редких заболеваниях и проблемах уязвленных малых групп населения.

Исследования неправительственных организаций достаточно многочисленны и, очевидно, эта многочисленность не позволит охватить все их целиком. В этих целях мы разработали несколько типологий, каждая из которых позволяет структурировать накопленный опыт изучения НПО и дать представление о том, что такое неправительственные организации в контексте современных мировых и локальных процессов. Таким образом, начинающие изучать НПО получают ориентир для постепенного погружения в тематику неправительственных организаций, а опытные эксперты получают контур для поисковых запросов на новые исследования по этой теме.

Выделено пять типологий исследований НПО по различным основаниям. Возможно, это не исчерпывающий перечень типологий. Однако работа с более чем 500 источниками по этой теме показала, что на данный момент пяти оснований достаточно, чтобы составить глубокое представление об опыте, накопленном за разные годы исследователями НПО. Эти основания следующие:

- временная граница формализации НПО как института (1945);
- границы зарождения и деятельности конкретных НПО;
- рассмотрение НПО как объекта или как субъекта мировых и локальных процессов;
- функциональные особенности НПО;
- тематическая направленность их деятельности.

Очевидно, следует сразу оговориться, что выделенные основания могут иметь альтернативную форму. Например, выделение двух периодов деятельности НПО – до и после 1945 г. – обосновано датой, когда определение неправительственных организаций было внесено в устав ООН. Между тем существуют и другие типологии периодизации деятельности НПО. Например, Е.И. Москальчук [Москальчук, 2016 а] выделяет три периода деятельности НПО, функционирующих в рамках международного сообщества.

1. 1946–1965 гг. – время формирования правовых основ деятельности НПО и их становления как международного института.

2. 1966–1995 гг. – время деятельности НПО в рамках международных конференций, когда НПО начинают брать на себя интегративную функцию.

3. 1995 – настоящее время – период, когда НПО стали восприниматься как часть межправительственных организаций.

При всей эффективности разделения Е.И. Москальчук самих НПО по временным критериям выделить группы исследований, посвященных этим периодам, не удалось. Поэтому мы остановились на 1945 г., определив становление НПО как официального института.

Также выделено еще два типа исследований НПО, которые решают конкретные проблемы и работают на изменение общественного мнения по поводу них. Эта типология основывается на разделении функционала НПО по А. Веддеру [Vedder, 2007]. Конечно, это не единственная попытка определить функционал подобных организаций. Так, например, в том же исследовании Е.И. Москальчук [Москальчук, 2016 а, с. 95] отмечается, что функции НПО, как и функции любого актора, не могут быть определены абсолютно, поскольку меняются со временем и зависят от условий деятельности. В этом исследовании она приводит еще ряд типологий функционала НПО, дробящихся на большее множество типов. Мы выбрали типологию операциональности и лоббирования А. Веддера, поскольку она позволяет охватить наибольшее количество исследований в каждом из типов и наиболее эффективно и быстро составить представление о различных видах деятельности НПО в их тематических направлениях.

Таким образом, не претендуя на универсальность своих типологических оснований, мы предлагаем наиболее, на наш взгляд, эффективный и быстрый метод ознакомления с НПО и связанными с ними исследованиями.

Границы времени

Неправительственные организации – институт, который, с одной стороны, оформился совсем недавно, а с другой – имеет долгую предысторию. Термин «неправительственные организации» (НПО) вошел в оборот в середине XX в. Он был использован в 71-й статье устава ООН 1945 г., чтобы, как отмечают исследователи¹, провести различие между правами участия специализированных межправительственных организаций и частных международных организаций. Конкретная временная дефиниция термина указывает на то, что обозначаемый им феномен в том или ином виде существовал и ранее. В соответствии с этим можно выделить две группы исследований.

Первая группа, достаточно крупная, оценивает НПО с позиций устоявшегося социально-политического института, закрепленного определением ООН, и принимает неправительственные организации как данность и атрибут современного общества. Здесь можно привести в пример исследования, посвященные влиянию НПО на другие институты, например на ООН [Willets, 1996], международное право [Tarlock, 1992], миграционную политику [Бурда, Михайлова, Гришин, 2021], экономические структуры [Ladog-Lederer, 1963]; исследования, выявляющие политическую роль НПО, их функции [Кун, 2021; Лушников, 2019], методы работы и цели [White, 1951]; а также ряд подгрупп других исследований, основанных на институциональной сущности НПО.

Вторая, менее малочисленная, группа включает исторический контекст политической значимости НПО. В этой группе исследований анализируется деятельность организаций прошлого, по своему устройству схожих с современными НПО. Исследователи находят аналоги НПО в таких организациях, как средневековый «Ганзейский союз северных немецких городов» [Марченкова, Самородова, 2020], «Вольное экономическое общество»², основанное

---

¹ Willets P. NonGovernmental Organization? *In: Conventions, treaties and other responses to global issues – Vol. II – NonGovernmental Organizations // UNESCO – Encyclopedia Life Support Systems.* – Mode of access: <http://eolss.net/Sample-Chapters/C14/E1-44-03-07.pdf> (accessed: 15.04.2022).

² Рудевич А. Откуда есть пошло Вольное экономическое общество // *Вольная экономика.* – 2017. – Режим доступа: <http://freeconomy.ru/istoriya/otkuda-est-poshlo-volnoe-ekonomicheskoe-obshhestvo.html> (дата обращения: 25.04.2022).

во второй половине XVIII в., российское «Императорское Православное Палестинское Общество», созданное в 1882 г. [Митрофанов, 2016], и др. Изучение НПО прошлого включает также отдельные исторические периоды, обусловленные социально-политической ситуацией в том или ином регионе. К таковым относятся, например, исследование НПО 1918–1920 гг., действовавших на территории установления Азербайджанской Демократической Республики [Гусейнова, 1996], или исследование формирования российских «Вольных обществ» конца XVIII в. [Коршунова, 2006].

Выделяя эти две группы, следует отметить, что существуют НПО, возникшие задолго до 1945 г. и продолжающие функционировать в настоящее время. Как правило, их история и влияние настолько велики, что заслуживают отдельного внимания специалистов. Здесь также можно выделить две подгруппы исследований, обусловленные тем, какие организации должны относиться к НПО. Как правило, определение НПО дается в широком и узком смысле. В широком смысле к НПО относятся общественно-политические движения – в частности, такой точки зрения придерживается Ш. Зоргбиб [Zorgbibe, 1991, p. 91–118]. Таким образом, первая подгруппа включает такие исследования, как история и политическое влияние Красного Креста, основанного в 1863 г. [Богатырева, 2020; и др.], Социнтерна, основанного в 1864 г. [Игнатъев, 2004; и др.], и т.д. В узком понимании под НПО подразумеваются правовые, профсоюзные, спортивные, религиозные и другие (тематические) организации. Соответственно, ко второй подгруппе можно отнести такие исследования, как история и влияние Международной федерации футбола (ФИФА), основанной в 1904 г. [Симонов, 2021; и др.], французской Всеобщей конфедерации труда, основанной в 1895 г. [Mouriaux, 2004], и т.д.

Территория возникновения и область действия

С.В. Мысин, выделяя основания для классификации некоммерческих неправительственных организаций, в качестве базовых отмечает государственную принадлежность и территориальную деятельность. Первое основание позволило ему выделить, например, российские и иностранные организации, второе – организации, действующие в России и на зарубежных территориях [Мы-

син, 2012, с. 345]. Возможно, с юридической точки зрения (какую представляет С.В. Мысин) изучение НПО по этим типологическим основаниям оправданно. Однако в рамках политических исследований прослеживается объединение этих типологий. Во-первых, ведутся исследования, посвященные неправительственным организациям отдельных стран – например, США, Швейцарии, Франции, России и т.д. [Wieters, 2017; Perroulaz, 2004; Cumming, 2008, Хадсон, 2007; и др.]. Во-вторых, выделяются исследования, фокусирующиеся на том, как неправительственные организации одних стран действуют на территории других: см., например, работы о деятельности зарубежных неправительственных организаций в России и Украине [Петровская, Филянова, 2011; Хлызова, 2015] или немецких – в Эстонии [Ланко, Тарасов, Швец, 2017]. И, наконец, в третью группу можно выделить исследования, охватывающие деятельность международных неправительственных организаций [Kolobov, Ditsevich, 2021; Липустина, 2021; и др.].

Субъектность и объектность

Неправительственные организации относятся к «третьему сектору», характеризующемуся свободой и независимостью от государства или бизнеса. В связи с этим становится логичным изучение субъектности НПО. Достаточно большой пласт исследований в этом направлении посвящен описанию НПО как субъекта: мировой политики [Боташева, Ефимова, Тамбиева, 2020], международных отношений [Армашова, 2018], международной консалтинговой деятельности [Москальчук, 2016 b], административно-правовых отношений [Соболева, 2017], экологического лоббизма [Ермолов, 2012], гражданского общества [Хатаев, Марзоева, 2015], оказания гуманитарной помощи [Смирнова, 2015], противодействия коррупции [Андрюхина, 2014], предупреждения религиозного экстремизма [Рахимбеков, 2018] и т.п. Однако при всей значимости этот пласт исследований демонстрирует одностороннюю позицию по отношению к независимости и влиянию НПО.

Противоположная исследовательская позиция состоит в том, что неправительственные организации являются инструментом «мягкой силы», и в этом смысле наблюдается переход НПО от

субъекта к объекту воздействия. В частности, НПО используются как средство борьбы за влияние внутри стран – членов ЕАЭС и в конкуренционных процессах между ними [Стецко, 2016]. Исследователи отмечают использование международных мусульманских НПО во внешней политике различных государств [Ротаров, 2015]. Объектность НПО также может проявляться в случае, когда одни неправительственные организации начинают контролировать другие: например, такая система общественного контроля наблюдается в западных странах, где поддерживаются традиции гражданского общества [Хамитова, 2015].

Функциональность

А. Веддер [Vedder, 2007, p. 5] описывает функциональность НПО в двух категориях: операциональности и лоббирования. Первая подразумевает проведение мероприятий и внедрение программ, позволяющих решить конкретную проблему, изменить ситуацию или условия жизни людей. Вторая – изменение мнений, общественных настроений, формирование новых социально-политических практик и т.д. Понятно, что НПО, работающие в рамках одного тематического направления, могут выполнять разные функции, которые будут зависеть от количества располагаемых ресурсов. Например, среди НПО по защите прав мигрантов выделяются организации, работающие операционально или лоббистски. Операционально действуют, в частности, такие французские организации как Dom'asile (предоставляет приют на время оформления документов на статус беженца) и Médecins sans frontières (MSF) («Врачи без границ», решает проблему питания, медицинской и психологической помощи мигрантам). Лоббированием интересов мигрантов занимается информационный портал Infomigrants, освещающий их проблемы и дающий им информационную поддержку [Верига, 2022, с. 244–245].

В связи с такой типологией функциональности можно выделить две группы исследований НПО. К группе, включающей аналитику операциональной деятельности НПО, можно отнести такие исследования, как влияние деятельности экологических НПО на конкретное изменение экологической политики [Жабина, Гладкова, 2021]; работа земств по развитию сельского хозяйства в Таври-

ческой губернии в конце XIX – начале XX в. [Аджиева, 2017]; реализация коррекционных программ обучения детей с расстройствами аутистического спектра неправительственными организациями Казахстана [Рымханова, Туганбекова, Кикбаева, 2021]; разработка и подготовка международных договоров в области разоружения учеными Пагоушского движения [Лебедев, 2019]; работа организации «Международная тюремная реформа» (PRI) по снижению тюремного насилия [Варламова, Казакова, 2019]; и др.

Лоббистская деятельность неправительственных организаций описывается в исследованиях, посвященных экологическому лоббизму [Ермолов, 2012]; информационному противодействию коррупции [Андрюхина, 2014]; работе по изменению отношения в обществе к сексуальному рабству корейских женщин в Японии во время войны в Тихом океане [Мусинова, Гракова, 2020]; коммуникативная деятельность неправительственных организаций религиозной направленности [Боташева, Ефимова, Тамбиева, 2020]; и др.

Тематическая направленность

Говоря о тематической направленности НПО, следует отметить, что она может меняться в зависимости от социально-политической ситуации: НПО возникают и развиваются по мере появления и разрешения определенной проблемы. Проблема может быть связана с правами и условиями существования определенных, как правило ущемленных, групп населения (мигранты, национальные меньшинства, сексуальные меньшинства, люди с ограниченными возможностями и т.д.) или с общими кризисами (военными, экологическими, культурными и т.д.). В этом контексте эффективной представляется типологизация исследований НПО, связанная с актуальной социально-политической повесткой.

Например, миграционный кризис в Европе, символически относимый к 2015 г. [Ayoub, 2019], продолжается по настоящее время и только усиливается в связи с событиями на Украине – военной операцией, начавшейся в феврале 2022 г. В связи с этим актуальными на данный момент являются исследования неправительственных организаций, работающих над разрешением **миграционного кризиса** и проблем мигрантов в целом. В качестве примеров таких ис-

следований см.: [Матвеевская, Погодин, 2017; Irrera, 2019; Бурда, Михайлова, Гришин, 2021; Верига, 2022; и др.].

Вызванный войнами миграционный кризис сопровождается еще одной актуальной для 2022 г. повесткой – **военными конфликтами** в разных регионах планеты: упомянутый уже военный конфликт на Украине, турецкая военная операция в Курдистане, военный конфликт и экономическая блокада Мали (как и не прекращающиеся столкновения в других частях Африканского континента) и др. Таким образом, актуальными становятся исследования неправительственных организаций, занимающихся миротворческими миссиями, см.: [Лебедев, 2019; Никитин, Болгова, Никитина, 2020; Рустомова, 2021; и др.].

Экологические проблемы, обсуждение которых началось в среде ученых и активистов в 70-х годах прошлого века, сегодня усилились и, очевидно, останутся неотъемлемой частью исторического развития человечества. Огромную роль в их решении и предупреждении потенциальной экологической катастрофы играют НПО соответствующей направленности. В качестве примеров соответствующих исследований на эту тему см.: [Ермолов, 2012; Жабина, Гладкова, 2021; Кун, 2021; и др.].

Экологические проблемы, войны, миграционный кризис сопровождаются ростом дефицита ресурсов, что может привести к невозможности **удовлетворения базовых потребностей** жителей разных регионов. В попытках преодоления этой катастрофы на локальном уровне отдельных стран также накоплен опыт работы НПО, исследования на эту тему также можно выделить в отдельную группу, см.: [Perroulaz, 2004; Wieters, 2017].

Следует отметить, что выделение этих крупных направлений деятельности НПО не является абсолютным, это лишь начальный контур, по которому можно типологизировать группы исследовательской работы по изучению НПО. Безусловно, при следующем приближении этого контура можно будет выделить исследования, посвященные НПО, занимающимся не менее важной, но рассчитанной на меньшую целевую аудиторию работой, на помощь меньшим социальным группам населения. В рамках других типологий исследований НПО и посвященных ей исследованиях уже были описаны, например, помощь детям с заболеваниями аутистического спектра [Рымханова, Туганбекова, Кикбаева, 2021]; помощь женщинам, попавшим в сексуальное рабство [Мусинова, Гракова,

2020]; борьба с коррупцией [Андрюхина, 2014]; и т.д. Очевидно, что приближение указанного контура может быть бесконечным, поскольку специфика деятельности НПО может отличаться от региона к региону, например исследование [Рымханова, Туганбекова, Кикбаева, 2021] типично для Казахстана, а [Мусинова, Гракова, 2020] – для Кореи послевоенного времени. Именно поэтому эффективным будет выделение тех тематических групп, которые составляют наиболее важную социально-политическую повестку.

Заключение

Неправительственные организации начиная с 1945 г. стали заметными участниками политических процессов как внутри конкретных государств, так и на международной арене. Часто именно НПО становятся драйверами постановки проблем для государственных и международных структур. В связи с этим вполне понятна причина большого интереса исследователей к проблематике деятельности подобных организаций.

В предложенной статье предпринята попытка систематизировать и типологизировать исследования НПО. Для этого были использованы критерии деятельности организаций, выражаемых как в особенностях формализации и зарождения самого института, так и в функциональных особенностях и тематике деятельности. Важной чертой исследований НПО становится ответ на вопрос относительно субъектности и объектности подобных структур.

В итоге можно констатировать, что большое количество работ, посвященных деятельности НПО, укладывается в несколько типологических оснований, которые становятся универсальным средством идентификации и изучения организаций, среди них: исторические границы создания и деятельности НПО; территория возникновения и область действия; субъектность и функциональность, а также тематическая направленность работы.

Можно отметить, что в настоящее время именно два последних основания становятся все более важными для исследования НПО, что может свидетельствовать об искажении самой роли организаций, которая изменилась с общественно-полезной в сторону лоббистской деятельности по отстаиванию интересов конкретных групп. И в этом плане можно говорить о том, что дальнейшие ис-

следования могут быть все больше связаны с оценкой политического потенциала НПО как на глобальном, так и на локальном уровнях.

V.L. Veriga*

**Non-governmental organizations in political science:
from the boundaries of activity to functional necessity**

Abstract. The article presents an overview of the studies of non-governmental organizations (NGOs) and highlights their typology on several grounds. Many works can be combined according to the criterion of the existing date of foundation of NGOs and the beginning of their registration as an official institution – before and after 1945. The territorial and activity criterion determines the research of three types of NGOs: in specific countries; in countries where organizations operate without registration; international NGOs. The approach to subjectivity and objectivity divides studies into those that describe the independence and influence of NGOs and those that reveal their instrumentality and use as an agent of «soft power». Vedder's functional system of NGOs made it possible to identify studies on organizations that solve specific problems, as well as work in the field of changing opinions and attitudes on specific issues. Based on the thematic focus of NGO activities, it is proposed to single out groups of studies according to the degree of relevance of the socio-political agenda. In general, it is worth noting the growing attention of researchers to the problems of the work of non-governmental organizations, which are becoming a noticeable subject of political processes at both the state and international levels.

Keywords: non-governmental organizations; migration processes; research review; typology of research.

For citation: Veriga V.L. Non-governmental organizations in political science: from the boundaries of activity to functional necessity. *Political science (RU)*. 2022, N 4, P. 282–299. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.13>

References

Adzhieva L.S. Peculiarities of work of zemstvos of the Tauride province in agriculture (1861–1917). In: *II Yalta Scientific Readings. Crimea in the history of Russia: past and present: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Yalta, April 18–19, 2017*. Yalta: Limited Liability Company «Publishing House Typography 'Arial'», 2017, P. 16–21. (In Russ.)

---

* **Veriga Valery**, MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: vlveriga@bk.ru

- Andruhina O.V. Non-governmental organizations as a subject of combating corruption. The obligation of business entities to develop and adopt measures to prevent corruption (anti-corruption compliance). *Journal of economy and entrepreneurship*. 2014, N 9(50), P. 586–588. (In Russ.)
- Armashova A.V. The role and place of international non-governmental organizations in modern conditions of development of international relations. *Bulletin of the National Institute of Business*. 2018, N 32, P. 13–18. (In Russ.)
- Ayoub M.A. Understanding Germany's response to the 2015 refugee crisis. *Review of economics and political science*. 2019, Vol. ahead-of-print, N ahead-of-print. DOI: <https://doi.org/10.1108/reps-03-2019-0024>
- Bogatyрева O. Sustainable humanitarian impact as a strategic orientation of the international committee of the Red Cross. Electronic supplement to “Russian Juridical Journal”. 2020, N 6, P. 31–40. DOI: <https://doi.org/10.34076/2219-6838-2020-6-31-40> (In Russ.)
- Botasheva A.K., Yefimova O.V., Tambieva Z.S. Communicative aspect of the activities of international non-governmental organizations of religious orientation as subjects of world politics. *Modern science and innovation*. 2020, N 3(31), P. 179–187. DOI: <https://doi.org/10.37493/2307-910X.2020.3.24> (In Russ.)
- Burda M.A., Mikhaylova N.V., Grishin O.E. Migration policy of Russia: activities of non-governmental organizations in the context of ensuring political stability. *Etnosocium (multinational society)*. 2021, N 3(153), P. 19–26. (In Russ.)
- Cumming G.D. French NGOs in the global era: professionalization “without borders”? *Voluntas: international journal of voluntary and nonprofit organizations*. 2008, Vol. 19, N 4, P. 372–394.
- Ermolov N.G. Non-governmental organizations as subjects of environmental lobbying. *Socio-humanitarian knowledge*. 2012, N 9, P. 143–148. (In Russ.)
- Hataev I.E., Marzoeva T.H. International non-governmental organization as a civil society actors. *Modern scientific researches and innovations*. 2015, N 12(56), P. 1078–1081. (In Russ.)
- Hudson G. Development of non-governmental organizations in Russia: a view from the USA. *Representative power – XXI century: legislation, comments, problems*. 2007, N 2(75), C. 5–8. (In Russ.)
- Huseynova L.D. *Activities of non-governmental public organizations during the ADR period (1918–1920): specialty 07.00.02 "National history": dissertation abstract for the degree of candidate of historical sciences*. Baku, 1996, 27 p. (In Russ.)
- Ignatiev G.A. Socialist International and Western European integration. *Bulletin of the Novgorod state university*. 2004, N 29, P. 15–18. (In Russ.)
- Irrera D. Non-governmental search and rescue operations in the Mediterranean: challenge or opportunity for the EU? *European foreign affairs review*. 2019, Vol. 24, N 3, P. 265–286.
- Khamitova A.A. Non-governmental organizations as objects of public control: analysis of global experience. *Bulletin of "Turan" University*. 2015, N 4(68), P. 235–240. (In Russ.)
- Khlyzova V.S. Impact of the western and American NGO on participation of youth in the political system of Ukraine. *Youth world politic*. 2015, N 3, P. 9–17. (In Russ.)

- Kong H. The functions of non-governmental environmental organizations in building ecological civilizations in China (on the example of the organization “Green River” of China). *Etnosocium (multinational society)*. 2021, N 7(157), P. 38–49. (In Russ.)
- Kolobov R. Yu., Ditsevich Ya. B. The activity of international non-governmental organizations as a premise for the development of Lake Baikal legal protection. *Siberian law herald*. 2021, N 2 (93), P. 120–124. DOI: <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2021.2.120>
- Korshunova N.V. On the history of the formation of “Free Societies” in Russia in the last third of the 18 th century. *Bulletin of the Chelyabinsk state pedagogical university*. 2006, N 5, P. 155–163. (In Russ.)
- Lador-Lederer J.J. *International non-governmental organizations and economic entities: a study in autonomous organization and ius gentium*. Leyden: A.W. Sythoff, 1963, 403 p.
- Lanko D.A., Tarasov I.N., Shvets Y.V. The active agents of soft power of Germany in Estonia: analysis of organizational factors. *Vlast'*. 2017, N 12, P. 223–231. (In Russ.)
- Lebedev M.A. International security, social responsibility of scientists, scientific diplomacy: the role of the Pugwash movement. In: *II Moiseev readings: culture as a factor in Russia's national security: Reports and materials of the All-Russian (national) scientific conference, Moscow, June 26, 2019*. Moscow: Moscow University for the Humanities, 2019, P. 18–25. (In Russ.)
- Lipustina N.S. The role of non-governmental international organizations in the settlement of international conflicts. *Scientific leader*. 2021, N 41(43), P. 278–281. (In Russ.)
- Lushnikov D.A. Government-sponsored non-governmental organizations (GONGO): genesis of the problems, interpretation and functions. *Polis. Political studies*. 2019, N 2, P. 137–148. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.10> (In Russ.)
- Marchenkova L.M., Samorodova E.M. International organizations and their role in the modern world economy and politics. In: Kuzmin V.M. (ed). *Actual problems of international relations in the conditions of the formation of a multipolar world: Collection of scientific articles of the 9 th International Scientific and Practical Conference, Kursk, December 15, 2020*. Kursk: Southwestern State University, 2020, P. 135–140. (In Russ.)
- Matveevskaya A.S., Pogodin S.N. Importance of non-governmental organizations of the european union and the eurasian economic community in the integration of labor migrants. *Eurasian law journal*. 2017, N 2(105), P. 103–105. (In Russ.)
- Mitrofanov A.V. Imperial Orthodox Palestinian Society in the second half of the 19 th century in Russia. In: Karnishina N.G. (ed). *State, law, society: problems of interaction (political science, legal sciences, history, religious studies, sociology): collection of articles of the III International scientific and practical conference, Penza, April 28–29 2016*. Penza: Autonomous non-profit scientific and educational organization «Privolzhsky House of Knowledge», 2016. P. 68–72. (In Russ.)
- Moskaltchuk E.I. Functions transformation of international non-government organizations. *Discussion*. 2016 a, N 1(64), P. 93–102. (In Russ.)
- Moskalchuk E.I. *Russian non-governmental organizations as a subject of international consulting activity: specialty 22.00.05 «Political sociology»*: dissertation abstract for

- the degree of candidate of sociological sciences. Saint Petersburg, 2016 b, 22 p. (In Russ.)
- Mouriaux R. *Le syndicalisme en France depuis 1945*. P.: La Découverte, 2004, 126 p.
- Musinova I., Grakova J. The role of ngos in addressing the problem of «comfort stations» for example, the Korean council for justice and remembrance for the issues of military sexual slavery. *Modern oriental studies*. 2020, Vol. 2, N 1, P. 71–79. (In Russ.)
- Mysin S.V. Classification of non-commercial non-government organizations. *Tambov university review. Series: humanities*. 2012, N 5 (109), P. 344–346. (In Russ.)
- Nikitin A., Bolgova I., Nikitina Y. Activities of non-governmental organisations aimed at conflict settlement in post-soviet states. *Quaestio Rossica*. 2020, Vol. 8, N 2, P. 428–441. DOI: <https://doi.org/10.15826/qr.2020.2.472> (In Russ.)
- Perroulaz G. Le financement des ONG dans la coopération au développement et l'aide humanitaire: le cas de la Suisse et comparaisons internationales. *Annuaire suisse de politique de développement*. 2004, Vol. 23, N 2, P. 49–82.
- Petrovskaya O.V., Filyanova V.N. *Foreign non-governmental non-profit and religious organizations in Russia*. Moscow: Russian institute of strategic research, 2011, 375 p. (In Russ.)
- Potapov V.A. The religious orientated non-governmental organizations as the instruments of states' foreign policy: an institutional paradox. In: *On the way to a stable world: security and sustainable development : a collection of scientific papers*. San Diego: LLC Global Partnership on Development of Scientific Cooperation; Ron Bee & Associates, 2015, P. 49–51. DOI: [https://doi.org/10.17809/02\(2015\)-08](https://doi.org/10.17809/02(2015)-08)
- Rakhimbekov M.M. Non-governmental organizations as subjects of prevention of religious extremism in the Republic of Kazakhstan. *Bulletin of the Institute of legislation of the Republic of Kazakhstan*. 2018, N 4 (53), P. 190–197. (In Russ.)
- Rustamova L.R. Specificity of Germany's participation in peacekeeping missions abroad. *Eurasien Law journal*. 2021, N 11(162), P. 63–64. DOI: <https://doi.org/10.46320/2073-4506-2021-11-162-63-64> (In Russ.)
- Rymkhanova A.R., Tuganbekova K.M., Kikbaeva N.I. Current state of the organization of the educational process of children with autism spectrum disorders. *International journal of experiential education*. 2021, N 3, P. 71–75. DOI: <https://doi.org/10.17513/mjeo.12044> (In Russ.)
- Simonov K.V. Corruption scandals in FIFA and the influence of Middle Eastern autocracies. In: *Physical culture, sport and health in modern society: collection of scientific articles of the International Scientific and Practical Conference, Voronezh, October 07–08, 2021 / Voronezh State Institute of Physical Culture*. Voronezh: Publishing and Printing Center "Scientific Book", 2021, P. 620–626. (In Russ.)
- Smirnova D.S. Governmental and non-governmental organizations as subjects in the sphere of rendering humanitarian assistance. *Historical, philosophical, political and law sciences, Culturology and study of art. Issues of theory and practice*. 2015, N 12–3(62), P. 153–155. (In Russ.)
- Soboleva Yu.V. International and foreign non-governmental organizations as subjects of administrative-legal relations. *Administrative law and process*. 2017, N 1, P. 58–62. (In Russ.)

- Stetsko E.V. Non-governmental organizations in the eeu: the intersection of “soft power”. *Eurasian law journal*. 2016, N 1(92), P. 61–65. (In Russ.)
- Tarlock D. Environmental law: the role of non-governmental organizations in the development of international environmental law. *Chicago-Kent law review*. 1992, N 68, P. 61–76.
- Varlamova O.F., Kazakova T.A. Approaches to reducing the prison population. *Issues of russian and international law*. 2019, Vol. 9, N 9–1, P. 155–161. DOI: <https://doi.org/10.34670/AR.2019.90.9.016> (In Russ.)
- Vedder A. (ed). *NGO Involvement in international governance and policy: sources of legitimacy*. Boston: BRILL, 2007, 234 p.
- Veriga V.L. Non-governmental organizations for the protection of refugees in France: the realities of the ongoing crisis. *Vlast'*. 2022, Vol. 30, N 1, P. 242–248. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i1.8814> (In Russ.)
- Wieters H. *The NGO care and food aid from America, 1945–80: 'Showered with kindness'?* Manchester: Manchester University Press, 2017, 336 p.
- White L.C. *International non-governmental organizations: their purposes, methods, and accomplishments*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1951, 325 p.
- Willets P. (ed). *The conscience of the world: the influence of non-governmental organizations in the UN System*. Washington D.C.: The Brooklyn Institution, 1996, 348 p.
- Zhabina A.A., Gladkova A.A. The role of international organizations in the implementation of the environmental policy of states. In: Local Self-Government Day: scientific and practical conference: collection of articles, Moscow, April 21, 2020. Moscow: Pero Publishing House, 2021, P. 76–81. (In Russ.)
- Zorgbibe Ch. *Les organisations internationales*. Paris: Presses Universitaires de France, 1991, 127 p.

Литература на русском языке

- Аджиева Л.С. Особенности работы земств Таврической губернии в сельском хозяйстве (1861–1917 гг.) // П Ялтинские научные чтения. Крым в истории России: прошлое и настоящее : Материалы всероссийской научно-практической конференции, Ялта, 18–19 апреля 2017 года / редколлегия: А.В. Глузман, Э.Ш. Бекирова, Л.П. Нелина (отв. ред.) [и др.]. – Ялта: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография “Ариал”», 2017. – С. 16–21.
- Андрюхина О.В. Неправительственные организации как субъект противодействия коррупции. Обязанность хозяйствующих субъектов разрабатывать и принимать меры по предупреждению коррупции (антикоррупционный комплаенс) // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 9 (50). – С. 586–588.
- Ардашова А.В. Роль и место международных неправительственных организаций в современных условиях развития международных отношений // Вестник Национального Института Бизнеса. – 2018. – № 32. – С. 13–18.
- Богатырева О.Н. Устойчивое гуманитарное воздействие как стратегическая цель деятельности Международного комитета Красного Креста // Электронное при-

- ложение к Российскому юридическому журналу. – 2020. – № 6. – С. 31–40. – DOI: <https://doi.org/10.34076/2219-6838-2020-6-31-40>
- Боташева А.К., Ефимова О.В., Тамбиева З.С.* Коммуникативный аспект деятельности международных неправительственных организаций религиозной направленности как субъектов мировой политики // Современная наука и инновации. – 2020. – № 3(31). – С. 179–187. – DOI: <https://doi.org/10.37493/2307-910X.2020.3.24>
- Бурда М.А., Михайлова Н.В., Гришин О.Е.* Миграционная политика России: деятельность неправительственных организаций в контексте обеспечения политической стабильности // Этносоциум и межнациональная культура. – 2021. – № 3(153). – С. 19–26.
- Верига В.Л.* Неправительственные организации по защите прав беженцев во Франции: реалии продолжающегося кризиса // Власть. – 2022. – Т. 30. – № 1. – С. 242–248. – DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i1.8814>
- Варламова О.Ф., Казакова Т.А.* Подходы к снижению тюремного населения // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9. – № 9–1. – С. 155–161. – DOI: <https://doi.org/10.34670/AR.2019.90.9.016>
- Гусейнова Л.Д.* Деятельность неправительственных общественных организаций в период АДР (1918–1920): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Баку, 1996. – 27 с.
- Ермолов Н.Г.* Неправительственные организации как субъекты экологического лоббизма // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 9. – С. 143–148.
- Жабина А.А., Гладкова А.А.* Роль международных организаций в реализации экологической политики государств // День местного самоуправления : научно-практическая конференция : сборник статей, Москва, 21 апреля 2020 года. – Москва: Издательство «Перо», 2021. – С. 76–81.
- Игнатьев Г.А.* Социатерн и западноевропейская интеграция // Вестник Новгородского государственного университета. – 2004. – № 29. – С. 15–18.
- Корицунова Н.В.* К истории формирования «Вольных обществ» в России в последней трети XVIII века // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2006. – № 5. – С. 155–163.
- Кун Х.* Функции неправительственных природоохранных организаций в построении экологической цивилизации Китая (на примере организации «GREEN RIVER» Китая) // Этносоциум и межнациональная культура. – 2021. – № 7(157). – С. 38–49.
- Ланко Д.А., Тарасов И.Н., Швец Я.В.* Активность агентов «мягкой силы» Германии в Эстонии: анализ организационных факторов // Власть. – 2017. – Т. 24. – № 12. – С. 223–231.
- Лебедев М.А.* Международная безопасность, социальная ответственность ученых, научная дипломатия: роль Пагуошского движения // II Моисеевские чтения: культура как фактор национальной безопасности России : Доклады и материалы Общероссийской (национальной) научной конференции, Москва, 26 июня 2019 года / Под редакцией А.В. Костиной, В.А. Лукова. – Москва: Московский гуманитарный университет, 2019. – С. 18–25.

- Липустина Н.С.* Роль неправительственных международных организаций в урегулировании международных конфликтов // Научный Лидер. – 2021. – № 41(43). – С. 278–281.
- Лушиников Д.А.* Организованные правительством неправительственные организации (GONGO): генезис проблематики, интерпретация и функции // Политические исследования. – 2019. – № 2. – С. 137–148. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.10>
- Марченкова Л.М., Самородова Е.М.* Международные организации и их роль в современной мировой экономике и политике // Актуальные проблемы международных отношений в условиях формирования мультиполярного мира: сборник научных статей 9-й Международной научно-практической конференции, Курск, 15 декабря 2020 года / под редакцией В.М. Кузьмина. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. – С. 135–140.
- Матвеевская А.С., Погодин С.Н.* Роль неправительственных организаций Евросоюза и ЕАЭС в интеграции трудовых мигрантов // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 2(105). – С. 103–105.
- Митрофанов А.В.* Императорское православное Палестинское общество во второй половине XIX в. в России // Государство, право, общество: проблемы взаимодействия (политология, юридические науки, история, религиоведение, социология): сборник статей III Международной научно-практической конференции, Пенза, 28–29 апреля 2016 года / под редакцией Н.Г. Карнишиной. – Пенза: Автономная некоммерческая научно-образовательная организация «Приволжский Дом знаний», 2016. – С. 68–72.
- Москальчук Е.И.* Трансформация функций международных неправительственных организаций // Дискуссия. – 2016 а. – № 1(64). – С. 93–102.
- Москальчук Е.И.* Российские неправительственные организации как субъект международной консалтинговой деятельности : специальность 22.00.05 «Политическая социология»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. – Санкт-Петербург, 2016 б. – 22 с.
- Мусинова И.А., Гракова Ю.В.* Роль неправительственных организаций в решении проблемы «станций утешения» на примере корейского Совета по делам женщин, привлеченных Японией к сексуальному рабству в военное время // Современные востоковедческие исследования. – 2020. – Т. 2. – № 1. – С. 71–79.
- Мысин С.В.* Классификация некоммерческих неправительственных организаций // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 5(109). – С. 344–346.
- Никитин А.И., Болгова И.В., Никитина Ю.А.* Деятельность неправительственных организаций по урегулированию этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве // Quaestio Rossica. – 2020. – Т. 8. – № 2. – С. 428–441. – DOI: <https://doi.org/10.15826/qr.2020.2.472>
- Петровская О.В., Филянова В.Н.* Зарубежные неправительственные некоммерческие и религиозные организации в России. – Москва: Российский ин-т стратегических исслед., 2011. – 375 с.

- Рахимбеков М.М.* Неправительственные организации как субъекты предупреждения религиозного экстремизма в Республике Казахстан // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2018. – № 4(53). – С. 190–197.
- Рустамова Л.Р.* Особенности участия Германии в миротворческих миссиях за рубежом // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 11(162). – С. 63–64. – DOI: <https://doi.org/10.46320/2073-4506-2021-11-162-63-64>
- Рымханова А.Р., Туганбекова К.М., Кикбаева Н.И.* Современное состояние организации образовательного процесса детей с расстройствами аутистического спектра // Международный журнал экспериментального образования. – 2021. – № 3. – С. 71–75. – DOI: <https://doi.org/10.17513/mjeo.12044>
- Симонов К.В.* Коррупционные скандалы в ФИФА и влияние ближневосточных авторитарий // Физическая культура, спорт и здоровье в современном обществе : сборник научных статей Международной научно-практической конференции, Воронеж, 07–08 октября 2021 года / Воронежский государственный институт физической культуры. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2021. – С. 620–626.
- Смирнова Д.С.* Правительственные и неправительственные организации как субъекты в сфере оказания гуманитарной помощи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12–3(62). – С. 153–155.
- Соболева Ю.В.* Международные и иностранные неправительственные организации как субъекты административно-правовых отношений // Административное право и процесс. – 2017. – № 1. – С. 58–62.
- Стецко Е.В.* Неправительственные организации в странах ЕАЭС: перекресток «мягких сил» // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 1(92). – С. 61–65.
- Хадсон Д.* Развитие неправительственных организаций в России: взгляд из США // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2007. – № 2(75). – С. 5–8.
- Хамитова А.А.* Неправительственные организации как объекты общественного контроля: анализ мирового опыта // Вестник университета Туран. – 2015. – № 4(68). – С. 235–240.
- Хатаев И.Е., Марзоева Т.Х.* Неправительственные организации как субъекты гражданского общества // Современные научные исследования и инновации. – 2015. – № 12(56). – С. 1078–1081.
- Хлызова В.С.* Влияние западных и американских НПО на участие молодежи в политической системе Украины // Youth World Politic. – 2015. – № 3. – С. 9–17.

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

М.И. ТИСЛЕНКО*

**ПОСТНЕОЛИБЕРАЛЬНАЯ МЕЛАНХОЛИЯ
УРБАНИСТОВ: ИЗОБРЕТАЯ ПОЛИТИЧЕСКУЮ
ГЕОГРАФИЮ ГОРОДОВ**

Рецензия на книгу:

Rossi U., Vanolo A. Urban political geographies: A global perspective. – Sage, 2011. – 232 p.

Для цитирования: Тисленко М.И. Постнеолиберальная меланхолия урбанистов: изобретая политическую географию городов (Рецензия) // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 300–310. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.14>

XXI век для научной деятельности ознаменовался поворотом к меж-, мульти-, транс-, кросс-, пост- и даже метадисциплинарности, начатым еще в XX в. [Соколовский, 2016]. Несмотря на различные интерпретации с обоснованиями разницы в подходах, все эти концепты так или иначе описывают диффузию различных отраслей знаний, размывание границ конкретных дисциплин, взаимное обогащение методологических подходов и разработку новых

---

* **Тисленко Мария Игоревна**, научный сотрудник Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований, МГИМО МИД России (Москва, Россия); ассистент кафедры региональной экономики и географии Экономического факультета, Российский университет дружбы народов (Москва, Росси), e-mail: tislenko-mi@rudn.ru

© Тисленко М.И., 2022

DOI: 10.31249/poln/2022.04.14

инструментариев и областей науки. Это явление особенно сильно коснулось социальных наук, в разрезе как экспансии аппарата экономической науки в социологию [Радаев, 2008] и политологию [Олейнов, 2009], так и интереса исследователей социально-гуманитарной направленности в отношении точных наук. Социальные антропологи исследуют инженерное дело и строительство [Ewart, 2011], а ученые-политологи пытаются описать современную систему международных отношений через квантовую теорию [Алексеева, Минеев, Лошкарёв, 2016].

География не стала исключением: генезис политической географии берет свое начало еще в XIX в. [Окунев, 2019], а городские исследования активно стремились к эпистемологической автономии в XX в., пройдя путь от «сияющего града» Д. Уинтропа до «лучезарного города» Ле Корбюзье [Curtis, 1986, p. 65–68]. Тем не менее Альберто Ваноло, специалист в области городского планирования, и Уго Росси, исследователь в сфере социальных наук, предприняли попытку «поженить» пространственные исследования политики и урбанистику в книге «Городские политические географии: глобальное видение», опубликованной в 2011 г. [Rossi, Vanolo, 2011]. Методологической основой для столь амбициозного проекта стал критический подход: авторы анализируют проблемы городского развития и управления через призму социального конструктивизма. Подобный инструмент переосмысления классических дисциплин не является новым для географии: такой раздел, как критическая геополитика, появился в 1980-е годы, а уже к концу 1990-х обрел собственную междисциплинарную программу исследований [Окунев, 2014]. Так в чем состоит замысел авторов, решившихся на конструктивистскую «атаку» на города и политические аспекты их географии?

А. Ваноло и У. Росси ставят себе цель осветить и раскрыть стратегии и тактики городской политики в эпоху глобализации, неолиберализма и постмодерна. Для этого они анализируют политику в следующих плоскостях: политику как представительство, как оспаривание (полемику, диспут) и др. Этот анализ и заложен и в структуре монографии, включающей в себя три соответственно названных главы.

В первой главе под названием «Политика как представительство» авторы рассматривают различные дискурсивные стратегии репрезентации городов от фордистского индустриального к

постфордистскому городу постмодерна, завязанному на информационных потоках. Далее авторы анализируют, как культура и креативность стали важным фактором формирования образов городов и их потенциала, в том числе благодаря концепции «креативного класса» Р. Флориды. Высшей точкой развития городской репрезентации, по мнению итальянских исследователей, стал «глобальный город», т.е. агломерация, вписанная в контексты глобализации и даже претендующая на субъектность в этих контекстах. Для авторов репрезентация города – не просто способ урбанистического брендинга для привлечения туристов и инвесторов; это мощный дискурсивный инструмент политического управления, который имеет перформативный характер. Его перформативность заключается в том, что города становятся ключевыми точками производства и воспроизводства культуры, символов, моды и смыслов, а затем выходят на мировую «сцену», где играют выбранные роли, оказывая воздействие на экономические и культурные практики целых обществ (с. 54). Городские власти берут на вооружение, например, стратегию развития культурных институций; так поступил, например, Бильбао с музеем Пегги Гугенхайм, или Пекин с Олимпийскими играми для стимулирования экономического роста и международного престижа. Первый сюжет даже дал название феномену МакГугенхаймизации, который был обыгран в сериале «Симпсоны» в контексте ребрендинга Спрингфилда, родного города главных героев (с. 26, с. 64–65).

Авторы убеждены, что выбор репрезентаций не только носит характер форсирования экономической активности, но и используется для сокрытия и подавления проблем и контррепрезентаций. Блеск городов арабских стран – экспортеров нефти призван отвлечь от нищеты и угнетенного положения мигрантов из Шри-Ланки, Пакистана и Индии (с. 56).

В целом тема неравенства для А. Ваноло и У. Росси является центральной: по сути, политическая география городов – про отношения имеющих власть и экономические ресурсы и использующих свое влияние для навязывания воли тем, кто благами и статусом не обладает. В рамках первой главы при анализе креативного класса и мест его компактного проживания исследователи уделяют много внимания тому, что такие сообщества эксклюзивны и ориентированы на лиц с относительно высокими доходами (с. 75). Креативные города – это агломерации, в которых комфорт-

ные условия жизни компенсируются ее высокой стоимостью, рынок недвижимости сталкивается с джентрификацией, а этнические меньшинства вынуждены поступиться своим культурным бэкграундом ради успеха в большом городе.

Еще одной интересной темой, затрагиваемой авторами, является критический анализ устойчивого развития (с. 46–48). По мнению итальянских исследователей, концепция стала неолиберальным ответом на поляризующую общество тему экологического кризиса. Таким образом, «зеленые» инвестиции, энергетический переход к ВИЭ и поддержка производства электромобилей – это «успокоительное», используемое городскими управленцами от тревожности по поводу экологических проблем, но не устраняющее причину.

Вторая глава посвящена политике как правительству (*government*), и отсылает к идеям родоначальника «радикальной географии» Дэвиду Харви, проводившему разграничение между правительством (*government*) и управлением (*governance*) городами. Первое отсылает к иерархическому и менеджеральному стилю управления, основанному на примате общественного сектора и направленному на перераспределение городской выручки через предоставление услуг фирмам и домохозяйствам (с. 101). В управлении как *governance* важную роль играет децентрализация процедур менеджмента в контексте снижения институциональных полномочий общественного сектора, повышения важности государственно-частного партнерства и соответствующего принятия решений по итогу переговоров [Harvey, 1989]. Таким образом, хотя Д. Харви отмечает сдвиг от первого типа городского менеджмента ко второму, сами исследователи фокусируются на концепции правительства и рассматривают ее с двух сторон: экономики и насилия.

С точки зрения экономики господствующей концепцией, обладающей наибольшим объяснительным потенциалом происходящего в городах, является неолиберализм (с. 72). А. Ваноло и У. Росси анализируют, как и в первой главе, эволюцию политэкономии города от кейнсианского периода, породившего в 1960-е годы кризис городов (большие дефициты городских бюджетов), к неолиберальному капиталистическому. Под неолиберализмом итальянские исследователи понимают политический инструментарий, поощряющий количественную, географическую, а также ка-

чественную экспансию рыночной экономики (через коммодификацию аспектов, ранее не бывших товарами или услугами) (с. 72). Для объяснения перехода к современной городской экономике авторы используют теоретическое наследие Мануэля Кастанельса, определившего потребление в качестве основной функции города, и уже упомянутого Д. Харви, обратившего внимание на важность земли и недвижимости как маркера экономического роста (с. 76). В итоге города с 1980-х на волне рейганизма и тэтчеризма стали восприниматься как «машины роста» и вышли на обозначенную выше «сцену» глобализации (с. 81). Возникает противоречие между городами и их регионами, которое может быть разрешено через формирование мегалополиса. По мнению авторов, это привело к детерриториализации городов и появлению феномена глокализации (с. 85), когда географические масштабы перестали быть пространственными контейнерами и стали динамическими социопро-странственными структурами. Какие это имело последствия для глобальных Севера и Юга?

Для развивающихся экономик неолиберальный поворот принес дальнейшее обеднение через Вашингтонский консенсус как пакет экономических мер, направленный на приватизацию и сокращение общественных расходов. В городах глобального Юга расцвели теневая экономика и «экономика лавок», уровень жизни упал, а горожанам пришлось находить новые форматы общности и использования скудных ресурсов, например коммунальное засаживание огородов в городской черте (с. 87). В итоге основными бенефициарами продвижения неолиберальных капиталистических порядков стали глобальные экономические элиты условного Запада в части получения доступа к дешевой рабочей силе и природным ресурсам. Однако авторы отнюдь не наивны в своем отношении к Западу, частью которого они все-таки являются. Для авторов влияние неолиберальной экономики на города Европы и Северной Америки разнонаправленно и противоречиво: с одной стороны, правительства и менеджеры на Западе также следовали ортодоксальным истинам рыночной экономической теории в части одержимости бюджетной дисциплиной и снижением общественных расходов (с. 91). С другой стороны, города как машины роста получали пакеты мер поддержки в рамках развития особых территорий или районов улучшения бизнеса. Таким образом, территориальное развитие стало мыслиться в категориях «бустеризма», или

мегапроектов, отнюдь не всегда приводящих к желаемым результатам (с. 95), а сами городские власти пытались быть предпринимателями больше чем политиками, мысля социально-пространственные отношения в категориях коммодификации.

Помимо капиталистических порядков, итальянские исследователи уделяют во второй главе особое внимание институционализированному насилию как инструменту, включающему в себя распространение «политики страха», навязывание постоянного наблюдения за горожанами, различные дисциплинарные практики. Политика страха понимается как манипулятивная стратегия, возникшая из-за того, что современному человеку постмодерна не хватает адекватных ответов на вечную загадку простой случайности (с. 108). Однако если до этого на такие вопросы отвечали религия или идеология, то новыми «опиумами для народа» стали политика безопасности (контртерроризм) и движение в защиту окружающей среды (энвайронментализм). Глобализации политики страха способствовали религиозный фундаментализм на Ближнем Востоке и рост преступности на постсоветском пространстве. Реакцией на рост криминальных, да и просто анархических / контрэлитных настроений стала, среди прочего, политика «нулевой толерантности», хорошо описанная на примере Нью-Йорка, когда его мэром был Рудольфо Джулиани с 1994 по 2001 г. (с. 112). Руководствуясь концепцией «разбитых окон», власти не только усиливают надзор и ужесточают наказания, но и вовлекают горожан в дисциплинарные политики, взращивая в них потребность в бдительности. Это усугубляет маргинализированное положение угнетенных групп, которые начинают обороняться в ответ, а также способствует пространственной сегрегации сообществ. Двойная угроза – нормализация насилия и уничтожение демократии – характеризует города не только в зоне военных конфликтов, но оказывается невидимой и вшитой в техники городского планирования, процессы городской регенерации и политику безопасности.

Третья глава сосредоточена на политике как диспуте или споре по поводу городских справедливости и гражданства.

В рамках анализа городской справедливости авторы рассматривают концепции общей справедливости Д. Ролза, А.М. Янг, а также Д. Харви. Для итальянских исследователей города на фоне поиска справедливости становятся точками, в которых справедливость возможна в большей степени, чем в сельских территориях,

что связано с простотой организации социального движения за права какой-то группы или меньшинства благодаря компактности и динамизму городской среды. От права на различие (с. 136) А. Ваноло и У. Росси переходят к «праву на город» А. Лефевра (с. 138) – концепции, ставшей популярной среди урбанистов через 20 лет после ее появления. Авторы подчеркивают, что теоретическое новаторство А. Лефевра состоит в выделении городских жителей отдельно от горожан (в нее включаются приезжие лица – мы бы сейчас назвали эту когорту «пользователи» города). Кроме того, благодаря жителям города произошел поворот в сторону превосходства «потребительной стоимости» над «меновой стоимостью» городских пространств: «...создание городского пространства подразумевает не просто изменение структуры города, но и формирование более широких, многомерных социально-пространственных отношений. Например, локализация промышленного предприятия или инфраструктуры мобилизует разнообразный набор социально-пространственных отношений, связанных с материальными, социальными и символическими факторами, что в целом составляет “политическое” измерение городского процесса» (с. 139).

Тем не менее, несмотря на демократический потенциал города как точки объединения масс, авторы отнюдь не считают, что за этим следуют демократизация и торжество справедливости. На фоне глобализации и неолиберального капитализма происходит дальнейшая детерриториализация городской политики, так как на решения в области городского управления все больше влияют акторы, территориально не связанные с данным пространством (ТНК, девелоперские компании, наднациональные органы власти, например в ЕС). И хотя города исторически были локусами формирования низовых движений и протестов, город, давая право на различия, дает право и на анонимность и неучастие. Кроме того, кливаж между зажиточными привилегированными и бедными угнетенными слоями городских жителей сохраняется, и авторы приводят убедительный пример по разнице в темпах восстановления районов Нового Орлеана после урагана «Катрина» в 2005 г.: в то время как наиболее затронутые разрушениями «черные» кварталы отстраивались медленно, менее разрушенные «белые» кварталы получали больше поддержки в рамках программ восстановления (с. 152).

Далее авторы рассматривают категорию городского гражданства: на фоне кризиса национального гражданства итальянские исследователи фокусируются на двух категориях – международных мигрантах и сексуальных меньшинствах. Авторы выдвигают тезис: городское гражданство привлекательно как идея, хотя и утопичная: за симпатиями к ней скрываются вера в город как пространство диалога и демократического воображения, выходящего за пределы представительных институтов (с. 160). Они развивают идеи А. Лефевра о праве на город не только в смысле обеспечения общественных услуг (жилье, здравоохранение, транспорт), но в смысле признания субъектности «других» в лице этнических и сексуальных меньшинств, а также в смысле права присутствовать в городе и определять конфигурацию городских пространств и отношений (с. 162). И хотя существуют контртенденции, например в части ужесточения миграционного законодательства, политика мультикультурализма способствует институциональному участию «других». В качестве позитивного примера авторы приводят участие горожан арабского происхождения в Хайфе и Тель-Авиве, в качестве негативного – маргинализированное положение курдских женщин в Стамбуле, в частности в вопросах получения образования.

К каким основным выводам приходят авторы? Для авторов города – это и активные агенты, и жертвы текущей экономической и политической турбулентности (с. 180). Так как книга была опубликована в 2011 г., еще свежи были воспоминания о мировом финансовом кризисе 2008 г., начавшемся с кризиса ипотечного кредитования, а ипотеки выдавали на городскую недвижимость. Городские управленцы на фоне этого находятся в «постнеолиберальной меланхолии», причиной которой является несправедливость капиталистического порядка и репрессивные государственные меры против девиантных «других». Путь к преодолению меланхолии авторы все-таки видят в городских социальных движениях: только через формирование чувства коммунального и сопричастности к страждущим и бесправным можно преодолеть существующие ограничения экономического роста и неэффективность производства и распределения благ.

Если оценивать монографию А. Ваноло и У. Росси в целом, можно выделить целый ряд достоинств и недостатков. К достоинствам можно отнести следующее.

• Когда авторы рассматривают ту или иную проблему, они не ограничиваются конвенциональными западными теориями, а используют концептуальные инструменты, предложенные немейнстримными теоретиками, такими как А. Онг, Дж. Тоал, Дж. Фергюсон. Аналогично и с примерами – города в аргументах и доказательствах А. Ваноло и У. Росси рассредоточены по всему миру от Латинской Америки до Юго-Восточной Азии.

• Итальянские исследователи поднимают вопросы, которые и на сегодняшний день являются актуальными для политической науки и городского управления: на фоне процессов цифровой трансформации и усиления контроля над личной жизнью горожан проблемы сдержек и противовесов правительств и корпораций приобретают дополнительное значение. Не менее примечательным является избличение устойчивого развития как дискурсивной тактики для смягчения дискуссии об экологическом кризисе.

• Книга имеет четкую структуру и использует примеры из кинематографа: в главах выделены целые блоки, посвященные отдельным фильмам, сюжет которых рассматривается через призму проблем, освещаемых в главе. Это делает монографию готовым учебно-методическим пособием, которое будет интересно использовать как преподавателям, так и студентам и аспирантам в освоении дисциплин, связанных с городскими исследованиями.

Тем не менее у рассматриваемого издания можно выделить следующие недостатки:

• Остается дискуссионным вопрос, как много осталось собственно «географического» в «Городских политических географиях»: города и территории вообще все-таки остаются «театральными подмостками» постмодернистского, глобализационного и неолиберального спектакля, критически анализируемого авторами. Пространство не оказывает существенного влияния на изобретаемые стратегии и тактики. Также почти не проводится различий, как одни и те же институциональные приемы по-разному отразились в разных пространственных рамках, помимо дихотомии глобальных Севера и Юга.

• Концепция авторов, будучи типичной в ряду критических теорий, пронизана меланхолией в отношении возможности социальной и пространственной справедливости, а также скептицизмом, если не пессимизмом в отношении капиталистического порядка. Тем не менее А. Ваноло и У. Росси не дают альтернативного виде-

ния того, как управлять разумно. Видя потенциальный выход в коммуитаристских движениях, итальянские исследователи не спешат анализировать противоречивый опыт социальных движений и теории сообществ, которая не стала панацеей от городских и национальных проблем.

Итак, книга «Городские политические географии: глобальное видение» А. Ваноло и У. Росси стала полноценной попыткой обозначить новое междисциплинарное поле политического, экономического и социального в пространственном локусе городов, которая, возможно не в полной мере, могла претендовать в 2011 г. на то, чтобы стать всеобъемлющей, но совершенно точно внесла вклад в политэкономический анализ городов как субъектов и объектов глобального капиталистического порядка.

M.I. Tislenko*

**Post-neoliberal urbanist melancholia:
reinventing the political geography of cities (Review)**

For citation: Tislenko M.I. Post-neoliberal urbanist melancholy: reinventing the political geography of cities (Review). *Political Science (RU)*. 2022, N 4, P. 300–310. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.14>

References

- Alekseeva T.A., Mineyev A.P., Loshkariov I.D. «Land of confusion»: quantum physics in ir theory? *MGIMO review of international relations*. 2016, N 3 (48), P. 7–16. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-3-48-7-16> (In Russ.)
- Curtis W.J.R. *Le Corbusier: ideas and forms*. London: Phaidon, 1986, 240 p.
- Ewart I. *An anthropology of engineering: PhD Thesis*. University of Oxford, 2011, 263 p. Mode of access: https://ora.ox.ac.uk/catalog/uuid:69c42210-e6c0-49c7-bec2-4a27f2e9903c/download_file?file_format=application%2Fpdf&safe_filename=THE_SIS01 (accessed 30.05.2022).
- Harvey D. From managerialism to entrepreneurialism: the transformation in urban governance in late capitalism. *Geografiska Annaler: series B, human geography*. 1989, Vol. 71, N 1, P. 3–17.

---

* **Tislenko Maria**, Moscow State Institute of International Relations; RUDN University (Moscow, Russia), e-mail: tislenko-mi@rudn.ru

- Oleynov A.G. Political process as studied through the prism of the economic science: the complex approach. *Polis. Political Studies*. 2009, N 4, P. 53–71. (In Russ.)
- Okunev I.Y. Critical geopolitics and post-critical shift in geopolitical research paradigm. *Comparative politics*. 2014, N 4 (17), P. 6–14. (In Russ.)
- Okunev I.Y. *Political geography*. Moscow: Aspect-Press, 2019, 512 p. (In Russ.)
- Radaev V.V. Economic imperialists attack. What should be done by sociologists? *Economic Sociology*. 2008, Vol. 9, N 3, P. 25–32. (In Russ.)
- Rossi U., Vanolo A. *Urban political geographies: a global perspective*. London: Sage, 2011, 232 p.
- Sokolovskiy S.V. The future of anthropology: cross-, inter-, multi-, trans-, a- or post-disciplinarity? *Siberian historical research*. 2016, N 4, P. 12–29. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарёв И.Д. «Земля смятения»: квантовая теория в международных отношениях? // Вестник МГИМО Университета. – 2016. – № 3 (48). – С. 7–16. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-3-48-7-16>
- Окунев И.Ю. Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики // Сравнительная политика. – 2014. – № 4 (17). – С. 6–14.
- Окунев И.Ю. Политическая география. – М.: Аспект-Пресс, 2019. – 512 с.
- Олейнов А.Г. Политический процесс сквозь призму экономической науки: комплексный подход // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 4. – С. 53–71.
- Радаев В.В. Экономические империалисты наступают! Что делать социологам // Экономическая социология. – 2008. – Т. 9, № 3. – С. 25–32.
- Сokolovskiy С.В. Будущее антропологии: кросс-, интер-, мульти-, транс-, а- или постдисциплинарность? // Сибирские исторические исследования. – 2016. – № 4. – С. 12–29.

С.Л. БАРИНОВ*

**ХРЕСТОМАТИЯ ПО РОССИЙСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В XXI ВЕКЕ**

Рецензия на книгу:

**Политическая география: современная российская школа:
Хрестоматия. Сост. И.Ю. Окунев, М.Н. Шестакова. – М.:
Издательство «Аспект Пресс», 2022. – 544 с.**

Для цитирования: Баринов С.Л. Хрестоматия по российской политической географии в XXI веке (Рецензия) // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 311–316. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.15>

Хрестоматия «Политическая география: современная российская школа» [Политическая география ... , 2022] представляет собой интереснейший обзор академических трендов, в рамках которых развивалась отечественная политико-географическая мысль в прошедшие два десятилетия XXI в. Его составители – И.Ю. Окунев и М.Н. Шестакова – работают в МГИМО, где в последние годы наметилась тенденция к формированию самобытной учебно-методической школы преподавания политической географии. Представленная на суд читателя хрестоматия гармонично со-

---

* **Баринов Сергей Леонидович**, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института международных исследований, МГИМО МИД России (Москва, Россия), e-mail: s.barinov@inno.mgimo.ru

чается с содержанием учебника МГИМО по данной дисциплине и удачно его развивает [Окунев, 2019].

Сама возможность составления такой хрестоматии говорит об активности академической дискуссии в политической географии. Отчасти этот тезис полемизирует с первой статьей хрестоматии за авторством И.М. Бусыгиной – и это противопоставление дает повод для сдержанного оптимизма. Представляется, что инкапсулированность политологической науки, которую отмечает исследователь, спустя 20 лет после выхода ее текста снизилась хотя бы за счет активизации дискурса в таком междисциплинарном направлении, как политическая география. В этом смысле выход хрестоматии является весьма своевременным.

Чему посвящен этот дискурс? Из содержания представленной хрестоматии мы можем сделать вывод о том, что в российском академическом сообществе он охватывает все уровни политического пространства: уровни глобальных геополитических систем, межгосударственных интеграционных объединений, государств, зависимых территорий, внутренней структуры государства вплоть до муниципального уровня и, наконец, специфических территорий внутри государства, таких как столицы и приграничные территории. Отдельные главы посвящены двум важным аспектам пространственного поведения людей в политической сфере: выборам (глава 10) и идентичности (глава 12).

Важной ценностью представленной хрестоматии является предоставленная читателю возможность освоить, пройдя по ссылкам из включенных в нее статей, пространство политико-географического дискурса, многократно превосходящее номинальный объем самой хрестоматии. Разумеется, ни у кого не возникает мысли, что пространство российской академической мысли по поводу объекта «государство» за четверть века ограничивается только четырьмя авторами. Однако через отсылки в трех представленных публикациях легко ознакомиться и с трудами Д.В. Заяца, Ф.А. Попова, А.Ю. Мельвиля и др. Более того, благодаря усилиям М.В. Ильина, В.А. Колосова, А.Б. Себенцова, Е.Ю. Винокурова по систематизации зарубежных теоретических конструктов о государстве (многообразие которых существенно превышает набор отечественных аналогов) читателю становится доступен широчайший спектр – от трудов античных классиков до фундаментальной работы Скинера, публикаций плеяды авторов из Принстона, текстов лауреата Пу-

литцеровской премии Г. Маттингли, прогнозов будущего развития феномена государства Коломера и многочисленных страновых исследований: работ Джексона и Линдберга по Африке, трудов китайских и корейских авторов.

Хрестоматия удачно структурирована, что позволяет быстро в ней ориентироваться – важное достоинство для этого вида публикации. Центральное место в хрестоматии занимают главы, посвященные исследованиям, объектом которых является государство: как феномен, его состав, ключевые и специфические элементы – столица, приграничные и откалывающиеся территории – и особенности их развития. Поскольку из всех объектов изучения политической географии государство является одновременно и самым изученным, и самым сложным – в известном смысле ядерным – его примат в объеме хрестоматии не вызывает удивления. Самыми наполненными в этой части книги выглядят главы 4, 8 и 9.

Изучению феномена приграничности (глава 9) и связанных с ним аспектов интеграции (здесь есть очевидная экспозиция пострадавшей 3 главы) российские ученые (в первую очередь географы, включая и автора этих строк) уделили массу внимания. Тому были объективные причины: наши исследования проходили в период между двумя железными занавесами, когда возможности приграничного сотрудничества было интересно изучать и когда на эти исследования был большой спрос со стороны политиков.

Примерно на десятилетие позже в России стартовало активное изучение феномена столичности (глава 8), чему также были как минимум две вполне объективные предпосылки: нарастающая централизация политических, экономических и социальных процессов в России и рост интереса в международной исследовательской повестке к теме глобальных городов. И если перспективы изучения приграничного сотрудничества в России сегодня стали туманны, то тема столичности едва ли станет менее актуальной в ближайшие годы. Данный раздел хрестоматии, стоит отметить, был бы существенно полнее, если бы составители разрешили себе включать в нее публикации собственного авторства, так как И.Ю. Окунев является одним из ведущих российских исследователей феномена столичности.

Вторая часть отзыва традиционно посвящена дефициту представленного труда. В данном случае все они, на мой взгляд, являются скорее отражением трудностей политико-географического

дискурса в России, чем субъективными недоработками составителей. Обращают на себя внимание «бедность» глав 3, 6 и 7: в них всего по две статьи. Представляется, что причины такой «бедности» в трех случаях различны.

Интеграционная повестка (глава 3) в России в первой четверти XXI в. была невероятно популярна. Однако при огромном количестве частных исследований конкретных интеграционных проектов, обильно публиковавшихся отечественными исследователями (включая автора этих строк) в нулевые и десятые годы, число успешных попыток теоретико-методологического и концептуального обобщения этого обилия невелико. Авторы же данной книги еще во введении делают важное замечание о невключении в хрестоматию узких исследований, посвященных конкретным практическим или методическим аспектам освещаемой темы. Преимущества, которые дает такой подход, уже описаны мной выше. Обратная сторона этого подхода проявилась здесь.

Вопросы дробления территории и сепаратизма (глава 6), напротив, в первой четверти XXI в. в России потеряли свою остроту. «Парад суверенитетов» 1990-х годов закончился – и по мере утихания связанных с ним баталий утих и интерес к изучению процессов, которые к нему привели. Отсюда ограниченность повестки шестой главы. История, впрочем, имеет привычку повторяться – тем важнее статьи Ф.А. Попова и Д.В. Заяца, которые эту главу сформировали.

Что касается изучения зависимых территорий, то его ренессанс, вероятно, еще впереди. Зависимые территории традиционного типа, относящиеся к классическому колониальному периоду, в российском общественно-политическом дискурсе принято воспринимать как нечто нам органически чуждое. В Российской империи ведь не было колоний в узком смысле, она была географически компактна. Государства-сателлиты эпохи холодной войны оказываются как бы между двух повесток: зависимых территорий и государств. Кроме того, их изучение тревожит свежие раны бывшей сверхдержавы. Поэтому на «приглашение к дискуссии» на эту тему (пользуясь выражением из названия статьи В.Л. Иноземцева) у нас принято отвечать вежливым отказом. Конфигурация же зависимых территорий нового типа пока только начинает проявляться. То же самое можно сказать и о феномене соперничества государств за общие пространства: его формы еще предстоит изучать. В этом смыс-

ле включение в хрестоматию 7-й главы является скорее маркером перспективной важности данной тематики, чем обзором достижений отечественной науки на этом поприще.

Единственным, что, на мой взгляд, можно назвать упущением авторов, является невключение в главу, посвященную регионам и муниципалитетам (глава 11), публикаций о теории региональной политики. Их в первой четверти XXI в. выпускала целая плеяда отечественных географов, экономистов и политологов – достаточно вспомнить О.В. Кузнецову, Н.В. Зубаревич, В.В. Климанова, Л.В. Смирнягина, Р.Ф. Туровского. Безусловно, эта тема широка, и уместить все ее теоретико-методологические фреймы, фигурировавшие в российской академической литературе первой четверти XXI в., в одной главе проблематично. Однако это оправдание справедливо и для других разделов хрестоматии: например, для электоральной географии или для геополитики. Это, однако, не помешало авторам включить соответствующие разделы повестки в хрестоматию.

Представленный обзор дефицитов носит характер скорее благопожеланий, чем серьезной критики. Очевидно, что никакая хрестоматия не получается исчерпывающей. А с заявленной в аннотации и введении задачей – отразить развитие отечественной школы политической географии в первой четверти XXI в. – представленная подборка безусловно справляется. Более того – здесь я позволю себе вернуться к тезису уже озвученному – дефициты данной хрестоматии не менее репрезентативны, чем ее достоинства. По ней хорошо видны сферы политико-географических исследований, которые оказались хорошо проработаны отечественными учеными в первой четверти XXI в., – это например геополитика, приграничность, столичность, проблемы АТД. Но также по ней заметны и те сферы, которые занимают важное место в мировом политико-географическом дискурсе, но остались в тени у нас – например, внутренняя структура и устойчивость государства, проблемы сепаратизма, непризнанных и частично признанных государств, территорий с международным статусом. В данной хрестоматии эти вопросы, с одной стороны, обозначены, а с другой – их фрагментарность наглядно показывает состояние отечественной научной мысли по данным вопросам в обозреваемый период. В этом смысле составители хрестоматии оказались настолько объективны, насколько это позволяет академическая этика, за что

им честь и хвала. А читателям – приятного (и весьма обогащающего) времяпрепровождения.

S.L. Barinov*

**Chrestomathy for Russian political geography in 21st century
(Review)**

For citation: Barinov S.L. Chrestomathy for Russian political geography in 21st century (Review). *Political science (RU)*. 2022, N 4, P. 311–316. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.15>

References

Political geography: modern Russian school: chrestomathy. Compiled by: Okunev I.Y., Shestakova M.N. Moscow: Aspect Press, 2022, 544 p. (In Russ.)
Okunev I.Y. *Political geography: textbook*. Moscow: Aspect Press, 2021, 512 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

Политическая география: современная российская школа: хрестоматия / сост. И.Ю. Окунев, М.Н. Шестакова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. – 544 с.
Окунев И.Ю. Политическая география: учебник. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – 512 с.

---

* **Barinov Sergei**, MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: s.barinov@inno.mgimo.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Политическая наука» – одно из ведущих периодических изданий по политологии в России, известное и среди зарубежных исследователей, владеющих русским языком. «Политическая наука» как периодическое издание существует с 1997 г.

«Политическая наука» имеет отчетливо выраженный тематический профиль, который отличает ее от других журналов по политическим наукам. Прежде всего, это ориентация на состояние политической науки и ее отдельных направлений, обзор и анализ современных научных достижений. Центральное место среди публикаций занимают статьи и иные материалы методологического характера, имеющие особую важность для развития научных исследований. Особенностью журнала является систематическое использование жанров информационного и информационно-аналитического характера (рефератов, реферативных обзоров, рецензий и др.), представление других научных журналов, исследовательских центров и проектов.

К публикации принимаются научные статьи, обзоры, рефераты, рецензии, переводы. Тексты предоставляются в электронном виде по адресу: politnauka@inion.ru; politnauka1997@gmail.com (просим направлять материалы на оба адреса) в форматах .doc или .rtf.

Основные требования к рукописям:

Кегль – 14, межстрочный интервал – 1,5.

Объем – 30–40 тыс. знаков (включая пробелы) для статей и 16–24 тыс. знаков для рецензий на книги.

Графики и диаграммы должны дублироваться в файлах формата .xls, .xlsx (чтобы сделать возможным их дальнейшее редактирование).

Рисунки и схемы желательно создавать в форматах .ppt, .pptx или .jpg. Соответствующие файлы также прилагаются к рукописи.

Текст, таблицы, диаграммы, графики, рисунки и схемы должны быть выполнены исключительно в черно-белой графике.

С целью соблюдения авторских прав заимствованные из других изданий элементы (рисунки, схемы, графики, таблицы и пр.) должны сопровождаться ссылками на первоисточники.

Ссылки на литературу внутри текста даются в квадратных скобках с указанием фамилии автора, года публикации и страниц. Материалы могут иметь постраничные сноски.

В конце текста приводится список литературы и источников – в алфавитном порядке без нумерации; сначала русские источники, потом иностранные. При этом необходимо соблюдать требования библиографического оформления, принятые в ИНИОН РАН, и правила, установленные Национальным стандартом РФ (ГОСТ Р 7.0.5–2008).

К рукописям прилагаются аннотации на русском и английском языках (от 200 слов).

В полном объеме приводятся фамилия, имя и отчество автора, место его работы, должность и контактная информация.

Решение о публикации рукописи принимается на основе отзыва рецензентов. **Плата за публикацию не взимается.**

INFORMATION FOR THE AUTHORS

Political Science (RU) is one of the leading Russian periodicals in the field of the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers.

The specifics of Political Science (RU) is its thematic profile. The main focus of its interests is the state of political science and its particular areas, as well as the analysis of modern achievements in the field of the political science. The central place among its publications belongs to articles of a methodological nature. The journal also systematically publishes review articles, review essays, book reviews and, abstract reviews, introduces and recommends other academic journals, research centers, research projects.

«Political Science (RU)» accepts manuscripts of the following genres: research articles, review articles, review essays, book reviews,

abstracts, translations. Authors are invited to submit articles through e-mail politnauka@inion.ru and politnauka1997@gmail.com.

Manuscripts should be printed in Microsoft Word or RTF format, in standard 14-point type with 1.5 lines spacing. The maximum length is 5,400 words for article and 3,200 words for book reviews.

Charts and diagrams should be duplicated in.xls or.xlsx format in order to enable further editing.

Pictures and schemes should be duplicated in.ppt., pptx, or JPEG format. Texts, tables, charts, diagrams, and pictures must be executed in black-and-white. Pictures, diagrams, charts, tables and other elements taken from other publications must not violate the copyright law and should be accompanied by citations to the primary sources.

A list of references should be placed at the end of the manuscript. The sources should be listed in alphabetical order without numbering, first Russian sources, then the foreign ones. References should follow the rules of the Institute of Scientific Information for Social Sciences and the bibliographical standard of the Russian Federation (GOST R 7.0.5–2008). Citations in the text should be enclosed in square brackets and must include the name of the author (s), the year of the publication, and the number of pages. Footnotes with text comments are also possible.

A manuscript should be accompanied by the annotation in Russian and English, no longer than 200 words. Authors must provide their full name, the place of work, position and contacts.

All articles are subject to anonymous peer review by scholars in the relevant field. An article can be accepted, sent to the author for revision and resubmission, or rejected. **The publication is free of charge.**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

Адрес редколлегии:
117997, г. Москва, ул. Кржижановского, 15, ИНИОН РАН,
Отдел политической науки,
e-mail: politnauka@inion.ru

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование и
компьютерная верстка Л.Н. Синякова
Корректоры Д.Г. Валикова, М.П. Крыжановская

**Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.**
Свидетельство Роскомнадзора о регистрации СМИ: ПИ №ФС77–36084
Дата регистрации 28.04.2009

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953. П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 25 / XI – 2022 г.
Формат 60 x84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 18,4 Уч.-изд. л. 16,7
Тираж 500 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 64

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru**

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
В ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88 литера У